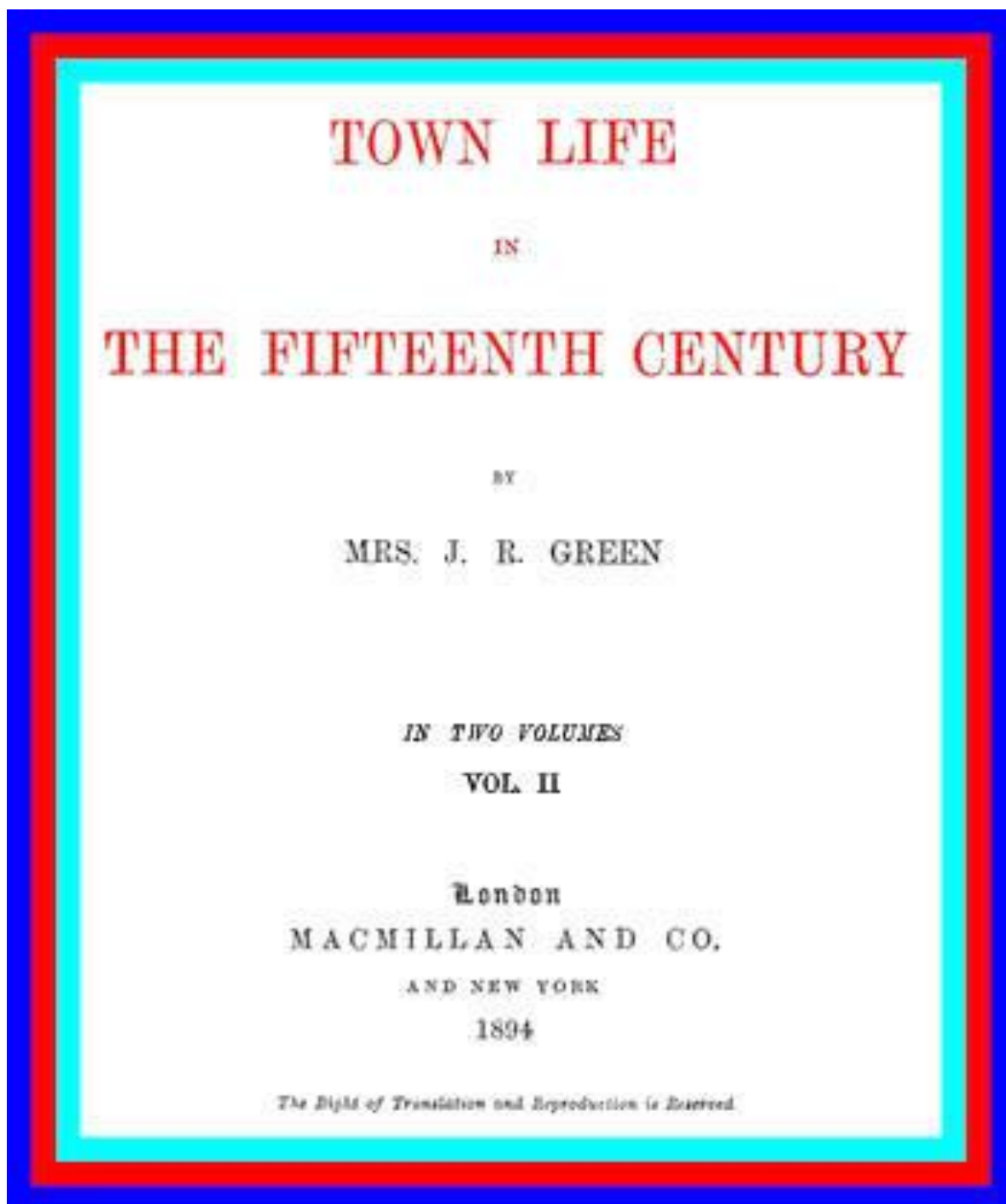

Городская жизнь в пятнадцатом веке, том 2 (из 2)

Элис Стопфорд Грин

The Project Gutenberg eBook of Town Life in the Fifteenth Century, Volume 2 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Городская жизнь в пятнадцатом веке, том 2 (из 2)

Автор: Элис Стопфорд Грин

Дата выхода: 2 апреля 2016 [eBook #51637]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джованни Фини, MWS и Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ, ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

VOL. II

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

BY MRS. ДЖ. Р. ГРИН

В ДВУХ ТОМАХ

VOL. II

Лондон

МАКМИЛЛАН И КО.

И НЬЮ-ЙОРК

1894

Право на перевод и воспроизведение сохраняется

Ричард Клей и сыновья, Лимитед,
лондон и бангей.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I.

СТРАНИЦА

ГОРОДСКИЕ НРАВЫ 1

ГЛАВА II.

ГОРОДСКОЙ РЫНОК 24

ГЛАВА III.

ГОРОДСКОЙ ТОРГОВЕЦ 57

ГЛАВА IV.

РАБОЧИЙ ВОПРОС 86

ГЛАВА V.

РЕМЕСЛА 110

ГЛАВА VI.

РЕМЕСЛА И ГОРОД 134

ГЛАВА VII.

ПОРТНЫЕ ЭКСЕТЕРА 167

ГЛАВА VIII.

КУПЕЦ ГИЛЬДИИ 190

ГЛАВА IX.

ГОРОДСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ 221

ГЛАВА X.

ГОРОДСКАЯ ОЛИГАРХИЯ 240

ГЛАВА XI.

ГОРОДСКОЙ СОВЕТ	269
ГЛАВА XII.	
СОВЕТ САУТГЕМПТОНА	288
ГЛАВА XIII.	
СОВЕТ НОТТИНГЕМА	322
ГЛАВА XIV.	
ОБЩИЙ СОВЕТ В НОРВИЧЕ	360
ГЛАВА XV.	
ОБЩИЙ СОВЕТ ЛИННА	402
ГЛАВА XVI.	
ОБЩИЙ СОВЕТ СЭНДВИЧА	427
ГЛАВА XVII.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	437

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

ГОРОДСКИЕ НРАВЫ

Споры о границах и пределах своей свободы, которые английские боро были вынуждены вести с могущественными организациями, уже обосновавшимися на земле, - с монархией, баронством или церковью - отразили в истории каждого муниципалитета то, что в случае с государствами более крупного масштаба мы называем внешней политикой содружества. Но каковы бы ни были размеры владений, будь то округ или империя, ни одно влияние не способно так сильно повлиять на характер и судьбу сообщества, как характер его внешних связей. Именно в единоличном противостоянии с иностранными державами, будь то превосходящий владыка или коварный соперник, драпировщики и торговцы, кузнецы, мясники и ткачи каждой страны были вынуждены, с патриотизмом, усиленным необходимостью, вмешиваться в государственные дела и заботиться об общественном благе; Их пыл будоражили легенды о древней свободе, а политический инстинкт тренировался в непрерывных дискуссиях о прецедентах и праве; и в напряжении вечных налогов, в тяжелом бремени, налагаемом на народ, чье процветание было новым, неопределенным или переменчивым; прежде всего в усилении некоторых форм узкого муниципального деспотизма, порожденного борьбой с внешней опасностью, они платили цену бодрящей общественной дисциплины.

Но есть и другая сторона истории города, не менее важная и гораздо более сложная, чем вопрос о его внешних связях и политике, - это проблема его собственной природы, духа, которым он был одушевлен, и присущих ему ресурсов корпоративной жизни. В городе вырос новый мир со своей организацией и политикой, полностью отличной от деревенской. Члены общины были вынуждены отказаться от всякой другой верности и от любой защиты со стороны других покровителей. Главным судьей, поставленным над жителями, должен быть

один из их сограждан - "не дальний житель", разве что в случае особой необходимости, например во время войны, и то только "по благоволению содружества".[1] Авантюристы из окрестных поместий и чужаки в поисках удачи были одинаково закрыты; и только когда графский сквайр был готов бросить свой жребий вместе с мещанами, стать хорошим гражданином и честным торговцем и доказать свои заслуги и способности, служа на подчиненных должностях,[2] он мог надеяться подняться до высшей должности. Правда, деревенские жители были рады заплатить двойную цену за то, чтобы иметь прилавки на рынке или кладовую в Общем доме для своей шерсти; а обедневший рыцарь мог приехать в поисках пополнения своего растрченного состояния за счет приданого дочери богатого торговца. Но в остальном город вел свое существование обособленно, в бдительной и ревнивой независимости. Его образ жизни, его манеры, его привычки, цели и интересы, состояние народа, местные торговые теории, которыми он руководствовался при ведении дел, популярные взгляды на гражданство и правительство, под влиянием которых мещане регулировали свою гражданскую политику, - все это необходимо учитывать, если мы хотим получить четкое представление о росте города изнутри.

Образ мыслей и действий нового мира торговцев, лавочников и ремесленников снова живет для нас в совершенно новой литературе, которая впервые возникла в Англии в середине XV века в "Книгах вежливости" и популярных стихах о том, как вести себя в повседневной жизни. Первое английское руководство по этикету появилось около 1430 года. Германия имела свою книгу вежливости более чем за двести лет до этого, свод правил, составленный для знатного общества столь же привередливыми писателями, один из которых сетует, что его перо стало "общим", когда он писал о хозяевах и слугах, и объясняет, что оно никогда не было счастливо, кроме как при описании рыцарей и дам. В Северной Италии подобная книга, составленная в XIII веке, имела совсем другой характер. Там купцы и лавочники городов, нетерпеливые к "новым церемониям", привезенным из-за гор, которые, по их мнению, противоречили всем традициям торговцев Лукки и Флоренции и годились только для вырождающихся неаполитанцев, составили правила в соответствии со своими собственными потребностями и стремлениями. Французы последовали за ними довольно поздно, в конце XIV века; и последним по времени стал английский эксперимент.[3]

Само появление такой книги в это время весьма знаменательно. У дворян уже были свои литературные традиции, переданные из более древнего мира, а рыцари Круглого стола в идеале рыцарского поведения, закреплённом в "Морте д'Артура", все еще служили эталоном социальной добродетели и хорошего поведения для высших слоев общества, к которым мещане не имели никакого отношения. Но новая литература предназначалась для самих горожан, и в каждой строчке она несла отпечаток своего происхождения. Растущее чувство собственного достоинства и самоуважения в среднем классе торговцев и ремесленников пробудило стремление к вежливым манерам, а общение с незнакомцами за границей дало новый стимул социальным амбициям. Англичане, посетившие Фландрию в конце века, были впечатлены не только фламандскими манерами, но и фламандским богатством: "Они умеют вести себя лучше всех и больше всех похожи на джентльменов", - таков был их комментарий.[4] В Англии новое общество, не имея традиций и признанных образцов в прошлом, должно было создать свой собственный стандарт поведения, сформировать свой собственный социальный кодекс, осознать для себя искусство жизни. Составители трудились, не покладая рук, на службе у представителей среднего класса. Одна книга вежливости за другой адаптировалась для вульгарного использования. Правила святого Роберта, доброго епископа Линкольнского, согласно которым "тот, кто будет хорошо соблюдать эти правила, сможет жить на свои средства и содержать себя и тех, кто ему принадлежит", были переведены на английский в краткой форме, после того как в течение

трех столетий носили более придворное одеяние французского или латинского языка.[5] Латинский трактат о манерах был переведен для необучаемых писателем, который молил о помощи в своей работе Того, Кто создал человека по Своему образу и подобию, Марию, Милостивую Мать, и Леди Фацетию, Мать всех добродетелей.[6] Продуманные кодексы морали были облечены в форму А В С.[7] Правильное ведение жизни, особенно в том, что касалось вежливого поведения, излагалось в маленьких песенках, "созданных для детей младшего возраста, в школе, где не задерживаются".[8] Простые наставления в стихах указывали на обязанности девушек, юношей, домохозяек, странствующих молодых людей, ищущих службу. Рифмы самые домашние, с банальными и прозаическими иллюстрациями, взятыми из обычных достопримечательностей рынка, таверны, мастерской или улицы с ее бродячими свиньями и раскачивающимися вывесками; именно в их грубости и простоте заключается их интерес. Между тем политические и сатирические песни, которые были так распространены в предыдущие века, в основном вышли из моды и больше не звучали, так как мещане, пробудив в себе новое самосознание, стали на некоторое время озабочены более близкими делами.

Эти фрагменты старой речи и песен ведут нас в самую гущу переулков и мастерских средневекового города. Они напоминают нам о бесчисленных политических и социальных проблемах, среди которых торговец медленно пробивался наверх, и которые наложили глубокий отпечаток на его характер и взгляды на жизнь. Пронизывающая подозрительность, недоверчивая осторожность - ноты многих песен. Грубые пословицы повседневной речи, звенящие рифмы мудрых советов - все они носят глубокий отпечаток узкого благоразумия людей, оказавшихся среди ям, перед которыми постоянно стояла опасность, будь то в зале совета, в таверне или за обеденным столом друга, и среди которых болтовня и болтовня на языке считались невыразимой неосмотрительностью.[9] Они представляют себе жизнь беспокойную и трудную, чье признанное состояние - это труд, не знающий отдыха и конца, лишения, переносимые с беспрекословной стойкостью, - жизнь, в которой скромный достаток, семейная привязанность и семейное благополучие лучше всего обеспечиваются наличием одной крыши, одной входной двери, одного огня и одного обеденного стола, а "черный ход" рассматривается как излишество, которое может довести любое хозяйство до разорения. После того как человек жил тяжело и работал, он все еще нуждался в постоянно повторяющемся предостережении от горькой зависти к процветанию удачливого торговца по соседству. Пределы его амбиций и его долга ограничены жесткими рамками, а стандарт поведения - это стандарт, разработанный для трудолюбивого среднего класса, с его откровенной серьезностью, его твердой моралью, его активностью, прямоотой и независимостью, его тупостью, бдительностью и бережливостью. Долг хороших людей - хорошо нанимать своих людей на работу, тщательно следить за домом, уверенно и быстро справляться с любой тяжелой работой, регулярно платить зарплату, давать истинный вес, всегда помнить, что "одолженная вещь должна идти домой". Они не должны подражать в одежде своим хозяевам, а только

"Будь чист, как мука, взятая из отрубей.
Во всей одежде твоей и во всем убранстве твоём".

С тем, кого "ты знаешь в большем состоянии", не должно быть легкого общения, не следует обедать, заключать пари или играть в кости; прежде всего не следует проявлять излишнюю "кротость" или раболепие, "ибо иначе тебе скажут, что ты дурак".[10] Практическая религия добавляет свои простые обязательства.[11] Люди должны платить десятину, подавать бедным, быть сильными и стойкими против дьявола. Молитва по пробуждении, ежедневная месса перед началом рабочего дня, обязанности по самоконтролю и покорности - все это

должно быть в памяти. Для торговца действительно путь добродетели был узким и прямым. Три смерти угрожающе стоят перед ним. Первая - обычная смерть, простое разделение души и тела.

"Другая смерть - смерть от позора,
Если он умрет в долгах или в злой славе";
Третья смерть, как утверждают клерки,
Если нет у него добрых дел".[12]

Но бок о бок с указаниями о милосердии, истине и исполнении закона идут другие предупреждения - о разделке мяса, нарезке хлеба и разделке сыра, о формальной и достойной осанке, о том, как ходить, стоять и преклонять колени, как входить в дом или приветствовать друга на улице, - и все это тщательно и кропотливо оформлено в рифму. В новом понимании меняющихся обычаев, моды, которая приходила и уходила вместе с революциями в обществе, [13] обучение, размышления и сознательные усилия были призваны заменить простоту старых неизменных форм. Манеры стали предметом серьезного беспокойства. Отбросив массу традиций, передававшихся из века в век, когда каждый обычай был освящен обычаем и определял вековыми законами отношения класса к классу, бюргеры, наряду с профессиональными и средними классами по всему королевству, стремились к реализации нового общественного порядка, в котором люди больше не были обязаны, как раньше, проходить через двери церкви, чтобы найти путь к социальному прогрессу, но могли достичь его по общей высокой дороге светского предпринимательства. Представление о ценности отдельного человека было не менее важным, чем та домашняя и практическая форма, в которую оно облекалось в их грубом и необученном выражении. Никому, просто заявляли они, не нужно стыдиться, в каком бы низком положении он ни находился, ибо

"В зале или в палате, или где угодно,
Воспитание и хорошие манеры делают человека".

Поэтому, в каком бы обществе он ни оказался, самый скромный гражданин должен так организовать свое поведение, чтобы, выходя из-за стола, люди говорили: "Здесь был джентльмен".[14] Практическая божественность простых людей легко вписывала любезность внешнего поведения в сферу религии, а "клерки, знающие семь искусств" объясняли

"Эта любезность пришла с небес.
Когда Гавриил нашу Госпожу приветствовал
И Елизавету с Марией встретил".[15]

Поскольку "все добродетели замыкаются на вежливости, а все пороки - на грубости", лучшая молитва, которую можно было вознести, - это быть хорошо воспитанным, поскольку достоинства прекрасного поведения простираются так далеко, как только может простирается мысль.

"В учтивости Он сделал тебя таким знатоком,
чтобы благодаря вашему воспитанию и управлению
Он сам сможет продвинуться к долгому блаженству".

Эти книги о вежливости показывают нам одну сторону больших перемен, произошедших в обществе[16], когда средневековая теория *статуса* была разрушена ростом богатства, которое принесла с собой торговля, и новыми шансами подняться в мире благодаря богатству. Йомен мог стать джентльменом, попав в дом лорда и "тратя много и обильно". Сквайр, желающий стать рыцарем, не подвергаясь опасности носить оружие, должен был лишь отправиться ко двору короля с кошельком, полным денег. Грамотей, торговец, искатель удовольствий - кем бы и чем бы ни был человек, он не мог получить ни степени, ни поклонения, "если у него не было гроша, готового к приему".[17] Когда приобретение богатства или переход из одного сословия в другое были практически невозможны, бедность и низкое положение еще могли быть достойными. Но как только богатство и положение становились доступными для всех, на человека, остающегося бедным, могли смотреть как на праздного или неспособного. Появился новый критерий превосходства - материальный достаток, и по нему горожанина судили соседи и, естественно, он судил о себе. Со всех сторон мы находим признаки возбужденного честолюбия, которое начало бушевать в каждом классе,

"Теперь каждый мальчишка будет подделываться под рыцаря, и заявит о себе не хуже его".[18]

Стали появляться новые различия в рангах и кастах, и аристократия, энергичная и умелая, постоянно пополняемая и оживляемая, оказывала свое влияние в каждом районе, поскольку общественный почет был связан с торговлей пропорционально богатству, которое могли завоевывать ее приверженцы. Торговля шерстью особенно занимала видное место в общем уважении; люди, которые занимались продажей сукна, должны были "жить как джентльмены" и радоваться действительно высокому положению.[19] Все больше и больше обогатившийся бюргер спешил доказать, что он возвысился над обществом, надевая изысканное платье, чьи громоздкие складки свидетельствовали о спокойной праздности и роскоши, так что если "раньше лорды могли издали узнать по одежде других людей, то теперь человек должен стоять или долго размышлять, кто из них кто".[20]

Как возможность возвыситься в мире возбуждала в торговце новые амбиции, так она возбуждала и чувство силы знания. Когда писатель Пирс Плаумен подсчитывает дары Духа, которые были распределены среди людей при сошествии Святого Духа как "сокровище, которым они будут жить до конца своих дней" и "оружие, которым они будут сражаться, когда придет Антихрист", "Вместе с остальным он тщательно учитывает остроумие, чтобы искусно использовать слова, как проповедники и префекты, которые живут наживой благодаря труду языка, ремесла и зрение, с помощью которых люди добывают средства к существованию, продавая и покупая, мудрость, чтобы обрабатывать землю и крышу, и готовить пищу, как им захочется, когда придет время; искусство гадания и деления чисел и все подобные школьные знания.[21] Уже тогда городские рабочие тянулись вперед, как показывают некоторые из их грубых рифм, к истинной любви к учебе.[22] Их рвение принимало самые практические формы. Наряду с великим движением за образование, которое происходило под покровительством королей и королев, архиепископов и епископов, великих лордов и леди, мещане и торговцы брали на себя более скромную работу по обучению своих собственных людей.[23] Основание бесплатных грамматических школ по всей Англии было делом рук самих представителей торгового сословия. Иногда школы основывались гильдиями.[24] Иногда горожане, преуспевшие в мире, с благодарностью вспоминали место своего рождения или образования. В начале XV века в Роттерхэме "по божественной случайности" поселился "учитель грамматики", и один из городских мальчиков, Томас Скотт, которого он учил около 1430 года, стал в 1474 году лордом-канцлером, а в 1480 году -

архиепископом Йоркским. В 1483 году он основал в своем старом доме колледж с ректором и тремя стипендиатами, которые должны были свободно обучать всех, кто приходил к ним. Один из них должен был давать уроки грамматики, поэзии и риторики, второй - музыки, особенно пения, игры и ломаной песни; по возможности эти двое должны были быть священниками или, по крайней мере, один из них. Третий феллоу должен был обучать письму и арифметике молодых людей, не предназначенных для священства, но для ремесел и других занятий; ведь среди детей Ротерхэма, сказал архиепископ, было много тех, кто был "valde acuti in ingenio".[25] Точно так же епископ Рочестерский Алкок, сын купца из Халла, основал в Халле бесплатную грамматическую школу, где учитель должен был "обучать всех приходящих к нему учеников, не беря за это никакого жалованья или платы, и должен был иметь для своего жалованья 10 фунтов стерлингов".[26]

Так или иначе, работа по образованию продолжалась на протяжении всего пятнадцатого века - работа, масштаб и важность которой слишком долго затушевывались занятыми организаторами времен Реформации, которые, чтобы выдать новую хартию или приспособить школу к новой системе, установленной законом, облекали себя славой основателей и отнимали у своих молчаливых предшественников честь открытия нового мира. Не только в оживленных торговых центрах, но и в безвестных деревнях, скрытых в лесах и пустошах или прижавшихся к склонам северных болот, дети позднего Средневековья собирались в школы. Очевидно, чтение и письмо были повсеместно распространены среди людей,[27] и уже в правление Ричарда Второго слово "горожане" стало означать людей обученных и натренированных, а не невежественных деревенщин.[28] Но самым примечательным в росте новых грамматических школ было то, что в их основании принимали участие миряне - торговцы и купцы из городов. Великий благотворитель Сэндвича, Томас Элис, в 1392 году выделил одному из капелланов своей капеллы место школьного учителя для городских мальчиков; а сын драпировщика, получивший образование в этой школе, впоследствии основал гимназию. Сэр Эдмунд Шаа, ювелир и некогда лорд-мэр Лондона, основал школу в Стокпорте по завещанию в 1457 году и назначил священника приходской церкви, который, будучи "искусным в грамматике", должен был "свободно, не требуя никакого жалованья и не беря ни с кого, кроме только указанного здесь жалованья, обучать всех людей, детей и других, которые придут к нему учиться, как в упомянутом городе Стопфорде, так и в других городах, науке грамматики, насколько это в его силах". А другой лондонский мэр, сэр Джон Персивейл, родившийся неподалеку от Макклсфилда, в 1502 году оставил деньги на создание там бесплатной грамматической школы, поскольку в той стране было мало школьных учителей, а дети из-за отсутствия обучения "впадали в безделье и, следовательно, жили беспутно все свои дни".[29] Также кажется, что манчестерская гимназия была впервые задумана манчестерским суконщиком, который после смерти оставил деньги на ее основание; строительство было завершено в 1524 году Хью Олдхэмом, епископом Эксетерским, уроженцем Олдхэма;[30] детей должны были учить "по примеру школы в Банбери", а жителей города заставляли вносить свой вклад в ее содержание, заставляя молоть кукурузу на школьных мельницах - этот обычай сохранялся до 1759 года.

Новое движение ознаменовало начало той революции, которая в конечном итоге должна была вывести образование из-под исключительного контроля церкви и передать его в руки самих людей. До этого времени привилегии и прибыль от преподавания были практически монополией духовенства, и не существовало никакой конкуренции, кроме той, что могла возникнуть между лицензированными и нелицензированными учителями внутри церковного ордена.[31] В документе, составленном по приказу аббата Уолдена, рассказывается о том,

как священнослужители приходской церкви этой деревни обучали некоторых детей алфавиту и даже более продвинутым урокам без разрешения аббата, который по уставу и обычаям монастыря претендовал на вечную монополию в преподавании и выдаче лицензий школьным учителям. Жители подали прошение в пользу священников, и в результате этого прошения аббат, к большому удовлетворению горожан, милостиво разрешил, чтобы каждый священник церкви мог (на время благосклонности аббата и монастыря) принять одного "очень маленького ребенка" от каждого жителя и обучать его "alphabete et graciis"[32], но не более высоким знаниям; Юридический документ, воплощающий эту уступку, был составлен клерком епархии Йорка и подписан красивым нотариальным вензелем, на составление которого у него ушла, должно быть, большая часть дня.[33]

Но при новом положении вещей в спор был внесен еще один элемент. Сам город иногда становился агрессивной стороной и вырывал учение прямо из рук священника. В 1503 году в Бриджнорте было принято постановление, "чтобы ни один священник не держал никакой школы, за исключением одного ребенка, чтобы помогать ему читать мессу, после чего в город приезжает школьный учитель, но чтобы каждый ребенок ходил в обычную школу под страхом конфискации в городскую палату двадцати шиллингов с каждого священника, который поступает иначе".[34] Привыкшие управлять собственными делами бюргеры легко брали на себя руководство образованием, и контроль над школами постепенно переходил из рук духовенства в руки мирян и становился обязанностью всего общества. В Ноттингеме, где до 1382 года существовала грамматическая школа, в которой, судя по всему, обучение мальчика стоило восемь пенсов в семестр,[35] в 1512 году была основана новая бесплатная школа, вероятно, вдовой бывшего мэра, которая перешла под непосредственное управление мэра и городского совета,[36] а поскольку они, очевидно, оказались несколько нерадивыми в этом деле, жюри Литов постоянно вмешивалось в управление школой, выбор и надзор за ее учителями самым официозным образом. "Это будет похвально", - говорили они, - "иметь в одной школе хорошего хозяина и хорошего узилища".[37]

Об интеллектуальной жизни городов мы почти ничего не знаем, да и, пожалуй, не стоит знать. Ученые, естественно, разъезжались по университетам или Лондону, а общество города было занято другими делами, кроме учебы. В Ноттингеме, несмотря на просветительское рвение присяжных, первое свидетельство о городском клерке, который знал достаточно классиков, чтобы процитировать строку Вергилия и строку Горация, относится к 1534-1545 годам; а клерка, изучавшего греческий язык, мы находим только в 1587 году.[38] С другой стороны, Бристоль, несомненно, был центром лучезарного света. В его школе давали прекрасное образование, если судить по знаменитому Гроцину, который воспитывался там и покинул школу в 1463 году;[39] и его общество украшали люди культуры и широкого интеллектуального любопытства. Уильям Вустерский, искатель универсальных знаний, человек науки, занимавшийся медициной и возделывавший свой сад трав, а также литератор, который в сорок три года "отправился в школу к ломбардцу по имени Каролл Джайлс, чтобы учиться и быть начитанным в поэзии или на французском языке," и для которого "хорошая книга французского языка или поэзии" казалась таким же прекрасным приобретением, как "честное поместье", можно было увидеть в его последние дни в Бристолье, занимающимся искусством летописца, в роли которого он обследовал весь город и тщательно измерял его шагами из конца в конец.[40] Его друг Рикарт, городской клерк и историк, потратил двадцать семь лет своей службы на написание "Календаря или хроники" из 332 листов в шести тщательно выстроенных частях, первые три из которых были посвящены истории, а последние - местным обычаям и законам, в которых он пронес историю Бристоля через 3000 лет от времен Брута до царствования Эдуарда Четвертого.[41]

Было неизбежно, что цель и теория образования в конце концов должны были измениться в связи со сменой мастеров, так же как и с изменением нравов, и уже такие ярые реформаторы, как Кэкстон, начали смотреть дальше "алфавита и гуманитарных наук" и обсуждать обучение тайнам самого английского языка. К "отцам древности", которые должны вызывать почтение ученых, они причисляли знаменитых людей своей расы и речи - людей, отстоящих от них всего на поколение или два - Чосера, "отца и основателя витиеватого красноречия", Лидгейта, создателя "больших и широких томов", и Окслева; И трогательно видеть, как люди, находящиеся в самом преддверии героического века английской литературы, с тоской оглядываются на исчезнувшую славу дней своих дедов, когда, как им казалось, все "свежие цветы" стиля были собраны этой горсткой древних достойных, и "серебряного языка великое богатство" хранилось в их сокровищнице, так что мучительный труженик, пришедший следом в поисках "забальзамированного языка и тесного предложения", мог теперь получить их лишь по крупицам, или, в крайнем случае, добыть там и сям трудолюбием нечто, свидетельствующее о том, что он с благоговением посетил поля блаженных.[42] Просвещенному рвению ученых еще предстояло вести долгую войну с педантами в школах и варварскими представлениями об образовании, управлявшими умами людей; и обучение, которое получали бедные мальчишки пятнадцатого века, было грубым и жестоким и тогда, и много веков спустя.[43] Несомненно, и взгляд торговца на образование, практический, каким он был, имел оттенок неприкрытой вульгарности. "На мой взгляд, - пишет Каппер в "Commonweal", - не имело значения, если бы вообще не было ученых людей", ибо "дьявол знает, что делать с вашими занятиями, если вы только собираете людей за уши"; что нужно было людям, так это "писать и читать, и изучать языки, используемые в странах вокруг нас, чтобы мы могли написать им наши мысли, а они нас". Ученые, с другой стороны, с трепетом относились к результатам для цивилизации и знаний грубых идеалов простого делового человека, который, если бы он получил свой путь, "в короткое время сделал бы это королевство пустым от мудрых и политических людей, и, следовательно, варварским, и, наконец, рабским и подвластным другим народам; ибо империя не столько завоевывается и сохраняется мужественностью или силой людей, сколько мудростью и политикой,[44] которая достигается главным образом путем обучения". Но каковы бы ни были их недостатки, именно в школах, так же как в зале совета или в магазине, готовилась революция следующего века; и широкомасштабные результаты распространения образования в городе и деревне стали мощным фактором в развитии последующей Англии. "Виноваты вы сами, сыновья дворян, - писал Ашам, - и потому вы заслуживаете большей вины, что обычно дети низших людей становятся мудрейшими советниками и величайшими исполнителями в важных делах этого королевства".[45]

ГЛАВА II

ГОРОДСКОЙ РЫНОК

Под укрытием приходской церкви мы можем найти рынок средневекового города, с прислоненными к зданию лавками, где, возможно, нашли приют первые зачатки торговли, где до того, как появился рынок, окрестные жители собирались по праздникам и продавали мясо и хлеб в церкви, не опасаясь, что с них потребуют плату за пошлину и стойло;[46] И где,

после того как община получила право на рынок, собирались правители и управляющие рынка, блюстители мер и весов, составители законов, оценщики пошлин, надзиратели за товарами. Там, пока национальное правительство дрейфовало в недоумении по милости придворных группировок, взбудораженное проблемами гражданского списка короля, пенсий дворянам и завоевания Франции, города быстро набрасывали эскизы своей торговой системы и предварительно намечали основные линии, по которым в конечном итоге должна была двигаться национальная политика.

Рынок долгое время оставался в стороне от своего более яркого предшественника - ярмарки, отпрыска незапамятной древности, само название которой[47] свидетельствует о ее происхождении от древних собраний на языческих или христианских праздниках и показывает, что она является институтом, происходящим от старых племенных и национальных обычаев. Постепенно расширяясь в более поздние времена с ростом королевских прерогатив и потребностей торговли, привлекая на свои разномастные сборища странных купцов, съезжавшихся из дальних и ближних краев, ярмарка имела свою блестящую историю; она дала начало всеобщей торговле и следила за ее ростом; она стала приемной матерью купеческого права; даже сейчас она все еще появляется с пышностью античного благодетеля, бросающего на зелень свои увядшие дары святочного дня, карусели и шарлатанские удовольствия. Но уже в пятнадцатом веке отжившая свой век ярмарка медленно ветшала и уступала место своему преемнику, продукту более позднего порядка вещей.[48] Ведь рынок имел и другое происхождение и мог проследить свое происхождение до традиций римских *муниципалитетов*, заявить о римских пандектах как о своих спонсорах, показать себя укрепленным обычаями и способами управления, переданными Англии вместе со многим другим наследием от законов франкских королей.[49] При всей видимости того, что рынок является делом рук и владением народа, по происхождению он не был народным или племенным правом; он был прерогативой короля; его пошлины и обычаи регулировались властью судей королевской скамьи, а цены объявлял королевский клерк рынка.[50]

Однако то, чем короли не могли пользоваться с выгодой для себя, обычно покупалось по разумной цене. Привилегия держать рынок могла быть передана подданным в качестве франшизы, и вся рыночная система в Англии развивалась посредством королевских грантов на монополии частным лицам или корпорациям. В период с 1200 по 1482 год почти 5000 местных центров организованной торговли были созданы на основе грантов на проведение рынков и ярмарок,[51] и города, естественно, были на высоте в обеспечении любых выгодных сделок. Но происхождение этой привилегии в теории всегда было независимым от обычных муниципальных франшиз;[52] и во многих важных округах свобода от стюарда и маршала домашнего хозяйства и королевского клерка рынка была одним из последних прав, предоставленных народу.[53]

С правом держать рынок было тесно связано право держать балку или стеллаж с весами, ярдовую меру и бушель.[54] В день вступления нового мэра в должность он получал от своего предшественника общий сундук, городскую сокровищницу и стандартные меры и должен был немедленно послать своих советников в дом каждого лавочника, пекаря, пивовара или трактирщика, чтобы они отнесли все бушели, галлоны, кварталы, ярды или гири обратно в дом мэра для сравнения со стандартными образцами и должным образом запечатали.[55] Отныне его делом было вести войну с прядильщиками и бакалейщиками, которые продавали по рогу или по руке или хитростью обманывали бедняков, с пивоварами, которые использовали чашки и блюда вместо законных мер,[56] с драпировщиками, которые мерили по собственному усмотрению, с ткачами, которые использовали камни, а не запечатанные

гири для покупки своей шерсти; Даже купцы из Штапеля, деревенские сквайры и иностранные торговцы приносили свою шерсть на "Троув" или баланс, с платой за "Фермур Беме", [57] как только общая торговля доказала неудобство разнообразных местных весов, или примитивного метода использования камней, который все еще сохранялся в XV веке, когда йоркширский стюард пишет своему хозяину: "У меня есть контрпоясная гиря, на которой взвешивали шерсть, и чтобы вы видели, что камень хранится, который приносит корабельщик." [58]

Таким образом, рынок с его бимсами и мерами стал источником и центром совершенно новой деятельности - деятельности, которая заполонила дороги не только купцами и чапменами, но и новой расой перевозчиков, созданной в конце XIV века для транспортировки товаров торговцев по всей стране. [59] Торговцы и производители собирались группами вокруг центральной Дешели и ее Баланса с подлинными запечатанными весами, и давали названия своим профессиям переулкам, в которых группировались мясники или молочники, или где у шпорщиков и ювелиров были свои лавки, а бакалейщики, торговцы шерстью и сукном выстраивались в упорядоченные ряды вокруг Гилдхолла для большего удобства муниципальных чиновников. Что означало новое движение, мы можем увидеть по изменениям, произошедшим в облике английских боро. Первый взгляд на средневековый город, должно быть, мало что обещал посетителю. Мы имеем живую картину состояния Хайта, представленную в отчетах реформаторского жюри в начале пятнадцатого века, из которых нелегко понять, как жители вообще могли передвигаться по городу. Улицы были завалены отбросами хлебов, их делали непроходимыми "скальдинги свиней", их затапливало от переполнения дома, их топило от поворота водотока с его пути или от возведения плотины каким-нибудь частным лицом, не заботящимся о последствиях для общественной дороги. Торговцы древесиной бросали стволы деревьев прямо через улицу, красильщики выливали на нее свои сточные воды, пока она не превратилась в обычное болото, строители полностью загромождали ее каркасами своих новых домов, а торговцы устраивали на ней свои пристани. Не только самые процветающие и респектабельные купцы, такие как Хониводы, но и мясники и свиноводы выбрасывали отходы из домов, развалюх и свинарников на открытую улицу, пока не оставалось почти никакого прохода для путника; или устраивали "свинарник", "который очень дурно пахнет и отвратителен для всех людей, идущих на рынок, а также для всех живущих в городе", говорят присяжные. Вряд ли найдется улица или переулок, который не был бы охарактеризован как "почти вонючий и неприятный". В "Чертогах Вей" находились ямы скорняка. "Через Брехеллислан не проехать". Улицу, по которой шла процессия в Святой четверг, день обхода города, едва ли можно было пройти. Повсюду ворота и мосты приходили в упадок, канавы не ремонтировались, изгороди заросли; а один преступник, который загромоздил дорогу, не позаботившись о ремонте канав, нашел легкий способ освободиться от своих обязательств, обратившись к судебному приставу с любезностью - "покрасить две ткани, чтобы не пришлось ремонтировать канавы". Хуже того, Святой колодец был забит отходами, как и колодец в Вест-Хите, а "вода в телеге Джеффри Уотерлидера, которой освежается вся община", была в равной степени засорена и испорчена отходами мясных лавок. Неудивительно, что мор опустошил Хайт в 1412 году, как в течение всего столетия опустошал один город за другим. Но было подсчитано, что даже без помощи моровой язвы обычная смертность в городе в Средние века была почти такой же, как в наши дни во время эпидемии холеры. Даже первые благонамеренные попытки корпораций выгнать свиней на свои улицы и изгнать бродячих собак, взимая штрафы с любого жителя, у которого "неразумное животное разгуливает" на церковном дворе [60] или на рынке, несомненно, увеличивали опасность моровой язвы, удаляя единственных падальщиков, известных ранним городам.

Такое состояние было характерно не только для небольших городов. В Ноттингеме, процветающем и благополучном городе, мы точно так же читаем об улицах, заваленных кучами гари, выносимой в горячем виде из колокольных или железных мастерских, или кучами кукурузы, которую домохозяева просеивали, или, как они говорили, "оконцовывали", простым способом выбрасывая ее из верхнего окна или двери на улицу, чтобы ветер унес мякину.[61] В еще более богатом городе-производителе Норвиче в 1507 году рыночная площадь еще не была вымощена, но был издан разумный приказ, согласно которому никто не должен был копать ямы для добычи песка без разрешения мэра.[62] Сама попытка попасть в город часто была небезопасна. В 1499 году перчаточник из Лейтон-Баззарда отправился со своими товарами в Эйлсбери на рынок перед Рождеством. Случилось так, что эйлсберийский мельник Ричард Бус, обнаружив, что его мельница нуждается в ремонте, послал пару слуг копать глину, "называемую раминг-глиной", на шоссе, и ничуть не огорчился, поскольку в результате копания этой глины посреди дороги образовалась большая яма шириной десять футов, восемь футов и восемь футов глубиной, которая быстро заполнилась водой в результате зимних дождей. Но несчастный перчаточник, направлявшийся из города в сумерках на своей лошади, нагруженной панирами, полными перчаток, сразу же упал в яму, и человек вместе с лошадью утонул. Мельника обвинили в его смерти, но суд оправдал его на том основании, что у него не было злого умысла, а яму он вырыл только для ремонта своей мельницы, и потому что он действительно не знал другого места для добычи нужной ему глины, кроме шоссе.[63]

Однако все это наследие убожества и беспорядка больше не принималось без протеста. Старые злоупотребления были выявлены и осуждены.[64] Города были выметены и облагорожены, установлены величественные рыночные кресты, повсюду построены новые гильдии с магазинами, лавками и складскими помещениями для торговцев. Новый интерес к состоянию улиц[65], переулков и центральных площадей пробудился, когда в базарный день повозки и вьючные лошади начали пробираться сквозь трясины со своим грузом. А поскольку путешественников становилось все больше - занятые люди, намеревающиеся заключить выгодные сделки, торговцы, стекающиеся для купли-продажи, мэры и клерки из дальних округов, приехавшие для заключения коммерческого договора, люди закона, имеющие ведение новой хартии, простые рабочие - все путешественники, которые больше не желали (а некоторые из них по вполне очевидным причинам) зависеть от гостеприимства монастырей, города единодушно начали строить трактиры, где, к большей выгоде общества, такие люди могли бы найти приют; А самые роскошные из них могли обнаружить там хорошее настроение, которое требовало благодарной записи - "заплатили за нашу кровать, и она того стоила, свидетель, пуховая постель 1d." [66] Повсюду царил новый порядок под деловитым управлением муниципальных чиновников, которые сдавали в аренду рыночные прилавки и навесы,[67] назначали соответствующие скамьи в церкви, выделяли складские помещения в Гилдхолле, выдавали лицензии иностранным торговцам и контролировали своеволие продавцов, регулируя их цены и прибыль. Товары, выгруженные на причалах морского порта, сдавались общественным носильщикам и мерителям Стрэнда[68], нанятым городом для разгрузки судов с помощью шкивов и канатов, поставляемых за общий счет, и доставки их в назначенное место для уплаты пошлины или осмотра; а городские маклеры - государственные служащие, поклявшиеся не извлекать личной выгоды, пока они занимают свои должности, - проводили сделки от имени всего общества,[69] груженые суда и измеряли грузы кукурузы, холста или ткани. Перед мэром присягали бесконечные чиновники рынка - клерк рынка, который должен был досматривать и проверять все продукты, сержант, который нес пошлину в рыночные дни после судебных приставов,[70] "соглядатаи", "декаденты", "приживальщики",[71] мясники, выбранные для надзора за мясным рынком,

люди, назначенные контролировать продажу рыбы и птицы, общий весовщик и так далее по длинному и разнообразному списку чиновников.

Огромная система изобретательных и тщательно продуманных правил[72] ознаменовала долгие усилия горожан осуществить на своих новых рынках ту, казалось бы, простую цель, которая лежала в основе демократии, - чтобы продукты питания и предметы первой необходимости, хорошие и дешевые, были доступны каждому человеку. Согласно теории, которая в XVI веке все еще сохраняла свою силу, "виктуал, будучи необходимым питанием для тела, не должен оцениваться по свободе продавца", [73] на все продукты устанавливалась фиксированная цена. Таким образом, хлебная ассиза[74] (которой феодалы, очевидно, пренебрегали[75]) и ассизы пива и вина были обеспечены городами, как часть их рыночных прав или как независимая привилегия.[76] За торговцами тщательно следили, чтобы при продаже мяса, яиц, масла или овсянки они не брали на себя "излишнюю корысть, продавая, то есть более 1 д. за шиллинг"; [77] владельцам постоянных дворов разрешалось получать пенни с каждого бушеля кукурузы и полпенни с каждых семи фунтов сена, так что если человек мог купить бушель кукурузы [78] за 2 с. 8 д., то ему не разрешалось продавать его за 3 с. Тавернщики могли иметь два пенса прибыли с галлона белого или красного вина, а со сладких вин, привезенных итальянскими купцами, - четыре пенса; повара [79] должны были делать свое мясо "хорошо выдержанным и полезным, и продавать его за разумную цену, и чтобы они не переваривали и не пережаривали мясо в обиду людям короля"; а рыботорговцы - самый важный класс в средневековом мире, среди которого было невозможно предотвратить рост посредничества, - подвергались бесконечным предписаниям. [80] В непрекращающихся попытках спастись от недостатка или мошенничества бедные общинники имели своего полномочного защитника в лице мэра - защитника, который при вступлении в должность давал клятву перед общиной не только повиноваться королю, но и служить народу, а также "держат в строгости всех пекарей, пивоваров, трактирщиков, поваров и тому подобных людей". Не успел мэр Бристоля вступить в должность, как ему пришлось созвать всех пекарей города в Зал гильдии, выяснить у них, сколько у них пшеницы, посоветовать им покупать и торговаться с "бейджерами", которые привозили в город кукурузу, и решить, какого размера должны быть буханки. Затем к нему были созваны все бристольские пивовары, чтобы он обсудил с ними стоимость солода и установил фиксированную цену, от которой ни один пивовар не мог уклониться или изменить. Подобным образом он устанавливал цену на дрова "по своему мудрому усмотрению" и определял часы их продажи; он также должен был осматривать мешки колунов и убеждаться, что стандартные меры для угля установлены в надлежащих местах города. Кроме того, в течение всего года в его обязанности входило постоянно следить за тем, чтобы его постановления соблюдались должным образом. Время от времени он прогуливался вдоль реки, чтобы следить за торговлей лесом и наблюдать, не выгружается ли большая древесина, называемая Беркли Вуд, на одном причале, а мелкая - на другом; а также чтобы от весны до весны следить за ценами и убедиться, что на "Задней" улице, где сгрудились магазины купцов, достаточно мелкой древесины, чтобы снабжать бедняков связками по 1/2 или 1 доллару. В разное время он ходил проверять качество хлеба и его вес (для этого, возможно, как и в Сэндвиче, он нанимал ювелира, которому щедро платил за его опыт работы на весах); а на Рождество или во время праздников или паломничества в городе его делом было следить за тем, чтобы в лавках было достаточно хлеба, чтобы обеспечить все потребности. А чтобы знать наверняка, что пивовары делают не только хороший эль для богатых, но и дешевый напиток для бедных, по средам и субботам он "ходил по утрам в дома пивоваров, чтобы следить за тем, как они подают эль бедным общинам города, и чтобы у них

были верные меры"; и его эльщик с ним, чтобы попробовать и понять, что эль хорош"[81] - очень необходимая задача, если мы принимаем картину, данную нам в "Пирсе Плаумене", типичного продавца пива своего времени.

"Да, бау, - говорил один пивовар, - я не буду властвовать,
Иисусом, за все ваши шушуканья о *spiritus justicie*;
И совестью Христос не управляет, ибо я могу продать
И отбросы, и осадок, и черпать в одну дыру
Толстый эль и тонкий эль, и это в моем вкусе,
И не рвусь к святости; попридержи язык, совесть!
О *spiritus justicie* ты говоришь много и праздно".[82]

Присяжные в Ноттингеме столетие или два спустя нарисовали бы ту же картину. "Господин мэр, - взывают они, - умоляем вас быть к нам добрым хозяином и найти средство для наших пивоваров, ибо все они нам осточертели".[83]

На этом законодательство не остановилось. Как только торговец оказывался в пределах досягаемости города, он становился объектом всеобщего подозрения, чтобы не оказаться торговцем, путешествующим с явным намерением перехитрить публику и накрутить искусственную стоимость на рынке с помощью каких-нибудь ухищрений, таких как перехват товаров на пути к рынку, чтобы купить их подешевле; покупка по выгодным ценам, чтобы продать подороже; или удержание товаров, купленных по оптовым ценам, чтобы продать их позже по более высокой стоимости. За ним велось ревнивое наблюдение. Ему не разрешалось вести дела тайно или вне положенных пределов, но "открыто на отведенном для этого рынке", и даже там ему предписывалось стоять в стороне, пока горожане не вернутся с ранней мессы и не получат те запасы кукурузы и солода, масла, птицы и мяса, в которых нуждались их дома, и колокол не пробьет час, когда он сможет занять свою очередь за тем, что осталось.[84] И как он покупал, так и должен был продавать только в установленном и привычном месте, а продукты, выставленные на его полке или прилавке, не могли быть вывезены из города непроданными без разрешения судебных приставов.[85] Любой горожанин, который помогал "чужому" купцу, покупая или продавая для него товары под своим именем, терял свободу.[86] Люди, жившие "в горах"[87], исключались из общества привилегированных торговцев городов, а резкие различия, подобные тем, что мы находим в Вустере, между "горожанами" и "горожанами-иностранцами"[88] разделяли людей внутри и вне стен.[89] В одном городе лавки чужаков на рынке были отделены от лавок горожан[90], чтобы они не мешали горожанам заниматься бизнесом; в другом им запрещалось носить свои товары из дома в дом;[91] здесь они не могли продавать свои товары своими руками, там они должны были продавать их оптом или конфисковать весь свой запас в пользу города, если они пытались продавать в розницу; В других местах они должны были ждать определенное количество недель после прибытия, прежде чем могли предложить свой товар покупателю; если для общественного удобства иностранцам разрешалось привозить на рынок продукты[92] и некоторые другие товары, то монополия на всю ценную торговлю оставалась в руках бургомистров или их купеческой гильдии.[93]

Однако нет необходимости множить примеры монополии. Эта система была универсальной, и любопытная попытка установить свободную торговлю в Ливерпуле умерла почти сразу же, как только родилась. В хартии Генриха Третьего содержалось обычное положение о том, что только члены Гильдии могут торговать в городе, если на то нет согласия бюргеров, но в новой хартии Ричарда Второго, за которую ему заплатили 5 фунтов, этот пункт был исключен, и

свободная торговля практически установилась. Однако не успел Генрих Четвертый появиться в 1399 году, как бюргеры выкупили у него за 4 фунта стерлингов новое пожалование привилегий с восстановленным прежним пунктом, и старая монополия, соответственно, вновь утвердилась, пока, как ни странно, вспышка религиозного фанатизма не отменила торговые ограничения; видя, что ливерпульские протестанты закрывают римским католикам доступ на свой рынок, королева Мария в 1555 году вновь провозгласила хартию Ричарда Второго и право на свободную торговлю.^[94] Иногда оживленная контрабандная торговля выдает слабую сторону позиции монополистов; как, например, когда Бристоль претендовал на полный контроль над всеми портами и бухтами вплоть до Вустера, и единственной законной торговлей, остававшейся Глостеру, была доставка грузов, в основном кукурузы, в Бристоль. Грузоотправители Глостера увидели свой шанс на богатый беззаконный трафик; маленькие лодки, легко и быстро груженные и не требующие много воды, выходили из канала мелкими проходами, где более крупные бристольтские корабли не могли их преследовать, а ирландские суда шли прямо в Глостер и избегали тяжелых пошлин в бристольтском порту; и пока торговцы Глостера быстро богатели, жители Бристоля жаловались, что им угрожает разорение.^[95]

Эта сложная система регулирования торговли, несомненно, была вызвана главным образом усилиями, которые люди были вынуждены предпринять, поскольку центры толстого населения росли в стране, где перевозка товаров^[96] была медленным и трудным делом, чтобы защитить себя от резких изменений цен на продукты питания;^[97] хотя также возможно, что общество, которое диктовало заработную плату и прибыль, было естественно привлечено к соответствующей обязанности по установлению стоимости пищи и одежды этих зарплат и прибылей. Похоже, что в течение нескольких столетий стоимость простого пропитания оставалась почти неизменной; и даже в исключительных случаях, таких как юбилей 1420 года, на который в Кентербери прибыло сто тысяч паломников, корпорация, отвечавшая за подготовку, могла гарантировать, что обычные цены на провизию не увеличатся.

Однако принято считать, что старые торговые законы были придуманы не только для защиты народного продовольствия, но и для защиты заработной платы и прибыли; их осуждают как результат невежественного эгоизма; И как доказательство веры средневековых бюргеров в то, что промышленное процветание всего сообщества может быть обеспечено только путем получения ими такой полной монополии на всю торговлю района, чтобы они могли сами пожинать все плоды своего предприятия и собирать богатства без помех - веры, за которую современные демократии (за одним большим исключением) все еще держатся, хотя в наши дни они придают своему кредо более величественный вид, обсуждая защиту на континентах вместо защиты в маленьком рыночном городке. Но кажется вероятным, что защите в современном понимании почти нечего было сказать огромной массе средневекового законодательства о торговле. Несомненно, естественным идеалом каждого ремесла было государство в качестве кормилицы; но голос ремесла был потерян в монотонном повторении широкой общественностью своего доминирующего принципа, что мануфактуры и торговля существуют только для блага всего общества - "бедных коммун королевства", по выражению того времени. Именно для *их* защиты не должно было существовать нелегальной или нерегулируемой торговли, не должно было быть мошеннических производств, тайного разрушения барьеров, установленных парламентом для упорядоченного разделения и контроля ремесел, не должно было быть купли-продажи, осуществляемой лесниками, общественными врагами общества и страны, спешащими по суше и по воде угнетать бедняков;^[98] И правила, разработанные для борьбы с общественными бедами или обеспечения общественного блага, не в большей степени можно отнести к защитным, чем

правила продажи лекарств или лицензирование публичных домов в наши дни. Такие правила действительно часто были столь же непрошеными для торговца, сколь и приятными для общества, и все его хитрости были направлены на то, чтобы уклониться от них. За чертой города, где не было ни городских законов, ни городских пошлин, можно было получить небольшую прибыль. Поэтому лондонская корпорация жаловалась, что мясники Лондона, "которые купили свою свободу и присягнули франшизе, снимают свои дома в Стратфорде и вокруг Стратфорда, не приходят ни по каким повесткам и не принимают участия во франшизе города; но закрывают горожанам (жителям-мясникам) доступ на различные рынки, где они должны покупать свои товары, так что через них они не могут получить никаких товаров к большому ущербу для горожан".[99] Пекари ушли "в чужие края", чтобы избежать наказания за мошенничество.[100] Свечные мастера обосновались в пригородах, а мясники были представлены "за продажу своего талова в деревню и не продадут его ни одному человеку в городе"[101] или за вывоз талова в мешках ночью из города для изготовления свечей; им было приказано оставить изготовление свечей чандлерам, которым, в свою очередь, было велено держаться в пределах границ. В Кентербери, где из-за большого количества церковных арендаторов основное бремя налогов ложилось только на часть населения и где, несомненно, налоги были соответственно высоки, наступило время, когда торговцы всех мастей, суконщики, пивовары и пекари, стали вести свои дела за пределами "свободных земель", "Так что, согласно рассказу мэра и совета, "раньше здесь было множество домов, в которых с давних пор велись хорошие и знатные хозяйства, благодаря которым многие мужчины и женщины получали облегчение и имели средства к существованию и приумножению, а теперь они необитаемы и сильно обветшали, а некоторые из них пришли в упадок и полное запустение ...и хорошо понятно и известно, что главной причиной этого" был этот нечестивый прием независимых торговцев, благодаря которому городские торговцы, вынужденные платить "налог, тальяж и другие повинности", не могли конкурировать с теми, кто находился за пределами города, и "не имели возможности продавать и продавать свой хлеб и эль, как они делали в прошлые времена, к их большому обнищанию и многократному ущербу и вреду для общего благосостояния упомянутого города". Пригородные пекари продавали свои товары "разным и многим простым и дурно настроенным людям города, а также шотландцам, ирландцам и другим, которые ни в коем случае не хотят заниматься никаким трудом или другими законными занятиями, а живут только продажей и барыжничеством упомянутого хлеба, пива и эля, и за это к ним прибегают многие бродяги... чем сильно раздражают и огорчают многих хорошо настроенных людей".[102] Чтобы вернуть торговле ее первобытную простоту, был принят закон, содержащий пункты против наемных шотландцев и ирландцев, нарушителей городского спокойствия, а торговцам было запрещено продавать свои продукты "никому из жителей в пределах указанного города, но только тем лицам, которые, по мнению мэра и олдерменов, будут хорошего нрава и общения".[103]

Предрассудки против нерегулируемой торговли, несомненно, усиливались враждебностью городского торговца к конкурентам, процветавшим за его счет на незаконных прибылях; но, вероятно, именно городские власти оказывали самое серьезное сопротивление всем видам торговли, которые зависели от обмана общей казны района.[104] Ведь немалая часть городских доходов поступала, как мы видим из записей Ноттингема, от штрафов, которые ежегодно платили несвободные люди за привилегию держать прилавки на улице или рынке. В Кентербери "толераты" платили за право покупать и продавать в течение ограниченного периода времени, а по истечении срока возобновляли это право новой выплатой так называемых "толератных денег";[105] чужеземные торговцы, живущие без вольностей, известные там как "интранты", получили в Ромни название "экстравагантов". Некоторые города проявляли ревность к чужакам, продиктованную, несомненно, особыми

обстоятельствами; Как, например, в Престоне, где "Иностранные бюргерши", в отличие от "Инн бюргерш", набирались из деревенских дворян и сквайров, а также некоторых жителей города,^[106] и были лишь освобождены от пошлины^[107] за любые товары, купленные для использования их семьями, но не имели никаких других доходов от торговли, и даже если они были жителями, не имели права общего пользования на болоте или топи, не могли участвовать в выборах любого городского чиновника или быть сами избранными;^[108] Но даже при этих ограничениях ни один торговец, живший за стенами города, не допускался в их число^[109], и только со временем иноземным торговцам постепенно разрешили за уплату штрафа устанавливать лавки на рыночной площади и вести свою деятельность под именем "ларечников". В целом, однако, открытый кошелек - это все, что требовалось для того, чтобы привлечь внимание чужеземца; и если плата за него иногда была чрезмерной, то, похоже, она применялась в основном для того, чтобы убедить вступить в купеческую гильдию.

Но по какой бы причине регулирование торговли ни считалось желательным, будь то защита кармана потребителя или пополнение городской казны, оно определенно не было направлено на то, чтобы держать покупателей и продавцов дома, препятствовать их предприимчивости или упразднить конкуренцию. Если защите и монополии и позволяли выглядеть большими, им никогда не позволяли серьезно мешать бизнесу. Теоретически, а иногда и фактически, через королевское шоссе можно было протянуть железные цепи, через реку - решетки, а у ворот поставить таможенников для взимания пошлин и поборов.^[110] Но ворота, решетки и цепи повсюду распахивались перед торговцем, "если у него есть пенни, готовый к приему"; гильдии расширяли свои реестры для иностранцев,^[111] города предоставляли им свои привилегии в широких пределах. Поскольку человек мог иметь гражданство более чем в одном городе, спекулянт или купец, ведущий крупный бизнес, всегда мог обойти правила, запрещающие иностранным торговцам, получив гражданство в каком-нибудь удобном торговом центре, а также в своем собственном городе^[112], и таким образом получить право вести дела, подходящие иностранному спекулянту, со всеми привилегиями горожанина. Все педантичные препятствия, действительно, были устранены с пути его предприятия, так как легкое изучение городских записей избавляет от мысли, что средневековая торговля в конечном счете регулировалась формальными законами статутных книг. Монополия нарушалась всякий раз, когда это было целесообразно или удобно для особых случаев. Булочники и виктуалеры, занявшие муниципальные должности, превратили в пустую сказку ассамблею хлеба и инспекцию кулинарных домов и рыбных лавок. В руках купцов законы купли-продажи регулировались таким образом, чтобы не мешать ни свободному обороту товаров, ни инстинкту торговца покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом; при этом оставалась возможность доставлять продовольствие туда, где оно было нужнее всего, будь то для снабжения производственного центра, такого как Норвич, или города, население которого быстро удваивалось, как в Лондоне.^[113] Если закон предписывал, что за первое нарушение лесонарушитель должен быть крупно оштрафован, за второе - лишиться своего товара и попасть в застенки, а за третье - лишиться свободы города, закон просто игнорировался, либо налагался какой-нибудь пустяковый штраф - ничтожная сумма, которой преуспевающий торговец мог легко пренебречь.^[114] На самом деле, кажется, что фактический результат торговых законов заключался главным образом в том, чтобы дать богатому оптовому торговцу дополнительное преимущество перед бедным торговцем. Запрет на торговлю и регресс стали модной привилегией городских советников и магнатов, которые благодаря своему положению и богатству с удвоенной легкостью обходили местные постановления, лондонских купцов, скупавших товары по всей стране, чтобы обеспечить потребности растущего города, и крупных торговцев, заинтересованных в экспортной торговле; в то время как ужасы закона служили эффективным сдерживающим фактором для

борящихся лоточников и часовщиков от вмешательства в прибыль, получаемую более высокопоставленными спекулянтами от обычного, хотя и незаконного оборота.

Однако настоящую основу свободной торговли по всей стране, которая только и придавала какую-то ценность местным договоренностям и индивидуальным привилегиям, можно найти в ранних городских хартиях, где этот великий дар занимал ведущее место. Почти первым благом, о котором просил город, было пожалование, которое должно было освободить его мещан или его купеческую гильдию от пошлин и понтажа, и стойла, и ластажа, по всему королевству, на ярмарках и в морских портах, в землях по эту и по ту сторону моря; и дать им власть покупать и продавать по всей Англии, в городах и за их пределами, все виды товаров; с правом иметь лавки на других рынках, кроме своего собственного, не платя за них, и покупать на таких рынках в любое время, а не только в то, которое разрешено чужестранцам. Кроме того, каждая хартия содержала своего рода пункт о "привилегированном народе", который предоставлял боро "такие же свободы, какие есть у города Лондона" - пункт, который, похоже, был истолкован (по крайней мере, в одном из его значений) как подразумевающий право бюргеров покупать и продавать в других городах, кроме своего собственного, в другие дни, кроме рыночных, и что "они могут иметь в этом отношении столько же свободы, сколько и жители Лондона".[115]

В своих широких и неограниченных привилегиях такая хартия - пожалование короля, который был властелином всех ярмарок и рынков, - выражала весь дух свободной торговли; одним словом, местные монополии и защита в их истинном смысле были сметены, и каждый рынок в стране открывался для любого торговца, должным образом зарегистрированного как мещанин или член купеческой гильдии. Вопрос, правда, все еще был сопряжен с трудностями. Поскольку король постоянно отдавал или продавал свои права или часть своих прав на рынки, было бесчисленное множество случаев, когда специальное разрешение одному городу на беспрепятственное проведение рынка и более общее разрешение его соседу считать себя свободным от всех рыночных пошлин были совершенно непримиримы; и закон считал, что никакая хартия свободы не может вмешиваться в ранее предоставленные любому другому лицу или корпорации права взимать пошлины за проезд, за пересечение моста, за вход в ворота, за занятие места на рынке и тому подобное. Поэтому в тех случаях, когда оказывалось, что две хартии наделяют противоречивыми правами, города поручали своим лучшим юристам искать старые свидетельства и записи и требовать защиты судей королевской скамьи или парламента для того гранта, который мог похвастаться большей давностью.[116] Предварительный вопрос о приоритете прав был таким образом решен, и следующим шагом стало исправление тупиковой ситуации в бизнесе, в которую попали две общины с помощью официальных договоров, подобных тем, что заключают государства в наши дни, в которых право взимать пошлины и обычаи, вероятно, использовалось так же, как системы тарифов используются в современных государствах - как средство подкупа или угрозы несговорчивых соседей к некоторым уступкам в свободной торговле.[117]

Саутгемптон заключил отдельные договоры по меньшей мере с семьюдесятью тремя городами или торговыми корпорациями, помимо всех "почетных" городов королевства, освободив их от уплаты пошлин и таможен; его бюргеры заключили собственный договор с Мальборо[118], в котором они отказались от привилегий, которыми обладали по своей собственной более ранней хартии; С Бристолем они договорились о размере налога, который должен взиматься с бристольтцев, привозивших товары на их рынок; с людьми Винчестера они договорились, что ни с одной из сторон не должно взиматься никаких пошлин;[119] а в 1501 году их договор с Чинк-Порт был ратифицирован "вашими любимцами, бейлифом и юристами Гастингса".[120] Как ни были они подорваны со всех сторон, как ни зияли повсюду бреши, защитные стены, воздвигнутые городами вокруг своих рынков,

несомненно, не препятствовали развитию местной торговли. Перед нетерпением жадных до наживы торговцев искусственные границы, барьеры и тарифы были сметены, и из маленьких замкнутых общин, где дачники сами выращивали еду, пряли шерсть и почти ничего не требовали извне, кроме рыбы, соли и немного железа, боро быстро превратились в центры растущей торговли. Для удовлетворения своих нужд и роскоши они посылали своих торговцев далеко и надолго. Когда Эли послал Джона Глостерского, знаменитого колокололитейщика, чтобы тот изготовил четыре больших колокола для собора, гонцам пришлось отправиться в Эрит за глиной, в Линн и Нортгемптон за медью и оловом.^[121] Ноттингемский ювелир ремонтировал крест в церкви Клифтона, а его "алебардщик" поставлял верующим в Лондоне маленькие статуэтки Крестителя в соответствующие святыни.^[122] Скупщики шерсти и продавцы сукна, шорники, мясники, рыботорговцы, лоточники всех мастей, получали от мэра и коммондалитета своего района письма о свободном проезде по всему королевству для ведения своих дел^[123] и поддерживали непрерывные сношения между городом и городом. Повсюду деловитые форестоллеры следили за яйцами, мясом и кукурузой, скупали по всей стране товары для Лондона или какого-нибудь большого города, или для экспортной торговли, или превращали свои привилегии по статье лондонских вольностей в средство оптовой покупки в течение всей недели в качестве реграторов, чтобы выгодно продать в базарный день, а в сам день выходили на улицу с петухами, чтобы купить в частном порядке, когда горожане были на мессе, так что к шести часам на рынке не оставалось ничего для добрых людей города.^[124]

Глядя на этот могучий торговый поток, льющийся из города в город с неуклонной силой, сметающей все препятствия на своем пути, мы можем начать сомневаться, действительно ли мещане Средневековья глупо подставляли свои шеи под жесткое ярмо произвола и сознательно разрушали свои собственные перспективы, предпочитая рабство свободе или жертвуя общим процветанием местным алчным интересам. Средневековая система, пока она не начала приходить в упадок, который предшествует смерти, на самом деле была служителем прекрасных и достойных целей. В обществе, где существовало мало прав, кроме привилегий, торговая "коммуна", будь то округ или гильдия, действительно служила великим двигателем для отмены ограничений, для расширения привилегий и открытия национальной торговли. Было время, когда каждая новая хартерная ассоциация была фактическим расширением свободной торговли; и человек вступал в общину города по тем же причинам, по которым сегодня он может получить письмо о натурализации в стране, где находится его бизнес - не для того, чтобы быть обеспеченным от конкуренции, но чтобы разделить все торговые привилегии, которые она завоевала по договору, и в случае опасности иметь защиту своего флага. Каждый город имел свою привилегированную "общину" и признавал "общину" соседнего района; и только благодаря этому взаимному признанию становились возможными межуниципальные договоры, или любой район мог определить границы своей ответственности за членов на иностранной ярмарке или рынке, мог обязаться выполнять свои договоры или иметь какие-либо гарантии возмещения ущерба в случае несправедливости.^[125] В подробном муниципальном законодательстве о долге, поручительстве и взаимной ответственности, о наказании за насилие, о пресечении индивидуального предательства общего блага, о защите общины от ложных сделок любого из ее союзных государств мы можем ясно видеть, как местные монополии стали гораздо более значимыми с точки зрения общественного порядка и общего общения, чем частного богатства. Монополия и защита фактически облеклись в одежды необходимой службы. Вместо тюремщиков, державших торговца на привязи у себя дома, они были сильными стражами, сопровождавшими его за границей, предводителями, разрубавшими перед ним цепи, преграждавшие дорогу, служителями правосудия, выслеживавшими на его службе нечестного должника, залогом его бдительности и власти в родном городе при любой

опасности. Для каждой общины они были узами гражданского порядка и знаками корпоративной верности.

ГЛАВА III

ГОРОДСКОЙ ТОРГОВЕЦ

С появлением нового коммерческого общества в районах мы чувствуем, что началась история современной Англии. С формированием процветающего среднего класса в английскую жизнь вошел новый тип характера - тип, который полностью выходил за рамки старых традиций и был так же далек от подражания уверенному превосходству классов, владевших властью по традиционному праву, как и от сохранения простоты и покорности масс тех, кто исповедовал наследственный долг подчинения. Средневековый бюргер был воспитан в грубой школе. Не имея ничего общего ни с классом, ни с семьей, ни с покровителем, грубо судимый и назначаемый на свое место в строю испытанием конкуренцией в ее простейшей форме, промышленным соперничеством между человеком и человеком, торговец не имел помощника, если не помогал себе сам. Купцы, обремененные небольшим капиталом, подобно торговцам, изображенным Гольбейном на его "Пляске смерти", несущим все свои богатства, связанные на себе, и вольные менять место жительства так часто, как только торговля предлагала более яркие перспективы в другом месте, скитались из города в город, не оставляя ни одной профессии неосвоенной, ни одной ярмарки непосещенной дома, ни одного рынка забытым за границей. Ремесленникам, не имеющим денег, приходилось полагаться на собственную смекалку в борьбе за жизнь, и они тренировались в бдительности и терпении, бережливости и осторожности, в презрении к лишениям, в напряженной и неустанной деятельности. Торговая дисциплина была суровой, а условия процветания - жесткими. Если среди них появлялся джентльмен, надеющийся найти легкий путь к богатству в более респектабельных видах бизнеса, на которые снисходили только семьи графства, за его действиями с презрительным юмором наблюдали мещане, знавшие все тяготы пути.

"Я сделал многих рыцарей и мерсерами, и драпировщиками", - говорит купец в средневековом романе.

говорит купец в одной из средневековых поэм,

"Не заплатил за их воспитание ни пары перчаток;

Но, побаловавшись с моим chevesance, [сделки] cheved [процветали] редко".[126]

Слабые и некомпетентные отпадали перед суровостью применяемых испытаний, и торговый класс постоянно менялся. Возможно, некоторые крепкие еврейские семьи, как Филлипы из Бирмингема, держались три или четыре столетия;[127], но чаще всего семьи поднимаются в цене и в течение одного-двух поколений занимают первое место в уплате налогов и контролируют главные правительственные учреждения, пока после третьего поколения их имя не исчезает из бухгалтерских книг.[128] Семья вымирает, или распадается под натиском конкуренции, или оседает в купленном за городом поместье и вливается в ряды графских сквайров; и на ее место приходит новое поколение, чтобы с новой энергией и предприимчивостью пробивать себе дорогу.

Представляя себе жизнь средневекового города, мы, с нашей постоянной склонностью преувеличивать странности прошлого, иногда видим лишь настолько стесненное и скромное существование, что теряем всякое представление о различиях, и создаем ложное однообразие, полагая, что раз в том далеком мире бизнес велся в узкой сфере, то и судьбы людей были более равными, или что общий уровень коммерческого процветания был обязательно более равномерным, чем сейчас. Но все, что мы знаем о городской жизни, начиная с того момента, когда появляются районы, заставляет нас убедиться в неравенстве обстоятельств и богатства, столь же ощутимом, как и в позднем Средневековье; в обществе, которое не было ни простым, ни однородным, и где плутократ и капиталист занимал столь же внушительное место и вел себя столь же величественно, учитывая границы своей сцены, как и его потомки в наши дни. Секрет богатства был впервые найден и долго хранился мясниками, пивоварами и разносчиками пищи того или иного рода. В каждом округе были такие люди, как Эндрю Бейт, мясник из Лидда, который стал "фермером Денгемарша" и в течение многих лет держал город в состоянии брожения, то своими стадами скота, перегонявшими болотные пастбища и вторгавшимися на поля или участки соседей, так что они не могли "спокойно жить" и скорее продали бы свои земли, чем подверглись бы столь "тяжким нападкам со стороны скота Эндрю Бейта"; или своими тяжелыми поборами с "западных людей", которые приезжали сушить путассу на Нессе и находили его жестким "вымогателем", который "согнал половину Денгемарша"; И, прежде всего, его неустанная деятельность по расширению своих границ за сомнительные пределы, отделявшие земли города от земель аббата; так что, хотя корпорация в 1462 году настаивала на тщательном обозначении своих границ, а годы спустя добивалась, чтобы его сместил в Денгемарше другой мещанин, Бейт, очевидно, одержал победу, и в итоге его брат, получивший юридическое образование, вероятно, с этой целью, был назначен городским клерком и практическим управляющим делами Лидда.^[129] Точно так же богатый рыботорговец Дэниел Роу из Ромни, который отправлял своих устриц, крабов, миног и форель в Лондон, восточные графства, Кембридж и вдоль долины Темзы вплоть до Уоллингфорда, а вместо них привозил кабанов, телят, свинину и бекон, в итоге стал городским клерком Ромни^[130] - как и положено образованному человеку, который вел свои ежедневники, где все путевые расходы людей и лошадей тщательно записывались на латыни. Так и виноградарь из Ромни Джеймс Тайс, начавший свою жизнь с малого в 1387 году, в 1394 году стал достаточно важным человеком, чтобы быть посланным с депутацией к архиепископу; в 1398 году он стал юратом, а в 1414 году владел таким количеством земли, что в 1432 году его владения были выделены в отдельный округ, названный в его честь.^[131]

Короче говоря, в каждом городе пекари, пивовары, виноделы, повара, отельеры и мытари "строили свои гнезда высоко", покупая бурги из пенсов бедняков,^[132] и вопреки законам и постановлениям ходили по улицам в меховых мантиях олдерменов, входили в зал заседаний совета, хранили сундук с сокровищами в качестве камергеров, выдавая благоразумные версии городских счетов, рассчитанные на всеобщее обозрение, и сами регулируя налоги в интересах своего богатого братства, и председательствовали в судах правосудия, где проводили ассамблеи хлеба и пива в пользу братства; За свои услуги они требовали огородить часть общей земли для своего пользования, или пасли свои стада за государственный счет, и тысячей способов собирали из поколения в поколение урожай, который тогда созревал для людей, облеченных властью.^[133] Ни один закон не мог отгородить их от места мэра; и, унося с собой мантию "чистого багрянца", которая давала им главные места среди влиятельных членов "Одежды",^[134] они по-прежнему господствовали над беспомощным народом, почти не сдерживаемые ревностью своих собратьев-торговцев. Так, в 1507 году весь Кентербери был взбудоражен пивоваром Кромпом, который, пробыв год мэром, вернулся к своему прежнему делу и, покинув пост, принялся оживленно агитировать

мелких торговцев, обещая, что если они будут продавать пиво Кромпа, то он будет их "добрым хозяином, что бы им ни приходилось делать в Зале суда", и что он будет следить за тем, чтобы их горшки не уносили в Зал по обвинению в недостатке меры. Похоже, что в подобных случаях протесты населения были совершенно бесполезны, и единственной жалобой, зафиксированной в Кентербери, была жалоба конкурирующих пивоваров, которые ответили на конкуренцию Кромпа, ссылаясь на городской обычай, согласно которому мэр должен полностью отказаться от торговли викуализмом; В течение полувека, как утверждалось, было по меньшей мере шесть мэров, которые "жили как джентльмены" до конца своих дней после ухода с поста, и хотя эта вежливая профессия позволяла им вести бизнес драпировщиков или производителей тканей, было доказано, что один бывший мэр, который был пивоваром, а также драпировщиком, оставил свою пивоварню и никогда к ней не возвращался; а другой, который был пекарем, продал свое дело, сдал свой дом другому человеку и "жил потом как джентльмен". Однако Кромп упрямылся, презрительно заявляя, что предполагаемому "обычаю" всего лишь пятьдесят лет (что, впрочем, является особым признанием с его стороны, поскольку именно в это время в Кентербери появилась сама мэрия) и что мэры перестали быть виночерпиями из самоуничтожения и потому, что предпочитали жить в свое удовольствие.[135]

Поначалу викуоллеры и мытари были обязаны своим господством в городском обществе тому, что среди нуждающегося и экономного народа единственный путь к богатству для торговца лежал через продажу предметов первой необходимости. Основная масса людей жила бедно. В целом, возможно, мастер-ремесленник зарабатывал едва ли больше, чем его подмастерья,[136] и, возможно, часто выкраивал средства к существованию, в одно время пахая и пожиная свой участок общей земли, а в другое - занимаясь своим делом с двумя или тремя помощниками - слугами и подмастерьями, "которые не имеют большого дохода" и которых по закону заставляли срезать, собирать и приносить кукурузу[137], если они занимались ремеслом, "в котором человек не имеет большой нужды во время сбора урожая". Первые спекулянты, соблазненные видением великой публики с ее неисчерпаемыми потребностями и бездонным кошельком, преследовали свои мечты с коварством мелких интриганов. Если торговец собирался сколотить состояние на солоде, он открывал дело с соблюдением строжайшей экономии. Пенни или полпенни служили залогом для крестьян, у которых он покупал кукурузу и которым велел приходить в дом для оплаты. "И когда они приходят туда и думают получить свою плату прямо, покупатель говорит, что жена в его доме ушла и взяла ключ от комнаты, так что он не может получить свои деньги; но что другой должен уйти и скоро прийти снова и получить свою плату. А когда он возвращается во второй раз, то покупателя уже не найти, а если и найти, то он притворяется, что у него что-то другое, из-за чего бедняки не могут получить свою плату. А иногда, пока бедняки ждут своей платы, покупатель заставляет кукурузу мокнуть", а затем говорит крестьянину, что тот может забрать ее с собой, если ему не нравится предложенная цена.[138] Так и суконщик начинал со скромного дела, не требующего никаких затрат: он брал сырье, которое ему приносили заказчики, и передавал его ткачам, которые, в свою очередь, предоставляли свои инструменты и выполняли работу у себя дома. По мере того как он преуспевал в мире, он мог стать владельцем нескольких ткацких станков, которые он сдавал в аренду нанятым им ткачам; или же он мог добавить к своему ремеслу содержание небольшой лавки или мелкого торгашеского бизнеса ради такой мелкой прибыли, которую мог позволить закон, в те дни смотревший на торговцев весьма неблагоприятно. Часто испытывая трудности в ведении своего дела, он стремился преодолеть свою бедность хитростью, и приемы, к которым он прибегал, - выдача плохих материалов или недостаточного веса своим рабочим, попытки

сэкономить несколько пенсов, вычитая их под тем или иным предлогом из причитающихся платежей, выдача зарплаты продуктами, иголками, мерсером или пустыми мелочами своей маленькой лавки - часто должны указывать на отвлекающее давление насущной нужды, под которым он предвосхитил приемы мелкого рабочего работодателя наших дней.[139]

Но с самых ранних времен очевидно, что было много более успешных торговцев, которые поднялись до положения, которое, в более скромной степени, близко напоминает положение наших современных капиталистов и работодателей, и что этот класс постоянно имел тенденцию к увеличению богатства и численности. Они явно соперничали в проницательности со своими собратьями более низкого достатка.

"Не было благодати коварства в моей посуде.
Он был непродан семь лет, и Бог мне в помощь".[140]

откровенно признается купец из "Пирса Плаумена". Его жена, которая производила ткани на продажу, усердно занималась своим хозяйством, приказывая прядильщицам прясть пряжу большой длины и расплачиваясь за нее фунтовой мерой, которая весила на четверть больше, чем весы ее мужа, - когда он взвешивал верно. У драпировщика его научили растягивать лист ткани или скреплять богатые куски вместе вьючной иглой и удлинять их с помощью прессов, пока десять или двенадцать ярдов не дойдут до тринадцати; а чтобы избавиться от своего товара на ярмарках в Винчестере и Уэйхилле, он тщательно учился лгать и использовать фальшивые весы. В дополнение к этим ресурсам он отправлялся к лангобардам за уроками по обрезанию монет и ростовщичеству.[141] Слабость раскаяния мало беспокоила его.

"Ты никогда не раскаивался?" - спрашивал Раскаяние, - "и не возместил ущерб?"
"Да, однажды, - говорит он, - я приютил у себя кучу людей,
Я встал и разорвал их почту, когда они отдыхали".
'That was a rueful restitution,' quoth Repentance, 'forsooth!'

Ни один век, действительно, не обладает монополией на ловких дельцов, и все уловки, применявшиеся в прежние времена, были знакомы пятнадцатому веку и так громко возмущали потребителей, что многие люди, принимая признаки общественного рвения в борьбе со злоупотреблениями за свидетельства растущей дерзости во зле, обнаружили в позднем средневековье накапливающуюся массу коррупции, которая постепенно покрыла своей чернотой благолепие более чистого века.[142] Но то ли благодаря "благодати коварства", то ли благодаря простому умению, торговцы процветали со всех сторон. Окинув взглядом все классы людей, Лэнгленд видит, что именно в них, прежде всего, заключен секрет сытости и хорошего настроения:

"А некоторые выбирали мякину, и тем лучше жирели,
Как нам кажется, такой человек процветает".[143]

Большие суммы, переходившие из рук в руки, внушительные долги, зарегистрированные на городских счетах, жалобы мастера на задолженность перед учеником в 100 фунтов стерлингов или ученика перед мастером на 138 фунтов стерлингов, сдача в аренду таможи такого большого порта, как Саутгемптон, одному торговцу - все это свидетельствует о новой плутократии, которая начинала зарождаться.[144] Драпировщики и суконщики были приняты в избранные круги привилегий; в городах звание "джентльмен" стало подходящей наградой для успешного торговца тканями,[145] и даже в графском обществе суконщик

начал вытеснять старых владельцев. Тамы из Глостершира были обычными торговцами, которые производили сукно и торговали в Чиренчестере примерно до 1480 года, когда Джон Тейм арендовал большие участки земли в Фэрфорде для своих отар овец, а в новом промышленном центре, который он там создал, собирали шерсть, чтобы кормить мануфактуру в Чиренчестере. По всей стране он скупал по дешевке земли, которые разорившиеся дворяне не могли больше держать; его огромное богатство еще больше возросло при его сыне Эдмунде, который занял свое место среди "дворянства", став в 1505 году верховным шерифом Глостершира, получив в 1516 году рыцарское звание и принимая Генриха Восьмого в своем доме в Фэрфорде в 1520 году.[146]

Однако самыми состоятельными жителями городов, вероятно, был класс, выросший с развитием внешней торговли и экспортной торговли[147] - купцы, которые отказались от ремесел и жили исключительно "богатым трудом".[148] Их участь была нелегкой в обществе, озадаченном мощным натиском новой торговли, где люди, воспитанные в прежней системе, со страхом и неприязнью смотрели на вторжение сомнительной профессии, за которую не ручались привычные обычаи - "жадные люди, ищущие собственной выгоды", и которые не только попадали под подозрение как люди, отказывающиеся работать, но и были упрекаемы в разрушении торговли, занижая цены на товары английских ремесленников за счет более дешевых иностранных изделий. Правительство опасалось, что своими сделками купцы уменьшат запас золота, который должен храниться в стране;[149] С другой стороны, церковь и народ единодушно усматривали в сделках с векселями, залогами и суммами под проценты, которые в то время назывались "сухим обменом", нечто, не отличимое от греха ростовщичества, и призывали правительство объявить недействительными все такие "проклятые сделки, основанные на ростовщичестве, окрашенные названием new chevesaunce вопреки закону естественной справедливости" - "порочные сделки, которые чаще всего заключаются в городах и округах".[150] Для нежной совести богослова или социального проповедника торговля могла быть защищена только на том основании, что при честном ведении она не приносит прибыли.[151] Что касается "бедных коммун", то они считали, что, хотя человек может жить торговлей и, возможно, зарабатывать скромные средства, он не имеет права богатеть;[152] Его доходы представляли для людей плату за беззаконие, и голодный труженик, сидящий над своей кашей из бобов и беконных шкварок, утешал себя, как мог, мыслями о том, какие томительные века купцы должны наконец отсчитать в чистилище, наблюдая, как короли, рыцари и епископы выходят из его ворот, а им самим еще предстоит заплатить наказание в виде великих клятв и бесчисленных взяток

"Против чистой совести, за жажду победы".[153]

Тем временем их путь был затруднен на земле, и по дороге на ярмарку или рынок странствующего купца или чапмена выкупали деревенские жители, а безобидного гонца, путешествовавшего рядом с ним, весело отправляли в путь.[154]

Для средневекового сознания купец, обремененный своими товарами, был олицетворением души, обремененной грехами и мучительно пробивающей себе сомнительный путь на небеса. Он переходил от опасности к опасности, перевоза посылки, на которых он установил знак, отличающий его товары, - высокий крест с плащаницей[155] или флаг. Никакой флот не защищал его суда в морях, кишавших пиратами, и компании кораблей, готовые к бою, как и к торговле, отправлялись вместе, под командованием одного из капитанов, выбранных адмиралом,[156], чтобы пробиваться как можно лучше, в то время как дома страх окружал владельца со всех сторон. Если купец посылал своего слугу за море в Брюгге или отправлял

подмастерье в один из балтийских портов, чтобы собрать причитающуюся ему прибыль или перевезти товар, никто не мог утешить его, никакая религиозная мысль не могла отвлечь его дух, пока его посланцы не возвращались;[\[157\]](#) И даже когда его товары достигали порта, весь его опыт и хитрость требовались, чтобы справиться с поборами короля, который требовал от него вина или драгоценного груза по первому требованию, или чтобы противостоять хитрости шерифа, штабистов, сборщиков таможен, городских казначеев, сыскарей или рыночных клерков.[\[158\]](#)

Однако если риск купца, отважившегося на "великое приключение", возрастал во сто крат, то шансы, открывавшиеся перед мужеством и мастерством, становились еще более блестящими,[\[159\]](#) и торжествующий торговец становился предметом национальной гордости. У Лондона появился свой герой.

"Сын

Мерчандай, Ричард из Уиттингдона.

Этот грузчик и главный избранник

Что ему досталось от нашей Англии?

Что пера и бумаги мне не хватит

Чтоб описать, как он был высок".[\[160\]](#)

Медь в церкви Чиппинг-Камден, датированная 1401 годом, посвящена "цветку шерстяных торговцев всей Англии". В Дартмуте о долгом процветании Хоули[\[161\]](#) напоминает местная пословица.

"Дует сильный ветер, дует слабый ветер:

Это хорошо для мотыги Хаули".

Не было никого, кто превзошел бы купцов Бристоля - людей, сделавших свой город главным депо для торговли вином на юге Франции, основным поставщиком кожи, свинца и олова, большим рынком для рыбы из Ла-Манша и для торговли солью в Бретани, чьи ткани и кожи везли в Данию, чтобы обменять на рыбу, а во Францию и Испанию - на вино; кто уже в 1420 году по компасу добрался до Исландии; чьи суда первыми из Англии зашли в Левант; И когда на их бизнес обрушилось бедствие из-за потери Бордо, конкуренции лондонских купцов и концентрации торговли в руках авантюристов, они обратили свои лица к Новому Свету; Отправив в 1480 году, и из года в год с того времени, два, три или четыре легких корабля в плавание "к западу от Ирландии" в поисках "острова Бразил и семи городов", пока в 1496 году Кабот не отправился с пятью кораблями в свое путешествие открытия, откуда он вернулся, чтобы жить в большом почете среди своих соотечественников, одеваясь в шелка, и известный как "Великий адмирал". "[\[162\]](#) Бристольские купцы тех дней жили роскошно в прекрасных домах высотой в три этажа, каждый из которых имел собственную башню. Под землей тянулись обширные подвалы с желобчатыми каменными крышами: на первом этаже располагался склад или магазин, выходящий на улицу; над ним - гостиная и спальня, с мансардами во фронтонах; сзади - большой зал с высокой крышей из резного дерева.[\[163\]](#) В башнях хранились сокровища, не уступавшие по богатству пластинам знати, а стены были увешаны богатейшими гобеленами или, по крайней мере, "подделками под Аррас". Возможно, именно такой дом навел поэта, родившегося в деревенской "коте" и хорошо знавшего Бристоль, на мысль об обители, которую можно было бы предложить Владыке небес - "Ни в коте, ни в коте".

"Ни в коте, ни в каитовом доме Христос не был рожден,
Но в доме бургомистра, лучшем из всех в городе".[164]

Но растущая роскошь частной жизни - гораздо менее яркая черта средневекового города, чем великолепная традиция гражданского патриотизма и щедрости, которая, по-видимому, преобладала. Процветавшие в мире бюргеры оставили о себе самые благородные воспоминания в виде своей общественной благотворительности; и здесь были сотни благотворителей, подобных Томасу Элису, драпировщику из Сандвича, который в 1392 году основал больницу Святого Фомы-Мученика, наделил ее особняком и 132 акрами земли, а через пять месяцев после этого основал капеллу Святого Фомы-Мученика;[165] или подобно Саймону Грендону, трижды мэру Эксетера, который оставил деньги на основание больницы для бедных. Дары церквям в виде пластин, облачений и книг, завещания для песнопений или священников слишком многочисленны, чтобы их упоминать;[166], но среди горожан существовала устойчивая тенденция направлять свои пожертвования в совершенно иные русла и, завещая свои деньги городской корпорации, а не религиозной организации, направлять их непосредственно на светские цели и благотворительность по новой моде - основывать бесплатные школы, строить стены, ремонтировать мосты, содержать гавани для своего района или оставлять средства для уплаты фермерской ренты или определенных фиксированных налогов. Один абингдонский купец дал тысячу марок на строительство мостов через два опасных брода, Боро Форд и Калхэм Форд, которые должны были быть построены абингдонцами "за свой счет, на средства города и благосклонности доброжелателей" и которые должны были сделать Абингдон дорогой из Глостера в Лондон.[167] В 1421 году, когда монахи, владевшие источниками, из которых Саутгемптон получал воду, уже не могли позволить себе заменить обветшавшие трубы, один мещанин "для блага своей души" оставил деньги на новые свинцовые трубы, которых хватило бы не только на весь город, но и на монахов.[168] Один из ипсвичских бюргеров выделил весьма значительную сумму в 140 фунтов стерлингов, чтобы избавить своих сограждан от ежегодных пошлин;[169] и деньги постоянно поступали на ворота, стены и рыночные кресты, на покупку новых хартий, украшение ратуши или подарки корпорации;[170] в то время как, как мы уже видели, новая система образования была практически основана бесплатными школами, которые были в значительной степени наделены их либеральностью.

Впервые со времен изгнания евреев из Англии мы видим класс людей с деньгами, которыми можно было распоряжаться; все золото и серебро, которое можно было использовать в практических целях, собиралось в казну бюргеров. Знатные "расточители", которые с обжорством уничтожали то, что завоевали пахари и сеятели[171], носили с собой легкий кошелек; а робкие деревенские жители, напуганные беспорядком и ненадежностью времени, не привыкшие к торговле и спекуляции, зарывали свои сокровища в землю или укладывали мешки "старых дворян" с их пластинами в надежные тайники,[172] усердно копя деньги на случай злого дня, который преследовал их воображение. Но среди расточителей и слабонервных экономистов появились мещане с привычкой к крупным выигрышам и щедрым тратам. Они стали ростовщиками и заимодавцами эпохи. Когда семьи графства исчерпали все возможности занять у своих кузенов и соседей[173], им пришлось обратиться к лавочникам ближайшего города, которые, похоже, были готовы заключить специальные и частные соглашения на лучших условиях, чем у обычных ростовщиков.[174] Джон Пастон взял займы у шерифа Лондона; сэр Уильям Парр заложил свою тарелку лондонскому торговцу рыбой за 120 фунтов, которые он должен был отдать ему в церкви Святой Марии-на-Хилле рядом с Биллингсгейтом.[175] Начиная с Ричарда Второго короли, как и их подданные, охотно брали в долг у драпировщиков и торговцев в городах. Преуспевающий купец в минуты гордости сопоставлял свои значительные достоинства с надменными притязаниями лордов,

которые могли ходить и просить милостыню у городских бюргеров и быть "не лучше боба, хотя и занимают всегда",^[176] и не был лишен иногда презрения к аристократической бедности. Сэр Уильям Пламpton женился на дочери горожанина и купца Йорка, которая из своего богатого приданого в виде домов в Рипоне и Йорке смогла оставить своим детям большое состояние. Один из них написал описание визита, который она нанесла в дом кузенов-аристократов, сэра Джона Скропа и его дочери мистрис Дарси, и их надменного поведения. "Клянусь честью, я простояла там целый час, но не увидела ни лорда, ни леди... и при этом у меня было пять человек в костюмах (ливреях). В его доме, смею сказать, нет таких пяти человек".^[177]

Но постоянное слияние классов, которое происходило на протяжении всего столетия, показало, насколько прочными были причины, сближавшие богатых торговцев из городов и полуразорившиеся семьи из графства. Обедневших деревенских дворян прельщали деньги, заработанные в бизнесе, так же как "купцы и новые джентльмены" надеялись достичь известности, вступив в брак с представителями помещичьих семей. Сквайры строили себе дома в соседних районах, становились торговцами на свой собственный счет и, как правило, занимали, наконец, должности в муниципальном управлении;^[178] то время как, с другой стороны, успешные городские купцы становились землевладельцами по всей стране, украшались орнаментами бани и отличались модными браками,^[179] несмотря на раздраженные сарказмы "нежного" класса, утешавшегося в тяжелых условиях бедности слабой гордостью. "Купцы или новые джентльмены, как я полагаю, сделают большое предложение", - писал Эдмунд Пастон, когда речь зашла о браке одного из членов его семьи; "ну, я думаю, если вы уедете в Лондон, у вас будут большие предложения".^[180] Он, кажется, предпочитал, чтобы Пастоны искали хорошие связи; и, возможно, это беспокойство особенно проявлялось в случае с женщинами, поскольку семья, кажется, была весьма взволнована, когда Марджери Пастон в 1449 году вышла замуж за некоего Ричарда Калле и отправилась, как сказал Джон, "продавать свечи и горчицу во Фрамлингеме".^[181] Но Джон Пастон не испытывал никаких колебаний по поводу женитьбы на дочери лондонского драпировщика. Один из братьев считал солидными достоинства дочери лондонского мерсера, а другой очень хотел заполучить в жены вдову торговца камвольными изделиями из Уорстеда, которому оставили сто марок деньгами, сто марок тарелками и мебелью и 10 фунтов в год земли.^[182] Денежная сторона брака с солидным бюргером, должно быть, имела свои привлекательные стороны и для дам графства. В Ноттингеме, согласно "обычаю английского боро", половина имущества мужа после его смерти переходила к его вдове;^[183] и лондонский мерсер, начинающий бизнес, обещает в своем брачном контракте "найти поручителя, что в случае его смерти она получит 100 фунтов стерлингов помимо своей части его товаров по обычаю города".^[184]

Все интересы фактически сговорились, чтобы стереть сословные различия в такой степени, которая неизвестна в европейских странах; и в стране, где "новые люди" уже давно были признаны среди величайших чиновников короля, и где закон не создавал препятствий в социальной жизни, все пути к известности были открыты перед авантюристом. Однако, несмотря на эту свободу, английский купец никогда не поднимался на такую же высоту богатства и власти, как великие торговцы континента. У нас нет таких примеров, как Жак Кёр,^[185] буржский мещанин, чьи корабли можно было увидеть в Англии с куницами, соболями и золотыми тканями; или торгующими вверх по Роне; или конкурирующими с соперниками из Генуи, Венеции и Каталонии за каботажную торговлю в Средиземноморье; или плавающими в Левант, каждое судно нагруженное шестнадцатью или двадцатью тысячами дукатов для торговых приключений. Триста агентов в разных городах служили его факторами в делах; его послов можно было встретить при дворе египетского султана или в

качестве третейских судей в распрях политических партий в Генуе. "Я знаю, - пишет он с откровенным сознанием своей власти, - что завоевание Сан-Грааля не может быть осуществлено без меня".[186] Он купил более двадцати поместий или лордств, имел два дома в Париже, два в Туре, четыре дома и две гостиницы в Лионе, дома в Бокере, Безье, Нарбонне, Сен-Пурсене, Марселе, Монпелье, Перпиньяне и Бурже. В 1450 году он потратил 100 000 крон золотом на новый дом, который он строил из римских останков в Бурже, и он все еще оставался недостроенным. Как мастер монетного двора в Бурже и Париже, а также как величайший капиталист своей нации, он практически контролировал все финансы Франции; более того, он держал в своих руках судьбу французской торговли и даже французской нации, поскольку только благодаря его займам королю Карлу удалось вытеснить англичан из Нормандии. В те времена, когда всякая торговля была строго запрещена для благородного сословия, благодарный монарх, помня о своевременных займах и драгоценностях, выкупленных из залога его полезным ростовщиком, благодетельствовал Жака Кёра с женой и детьми. Его старший сын был архиепископом Буржа, брат - епископом Лусона, племянник и главный фактор - советником короля Рене и камергером герцога Калабрийского. Но насколько он превзошел английского торговца в своей славе и успехе, настолько же он превзошел его в величии своего разорения. Та же произвольная власть, которая возвысила его над своими братьями, с такой же легкостью могла быть использована для его низвержения; и после двадцати лет процветания Жак Кер стал государственным преступником, лишился всего своего имущества и был обречен на вечное изгнание. Превратив изгнание в возможность для новых начинаний, он отправился на восток во главе крестового похода в 1456 году, чтобы умереть в пути и найти могилу на Хиосе.[187]

По сравнению с такой карьерой и с теми призами, которые висели перед искателями приключений на континенте, жизнь английского торговца была действительно домашней и однообразной. И триумф, и разорение были скромными. Ни одна великая фигура не выделяется среди других как сподвижник принцев или политический агент королей. Ни одно имя не дошло до нас прославленным благодаря огромным амбициям или интеллектуальному вдохновению, или прославилось благодаря тому, что переломило баланс политической ситуации. И именно в этом факте мы обнаруживаем существенный характер нового коммерческого общества в Англии. Вместо колоссальных состояний мы видим многочисленный средний класс, повсеместно наслаждающийся без страха солидным и основательным комфортом. И, возможно, как следствие повсеместного распространения материального благополучия, республика торговцев сумела развить чудесное искусство организации со всей необходимой дисциплиной. Триумфы английских купцов были одержаны сплоченной фалангой людей, наделенных хорошими средними способностями, обладающих необычайными дарами выносливости и гением комбинирования, и двигавшихся к своей цели все вместе с неодолимой решимостью. Единообразие и регулярность их рядов никогда не нарушались вторжением гениального лидера, выдающегося среди своих братьев; и будь то в городах или в торговых братствах, маленькие деспотии, которые были установлены, были деспотиями не одного хозяина, а групп людей, разработавших общую политику и поддерживавших ее добровольными и объединенными усилиями. Фактически сам дух народа, казалось, вошел в великую промышленную систему, которая возникла в его среде, - рост свободный и независимый, питающийся из общей почвы, из которой он вышел, подчиняющийся своим собственным законам, расширяющийся силой своей собственной природы.

Несомненно, общество, созданное таким образом, не только теряло, но и приобретало. Особый гений народа, его удаленность от внешних влияний, концентрация национальных

сил на насущных промышленных и торговых проблемах момента - все это, безусловно, повлияло на развитие национальной жизни и во многом привело к тому, что цивилизация осталась грубой и несовершенной. Но помимо этого мы также осознаем влияние некоторой преобладающей посредственности положения. Горизонт торговых и промышленных классов был ограничен практическим материализмом, где интеллект имел так же мало игры, как и воображение. Ни блеск Древнего Рима, ни романтика крестового похода никогда не трогали воображение английского торговца, занятого проблемами времени. Нет ни одного величественного жилища тех дней, чтобы показать великолепные концепции, которые могли бы занять купеческого строителя, а "дворец короля Джона" в Ноттингеме,^[188] или дом с башенками в Бристоле, "лучший из всех в городе", рассказывающий о комфортной домашней жизни, странно контрастируют со знаменитым зданием в Бурже. Насколько нам известно, ни один торговец или мещанин не имел библиотеки; из утраченного прошлого ни одна строчка Горация не нашла отклика даже среди самых образованных деловых людей более ста лет спустя; ни одна картина не была привезена домой из школ Италии или Нидерландов; о могущественной торговле заморского мира торговец знал все, о его культуре - ничего; и Англия осталась без выдающихся покровителей искусств или воспитателей образованности, кроме тех, что находились в епископских дворцах. И не только в искусстве и литературе торговец был ограничен; в спешке бизнеса у него не было времени и внимания на политические проблемы, лежащие за пределами его собственного прихода или промышленной области. К счастью для своей страны, он получил точное вознаграждение. Его бизнес процветал, но работа государственного деятеля в ее тонком смысле была отдана другим; и в политических и коммерческих кризисах, через которые пришлось пройти Англии, она некоторое время выбирала своих лидеров из людей, обученных в другой, более всесторонней школе. Только в следующем столетии купец постепенно стал занимать новое место в мире политики. При первых Тюдорах вошло в обычай назначать представителями Англии в иностранных государствах торговцев, проживающих в этих странах, и хотя эту систему принято объяснять скудоумием двора, скорее всего, она была обусловлена проницательностью правителя. В самой Англии Томас Кромвель, клерк из Антверпена, торговец шерстью из Мидделбурга, подьячий, банкир и адвокат, впервые энергично вошел в суд, отбросил в сторону почтенные традиции, сложившиеся вокруг церкви и государства, и на обломках и руинах прошлого провозгласил триумф новой эпохи.^[189]

ГЛАВА IV

ТРУДОВОЙ ВОПРОС

Пожалуй, ни одна жалоба на фоне бурного роста производства и торговли, которым был отмечен XV век, и в обществе, где мор и чума, казалось, поддерживали численность населения на одном уровне, не выглядит столь поразительно, как жалоба на избыток рабочей силы; а неуловимый способ, которым эта проблема то появляется, то исчезает, делает ее еще более обескураживающей. В один момент люди жаловались на безработицу, а в другой - изменяли старые законы, потому что не могли найти достаточно рабочих рук. Мастера со всех сторон обходили правила, ограничивающие число подмастерьев и учеников, и все равно взывали к государству о защите своего ремесла, потому что ремесленник не мог найти себе работу. Люди говорили об иностранной конкуренции и

слишком большом количестве рабочих в каждом ремесле и принимали насильственные меры для снижения цен и заработной платы. Законодатели запрещали ввоз иностранных товаров, чтобы дать работу нуждающимся ремесленникам на родине, и ремесленники сговаривались об ограничении производства и повышении цен. В том, что за всеми этими противоречивыми проявлениями скрывалась какая-то реальная проблема, чье неопределенное присутствие можно было почувствовать, сомневаться не приходится; но можно задаться вопросом, была ли эта проблема связана с трудом, на который не было спроса.

Многие жалобы, несомненно, возникали в период особых страданий, когда начиналась война или соперничество между Англией и Нидерландами закрывало большие рынки за морем и оставляло ткачей с неработающими станками и тюками непроданных тканей; и мы должны иногда принимать фразы статута, принятых под влиянием временного бедствия, как просто описание беды, слишком непривычной, чтобы ее можно было переносить молча. Например, статут 1488 года, принятый во время упадка торговли, которым были отмечены первые годы правления Генриха Седьмого, предлагал вернуть процветание драпировщикам, поскольку "те, кто должен добывать себе пропитание и средства к существованию посредством той же драпировки, за неимением такого занятия ежедневно впадают в безделье и нищету в огромном количестве";^[190] но торговые договоры, которыми отличались следующие три или четыре года правления Генриха, были, вероятно, более действенными, чем любые статуты такого рода, и они достаточно доказывают, что торговля не находилась в умирающем или дряхлом состоянии.

Время от времени ропот народа говорит лишь о неприятностях, которые следуют за любыми промышленными изменениями. Для работодателя новая отрасль пришла, чтобы выяснить объем его ресурсов и его деятельности. Торопясь нажить богатство, торопясь успеть за требованиями иностранных торговцев и больших рынков, он оказался прижат необходимостью дешевого и быстрого производства, и его попытки улучшить методы производства привели его к столкновению с рабочими, для которых более грубые и расточительные способы ведения дел часто оказывались более выгодными. Трудовые споры возникали по вопросам заработной платы и сдельной оплаты, праздников, найма женщин^[191] и дешевых рабочих. Иногда хозяин занимался незаконным промыслом - держал рабочих в частном порядке в собственном доме или на корабле в порту,^[192] чтобы вывести слуг из-под надзора городского совета, а товары - из-под обложения городскими пошлинами. Накопив небольшой капитал, он, возможно, отправлялся в долины Йоркшира или Глостершира в поисках воды для своих мельниц или более тонкой шерсти для своих ткачей; или покидал город-производитель ради какого-нибудь сельского района, где было много рабочей силы и где он мог избежать тяжелых муниципальных пошлин, которые его бизнес не мог себе позволить платить. В то время как долина реки Страуд принимала фламандских поселенцев и вдоль каждого ручья возникали мельницы, Лондон и Кентербери обнаружили, что их мануфактурная торговля ускользает от них;^[193] и слава Норвича ушла, когда суконщики двинулись вдоль болотных потоков Йоркшира в Уэйкфилд, Хаддерсфилд и Галифакс и основали суконные фабрики среди немногих крестьянских хижин в отдаленных деревнях.

Трудности возникали и тогда, когда производитель начинал создавать первые грубые формы фабричной системы и тем самым нарушал случайный труд своих соседей; По примеру пивоваров Кента, которые, помимо снабжения Лондона и крупных торговых портов побережья, начали отправлять пиво во Фландрию и больше не покупали солод у населения, как раньше, делая в собственных домах всего лишь несколько пустяковых сотен четвертей, а

стали делать дома до тысячи или даже восемнадцати сотен четвертей, к ущербу тех крестьян и молодежи, которые когда-то зарабатывали на жизнь, готовя солод на продажу.^[194] А может быть, предприимчивые мастера стали внедрять новые машины, чтобы не отставать от растущего спроса на их продукцию. Такому нововведению противостояли так же горячо, как и в нашем веке. Стригали сукно, поднимая крик против нового железного инструмента, изобретенного для поднятия ворса сукна, чтобы его можно было быстро сжечь без прежнего труда, в то время как стригали оставались без дела.^[195] В 1376 году среди изготовителей шапок "некоторые из ремесленников поставили водяную мельницу для набивки своих шапок", в результате чего подмастерья и свободные ремесленники оказались лишены работы и "оказались на грани гибели". Они, конечно, обратились в город на том основании, что набитые таким образом чепцы - плохая одежда для общества, и в результате мельницы были запрещены;^[196] но за этим последовало столетие неповиновения, уклонений и разборок, пока рабочие набивщики не обратились в сам парламент, и в 1482 году было принято постановление о том, что шляпы, чепцы и чепцы, которые "обычно добросовестновалялись мужской силой, то есть руками и ногами", никогда больше не должны валяться на валяльных мельницах, изобретенных "тонким воображением для уничтожения труда и пропитания многих людей" и для "окончательного уничтожения" изготовителей шапок.^[197]

Даже вопрос об иностранной иммиграции вызывал разногласия между суконщиками и ткачами. Мануфактуры, торгующие на ярмарках, где выставялась тонкая работа фламандских специалистов - самых искусных ткачей в Европе, - нуждались для успеха своей торговли в услугах высококвалифицированных ремесленников, укrywшихся в Англии от разорения, которое ожидало их во Фландрии, и во многих городах квалифицированные иммигранты были желанными гостями.^[198] Под защитой классов, для которых иностранный ремесленник никогда не был нежеланным - потребителей, торговцев и хозяев, - он жил достаточно хорошо; пока он находился под местным контролем гильдии или муниципалитета, вынужден был жить в доме англичанина, ему запрещалось торговать в розницу, за ним следили так строго, что практически закрывали ему доступ на рынок, работодатели труда не видели причин для беспокойства.^[199] С другой стороны, благодушный взгляд фабриканта не разделялся английским ремесленником; в местах, где торговля сокращалась или где возникали финансовые трудности, иностранец мог стать незадачливым козлом отпущения общества, и на его голову сваливались все беды, которые несли гильдии или муниципалитеты. Например, в середине XV века, когда бристольская торговля шерстью была наполовину разрушена потерей Бордо, что уничтожило ее огромный рынок и привело к долгосрочным изменениям во французских центрах производства; и в результате решимости Авантюристов-купцов установить в Лондоне и в пользу лондонских купцов практическую монополию на торговлю тканями с северными морями, подмастерья подали жалобу на мастеров-ткачей, которые "привели и поставили заниматься ремеслом чужаков, выходцев из разных стран, не рожденных под королевским послушанием, но мятежных, - призывал отчаявшийся рабочий в поисках неоспоримого аргумента, который должен окончательно решить дело, - которые были проданы им как языческие люди"; И мэр отдал желанный приказ, согласно которому ни один иностранный ткач не должен быть привезен в Бристоль^[200] - закон, который, однако, не восстановил торговлю сукном в их городе.

В этом случае мы, кажется, действительно слышим жалобу бедного подмастерья; и в других местах, в призывах к состраданию и защите, в статутах парламента и королевских хартиях,^[201] или в постановлениях городских советов о его помощи, мы, кажется, время от времени оказываемся на грани трудовой проблемы, актуальной как для современного, так и для древнего мира. Но в целом история иностранной иммиграции, дошедшая до нас, ни в

кчем случае не является историей трудового вопроса. Ассоциация мастеров, стремящаяся обеспечить себе жесткую монополию в своих интересах, не могла привести более весомый аргумент, чем отчаянное положение своих рабочих, - аргумент, который может быть использован могущественной корпорацией, уверенной в официальной поддержке, или умирающей профессией, потерпевшей полное поражение в конкурентной борьбе, - и который сам по себе мало что проясняет в этом вопросе. Когда спор с иностранцем всплывает на поверхность, он, как правило, носит характер ссоры между торговцами, а не обиды ремесленников. У рабочего, несомненно, были свои претензии, но мы слышим не его голос, а голос его более шумного соседа - лавочника или торговца, который, зная, что ему самому мало что остается ждать от сочувствия английского потребителя, вкратце переходил к теме своих непосредственных интересов и с художественным мастерством использовал страдания наемного работника, чтобы вызвать всеобщее сострадание и усилить эффект обращения к обеспокоенному правительству или встревоженной общественности. Ведь, как мы читаем в городских ордонансах и актах парламента[202], эти странные "искусники", поджигавшие мир, выступали под видом разносчиков или мелких торговцев, которые "привозили с собой на продажу много иностранных товаров" и были особенно неприятны для местных торговцев; Такие иностранные вредители, судя по всему, ходили "к людям", "занимали места" и там "показывали" свои товары на потеху туземцам, а также нанимали слуг из своего народа для розничной торговли своими товарами по стране - непροстительное преступление в глазах лондонских купцов, которые делали все возможное, чтобы стать единственными посредниками в иностранной торговле. С переменным успехом местные торговцы взывали к защитному законодательству, молясь, чтобы чужеземцам запретили свободно заниматься торговлей и заставили их в качестве подмастерьев служить только английским мастерам или в качестве хозяев нанимать только английских слуг. Такой узурпатор, как Ричард Третий, стремясь примирить ведущих бюргеров городов, был готов, помимо прочего, запретить любому иностранцу становиться ремесленником или брать в ученики кого-либо из своего народа, кроме собственного сына или дочери;[203] то время как Генрих Седьмой, напротив, проводил в жизнь свои собственные взгляды на промышленную политику, привлекая ткачей для развития торговли в Йоркшире и Девоншире.

Но при любых ограничениях иностранцы все равно приезжали, и время от времени раздавался один и тот же крик против них. Мануфактурщики и посредники, которые с радостью приняли бы иммигрантов, лишь бы те работали по найму, возмущались нашествием чужаков, прибывающих из-за моря "со своими женами, детьми и домохладцами, которые не возьмут на себя никакой трудоемкой работы, как воз и плуг, а будут заниматься изготовлением тканей и другими ремеслами и легкими занятиями", и это, очевидно, в качестве мастеров, поскольку жаловались, что нанимают только иностранных подмастерьев, из-за чего английские люди впадают в безделье и становятся ворами, нищими и бродягами.[204] "Земля так населена огромным количеством нуждающихся людей, чужеземцев разных наций... что ваши сеньоры, англичане, не могут представить или сказать, где или на какое занятие они должны использовать или отдавать своих детей учиться или заниматься в ваших указанных городах или округах" - так жалуются лондонцы в 1514 году: и добавляют, что если так пойдет дальше, англичане больше не смогут платить ренту, содержать свои дома, покорять и побеждать своих древних врагов - французов.[205] Не имея возможности бороться с теорией своего времени, согласно которой торговое законодательство в первую очередь должно было служить интересам покупателя, а не торговца, и опасаясь, что аргументы в пользу монополии на продажу вряд ли выдержат критику враждебной публики, торговец был склонен искать какой-то обходной путь и ухватиться за дело бедного рабочего, ужас перед французами и патриотическое видение нации воинственных ткачей,[206] как за безошибочные призывы к чувствам своего времени.

Мы находим враждебность и жалобы того же рода, направленные против борющихся пригородных производителей, которые конкурировали с горожанами благодаря тому, что терпели все лишения и приучали свои руки к любой форме труда. Для городского промышленника они были отвратительны; и он пытался заручиться сочувствием публики, громко жалуясь, что только рабочие, едва научившись своему ремеслу, покидают своих хозяев, чтобы устроиться самостоятельно и зарабатывать на жизнь. Вполне вероятно, что их ряды часто пополнялись мелкими мастерами, которые по бедности выбывали из обычных промышленных рядов; Например, когда подмастерье или незнакомец начинал заниматься бизнесом, чтобы попытаться счастья, и, получив, возможно, три или четыре года на выплату в рассрочку суммы, взимаемой гильдией за открытие магазина, сбегал из района как раз перед тем, как наступал срок уплаты последнего штрафа,[207] к тому времени, возможно, готовый начать свободную торговлю в лачуге "на возвышенности" и зарабатывать на скудную жизнь работой на ручном ткацком станке или изготовлением веревок в перерывах между обработкой поля или сада. Но такие домашние промыслы, как бы они ни зарождались, неизбежно отвергались городскими организаторами труда. Они отвлекали торговлю, создавали грозную конкуренцию нерегулируемого труда, снижали пошлины и опустошали копилку сборщиков налогов. Городские советники, лавочники и подмастерья в один голос объявили войну тем, кто ради своих "единичных выгод и благ, не заботясь ни о поддержании упомянутых городов, ни об общем богатстве ремесленников... ни бедняков, живущих тем же самым", нанимают фермы, становятся пастухами и земледельцами, но при этом занимаются ткачеством, набивкой и стрижкой сукна в собственных домах;[208] или же, подобно тем хватким людям, которые ушли из Бридпорта, берут фермы "ради личной корысти" и не только "занимаются земледелием", но и в свободное время делают тросы, канаты, корабельные снасти и недоуздок.[209]

Однако споры такого рода, о которых говорилось, имели ничтожное значение в светской полемике между лидерами промышленности и общей массой рабочих, как она представлялась в Средние века; а великая проблема - та, что касалась не отдельных групп или отраслей, а всей массы труда, который должен был сдаваться в наем, - была невнятной из-за самой своей масштабности. В то время как рабочие освобождались от земли, где пашни превращались в огороженные пастбища для разведения овец, они были востребованы производителем, чей новый бизнес по производству тканей требовал больше рабочих рук, чем старый бизнес по продаже шерсти. Но труд, высвобожденный в поле, возможно, не всегда легко переносился в мастерскую; и когда крестьянин, который вместе со своими товарищами трудился на земле

"Все от страха смерти голодали".[210]

и, за исключением тех случаев, когда время сбора урожая давало кратковременное изобилие, ел в страданиях свою овсяную лепешку с небольшим количеством творога, свой "хлеб из бобов и гороха", свой лук, полузрелые вишни и маленькие печеные яблоки[211] - когда он оставлял свою "лачугу" и нес в город только свой голод, свое невежество и отсутствие навыков, он не обязательно улучшал свою судьбу, превращая из крепостного хозяина в жалкого иждивенца работодателя. Более того, как будто препятствия на пути его беспомощности и без того не были достаточно непреодолимыми, изобретательное устройство человека еще больше усугубляло трудности. Искусственные барьеры, сдерживающие труд, который рвался к их воротам, были воздвигнуты всеми объединенными силами государства, города и гильдии. Государство, защищая интересы сельского хозяйства, строго запрещало бедному крестьянину оставлять земледелие ради торговли или обучать своего ребенка какому-либо ремеслу.[212] Города по собственным причинам

поспешили усилить действие этих законов местными постановлениями или строгостью, с которой они выполняли старые постановления.^[213] Наконец, гильдии огородили себя правилами, чтобы защитить свою монополию, ограничив численность и отгородившись от посторонних. С течением XV века все эти организации одинаково строго следили за соблюдением своих положений, и опасность, угрожавшая рабочему классу в период промышленной революции, превратилась в настоящее бедствие.

Невозможно представить себе, что подобные постановления были самоотверженным стремлением работодателей ограничить предложение рабочей силы; скорее они доходят до нас как отголоски первого великого спора о положении и привилегиях наемного работника. Защита промышленности от любой конкуренции была первым и последним кредо ремесленников (в отличие от широкой публики) - защита, с помощью которой уничтожались все мыслимые опасности, угрожавшие интересам монополистов, будь то конкуренция других смежных профессий, или конкуренция, вызванная машинами и новыми методами организации труда, или соперничество между членами одного ремесла, или вторжение торговцев из провинций, или иммиграция иностранных производителей из-за границы. Что касается основного принципа, то тут споров не было, и были некоторые менее важные его развития, где интересы мастеров и подмастерьев совпадали. Но для работодателей и торговцев монополия торговли означала, главным образом, их собственную монополию на производство и продажу; в то время как наемный работник был озабочен тем, чтобы не допустить избытка рабочей силы в ремесле, чтобы не лишиться постоянного рабочего уверенности в своем пропитании. Однако рабочая сила была слишком необходима в растущей торговле страны, чтобы мастера могли отказывать себе в ее услугах; ни одно из их постановлений не было направлено на то, чтобы привести к столь пагубному для себя результату. По их мнению, главное заключалось в том, чтобы рабочие были послушными и покорными, оставались в тех районах страны, где они наиболее выгодны подрядчику, и не могли претендовать на контроль или прибыль от промышленности, что должно было помешать великому делу момента - расширению английской торговли; и способность лидеров ремесла проявилась в мастерстве тактики, которую они приняли, успехе, которого они добились, и политической смекалке, благодаря которой они достигли своей цели без открытых разборок и публичной агитации.

Ибо представляется вероятным, что трудовой вопрос возник с самого начала развития обрабатывающей промышленности и что задолго до XV века уже существовал многочисленный класс наемных рабочих. Мы знаем, что в XIV веке ремесленники уже представляли собой силу, которой боялись государство и муниципалитет, и что не только в Лондоне, но и в других городах подмастерья познали недовольство и начали объединяться для самозащиты.^[214] Мы также знаем, что до 1340 года, по крайней мере, в одном мануфактурном городе (и, несомненно, записи в конечном итоге расскажут о большем количестве) существовала своя жалкая раса рабочих, которые трудились день за день за грошовую зарплату, изгои, чья крайняя нищета была их единственной защитой; Люди, не имевшие абсолютно ничего, за что их можно было бы привлечь к ответственности за преступления или проступки, и смеявшиеся над любой попыткой суда вызвать их или оштрафовать; в то время как их работодатели, не несущие юридической ответственности, кроме как по специальным постановлениям для таких поденщиков, как эти, не заботились о долгах или преступлениях класса, не имеющего привилегий или положения в глазах закона.^[215] И как бы ни была туманна тема, мы, кажется, уже в ранние времена обнаружили за системой гильдий растущий класс "неконвенциональной" рабочей силы, который политика работодателей постоянно стремилась поощрять, стремясь, с одной стороны,

ограничить число привилегированных слуг, а с другой - увеличить предложение незащищенных работников.

Именно по этой причине, в то время как спрос на мануфактуры рос небывало, число людей, стремившихся через ученичество попасть в ремесло, было строго ограничено законом;^[216] и когда человек заканчивал свое ученичество, находились хитроумные средства, чтобы вернуть его в ряды наемных рабочих;^[217] Так что квалифицированный рабочий, прошедший срок службы, но не получивший свободы своего ремесла^[218] - то ли потому, что ему не удалось заручиться рекомендацией глав гильдий, то ли потому, что он не смог заплатить двойную плату, требуемую за франшизу города и франшизу ремесла^[219] - был обречен отныне оставаться простым подмастерьем без особой надежды на продвижение. Для зачисленного подмастерья существовала некоторая защита, хотя и весьма ограниченная, в гильдии; но более низкий и беспомощный класс служилых людей набирался из подмастерьев, не отработавших полный срок, - бедных детей, чья служба начиналась в семь или двенадцать лет, и которые, будучи еще совсем мальчишками, побуждались прервать семь или десять лет, установленных в их профессии для ученичества, и поспешно поступали на работу за поденную плату, считаясь с этого времени неквалифицированными рабочими;^[220] Лишенные защиты закона в вопросах заработной платы, не имея никакого положения в гильдии и находясь во власти ремесленных мастеров по найму, они до конца жизни были допущены к работе по найму как приносящие на рынок дешевую рабочую силу. Наконец, даже статуты, запрещающие бедным деревенским жителям обучать своих детей в городах,^[221] далеко не всегда доказывали намерение отстранить деревенских жителей от работы на мануфактуру, а, возможно, были результатом союза землевладельца и работодателя, направленного на достижение своих целей, и были разработаны городским магнатом лишь для того, чтобы помешать зависимым деревенским работникам стекаться в города в поисках ученичества и последующей свободы торговли.^[222] Ведь вполне вероятно, что городские торговцы очень рано привыкли заключать контракты с деревенскими жителями на более низкие и грубые виды работ. Например, в Норвиче все кожевники сначала работали в деревне, а шкуры отправляли в Норвич, чтобы их обрабатывали и отделявали парментеры; и, возможно, лишь за поколение до принятия закона Генриха Четвертого кожевники приехали в Норвич и обосновались на берегу реки. И точно так же все ткани, поступавшие на рынок Норвича, были деревенскими, и первоначально на улицах Норвича не продавали шерсть и не производили ткани в его мастерских.^[223] Та же система подряда на работы в окрестных деревнях^[224] была известна далеко за пределами Норвича, но ее история сильно зависела от местных условий. В этом городе, где торговля была слишком активной, чтобы замыкаться на нескольких квадратных милях, а окружающее население превратилось в народ подмастерьев и ремесленников, муниципалитет, похоже, начал политику управления промышленностью, которую он не хотел подавлять, передав организацию сельских районов в те же руки, что и городских, и поставив рабочих под тот же муниципальный контроль^[225] - политика, казалось бы, купцов и работодателей, в основном занятых расширением торговли и не замечающих опасности, которую таил в себе их эксперимент, связанный с разрушением муниципальной жизни. Но в других городах мы, кажется, обнаруживаем тщетную попытку рабочего населения ухватиться за торговлю, достигшую свободной зрелости, и вернуть ее в старые муниципальные ясли под опекой и руководством младенцев; как в Вустере, где постановления содержат множество доказательств того, что они были составлены под сильным влиянием народа, и где мастерам было запрещено выдавать шерсть ткачам до тех пор, пока в городе было достаточно людей для выполнения этой работы, "чтобы помешать бедным соплеменникам".^[226] Очевидно, что мануфактурщик, с его собственной точки зрения, мог бы решительно возражать против наводнения городов неуправляемым количеством рабочих, связанных с гильдией, которые

могли бы, в силу своей численности и своего заветного положения, призывать муниципальное правительство вмешиваться в управление торговлей в их интересах.[227]

Если мы рассмотрим случай рабочего населения в городе или деревне - вспомним ли мы бедняков из деревушек, известных Лэнгленду, которые "не имеют никакого имущества, кроме своего ремесла и нескольких пенсов";[228] или рассмотрим в городах низший класс случайных рабочих, работающих за гроши в день, или чуть более удачливые группы неквалифицированных слуг, или подавленную компанию квалифицированных подмастерьев; Проследим ли мы в деревнях или районах поразительное множество религиозных братств, которые иногда хотя бы скрывали незаконные попытки самозащиты наемных работников, или изучим строгость, с которой города и гильдии пресекали каждую попытку рабочих объединиться в какую-либо ассоциацию для их общего блага, - мы снова и снова сталкиваемся с проблемой труда. В густом мраке, который все еще окутывает эту тему, поглощается сам догматизм. Но по мере того, как мы вглядываемся в неясность, граница заговоренных ремесел и туманные области, лежащие за их признанными пределами, становятся заполненными массами простых рабочих - тоскливыми группами рабочих, кипящих невнятным недовольством, страдающих от ужасов и рабства сурового закона, и время от времени, когда они выходят на короткий свет бунта и беспорядка,[229] разжигают тревогу оседлых и защищенных классов над ними. Ассоциации богатых купцов, вдохновленные общими интересами, объединялись для взаимной поддержки; а дружественные городские советы, чья политика была направлена на сокращение числа избирателей, особенно бедных ремесленников, которые могли доставить неприятности, и все члены которых были сами работодателями и мастерами, заключали союз с гильдиями и принимали законы, которые, закрывая ученикам доступ к свободе ремесла, лишали их права голоса в городе. Напрасно центральное правительство время от времени, по мере усиления зла, пыталось вмешаться в дела ремесленников и надзирателей, которые "ради собственной выгоды" принимали хитроумные подзаконные акты или постановления, исключая новых желающих;[230] Местные союзы были слишком сильны для этого, а местные умы слишком хитры, и одним из главных результатов торжествующей системы гильдий стало развитие по всей стране бесформенной и бессвязной толпы наемных рабочих, которые ни в коем случае не могли подняться до независимого положения и не имели средств объединения для самозащиты. По мере того как более слабые члены толпы время от времени опускались до полного безденежья, изгои промышленной системы постепенно собирались в новое братство обездоленных; и даже в XV веке, задолго до того, как они были усилены бродягами из города и деревни, которые стекались в их печальное сообщество после роспуска монастырей, передовой отряд армии нищих появляется на улицах городов, чтобы беспокоить советы муниципальных правителей.

ГЛАВА V

РЕМЕСЛА

Ранняя история ремесленных гильдий, как и история муниципалитетов, - это история сообществ, находящихся в первой силе молодости, вырастающих силой своей собственной жизненной силы в формы, которые не могут быть сведены к механической регулярности или порядку, и всегда пластичны, чтобы принимать новые формы в соответствии с изменчивыми

потребностями эпохи, когда промышленность, торговля, местное самоуправление - все находилось в состоянии революции. В гордости своего первого создания, в унижении своего последующего кажущегося подчинения, в победных результатах, наконец, своей долгой дисциплины, гильдии отражали последовательные движения в великих переменах, преобразовавших английское общество; и было бы трудно найти единую формулу, в которой можно было бы выразить столь свободную и разнообразную жизнь. Как и в боро, их системы управления варьировались от конституций, которые если и не были демократическими, то, по крайней мере, республиканскими, до конституций, которые ставили во главе олигархию, ограниченную или деспотическую; так что вряд ли можно сказать, что города заимствовали свои методы у гильдий, а гильдии - у городов, в то время, когда и те и другие, возможно, нащупывали свой путь к единственному решению проблемы управления, которое допускали время и случай. У них был один и тот же период интенсивной деятельности - от пробуждения новой жизни Англии при нормандских королях до окончательного утверждения ее промышленного и торгового положения при Генрихе Седьмом. Сами трудности, в которых они были зажаты, были истинными условиями любого живого роста; и только в XVI веке, когда воинственная жизнь ремесел подошла к концу, на их объединениях установилось фатальное однообразие - унылое единообразие[231] как конституции, так и политики, что делает период их триумфального процветания и неизбежного упадка одновременно утомительной и удручающей летописью.

При рассмотрении истории торговли ремесленные гильдии неизбежно занимают первое место по своему характеру торговых или производственных ассоциаций; но нас здесь в основном интересует то, что мы можем назвать их политическими отношениями с городом, и их влияние на рост муниципальной жизни. Поэтому конституция ремесла становится важной не с точки зрения ее экономических результатов, а как показатель характера и комплекции гильдии, политики, которую, как можно ожидать, она будет проводить, если достигнет власти, и степени, в которой, как можно предположить, она будет поддерживать народную или демократическую теорию правления. То, насколько ремесленники действительно могли оказывать свое влияние, зависит от второго вопроса, касающегося связи, которая существовала - какого рода и тесной она могла быть - между гильдиями и органом управления городом.

Мы должны помнить, что различные ремесленные гильдии представляли все сословия и классы промышленного мира - капиталистов, посредников и рабочих. Существовали аристократические братства торговцев-авантюристов и торговцев, живущих только за счет прибыли от торговли, которые объединялись в крупные торговые компании, такие как виноторговцы, прядильщики, бакалейщики и торговцы. На более низком уровне находились посредники и торговцы, которые сами почти ничего не производили, а зарабатывали на жизнь в основном продажей продуктов труда других людей - шорники, драпировщики, продавцы кожи, шляпники, чьи профсоюзы фактически были грозными объединениями работодателей. Ниже располагались гильдии ремесленников, готовивших работу для торговцев, чтобы те продавали ее широкой публике, например кузнецы, работавшие на портных или льняных оружейников,[232] ткачи, снабжавшие суконщиков; столяры, маляры, железоделатели и медники, изготовлявшие седла и упряжь для шорников; тавры, готовившие шкуры для продавцов кож; шляпники, набивавшие чепцы, которые продавали шляпники.[233] Наконец, оставались ремесла, которые производили и продавали свои собственные изделия, например пекари, портные или сапожники, и которые имели дело непосредственно с потребителем без вмешательства других гильдий. Очевидно, что у этих различных объединений были свои дела,[234] и что их политика различалась так же сильно, как и интересы нескольких классов. Мы не найдем ни гильдии купцов или торговцев,

пытающихся повысить заработную плату или сократить рабочий день; ни гильдии ремесленников, стремящихся снизить труд и утвердить главенство посредника; ни смешанной гильдии мастеров и ремесленников, стремящихся снизить цены для населения. Но мы все же можем спросить, не скрывается ли за всеми очевидными различиями интересов и власти какой-нибудь правящий инстинкт, общий для всех этих торговых братств.

Первоначальные мотивы, побудившие людей объединиться в ремесленные гильдии, несомненно, везде были одинаковыми - желание получить монополию на свое ремесло и полный контроль над ним;[235] а также обрести безопасность, которую в те времена только организованные ассоциации могли дать бедным и беспомощным против тиранического и коррумпированного управления законом, подобно тому как в деревне люди записывались под ливрею лорда или рыцаря, который был их надежным защитником от беззаконий судов[236] и через чей арбитраж решались их ссоры.[237] Для этих целей были созданы ассоциации из представителей всех ремесел различных районов. Все члены ремесла, большие и малые, записывались в братство; таким образом, каждая гильдия, к какому бы порядку в иерархии промышленности она ни относилась, содержала в себе различные сословия рабочих, принадлежавших к данному ремеслу. Именно в этой организации всего ремесла в компактное тело, способное защитить себя от внешнего мира, и в средствах, которые использовались для ее поддержания, мы можем проследить особые характеристики средневековой гильдии по сравнению с современными ассоциациями. С самого начала ее общество было основано на принуждении. У торговца или ремесленника не было выбора, вступать ему в ассоциацию своего ремесла или нет - этот вопрос решался уставом, который давал ремеслу право принуждать каждого работника вступать в его круг. Подобная конституция накладывала глубокий отпечаток на поведение и конечную политику каждой гильдии, ведь там, где не было настоящей свободы объединения, не было и настоящей свободы управления. Такие общества, как современный профсоюз, созданные и поддерживаемые доброй волей людей, естественно связанных друг с другом общими занятиями и интересами и ожидающих от своего объединения общей выгоды, могут долго существовать как добровольные учреждения с демократическим правительством. Но древняя гильдия - братство всего ремесла со всеми его сословиями и классами, работодателями и наемными работниками, принудительно связанными в одно сообщество против внешнего мира, и чьи общие интересы в ассоциации имели тенденцию становиться все более и более дальновидными - была неизбежно вынуждена силой сохранять искусственный и плохо скомпонованный союз; И вместо свободного самоуправляющегося сообщества выросло общество, управляемое его ведущими членами в более или менее деспотичной манере, в зависимости от характера самой профессии и от поддержки, оказываемой ее правителям властями в Вестминстере или в муниципалитете.[238]

(1) Ведь совершенно очевидно, что между тремя орденами, которые практически составляли гильдию, никогда не существовало тесного союза.[239] Во главе общества стояли мастер и олдермены или надзиратели, набранные из числа самых богатых людей ремесла; а непосредственно вокруг них группировались все те, кто, пройдя через эти должности, сохранял пожизненное положение среди членов, и из них полностью или частично формировался суд помощников или управляющий совет.

(2) Затем шли простолюдины, владельцы ремесел или цехов, или "мастера" ремесла - термин, который отнюдь не обязательно подразумевает *работодателей* труда, а скорее ремесленников, принятых в "mestier"[240] или mystery - которые одни отвечали перед законом за преступления[241], совершенные в их цехах или рабочих комнатах, и поэтому только гильдия имела право брать работу у заказчика.[242]

(3) Последними шли наемные работники, то есть обученные подмастерья или слуги; неквалифицированные рабочие, работающие за поденную плату, и подмастерья вряд ли могут считаться членами гильдии в каком-либо смысле.

В таком обществе понятие самоуправления ни на минуту не подразумевало современного понятия демократии или даже идеи, что власть должна осуществляться только по воле большинства. В некоторых братствах действительно все сообщество мастеров принимало непосредственное участие в ежегодных выборах должностных лиц, хотя, вероятно, это была крайняя граница и предел их влияния;^[243] но целом в гильдиях, как и в городских округах, существовала такая же тенденция выбирать своих правителей по не прямой и сложной системе, благодаря которой престопаородье держалось в узде. Либо олдермен сам выдвигал кандидатов на различные должности, из числа которых выбирал совет или товарищество, либо назначал несколько избранных людей, пять, семь или восемь, в зависимости от обстоятельств, для выбора правителей на следующий год.^[244] Точно так же два или четыре "достаточных и благоразумных человека", которые должны были помогать олдермену, "помощники и надзиратели" или совет из восьми, двенадцати или двадцати четырех человек, были выбраны либо аналогичным комитетом, либо непосредственно самим олдерменом "с помощью его братства".^[245] Также нет никаких доказательств, что этот метод управления избранными был порождением позднейшей коррупции; более вероятно, что в обществах, которые могли быть основаны только по желанию более преуспевающих людей в торговле, поскольку только они могли взять на себя сбор денег на устав или гарантировать выплату ежегодной ренты, эти люди привыкли, в обмен на свои деньги или в качестве гарантии их получения, держать управление сообществом в своих собственных руках; И это подтверждается следами системы, которые мы находим в очень ранние времена, а также тем, что мы знаем о происхождении более поздних братств.

Если власть мастеров была таким образом ограничена, то простые подмастерья практически не имели никакого значения в таких важных вопросах, как выборы и законодательство. Возможно, в некоторых профессиях они иногда оказывали небольшое влияние, как, например, в случае с лондонскими лудильщиками, чьи постановления принимались "так же хорошо служивыми людьми, как и мастерами".^[246] Но в целом сомнительно, что голос наемного работника когда-либо был услышан или его воля учтена, как бы ни требовали и ни принуждали его к повиновению постановлениям. Предполагалось, что его интересы достаточно защищены городскими властями, к которым может обратиться с жалобой иностранец, обманутый своим хозяином, подмастерье, обнаруживший, что его зарплата выплачивается по системе грузовиков, или ткач, увидевший, что его труд вытеснен трудом женщины или иностранца; И они были обязаны следить за тем, чтобы ни один свободный человек в округе не брал в свое хозяйство больше подмастерьев, чем он мог обещать безбедно содержать; чтобы подмастерье не был наказан сверх меры и не остался без гроша в конце своей службы;^[247] и чтобы никакие мошеннические действия его мастера не лишали его возможности получить точный отчет о пройденном им сроке службы.^[248]

Во всем, что касалось наемного работника, закон стал настолько жестким и подробным к тому времени, когда парламент, городской совет и ремесленные надзиратели занялись своим законодательством, что можно было с полным основанием предположить, что для обсуждения рабочего человека ничего не осталось. Серией статутов парламент попытался сохранить наем рабочих и продолжительность рабочего дня фиксированными, несмотря на рост торговли;^[249] мэрам и бейлифам во всех округах^[250] было приказано заставлять рабочих соблюдать установленное время, дважды в год объявлять заработную плату

ремесленников, "и чтобы в каждом городе была пара колодок для оправдания тех же слуг и рабочих".[251] Все, что оставалось неопределенным парламентом, регулировалось подчиненными властями. Городские советы предусматривали наказание "мятежных и противоречивых" людей в суде мэра, рассматривали и исправляли обычаи ремесел, запрещали рабочим заключать сделки где-либо, кроме как открыто на рыночном кресте, и штрафовали их, если они стояли там больше одного дня в неделю,[252] , вероятно, полагая, что они добиваются более высокой зарплаты или более короткого рабочего дня. Гильдии-мастера регулировали расценки на сдельную работу,[253] издавали приказы , разрешающие работать по ночам, и устанавливали правила ученичества и службы.[254] Кроме того, для большей безопасности мастера заключали договоры о взаимной защите от своих слуг: "И если какой-нибудь слуга будет вести себя по отношению к своему хозяину иначе, чем подобает, и проявлять по отношению к нему непокорность, - говорили уиттауеры, - никто из ремесленников не будет приступать к работе, пока он не исправится перед мэром и олдерменами".[255] С другой стороны, подмастерья были неизменно связаны клятвой не заключать между собой никаких конфедераций,[256] - предосторожность, за соблюдением которой одинаково бдительно следили и государство, и город, и гильдия. При такой системе, если в какой-то момент рабочие предлагали нарушить установленную законом зарплату или установленный законом день, им приходилось бороться не только с верхушкой своего ремесла, мастерами, надзирателями и лавочниками, но и с городскими властями, и с оппозицией всего общества.

Однако ни клятвы, ни законы, ни общественное мнение не могли надолго помешать людям объединиться, чтобы улучшить свое положение, и время от времени мы можем следить за судьбой борьбы, которая, когда будут опубликованы городские записи, вероятно, покажет, что она была очень общей. Только в Лондоне за одно столетие мы имеем сведения о забастовках среди рабочих четырех профессий - суконщиков, шорников, сапожников и портных.

Подмастерья стригалей сукна взяли у работодателей урок комбинирования. "Если возникал какой-нибудь спор между мастером этого ремесла и его человеком, - говорилось в жалобе мастеров около 1350 года, - такой человек имел обыкновение обращаться ко всем людям в городе того же ремесла, а затем, сговорившись между собой, они приказывали, чтобы никто из них не работал и не служил своему хозяину, пока мастер и его слуга или человек не придут к соглашению; по этой причине мастера этого ремесла испытывали большие трудности, а люди оставались без обслуживания". Эти люди также предпринимали тайные попытки повысить оплату, отказываясь работать по дневной ставке и настаивая на сдельной работе, за счет которой они могли получить больше денег; В то время как мастера, пока они были вынуждены по закону продавать товары по фиксированной цене, имели веские основания протестовать перед мэром, что должна быть какая-то связь между снижением цены на их товары и повышением зарплаты их рабочих, иначе они сами окажутся между верхним и нижним жерновом; и подавать прошение, чтобы людей наказали и заставили работать по древнему обычаю "в качестве благотворительности и для пользы народа". Городские магистраты приняли постановления, запрещавшие любые попытки разрешить торговые споры забастовками, и предписали передавать все жалобы начальнику ремесла (сам он, разумеется, был мастером), а в случае его отказа - мэру. Хотя суд не запретил сдельную работу, он установил низкие расценки на нее, которые преобладали до Чумы.[257] Поэтому в целом победа осталась за мастерами.

Слуги сапожников рано вышли на поле боя. Первое восстание они устроили в 1306 году, основными результатами которого, по-видимому, стали добавленный к прежним

постановлениям указ о том, что подмастерья не должны делать никаких распоряжений в ущерб интересам общества;[258] и, возможно, наложение клятвы, что они не будут заключать между собой никаких союзов или конфедераций.[259] В течение восьмидесяти лет они ждали, прежде чем предпринять новую попытку. Наконец в 1387 году их "большое скопление" собралось в Черных Братях "и там сговорились и объединились, чтобы держаться вместе... и поскольку Ричард Боне из вышеупомянутой торговли не согласился с ними, напали на него так, что он едва спасся с жизнью... к тревоге соседей". Собрание было незаконным не только из-за их клятвы, но и из-за принятого за четыре года до этого закона, запрещающего любые объединения рабочих; поэтому, чтобы упрочить свое положение, бедные сапожники решили призвать на помощь дружественного монаха-проповедника, "брата Уильяма Бартоне по имени, который договорился с их товарищами, что подаст иск в Римский суд для подтверждения этого братства Папой; так что под страхом отлучения и еще более тяжкого наказания (!), который будет вынесен впоследствии, никто не должен осмеливаться вмешиваться в благосостояние братства. За это он получил определенную сумму денег, которая была собрана среди их товарищей". Такая форма папского вмешательства, однако, не понравилась лондонцам - "это дело, - говорили они, - которое, как известно, ведет к ослаблению свобод города и власти его чиновников". Мэр бросил главарей в тюрьму,[260] и попытка незадачливых подмастерьев закончилась.

Слуги шорников попробовали другой план и в 1383 году создали религиозное братство, чьи обязанности были совершенно безобидными. Его члены имели обыкновение раз в год облачаться в костюмы, подобные , и выходить за городскую черту в Стратфорд (то есть за пределы досягаемости городских властей), где проводили собрание, а вернувшись, слушали мессу в честь Богородицы в церкви рядом с Saddlers' Hall; кроме того, время от времени их бейдл призывал подмастерьев присутствовать на бдениях по умершим и молиться о душах своих старых товарищей. Однако, по мнению мастеров, все это было лишь "притворной святостью", под которой люди просто тратили время своих хозяев и сговаривались о "чрезмерном повышении зарплаты" - ведь за тринадцать лет, с 1373 по 1396 год, они увеличили плату за работу в два или три раза по сравнению со старым обычаем. Мэр и олдермены согласились с мастерами в том, что эти действия опасны, запретили в будущем подобные собрания и братства и приказали, чтобы подмастерья находились под началом мастеров, а "мастера должны надлежащим образом обращаться с ними и управлять ими", как и во всех других ремеслах.[261]

Подмастерья портных заняли более смелую позицию: они не только устраивали незаконные собрания как в черте города, так и за его пределами, на которые собирались в общей ливрее, но и нанимали в городе дома, где жили компаниями, и бросали вызов как своим хозяевам, так и городским чиновникам. После этого мастера и надзиратели уведомили мэра и олдерменов , "что они очень огорчены тем, что есть такие нарушители и такие проступки"; и мэр и олдермены "после тщательного совета и совещания по этому поводу" решили, что явно вредно для общества позволять подмастерьям и служивым людям - расе одновременно молодой и неустойчивой - иметь общую ливрею на своих собраниях или общие дома для проживания в одиночку. Поселение было разорвано, а ливреи и собрания запрещены. Тогда портные тоже надели на себя личину святости, и через несколько лет (в 1417 году) мы видим, как они просят разрешить им собираться для молитв и приношений за души умерших портных.[262]

То, что подобные попытки с такими же безрезультатными выводами предпринимались и в других городах-мануфактурах, не вызывает сомнений, хотя у нас пока нет возможности оценить масштабы этого движения. Одинаковый провал всех попыток восстания, даже

молчаливое согласие рабочих, когда восстание было невозможно, свидетельствуют о беспомощности средневекового рабочего, запутавшегося в огромной сети коммерческих теорий, административных правил и аргументов корыстных государственных и частных интересов. Ведь в обществе, где закон управлял всей промышленностью, все общество было на чеку, чтобы противостоять любому нарушению постановлений, принятых, как утверждалось, для их собственной защиты.[263] Право на забастовку отрицалось законом и решительно пресекалось общественным мнением как противоречащее общему благу; а споры разрешались не как сейчас - добровольным соглашением внутри профессии, а официальным решением муниципалитета, которое нельзя было обжаловать.

В то же время очевидно, что в своих отношениях с подмастерьями и наемными слугами, если не в других отношениях, муниципалитеты не более чем в точности выполняли намерения самих гильдий. С момента своего появления ремесла - то есть все наиболее значимые, поскольку по природе дела мы почти ничего не знаем о более бедных объединениях или скромных ремеслах, скрытых под формой религиозных обществ, - отличаются одним и тем же вероучением и политикой. Их сущностный характер был заложен в олигархических схемах управления, к которым они склонялись; и, как мы видели, чистота гильдейского правления поддерживалась еще и тем, что предпринимались усилия, чтобы не дать подмастерьям пробиться в высший класс и ослабить сложившуюся систему, умножив число мелких мастеров; и чтобы с должной тщательностью отбирать людей, принимаемых в число подданных с конституционными правами - людей, выбранных, насколько возможно, из высшего класса и даже из наследственного фонда гильдии.[264] Таким образом, благодаря изначальной строгой конституции и собственной последующей дисциплине правящая олигархия была защищена двойной системой укреплений, а третья линия обороны была сформирована путем охраны каждого входа, через который простой рабочий мог пробиться в высший класс ремесленников, которые, в какой бы низкой степени они ни были, все же могли быть признаны более или менее официально связанными с ремеслом. Поэтому по своей природе организация гильдий была против требований тех, кто работал по найму, и под ее управлением подмастерье практически осуждался без слушания. Учитывая влияние мастеров в городском совете и правительстве, а также доверчивые опасения потребителей, когда им говорили, что "нечестные" рабочие могут поднять цены и ограничить предложение, и "многочисленные убытки, которые могут произойти в будущем" из-за комбинаций наемного труда, победа работодателей ни на минуту не вызвала сомнений,[265] И союзы подмастерьев, подобные тем, что возникли в XIV и первой половине XV века, разбитые и выведенные из строя почти с самого начала, похоже, насколько мы можем судить, снова и снова прекращали свое существование под воздействием непреодолимых сил гильдий, города и государства, и не обрели постоянной жизни вплоть до XVIII века.

Несомненно, сильная власть правящей олигархии полностью оправдывала себя на протяжении всей борьбы за автономию между поднимающимися ремеслами и поднимающимися муниципалитетами. Освободившись от дискуссий и разногласий внутри собственного тела, утверждая победу более сильной стороны, гильдия смогла на практике сохранить последовательную теорию своей конституции - неоспоримое верховенство мастеров в регулировании торговой политики; И на протяжении столетий переменчивой и сомнительной судьбы ремесленники все еще умудрялись представлять внешнему миру сплоченный фронт и определенную независимость, объединяясь в компании под руководством своих собственных лидеров и, за исключением редких случаев, не желая опускаться до обычая, распространенного во Франции или Германии, когда их главный руководитель назначается каким-либо внешним органом.[266] Но этот смелый воинственный настрой сохранялся только благодаря жесткой дисциплине и безжалостному пресечению

любых попыток сломать строй. Внешне единое, но на самом деле расколотое на две или три враждебные группы, ремесло сохраняло видимость гармонии только благодаря отказу от всякой претензии на демократическое правление и открытому подчинению слабых классов более сильным. Политика, которая была его безопасностью во время конфликта, осталась его твердым кредо во времена власти. Поэтому очевидно, что если члены гильдии когда-либо и пробивались в зал заседаний городского совета, то их появление вряд ли можно считать признаком народного или демократического движения. То, что оно расширило правящий класс, привлекло новую группу людей к участию в активной политической жизни страны, очевидно; но, с другой стороны, эти люди, похоже, не внесли ни одной идеи в политический опыт, не продвинули политический эксперимент ни на шаг. Насытившись привычными взглядами на управление, которые были в моде в высших слоях городского общества и благодаря которым их собственные интересы так хорошо соблюдались, ремесленники направили своих представителей в совет только для того, чтобы придать новую силу политике принуждения правящей олигархии. Характер торгового братства проявился в полной мере, когда, одержав победу над врагами своего дома, сильная в своей законченной организации, ремесленная гильдия вышла из долгого подчинения общественному контролю и, захватив в свои руки муниципальную власть, уничтожила ее ужасы для торговца. Когда был сделан этот последний шаг, ремесла предстали в полном соответствии со своим идеалом - тесные корпорации, полностью вооруженные против всей массы потребителей, и хозяева труда в стране. То, что называют упадком системы гильдий, правильнее было бы назвать ее триумфом - раскрытием ее постоянной цели и истинного значения.

ПРИМЕЧАНИЕ А

Статут заработной платы в 1388 году.

	s.	d.	
Судебный пристав по земледелию	13	4	в год с одеждой.
Хозяин-скотовод, возчик, пастух	10	0	
Пастух волов и коров	6	8	
Водитель коровы	7	0	
Пастух свиней и работница	6	0	

Ни один слуга ремесленника или виктуаллера в городе не должен был брать больше, чем в деревне (12 Ричарда II. сар. 4.).

В 1444 г.

	s.	d.		s.	d.	
Судебный пристав по земледелию	23	4	С одеждой	5	0	и едой
Пастух, возчик, пастух	20	0	"	4	0	"
Рабочий	15	0	"	3	4	"
Женщина-служанка	10	0	"	4	0	"
Ребенок до 14 лет	6	0	"	3	0	"

Летняя зарплата каменщика или плотника 4 д. в день с едой, без еды 5 д.; плиточника, рабицы, грубого каменщика и строителей 3 д. с едой; других рабочих 2 д. Без еды на 1 д. больше во всех случаях. Зимняя зарплата на 1 д. меньше во всех случаях. При сборе урожая косарю 4 д., жнецу 3 д.; рабочим 2 д.; на 2 д. больше на мясо и питье. (23 Henry VI. cap. 12.)

В 1495 г.

	s.	d.		s.	d.
Судебные приставы выросли до	26	8	С одеждой	5	0
Извозчики, пастухи и т.д. остались в	20	0	"--"	5	0
Число рабочих выросло до	16	8	"--"	4	0

и продовольствие

Наем женщин, детей и ремесленников остался прежним. (11 Генрих VII. глава 22.)

Согласно 12 Генриху VII. cap. 3, все статуты, устанавливающие заработную плату ремесленников и рабочих, были признаны недействительными в отношении каменщиков и всех, кто занимается строительством, а также слуг в сельском хозяйстве. Роджерс (Work and Wages, ii. 327) указывает, что заработная плата рядового ремесленника в XV веке составляла 6 д. в день, а сельскохозяйственных рабочих - 4 д., плотников - чуть меньше 6 д., водопроводчиков - 6-1/2 д., каменщиков - 6 д. В 1438 году плата квалифицированного ремесленника могла стоить около 2 с., простого рабочего - около 1 с., чаще всего - от 8 до 10 д., чаще всего - 8 д. (Agriculture and Prices, iv. (Agriculture and Prices, iv. 505, 751-2.) В 1395 году ноттингемский "слой" был обвинен в том, что работал два дня каменщиком за 12 д. вопреки закону, и присяжные заявили, что "все плотники, все штукатуры, все камнерезы, все рабочие берут слишком много за свое ремесло в день, вопреки статуту нашего господина короля". (Nott. Rec. i. 275.) Список заработной платы, выплаченной в 1464 г., см. там же, ii. 370-373; в 1511 г., iii. 328-337. В 1495 году человек нанимался копать камни за 3 доллара в день без еды.

О том, что добиться соблюдения законной оплаты труда было непросто и что часто существовала разница между фактически выплачиваемыми ценами и теми, о которых говорилось в юридических книгах как о все еще действующих, свидетельствуют изобретательные методы, использовавшиеся для уклонения от закона. Иногда рабочему платили плату за питание, а кроме того, давали еду; или делали ложные записи в бухгалтерских книгах; или выдавали годовую плату в дополнение к зарплате; или платили столько-то миль за дорогу на работу и с работы; или рассчитывали зарплату по 6 или 5 д. в зависимости от способности за 365 дней в году, вопреки статуту, который запрещал рабочему получать плату за праздники или за дни праздников. (Rogers' Agric. and Prices, i. 255; Work and Wages, ii. 328-330; Stat. 4 Henry IV. cap. 14.)

Законные часы работы для сельских рабочих с марта по сентябрь были с 5 утра до 7-8 вечера, с получасом на завтрак и полутора часами на ужин; с сентября по март - с наступления дня до вечера того же дня. С мая по август они не должны были спать днем, кроме как после ужина. (Stat. 11 Henry VII. cap. 22.) Субботний полупраздничный день с полудня, по-видимому, был всеобщим. Торговля в магазинах по воскресеньям, праздникам и бдениям была запрещена в середине пятнадцатого века, кроме времени сбора урожая и если "великая нужда не оправдывает". (Kingdon's Grocers' Company, ii. 190; Hist. MSS. Com. xi. 3, 169.) Роджерс (Work and Wages, i. 180-2) подсчитал, что ремесленник, работающий триста дней в году, мог заработать от £3 15s. 0d. до £4 7s. 6d., а в Лондоне может получать от £6 5s. 0d. до £6 17s. 6d. в год. Уолтер из Хенли (изд. мисс Ламонд, стр. 9) дает сорок четыре недели, оставляя восемь недель "на праздники и другие препятствия". Но в своем переводе "Мужей" Уолтера епископ Гроссетесте добавляет фразу (ibid. 45), которая бросает новый свет на этот

вопрос. "В этих сорока четырех неделях 264 дня, кроме воскресений" - объяснение, которое, несомненно, расширяет количество досуга, предоставляемого сельским рабочим, независимо от того, применимо ли оно к городским ремесленникам или нет.

ГЛАВА VI

РЕМЕСЛА И ГОРОД

От средневековой ремесленной ассоциации до современного профсоюза, как мы уже видели, дистанция огромного размера. В гильдиях или "мистериях" старого мира вместо ассоциаций рабочих мы имеем дело в основном с ассоциациями производителей или посредников, борьба которых - это не организованная атака наемных работников на прибыль их хозяев, а попытка торговцев и производителей отстоять свои интересы против всей массы потребителей или против агрессии конкурирующих профессий; при этом далеко не добровольная ассоциация или самоуправляемый институт спонтанного роста, его отдельные члены при необходимости записывались в него по принуждению и управлялись с небольшим учетом их собственного согласия. Но отношения между торговцами и муниципалитетами демонстрируют еще более разительный контраст. Согласно современной английской теории, общее благо лучше всего достигается, когда мы предоставляем каждому ремесленнику и торговцу полную свободу развивать свою промышленность своим собственным способом.^[267] Но средневековый мир был полностью убежден, что, поскольку вся торговля и производство осуществляются на благо общества, вся торговля и производство должны находиться под государственным контролем; и никто тогда не сомневался, что государство или муниципалитет обязаны и вправе устанавливать часы работы, ставки заработной платы, цены на товары, время и место продажи, качество продаваемых товаров и так далее. В интересах не торговца или производителя, а всего общества, центральное правительство издавало общие законы для регулирования промышленности, а города проводили эти законы в жизнь своими чиновниками и заполняли пробелы в законодательстве по своему усмотрению; в то время как при осуществлении огромной власти, которую закон и общественное мнение предоставляли властям, власть народа должна была использоваться с беспристрастной справедливостью как против торговца или работодателя, так и против ремесленника или служащего, когда индивидуальные требования вступали в конфликт с тем, что казалось общественным благом. Таким образом, для руководства города торговая ассоциация была просто вопросом общественного удобства; и она настолько мало зависела от свободной воли самого ремесла, что часто создавалась по приказу города и неизменно была вынуждена подчиняться высшей силе и получать приказы от своего хозяина - муниципалитета. Не имея возможности добиться принятия какого-либо нового правила, кроме как убедив власти под тем или иным предлогом, что оно разработано в интересах всего содружества, ремесло в конце концов стало рассматриваться как общество, существующее главным образом для пользы "простых людей королевства", и действительно, склоняясь перед жесткой необходимостью, Само оно вошло в привычку торжественно отречься от всякой особой заботы о "своей особой выгоде" и апологетически описывать себя как покорного слугу муниципалитета и послушного служителя общества, в выражениях, которые современный профсоюз едва ли принял бы как адекватное описание его использования.

Однако это служение обществу ни в коем случае не было добровольной данью гильдий и ни в малейшей степени не входило в их первоначальную схему; и если в результате долгого и сурового принуждения ремесленники научились пристойно носить свою странную мантию видимой преданности общему благу, то за этой показной политикой и притворным цветом самоотречения у них все равно были свои собственные цели, которые отнюдь не совпадали с целями остальных членов общества. В обществе средневекового города, с его иерархией борющихся за свои права работников - растущих торговцев, мелких хозяев, нанимавших двух-трех слуг, - поводы для раздоров были, вероятно, гораздо более частыми, чем провокации к единству и согласию, ремесленников, спускавших с витрины карниз, чтобы показать товары, которые они сами изготовили, подмастерьев, работавших за установленную плату, и неквалифицированных рабочих, получавших все, что они могли получить, - людей, которые в большинстве своем жили скудно, непрерывно работая, и для которых публика, бережливая и склонная к сделкам, была "врагом"; И с его населением потребителей, бедных и невежественных, без средств передвижения, вынужденных покупать то, что они хотят, на месте и, таким образом, лишенных защиты, которую могла бы дать более широкая конкуренция, способных позволить себе немного, помимо самого необходимого для жизни, так что каждый обман приносил им настоящие страдания, и для которых торговец представлялся древним противником, лежащим в засаде, которую он втайне установил для невинных. Тонкая завеса вежливости, наброшенная на ситуацию вежливыми фразами современных конвенций, дошедших до нас в виде ордонансов и договоров, не обманула никого из заинтересованных лиц; и между "бедными общинниками" и целой армией ремесленников примирение никогда не заходило дальше вооруженного перемирия. Для потребителя торговцы казались одинаково погрязшими в беззаконии. Лавочники отмеряли свой товар "по рогу или по руке", или в случайных чашках и блюдах; продавали в темных углах, где человек не мог видеть, какую поддельную работу и обманный товар ему передают. Суконщики выдавали плохую пряжу скудными мерами и растягивали список своих тканей хитрыми прессами "в обман бедняков". Шляпники, поскольку знали, что каждый должен носить шляпу, взимали непомерно высокую плату за свои изделия, и сапожники были не лучше, так что тщетно пытались исправить их, принимая один закон за другим. Чандлеры запрашивали скандальные цены за восковые свечи, изображения и фигурки, "чем обманывали многих людей, лишая их добрых намерений и преданности".^[268] "Все пекари, мясники, рыболовы, трактирщики, выпойщики, чандлеры, кожевники, сапожники, повара, отельеры, ткачи и фулеры", согласно исчерпывающему заявлению присяжных Ноттингемского Миклеторна в 1395 году, просили слишком высокие цены и продавали плохие товары; и на следующий год они повторяют те же жалобы.^[269] В первую очередь гнев простых людей разгорался против торговцев, которых они знали лучше всего, - могущественных лицензированных виктуоллеров, которые наживали себе богатство за счет продуктов, которые должны были кормить голодающих рабочих: "ибо, взяв по правде, они не так высоко заготавливали лес". Различные горести в городах, лихорадки, наводнения, пожары, сжигавшие полгорода и, казалось, начинавшиеся от падения свечи у пивовара или в каком-нибудь "проклятом месте", были ярким свидетельством анафемы бедняков и праведного возмездия небес, обрушивавшегося на грешных торговцев;^[270] И до сих пор в притче поэта о том дне, когда Гиле был на волосок от смерти, и только лавочники вернули его к жизни, слышна обычная рыночная молва:

"Но купцы встретились с ним и заставили его остаться,
И закрыли его в своих лавках, чтобы показать свои товары,
И разлучили его, как своего проповедника, с народом, чтобы он служил".^[271]

Что же касается ремесленников, то независимо от того, были ли они объединениями работодателей, или ассоциациями посредников или торговцев, или союзами наемных работников, или обществами мастеров и людей, в одном отношении их единодушие было нерушимым; поскольку, вдохновленные разумной враждебностью к потребителю, который хотел удешевить их товары, они все были на одной стороне в общем споре о том, кто в конечном итоге должен устанавливать цены, продавец или покупатель. Затем очевидная политика была провозглашена в ряде заговоров, которые постоянно составлялись в различных торговых кругах с целью повышения цен путем объединения торговцев; но, к несчастью для торговцев, всегда бдительных и готовых к любым возможностям, они все же обнаружили, что публика так же бдительна, как и они сами, и более сильна, чтобы выполнить их волю. Когда Эдуард Третий в 1331 году установил цену на гасконское вино в 4 д. за галлон, розничные торговцы, которые, очевидно, сочли, что их прибыль лучше всего обеспечивается отсутствием каких-либо установленных цен на их товары, подняли открытый мятеж, и "все тавернщики города, заключив между собой конфедерацию и союз", закрыли двери своих таверн и не позволяли продавать свои вина; Чтобы "пресечь это злодеяние", мэр и шерифы прошли по городу и записали имена тавернщиков, закрывших свои таверны, в количестве двадцати девяти штук, а двенадцать человек из каждого округа города были созваны властями, чтобы от имени пострадавших виночерпиев решить, какое наказание следует назначить тавернщикам за их бесчинства.[272] В 1363 и в 1411 годах потребитель был защищен законом от богатых пепперов, которые в 1345 году создали компанию и были обвинены в повышении цен.[273] В 1300 г. вся компания торговцев свечами в Норвиче предстала перед судом Леета за некое соглашение, заключенное между ними, согласно которому "никто из них не должен продавать фунт свечей дешевле, чем другой".[274] А в 1329 году, когда лондонский обжигальщик извести связал всех членов своей профессии клятвой не продавать известь ниже установленной цены и "в силу своего великого заговора" почти удвоил цену на известь, правители города заключили его в тюрьму, и "заговор" был пресечен.[275]

Подобные союзы, направленные на увеличение прибыли или повышение цен, неизменно встречали решительное сопротивление со стороны населения.[276] Но "бедные коммуны" пошли гораздо дальше политики простой самозащиты. Их целью было не что иное, как полное подчинение ремесла игу общины, захват всей созданной организации торговли и ее вечная служба. Ничто не могло быть более неприятным для гильдий. В XII веке, когда муниципальное управление находилось в зачаточном состоянии, они уже стремились к полной независимости и реальной автономии; и некоторым ремеслам действительно удалось заключить особую сделку с королем через головы местных магистратов. Хартии, купленные в Вестминстере, ставили существование братств в зависимость только от королевской воли; им предоставлялись права надзора и юрисдикции над своими работниками без какой-либо ссылки на район;[277] и поскольку в этих ранних хартиях единственным определенным положением было то, что все люди данного ремесла в данном районе должны быть зачислены в гильдию, свобода ремесла в целом оставалась на данный момент несомненной, даже если свобода отдельного человека была ограничена. Однако столь полная независимость вызывала резкое недовольство городских властей. В Лондоне, например, ткачи жили в отдельном квартале, куда никогда не заходили городские власти. У них были свои суды и особые привилегии, а налоги они собирали через своих чиновников. Под защитой королевского писания они успешно бросали вызов городским властям, а когда во времена Генриха Третьего казалось, что горожане могут одолеть их силой, они заложили свою хартию прав в Казначейство как вечный документ, подтверждающий их привилегии. Неудивительна ревность, которую вызывало в муниципальных органах чужеземное общество, поселившееся в их среде, где не действовали городские грамоты. Под угрозой

оказались все интересы города: монополия на продажу сукна, на которую претендовали бюргеры, власть городских магистратов, упорядоченная система управления, которую выстраивали короли, и интересы всей массы потребителей. Естественное опасение угрозы единству города проявилось не только в Лондоне, но и в Винчестере, Оксфорде, Мальборо, Беверли,^[278] и, возможно, в других городах; ткачи были лишены права голоса и всех его привилегий, затрудняли их торговлю всевозможными притеснениями, запрещали им покупать инструменты, владеть каким-либо богатством или продавать свои товары только свободным горожанам, а в городских судах им был присвоен статус холопов и пришельцев. Но простое подавление оставляло реальное зло нетронутым, и к 1300 году городские власти Лондона нашли более радикальное лекарство. Мэр получил право председательствовать в суде ткачей по своему усмотрению и назначать надзирателей гильдии;^[279] и не успела опасность независимого правления быть предотвращенной, как ткачи получили право покупать и продавать "как другие свободные граждане".^[280]

С этого времени все независимые торговые юрисдикции в городах прекратились.^[281] Корона больше не продавала хартий, подобных хартии ткачей;^[282] и ремесленники были вынуждены примиряться с местными властями в соответствии с их мерой искусства или хитрости, просить у муниципальных властей формального признания их ассоциации с такими ограниченными свободами, какие могли дать городские чиновники; обеспечивать себе более или менее шаткое существование уплатой штрафов в городскую казну;^[283] или накинуть на себя торжественную маскировку и полностью или частично скрыть факт своего объединения в торговых целях, прикрывшись формой религиозной ассоциации и добиваясь независимости "под притворным цветом святости"^[284], как люди, полностью движимые ревностной заботой о душах своих умерших товарищей, но не думающие о телесном благополучии живых братьев.

Но какими бы средствами братства ни надеялись достичь свободы, они тщетно пытались ускользнуть от тяжелой руки муниципального правительства. Торговые ассоциации попадали в руки муниципалитетов, подчинялись дисциплине и власти общественных магистратов и вынуждены были принимать должное участие в развитии муниципальной организации.^[285] Города, получившие грант на создание "всех разумных гильдий", заботились о поддержании разумной власти, а ремесленным братствам давали разрешение на существование только на том основании, что они "согласуются с разумом и приносят пользу общественной чести и общему благу";^[286] то время как привилегии им предоставлялись при четком понимании того, что от них выиграет все общество. Ловким движением градоначальников должностные лица гильдии были превращены в должностных лиц общины, а механизм гильдии стал средством, с помощью которого общество стремилось обеспечить полное и дешевое снабжение предметами первой необходимости, и защищало себя от завышенных цен, ложных мер и плохих товаров, от беспорядков и волнений, от пьяных рабочих, от летящих искр из кузницы кузнеца или шума его молота по ночам. В Лондоне, например, в мэрский суд постоянно приходили покупатели с жалобами на плохие сделки, которые они заключали при покупке сукна, так что фулеры считали для себя чрезмерным "трудом" являться в Гилдхолл для осмотра сукон недовольных покупателей и умоляли, чтобы каждый покупал на свой страх и риск.^[287]

Мастерский маневр, осуществленный городскими магистратами, раскрывается в самоотверженных постановлениях, принятых позднейшими гильдиями. Ремесленники "просят", как нам серьезно говорят, чтобы у них были мастера и ордонансы, и, получив их, новые правила оказываются просто предписаниями поставлять людям товары определенного качества и по определенной цене.^[288] Вряд ли можно поверить, что кузнецы

по собственной воле придумали правило, согласно которому, если кто-то из них по небрежности или из-за излишней гордости, мешающей ему спросить совета у ремесленников, не смог вылечить лошадь от болезни, "то он должен быть обвинен этом перед мэром и олдерменами и наказан по их усмотрению, в виде возврата денег за такую лошадь тому, кому она принадлежит".[289] Вряд ли каменщики и плотники должны были добровольно присягать перед мэром и олдерменами в том, что они выполняют свой долг в своем ремесле;[290] или чтобы каменщики сами предложили, чтобы в случае невыполнения каменщиком своего контракта определенные люди из ремесла, выступавшие в качестве его поручителей, были обязаны закончить его работу.[291] Даже всеобщее правило против ночной работы никогда не было в лондонских гильдиях (за исключением единственного случая со шляпниками)[292] в интересах рабочего; напротив, оно было продиктовано мудрым наблюдением скупщиков, что "ночью зрение не так выгодно и не так определено, как днем - к выгоде, то есть к прибыли общества";[293] и если шпорносоцы, "которые знают, как использовать обман в своей работе, хотят работать ночью, а не днем"[294], то причина, по которой им мешали, заключалась в том, что они целый день слоняются без дела, а "потом, когда они пьяны и неистовы, они берутся за работу к досаде больных и всех своих соседей.....и тогда они раздувают свои костры так энергично, что их кузницы начинают все сразу пылать... и все соседи очень боятся искр, которые так энергично вылетают во все стороны из устьев дымоходов в их кузницах".[295] Само закрытие воскресенья было предписано в целях общественного удобства, поскольку подмастерьям "нельзя было доверить работу в отсутствие их мастеров в церкви".[296]

Таким образом, подчинив ремесла, города получили значительную поддержку со стороны государства, которое было склонно к общему делу из-за растущего опасения, что гильдии ремесленников и других рабочих в беспокойные времена могут стать центрами беспорядков по всей стране. В ряде статутах древние полномочия ремесленников были тщательно обрезаны, а новые полномочия привиты городским властям. "Конгрегации и конфедерации" ревностно отслеживались и запрещались.[297] Гильдиям предписывалось регистрировать свои уставы, а их правила и подзаконные акты утверждались главными магистратами города. Им запрещалось принимать постановления во вред королю или народу. Иногда у них отбиралась юрисдикция над их собственными членами, а право поиска любых изделий, которые "не являются чистыми законными и способными зябнуть", или даже обязанность следить за тем, чтобы рабочим должным образом выплачивалась заработная плата в готовых деньгах, передавалась городским чиновникам.[298]

Так получилось, что благодаря тройственному союзу чиновников в Вестминстере с правящим классом города и общей массой потребителей, которые стремились организовать промышленность в своих интересах, примитивные свободные ассоциации рабочих постепенно оказались в необычном положении покорных слуг общества. В пределах своей маленькой области каждая гильдия могла пользоваться узкой независимостью или мелкой тиранией, но в общественном плане она не могла предъявлять особых претензий.[299] Ни одно ремесленное братство не могло быть создано без разрешения муниципалитета, и каждый староста приносил свою присягу перед мэром, по чьей просьбе и с чьего одобрения он был избран.[300] Правила, принятые любым ремеслом для своего управления, не имели силы до тех пор, пока не были утверждены мэром и корпорацией, внесены ими в городские записи и скреплены общей печатью.[301] А поскольку они оставляли за собой право вносить в эти постановления любые дополнения, которые сочтут необходимыми,[302] городские магистраты могли вмешиваться в них по своему усмотрению в интересах порядка. Они не только властвовали над продавцом на рынке, но и следовали за ремесленником в его маленькую мастерскую и распоряжались каждой мельчайшей деталью его ремесла,

материалом, заработной платой, учениками, стоимостью, фасоном пальто и качеством обуви, согласно законам, которые "оставляли за мэром и советом города право постоянно исправлять, наказывать, заглаживать и возмещать ущерб, а также мастерам и всем другим лицам указанных ремесел, каждому по его заслугам и нарушениям, как того потребует случай".[303] Люди, нарушившие правила ремесла, представляли перед городскими чиновниками для наказания, и половина их штрафов поступала в городскую казну.[304] Даже бродячие ремесленники, переезжавшие с места на место, не имевшие постоянных мастерских и полноценных гильдий, оказывались под властью городских властей, как только пересекали границы района. Плотники, каменщики, штукатуры, маляры, плиточники и павиоры должны были получать ту зарплату, которую устанавливал закон, и подчиняться надзору городских властей,[305] а их правила устанавливались в зависимости от удобства города. Так, после сильной бури 1362 года в Лондоне им было запрещено повышать цены на ремонт крыш горожан;[306] и те же постановления Вустера, которые предписывают покончить с деревянными и соломенными трубами, а к середине лета сделать каменные или кирпичные дымоходы и черепичные крыши, содержат правила для плиточников, которые должны были съехаться в город по такому случаю. Они не должны учреждать никакого парламента, чтобы кто-либо из них "был господином, а все другие плиточники - его слугами и по его повелению, но чтобы каждый плиточник мог свободно приходить и уходить на работу с каждым человеком и гражданином по своему усмотрению". Ни один незнакомый плиточник, приехавший в город, не должен был принуждаться к работе на любого городского плиточника, но мог брать любую работу, которая ему нравилась, на день.[307]

Быстрота, с которой все это движение было задумано и осуществлено, - одна из самых удивительных вещей в нем; и ничто не мешало тщательность, с которой средневековое общество воплощало в жизнь свою теорию о пользе, которую ремесленные гильдии могли бы принести, вольно или невольно, для защиты интересов общества. Одно открытие следовало за другим. Как король для удобства управления постоянно делегировал мэру новые полномочия, а сменяющие друг друга акты и хартии добавляли ему обязанностей по надзору за работой, зарплатой и товарами, так и мэр, в свою очередь, передавал эти обязанности ремеслу - внешне возвышая его власть, на самом деле подрывая его независимость. Градоначальники, которых смущала трудность подавления буйного сообщества и поддержания мира с помощью пары констеблей, нашли в организации гильдии восхитительный механизм, готовый к их услугам, и превратили ее служащих, ответственных за хорошее поведение и порядок во всем ремесле, в эффективную городскую полицию; Так, когда Бристоль оказался под угрозой всеобщего бунта из-за заключения в тюрьму мэра, шериф и регистратор просто вызвали мастеров различных ремесел и приказали им поддерживать мир в своих ремеслах. Таким же образом на ремесленников можно было возложить обязанность "нести вахту" в ночное время.[308] Трудности налогообложения облегчались путем перекалывания ответственности с муниципальных чиновников на гильдии: например, пекари, изготовители одеял или фулеры получали определенную долю фермы, которая собиралась среди их членов и выплачивалась их чиновниками.[309] Если нужно было отремонтировать стены, содержать ворота, башни и пирсы или оплатить расходы на общественный праздник,[310] ремесла могли быть снова задействованы, а в качестве гарантии надлежащего выполнения поставленной задачи могли выступать их общие средства или индивидуальная прибыль.

Когда город, таким образом, закрепился за гильдиями и обнаружил, что эти организации могут быть использованы в муниципальной схеме, он стал смотреть на них с такой же благосклонностью, с какой раньше относился с недоверием,[311] и принялся усердно умножать их численность как путем создания новых братств, так и реорганизации

старых.[312] Общественное мнение того времени решительно высказывалось в пользу гильдий и даже часто опережало желания рабочих, так что объединение ремесленников в более поздние ремесленные братства не всегда было делом свободной воли. Если ремесла не объединялись по собственному желанию, то впоследствии их принуждали к этому, и в конце XV века мы видим, как города повсеместно издают приказы о том, что ремесла, которые до сих пор избегали этого, должны быть вынуждены объединяться в компании. В Сэндвиче, например, в 1482 году были объединены цирюльники, хирурги и торговцы воском; в 1494 году были назначены надзиратели компаний портных, сапожников, ткачей и швей.[313] В Кентербери, где дух бунта против правил корпорации, похоже, распространился по всему городу, где чужаки открывали ремесла в пределах свободных земель, а законы должны были гарантировать уплату ими "разумного штрафа" за это, где мастера пренебрегали записью своих учеников в книги Общей палаты, а слуги в хозяйстве буйно сопротивлялись Статуту о рабочих, Возмущенные городские власти заявили, что ремесла нуждаются в новых правилах "для поддержания должного порядка ради их блага и приумножения", и принялись за работу по ужесточению контроля правительства над производителем и ремесленником, заставляя ремесла объединяться в компании и ставя во главе каждого ремесла или тайны двух городских олдерменов.[314] В очень многих случаях последующее объединение ремесел было связано с обязательством взять на себя определенные городские работы, такие как строительство или ремонт ворот;[315] и здесь мы, вероятно, находим ключ к растущему обычаю объединять несколько обществ бедных в одну существенную ассоциацию. Когда ремесленники Кентербери начали возмущаться тем, что их деньги тратятся на спектакль *Corpus Christi* и на представление св. Фомы (которые пришлось возродить в 1504 году и оплатить за счет корпорации), а также пренебрегать "постановкой часов", городской совет не принял оправдания бедностью, сделанного лишь "из-за отсутствия хорошего порядка в некоторых ремеслах в пределах одного города, не являющихся корпоративными"; И было решено, что каждое ремесло, "не являющееся корпоративным из-за неэффективности своего ремесла, должно объединяться, инкорпорироваться и примыкать к какому-либо другому ремеслу, наиболее нуждающемуся в поддержке, если они не будут трудиться, чтобы стать корпоративными внутри себя"; любое упрямое ремесло, которое не подаст иск в Бургмот к следующему Майкламу, чтобы быть инкорпорированным, должно было заплатить 20s. и отдать свое тело для наказания. Сапожники, соответственно, были объединены в одну гильдию с продавцами кожи и мешочниками, аптекари - с бакалейщиками и чандлерами.[316]

Но если город вел дела таким властным и повелительным образом, все же в двойной сделке, заключенной между муниципалитетами и ремесленниками, не следует думать, что преимущество было на одной стороне. Если у гильдии были услуги, которые она могла продать общине, она, в свою очередь, требовала справедливую цену. Торговое общество получало все льготы, положенные общинам по закону; а муниципалитеты с нежной заботой поддерживали братства, дисциплину которых они первыми взяли в свои руки.[317] Если торговля протягивала свои ветви к рынкам за морем или угасала, если слуги беднели или процветали и грозили диктовать зарплаты и цены, если на смену человеческому труду приходили новые машины, если иностранные мастера вытесняли доморожденных ремесленников - в чем бы ни заключалась беда, народное правительство смело вступало в дело, чтобы все исправить. Правила ремесла, внесенные в городские записи, становились частью городских законов, подлежащих исполнению авторитетом всего общества, а мастер признавал свою юрисдикцию и мог обратиться к мэру, "если люди бунтуют или противоречат друг другу и не хотят работать", чтобы разобраться с ними "по закону и разумению".[318] Вся мощь городского правительства могла быть задействована для подавления "иностранной" рабочей силы, чужеземных торговцев и производителей или объединений людей против их

работодателей. Никакое средство не было слишком героическим для патриотически настроенных бюргеров, если они считали, что процветание местных производителей находится под угрозой. Когда торговля сукном в Кентербери пришла в плачевное состояние, городской совет принял закон, предписывающий, что в следующем году мэр и каждый из двенадцати олдерменов должны купить определенное количество сукна, сорок восемь членов совета - половину этого количества, а некоторые зажиточные жители - аналогичную сумму в соответствии с их степенью.[319]

На самом деле система представляла собой любопытный компромисс между тремя различными сторонами треугольного противостояния: совокупностью торговцев и производителей, объединенных в ремесленные гильдии, главной целью которых, естественно, было обеспечить "свою особую прибыль", как говорилось, и взвалить на себя как можно меньше общих тягот; совокупностью домохозяев, организованных для гражданских целей в виде мэра, Совет и простонародье, чьим делом было поддерживать порядок и осуществлять управление, и все население города, рассматриваемое как потребители, которые думали только об удовлетворении своих собственных потребностей и главной целью которых было купить товары торговца по как можно более низкой цене. В течение времени корпорации города и крупная публика имели триумф на своей стороне, а торговцы занимали положение, которое считалось "согласным с разумом". Но если ремесленники прошли через период подчинения, пока их организация и дисциплина совершенствовались, это ни в коем случае не означало, что они должны были проявлять такое же смирение, когда научились манипулировать узкой олигархией, составлявшей корпорации, и презирать бессвязную массу, составлявшую тело потребителей. Все это время гильдии неуклонно, с помощью городской таможни и администрации, укрепляли свое положение, усиливали монополию, смыкали ряды, отгораживались от конкурентов. Наконец наступил момент, когда ремесла сравнялись по силе со своими хозяевами, и муниципалитеты сдались перед силами, которые они сами же и тренировали. Насколько полно средневековая теория об интересе потребителя в законодательстве о промышленности была сметена окончательным успехом ремесел в обеспечении компактным большинством первоначальной цели своих членов, можно судить по той пропасти, которая в принципе отделяет древнюю торговую гильдию от современного профсоюза. Сегодня мы также постоянно предпринимаем попытки регулировать промышленность с помощью объединений капиталистов или наемных работников. У нас есть ассоциации работодателей, которые выросли, чтобы противостоять своим рабочим, и профсоюзы рабочих, созданные для борьбы с работодателями; но ни те, ни другие ни в малейшей степени не заботятся об интересах публики, и ни одна из наших современных ассоциаций даже в фразе вежливости не предполагает, что она "идет на общую пользу" покупателей. В этом глубоком различии между старыми и новыми организациями промышленности мы можем найти меру огромного значения победы, достигнутой ремесленниками, когда они научились использовать дисциплинированные силы гильдии для захвата муниципального правительства. В более поздние времена, когда общественное мнение почти перестало действовать через механизм местных органов власти и находило лишь случайное или бессвязное выражение, педагогические общества под их более современным названием компаний использовали ту же компактную организацию монополистов, чтобы с удвоенным успехом добиваться внимания всемогущих центральных властей, а защита потребителя все больше забывалась в угоду защите привилегированного торговца.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Помимо приведенных примеров вмешательства города в дела ремесел, которые касались общественности или подмастерьев, были и другие интересные случаи, когда он принимал участие в борьбе между гильдиями ремесленников и гильдиями торговцев или посредников, на которых они работали. Ведь всегда следует помнить о разнице между большими и меньшими ремеслами, а также о том, что некоторые из них были простыми ассоциациями рабочих, чьи постановления доказывали их подчиненное положение; хотя, возможно, за исключением редких случаев, ассоциация не была изначально создана или когда-либо использовалась в основном для противостояния посредникам.

Например, ткачи в Лондоне, которые жили сами по себе в специальном квартале города, образовали союз независимых ремесленников, каждый из которых владел собственным станком; если по случайности он становился достаточно богат, чтобы владеть вторым, он сажал за него своего сына или жену, поскольку ремесленная гильдия запрещала ему сдавать его внаем из собственного дома и тем самым увеличивать число рабочих. Они работали на гильдию "бурельефов", или суконщиков, которые выдавали пряжу, которую ткали в грубую ткань, и платили им фиксированную зарплату или цену за штуку. Уже в ранние времена ткачи жаловались на плохое качество и малое количество пряжи, которую им поставляли бюреллеры, и на цены, которые платили за ткачество; около 1290 года они разработали целую схему организованного сопротивления. Они сократили время работы, прекратив ночные работы и назначив сезоны, когда можно было вообще не работать; они ограничили число работников, исключив новых и запретив сдавать станки внаем; а поскольку их работа была обязательно сдельной, они постановили, что определенная длина ткани, которую можно было легко сделать за два или три дня, всегда должна считаться за четыре дня работы и не меньше; и, очевидно, далее они придумали способы, как сделать благовидные наценки за выполненную работу. Чтобы заставить членов гильдии повиноваться, они приказали, чтобы любой ткач, нарушивший эти правила, был вызван для разбирательства в совет из двадцати четырех человек и наказан им формально, так же, как и за нарушения законных предписаний. А чтобы принудить к покорности бюреллеров, они приказали в случае жалобы объявить всеобщую забастовку среди ткачей и прекратить все работы до тех пор, пока не будет возмещен ущерб. Перед лицом общества, которое уже законодательно установило цены и заработную плату и считало этот вопрос окончательно закрытым, ткачи, оказавшиеся лишенными прямых методов достижения своей цели, пошли по кривому пути, по крайней мере так утверждали их враги, - повышать цены, ограничивая производство, и тем самым заставляя расти цены на ткани.

В течение десяти лет посредники и рабочие, похоже, сообща решали свои споры, но в 1300 году бюреллеры обратились в суд мэра и обвинили ткачей в принятии новых постановлений, противоречащих всем законам. В городских судах мало сочувствовали ремесленникам, чьи правила устанавливались "ради их личной выгоды и во вред народу", и присяжные решили, что ткачи не имеют права ограничивать производство дешевых тканей для населения какими бы то ни было способами. Им запрещалось сокращать рабочее время, останавливая работу в любое время, кроме ночи, или сдерживать производство, не позволяя ткачам сдавать свои станки внаем людям, занимающимся ремеслом; сдельная работа могла выполняться так быстро, как только пожелает любой ткач; запрещались любые завышенные расценки за работу. И, наконец, забастовки были категорически запрещены. На втором процессе в 1321 году, когда упрямые ткачи были вызваны к королевским судьям в Тауэр по обвинению в "сговоре и объединении" в церкви Святой Маргариты де Патинс с целью поднять цену на ткачество каждого полотна на 6 д., Королевский сержант, который вел дело, точно объяснил, что неограниченное количество рабочих, работающих в полную силу, означает низкую заработную плату и изобилие дешевого сукна, и что любая попытка сократить число

рабочих, ввести короткий рабочий день или медленную работу - в общем, любое средство, с помощью которого можно ограничить выпуск сукна, - это средство опустошить кошелек мещанина в карман рабочего. В общих интересах такие "злонамеренные махинации" должны быть пресечены; и действительно, похоже, что некоторые сомневались в целесообразности вмешательства даже в ночную работу, если общество хочет иметь дешевое сукно. (Riley's *Liber Custumarum*, 123, 416-425.)

Гильдия, которая к этому времени сократилась с трехсот восьмидесяти до восьмидесяти ткацких станков, вероятно, никогда не была достаточно сильна в Лондоне, чтобы возобновить распри. Возможно, их вытеснили фламандские ткачи, которые взяли на себя борьбу, поскольку в 1362 и 1366 годах они, в свою очередь, создавали общины и собирали деньги среди торговых людей через своих судебных приставов. В постановлениях, которые были разработаны для решения этой чрезвычайной ситуации, было решено, что в будущем собрания рабочих и сборы денег среди них могут проводиться только с согласия двадцати четырех лучших людей торговли, и эти двадцать четыре должны выбираться по усмотрению мэра и олдерменов. (Mem. Lond. 306-7, 332.)

Еще более сложный спор разделил различные ремесла, связанные с изготовлением седел, где мы имеем обратный случай союза посредников, сговорившихся положить под ноги ремесла мастеров, с которыми они были связаны. Лондонские седельщики, торговавшие с публикой, уже в двенадцатом веке образовали гильдию работодателей и посредников. (Madox, 26.) Среди различных ремесел, работавших на них, были столяры, которые делали деревянные каркасы, передние и задние седельные луки, вырезанные из четверти горизонтального отрезка дерева и выдолбленные для спины лошади; художники, которые расписывали эти каркасы; и лоримеры (то есть медники и железники), которые делали металлические изделия для поводьев и упряжи лошадей. Что касается самих шорников, то они, по-видимому, лишь наносили последние штрихи на седла или обтягивали их кожей для великих лордов, которые не довольствовались крашеным деревом; но поскольку все заказы и все продажи осуществлялись ими, они в конечном итоге контролировали всю торговлю.

Первый спор возник из-за жалоб населения на плохое качество поставляемых им седел; шорники свалили вину на столяров, а те, в свою очередь, свалили ее на незаконный или "чернорабочий" труд, поощряемый шорниками ради собственной выгоды. "Плохие подмастерья, которые убегают от своих мастеров и других лжецов, уходят в леса, там делают свою работу из склеенных вместе луков седел и посылают их ночью малярам и шорникам в пределах франшизы", которые получали значительную прибыль от дешевого труда "плохих подмастерьев", работающих под покровом леса. Власти запретили эту практику, а в 1308 году предоставили гильдии столяров ордонансы для защиты их монополии на торговлю и борьбы с нелегальным трудом. (Lib. Cus. 80.)

Несколько лет спустя столяры объединились с малярами и лоримерами - грозный сговор, поскольку лоримеры уже полвека как были организованы как ремесло, а ордонансы, строго защищавшие их монополию, лежали на хранении в городской казне. (Lib. Cus. 78-9. Лоримеры состояли из двух сословий: мастера, который содержал дом и кузницу и платил штраф лондонской коммуне; и подмастерьев, которые платили мастеру, но не городу). Однако в 1320 году шорники добились того, что постановления лоримеров были отменены и публично сожжены в Чипсайде. (Lib. Cus. lix.) В 1327 году в один прекрасный день объединенные ремесла развязали открытую войну в Чипсайде и Крипплгейте, и "снабженные вооруженной силой, обменялись ударами и мужественно начали сражаться". (Riley's Mem. 156-162.) Мэр и шерифы прибыли, чтобы остановить беспорядки; торговцев вызвали в Гилдхолл, и с обеих сторон были поданы жалобы. Шорники рассказали, что (1) три

ремесла организовали союз для забастовок, на случай, если кто-то из них поссорится с кем-то из шорников.

(2) Что медники "по собственной воле" отказывались принимать в свое ремесло любого чужака того же ремесла, пока тот не даст клятву скрывать их проступки, что, конечно, подразумевало попытку поднять цены за счет ограничения числа рабочих.

(3) И далее столяры и маляры "устанавливают на каждый пункт своего ремесла фиксированную цену... по причине чего они делают себя королями земли, к разорению всех жителей земли и к истреблению шорников".

Торговцы категорически отрицали как заговор о забастовке, так и установление цен, что, во всяком случае, указывает на то, что они знали, что такие утверждения никогда не будут признаны общественностью, и сформулировали свои встречные обвинения.

(1) Что шорники составили "заговор и сговор между собой" и связали себя клятвой, что они заставят столяров, маляров и лоримеров не продавать никому, кроме себя, любую работу, которую они выполняют, относящуюся к шорному делу. Таким образом, рабочий должен был быть связан с ними по рукам и ногам.

(2) Что когда работники приходят требовать причитающуюся им плату, их так осыпают оскорбительными словами, бьют и иным образом издеваются над ними, что у них уже не хватает смелости требовать свои справедливые долги.

(3) Что шорники переделывают старые седла в новые, обманывая таким образом рабочих, которые должны были получить их.

Первое обвинение шорники отрицали, но, поскольку они обещали впредь никогда не вступать в конфедерацию, их отрицание вряд ли было убедительным. Они утверждали, что вопросы, связанные с долгами, должны рассматриваться в суде шерифа. И они обещали больше никогда не продавать старые седла за новые.

Очевидно, волнение в Лондоне по поводу этого торгового спора было чрезвычайным, поскольку, когда было предложено провести арбитраж городскими властями и созвать ремесленников на встречу в церкви Святого Мартина ле Гранд перед шестью выбранными олдерменами, они прибыли туда в таком большом количестве и с таким стечением народа, жаждущего услышать решение великой торговой проблемы, что никаких дел не удалось сделать. Олдермены распорядились провести еще одно собрание, на котором должны присутствовать только избранные представители от каждого ремесла. Таким образом, шесть шорников оказались лицом к лицу с двумя железоделателями, двумя медниками, двумя малярами и двумя столярами; после дневного обсуждения ремесленники выбрали новую группу из тринадцати человек и заключили соглашение "по указу этих общих друзей и представили его мэру и олдерменам". Результатом стала решительная победа рабочих ремесел над торговцами. Девять главных преступников из числа шорников были изгнаны из ремесла, а шорники обязались в виде тяжелого наказания никогда больше не принимать их к себе, не содержать и не помогать им, пока они не помирятся с ремесленниками. (Mem. Lond. 156-162.) Что касается внедрения мастерами "чернорабочих", то было постановлено, что ни один чужак не может быть принят в ремесло до тех пор, пока он не будет принят на хустинге с согласия восьми уважаемых людей ремесла. Постановление, запрещающее продавать отремонтированную работу за новую, предотвращало еще одну форму нелегального труда, поскольку ремесленники не могли законно ремонтировать для кого-либо, кроме частных заказчиков.

В данном случае победил профсоюз работодателей, но очевидно, что вопрос в основном стоял об удобстве публики и ее нежелании получать плохие седла. Очевидно также, что, за исключением случаев необычайно мощного объединения рабочих ремесел, у скромных ремесленников было мало надежд в конфликте с торговцами или работодателями, поддерживаемыми общественностью в сдерживании цен. В 1365 году тауиры, или выделщики шкур, издали указ о том, "как они должны служить скорнякам и сколько они должны брать за свой труд". (Riley's Mem. Lond. 330.) В записях может быть указано, что эти постановления были "предоставлены и сделаны служилыми людьми, называемыми тауерами", но трудно поверить, что эти "служилые люди" действовали по собственной воле, устанавливая правила, которые безжалостно и бесповоротно подставляли их шеи под иго пеллетчиков, обязывая себя служить только им, работать по старым фиксированным ценам и подчиняться их юрисдикции в торговых правонарушениях "по решению и усмотрению правителей торговли пеллетчиков".

Были и другие поводы для споров между ремеслом и ремеслом, и временами между гильдиями вспыхивали сражения по поводу границ ремесел и отношений между ними - споры возникали из-за "наложения" разных ремесел, занятых одним и тем же товаром, или из-за "распределения" работы между тесно связанными ремеслами. Сапожникам было запрещено быть кожевниками (Stat. 13 Rich. II. i. cap. 12); затем им разрешили дубить кожу до следующего парламента (Stat. 4 Henry IV. cap. 35); а в 1423 году им снова запретили быть кожевниками (2 Henry VI. cap. 7). И как кожевники были защищены от сапожников, так сапожники были защищены от сапожников. Между сапожниками, изготавливавшими новые сапоги, и сапожниками, чинившими старые, не раз возникали ссоры: сапожники жаловались, что сапожники мешают им зарабатывать на жизнь, как в старину. В 1395 году по приказу короля мэр созвал по двенадцать представителей каждого ремесла, чтобы изложить свои претензии. Вопрос о том, сколько нужно починить, чтобы сделать новый сапог, потребовал самого подробного расследования, и распределение труда было точным. Никто из тех, кто возится со старой обувью, не должен был делать новую; вся работа с новой кожей была объявлена сферой деятельности кордуинов, а сапожники ограничивались лишь штопкой, да и то с очень маленькими кусочками кожи. Четырнадцать лет спустя границы были очерчены еще более точно; перешивка старых сапог была оставлена за кордельерами, но сапожникам было разрешено чинить прожженные или сломанные сапоги из кусков новой кожи. (Постановления такого рода не обязательно предназначались для защиты рабочих, хотя, несомненно, это часто частично имело целью; но в первую очередь они, вероятно, должны были сделать надзор за ремеслами и проверку товаров более эффективными в интересах общества.

ГЛАВА VII

ПОРТНЫЕ ИЗ ЭКСЕТЕРА

Именно в пятнадцатом веке, в то самое время, когда города, по-видимому, наиболее энергично затягивали узы, удерживавшие ремесленников на службе, мы видим, что ремесленники со своей стороны наиболее нетерпимы к подчинению и стремятся испытать свои силы в прямом конфликте с городскими правителями. Их неугомонная энергия разрушала все барьеры между торговлей и политикой и заставляла каждую из них служить

другой; ведь какими бы уловками ремесленники ни предлагали заставить официальные власти признать их в качестве властных партнеров - планировала ли богатая гильдия получить хартию, которая сделала бы ее свободной и независимой корпорацией в городе; или объединение менее влиятельных ремесел требовало официального включения в муниципальное правительство, регулирующее их бизнес, или каким-либо другим способом контролировать его действия - в любом конфликте с правящей олигархией гильдии были вынуждены заручиться симпатией мещан и стать лидерами народного недовольства. С другой стороны, общинники, не имея никаких средств против чиновничьего класса, кроме случайных массовых собраний, охотно принимали помощь дисциплинированной армии, зачисленной в гильдию, и под политическим руководством опытных лидеров придавали вес своим претензиям на большую власть. Таким образом, под влиянием растущей страсти к политической эмансипации торговые интересы постоянно как бы вливались в амбиции и враждебность партий, полностью занятых конфликтом о гражданских правах. Несомненно, преобладающее подозрение в наличии некоей тесной связи между желанием ремесленников вырваться из-под муниципального контроля и демократическим движением в городской политике дало толчок дискуссиям, которые с самого начала возникновения этого вопроса будоражили рынок и зал совета, суд и парламент, и провозгласили ту ярость чувств, с которой обсуждался столь важный вопрос.

Братство портных в Эксетере - очень любопытный пример того, какую роль гильдии играли в муниципальной политике. Мы уже видели оптимистичный взгляд мэра и его братства на "великое содружество города", единое и гармоничное, достойно представленное патриотичными офицерами, в чьи руки была передана абсолютная и беспрекословная власть; Поэтому, когда Джон Шиллингфорд посылает Регистратору и Братству отчет о своих делах в Лондоне по делу декана и капитула, он просто просит их сначала внести такие исправления, какие они сочтут нужными, и добавляет: "Сделав это, я прошу вас созвать перед собой в Холле сущность простонародья, моля каждого из них от моего имени и поручая им самым прямым образом в интересах короля поспешить к вам за вестями, которые я послал вам домой; и чтобы вы мудро объявили им эти ответы, дабы они по-мужски сказали "да" и "нет" в тех пунктах, которые вы сочтете нужным сделать."^[320] Во всех письмах мэра нет ни малейшего намека на то, что он когда-либо слышал о "бурных криках" революционной эксетерской толпы, мало заботящейся о чести города, и что после ста или более лет накопления недовольства близился кризис, когда простолюдины должны были помериться силами с корпорацией. Тем не менее, объединение в тот момент было лишь тем объединением, которое возникает при столкновении с общим врагом; и горожане, казалось, только и ждали, когда эта распря на время затихнет, чтобы снова погрузиться в обсуждение своих собственных внутренних разногласий.

Вероятно, с тех пор, как жители Эксетера стали избирать мэра, бейлифа и восемь олдерменов, они также привыкли назначать орган из двенадцати человек для помощи мэру во всех сложных делах.^[321] Как и в Колчестере, Норвиче и многих других городах, выборы проводились двойным жюри из двадцати четырех человек; но как эти двадцать четыре человека были избраны, мы не знаем. В четырнадцатом веке они, как и двадцать четыре в Норвиче, уже были созданы в качестве постоянного совета, который давал советы и помогал мэру; но двенадцать, очевидно, существовали наряду с ними, поскольку свободным людям было запрещено собираться для выборов мэра "в отсутствие тридцати шести"; а двадцать четыре не могли совершать никаких действий, кроме как в присутствии двенадцати человек.^[322] Однако до тех пор, пока не будут опубликованы записи Эксетера, невозможно определить отношения этих двух органов; неизвестно и то, каким образом Двадцать четыре завладели Залом Совета.^[323]

В Эксетере, как и в других местах, в середине XIV века разгорелась борьба между двумя фракциями общества - между коммунами, недовольными и мятежными, и правящим классом, который предстал не как новаторы или узурпаторы, а как консервативные хранители "древних порядков и обычаев города". Ссора началась в 1339 году с "бурных криков" народа против постоянного переизбрания одного или двух человек в качестве мэров; и, по крайней мере, на один год они добились своего, возможно, нарушив прежние обычаи выборов, поскольку сразу же был издан указ, согласно которому народ не должен был собираться в день выборов мэра "в отсутствие тридцати шести"; Возможно, с помощью церкви и сельских покровителей, так как далее было приказано, чтобы ни один клерк консисторского суда, ни один человек, не живущий в городе, не был избран мэром и не имел права вмешиваться в выборы. Постановление о том, что ни один мещанин не может быть отстранен от должности, если он проживает в городе, был сенешалем и имеет сто шиллингов имущества, которое обычно требуется во всех городах, было, если судить по другим городам, просто повторением обычного обычая.

О том, что ссора все еще будоражила умы жителей несколько лет спустя, свидетельствуют ордонансы 1346 и 1347 годов. Первый запрещал немедленно переизбирать мэра - это распоряжение, очевидно, было сделано, чтобы успокоить общественное мнение, но Двадцать четыре не собирались его соблюдать. Второй ордонанс 1347 года постановил, что выборы должны проводиться "двадцатью четырьмя лицами, которые под своей клятвой будут производить выборы" - фактически он заново провозгласил обычай, который уже был признан в течение пятидесяти лет и, вероятно, с самого первого учреждения этой должности, хотя в последние годы он был поставлен под сомнение.

Победа правящего органа была, по-видимому, полной,^[324] и, действительно, было неизбежно, что до тех пор, пока город должен был продолжать борьбу с графом и епископом, потребности и дисциплина войны должны укрепить позиции лидеров и ужесточить их власть над своими согражданами. В 1427 году Двадцать четыре появляются под названием "Общий совет", постановления издаются от имени "мэра и Общего совета", и "в открытом суде мэр и бейлифы с согласия Двадцати четырех" решают все городские дела, касались ли они городского права, слушания и исполнения приказов короля или голосования по поводу денег на общественные нужды.^[325] Им же, несомненно, Шиллингфорд писал свои длинные письма из Лондона, почтительно обращаясь к ним как к "Братству" или "его Братьям", с которыми он имел обыкновение советоваться.

Таким образом, рядовые бюргеры Эксетера, насколько мы можем проследить его историю, играли скромную роль в городской политике, и их попытка заявить о себе в 1339 году не принесла им никаких преимуществ. В 1460 году горожане предприняли новую попытку другого и необычайно интересного рода.

В Эксетере существовала гильдия портных. Ее правила, написанные или переписанные в 1460 году, предписывали, что каждый полный портной стоимостью 20 фунтов "должен состоять в братстве и одежде мастера" и платить за вход "ложку серебра весом в одну унцию и фасон", а также покупать ливрею раз в год и давать двенадцать пенсов на ежегодный пир. Другие владельцы магазинов записывались в Братство холостяков, каждый из которых платил 8 д. на пир и свое подношение.^[326] Были специальные сборы для "свободных швей"; каждый слуга, получавший жалованье, также вступал в организацию и должен был ежегодно платить в гильдию свой шестипенсовик.^[327] Мастер и надзиратели собирались каждый четверг в девять часов для ведения дел, а четыре раза в год проводились общие собрания надзирателей и владельцев магазинов, где после ужина свободным швейникам раздавали

остатки пиршества. Существовал совет из восьми человек;^[328] и были приняты обычные правила для защиты торговой монополии, поддержания дисциплины и сбора средств.

Пока что Гильдия была такой же, как и другие гильдии. Но богатая, могущественная и хорошо обученная, она лелеяла амбиции, выходящие за рамки совершенствования портновского искусства.^[329] В борьбе между Йорками и Ланкастерами симпатии официального Эксетера были явно ланкастерскими, и когда Эдуард Четвертый вззошел на трон^[330], он, вероятно, счел политичным или необходимым, предоставив щедрое пособие Обществу портных, подружиться с торговыми классами, которые остались вне правящей касты. В соответствии с учредительной хартией, которую он им предоставил, они получили особые привилегии, которые вызвали резкое недовольство муниципальных властей. Хартия ставила гильдию в прямую зависимость от короля, а не от мэра. Им была предоставлена редкая свобода - право "принимать постановления между собой, как им покажется наиболее необходимым и полезным для указанного братства", а также "производить обыск" и исправлять недостатки, не нуждаясь, очевидно, в санкции мэра.^[331] Мало того, они получили право "увеличивать и расширять" свою гильдию по своему усмотрению; и тут же начали ежедневно принимать в свою компанию "разных ремесленников, кроме себя, и разных других, не живущих в том же городе" - людей всех мыслимых профессий и занятий, свободных братьев, которые поклялись быть верными и любящими братьями гильдии, никогда не вступать в тяжбу с кем-либо из братства, исправно платить штрафы при жизни в сокровищницу и оставлять ей наследство после смерти. Обычное правило, согласно которому никто из ремесленников не мог получить свободу города иначе как с согласия мастера и надзирателей, приобрело новое политическое значение, когда большая часть жителей была зачислена в гильдию портных, и когда, следовательно, именно мастер портных решал, каких людей следует или не следует делать свободными в городе.

С этого момента Гильдия портных стала действительно большим политическим объединением. Мастер и братство компании были едва ли менее влиятельны, чем мэр и братство корпорации. По праву обыска служащие гильдии могли днем и ночью входить практически в любой дом в городе и пригородах. Своими полномочиями по исправлению неплатежей они могли оставлять городские суды пустыми, а городскую казну - без привычных штрафов. Предоставление гражданства было практически в их руках. Их средства и организация позволяли вести планомерную и упорядоченную атаку на правящую олигархию. Приняв в свои ряды представителей всех ремесел и сословий, они собрали в единое тело обложенное налогами и недовольное население, чей гнев на власти вырос от долгого подавления; кроме того, они привлекли в свои ряды тех, кто находился вне власти корпорации - деревенских жителей, а также арендаторов церквей, которые, как мы знаем, уже роптали на начисление налогов и готовы были объединиться с мещанами.

До этого времени власть мэра над торговцами Эксетера была непререкаемой. Купцы, бакалейщики, драпировщики, наемники, портные подчинялись ему, как и в других городах; но в результате этого тревожного заговора мэр и фельян оказались перед лицом, как им казалось, "большого беспорядочного скопища" революционеров, которые проводили конгрессы и устраивали беспорядки в городе, даже одолевали мэра и угрожали уничтожить его власть - людей "столь дурного нрава и невозмутимых, что мэр упомянутого города не может руководить и управлять людьми.....и не исправлять те упущения, которые должны быть им исправлены", так что "дурной пример" "может привести к подрыву и разрушению того же города".^[332] Королевская хартия, полученная Гильдией, рассматривалась корпорацией как нарушение муниципальных привилегий; от членов Гильдии потребовали отказаться от нее под присягой или лишиться городских прав; в то время как мэр привел в

пример некоторых бургомистров, которые принадлежали к братству, вычеркнув их из списка граждан. Витрины огнеупорных лавок были заколочены, а жителям запрещалось шить одежду у определенных портных, чьи имена были занесены в черный список, "и ни у кого другого по их мнению". Членам ремесла, входившим в городской совет, было отказано в рождественских подарках - вине и каноническом хлебе, которые давали членам совета, а если они придерживались ремесла, то их действительно исключали из палаты.^[333] С другой стороны, если незадачливый житель пытался заключить мир с корпорацией, выйдя из состава портных и поклявшись на Распятии и святых евангелистах отказаться от их устава как противоречащего свободам города, вооруженные братья гильдии посещали его дом и взыскивали взносы силой оружия, то есть домкратами, защитными дублетами, мечами, пряжками, ножами и камнями.^[334] Тогда городские власти в ответ "представляли" провинившихся портных в ближайший суд за преступление, связанное с беспорядочным сбором пошлин, и бросали их в тюрьму; и так продолжалась война, очевидно, за счет самых слабых членов общины.

Вскоре, однако, ссора вышла за пределы городских судов. Корпорация подала апелляцию в Вестминстер и снова оказалась втянута в судебные издержки. В 1477 году обе стороны предстали в лице адвокатов перед Эдуардом Четвертым, который воспользовался возможностью раздора, чтобы ужесточить контроль центральной власти как над городом, так и над ремеслом. Он отменил утверждение Эксетера о том, что корпорация обладает исключительным правом на выдачу хартий: гильдия получила свою инкорпорацию от короля, и она оставалась в силе; в будущем все споры между городом и гильдией должны были передаваться на рассмотрение короля и его Совета. Но если королевские права были таким образом обеспечены, симпатии центрального правительства склонились на сторону города в противовес ремеслу; и условия, наложенные на гильдию, если она сохранит свою хартию, были таковы, что неизбежно должны были разрушить организацию в ее фактической форме. Братство было ограничено рамками портновского ремесла, не могло набирать членов и вести поиск среди представителей других профессий, не выходило за пределы города, и даже в этих пределах "всегда сохраняло за собой права мэра и муниципалитета". Она не могла издать ни одного приказа против прав епископа или мэра: ни один человек не мог получить свободу города, зачислив его в ремесло, если он не был предварительно представлен мэру. Они подвергались еще большему унижению, поскольку, хотя мэр имел право отказать в приеме кандидата, если его подозревали в нехорошем нраве или разговоре; если же мастер и надзиратели пытались помешать человеку получить свободу города, отказываясь свидетельствовать в его пользу и освободить его от ремесла, мэр, бейлифы и общий совет могли настоять на его принятии в гильдию.^[335]

Подобные положения, подразумевающие роспуск фактически существовавшего братства, разрушение его политического положения и прекращение его контроля над списком бюргеров, провозглашали триумф муниципальных властей; и "злоба и горе, которые были задуманы в связи с этим, не могли быть удовлетворены или успокоены в течение долгого времени". Гильдия, однако, не смирилась с поражением; в 1479 году были приняты постановления, требующие новых взносов, установленных на семь лет от мастеров, владельцев магазинов и свободных швей "на содержание священника"^[336] - взносы, которые были настолько высоки, что наводили на мысль о некой "притворной святости" в желании обеспечить капеллана столь незаслуженной роскошью, в дополнение к его питанию за счет мэра; И это, очевидно, продолжалось более семи лет, так как в 1500 году снова был издан приказ, согласно которому все служилые люди, работающие по году, по неделе или поштучно, должны платить по пенни в квартал на содержание священника, а в Михайлов день - на воск. Гильдия по-прежнему пользовалась хорошей репутацией и была

способна держать себя в руках. Один из портных был мэром до 1482 года;^[337] и в 1481 году компания высокомерно бросала вызов власти корпорации. Портной, вызванный для выбора между сохранением своего места члена Гильдии и сохранением свободы города, торжественно отказался от клятвы Гильдии перед мэром, после чего мастер и надзиратели подали на него в суд за лжесвидетельство; так что "с помощью джентльменов и денег" он помирился с ними и снова присягнул Гильдии. Но за отлучку от обязанностей, которых она от него требовала, "без разумной причины" его вывели из дома, привели в Портновский зал и посадили в колодки, а в конце концов заставили дать поручительство за хорошее поведение в будущем.^[338] Городские советники Эксетера научились осторожности на подобных инцидентах; и когда в том же году они предоставили Кордуэйнерам подтверждение их хартии, то при условии, что мастер и надзиратели гильдии будут ежегодно являться к мэру и сдавать все свои полномочия, после чего после уплаты штрафа они должны будут получить их обратно по решению мэра.^[339] В следующем, 1482 году, когда пекари потребовали новых постановлений,^[340] корпорация установила, что вся кукуруза должна молотиться на городских мельницах; что надзирателей при обыске в пекарнях или домах мошенников всегда должен сопровождать городской офицер или сержант; и что если будут установлены какие-либо правила гильдии, противоречащие городским свободам, мэр и совет могут изменить их по своему усмотрению.

Однако мятежные портные сражались до последнего. В 1482 году городские власти подали Эдуарду Четвертому новую петицию, в которой, несмотря на пожалование короля, просили полностью отменить хартию портных; в этот и последующие годы "Двадцать четыре" проголосовали более 50 фунтов стерлингов для ведения дел в парламенте и судебных издержек, "связанных с отменой хартии".^[341] Из истории других городов этого времени следует, что при дворе начали проявлять серьезную тревогу по поводу волнений населения и роста демократии в районах; петиция была удовлетворена как само собой разумеющееся, и Братство портных вернулось к положению обычной ремесленной гильдии. Недовольство и ропот все еще слышались на городских улицах, но у корпорации не было причин для страха. В 1496 году, когда некий Джон Этвилл должен был быть избран в пятый раз, "среди горожан возникли большие разногласия по поводу выборов мэра, и, чтобы избежать подобного в будущем, мэр и общий совет города постановили, что никто не должен быть мэром или занимать какую-либо должность здесь, и никакие выборы не будут иметь силы, если они не будут проводиться в соответствии с древними порядками и обычаями этого города, и при этом мэр и четыре и двадцать членов общего совета должны избирать мэра и всех других должностных лиц этого города". Чтобы окончательно обезопасить себя, на следующий год город получил хартию от Генриха Седьмого. Новая хартия действительно несколько ограничила требования, которые Совет свободно изложил в 1496 году: им больше не разрешалось избирать мэра, но они должны были выбрать двух кандидатов на эту должность, один из которых должен был быть назначен свободными людьми; с другой стороны, они по-прежнему сохраняли абсолютную власть заполнять свои собственные вакансии и выбирать судебных приставов. Их название также было впервые признано, и вместо того, чтобы использовать старый стиль города: "мэр, судебные приставы и содружество города", король издавал законы "с согласия и одобрения общего совета".^[342]

Портные, побежденные в открытом бою, могли лишь косвенное влияние своего богатства и компактного большинства и заключить союз с властью, которую они не могли уничтожить. В 1516 году мастер ремесла был также управляющим городом, еще один член - приемщиком или казначеем, другие входили в Совет двадцати четырех; третьи были мэрами или казначеями в прошлые годы. По воле и согласию этих должностных лиц города и гильдии устав Общества портных был изменен, чтобы уничтожить последние следы управления по

воле братства; и восемь человек, "посланцы профессии", чьим авторитетом когда-то были приняты законы для торговли, были заменены советом из тех, кто когда-то был мастерами ремесла, созываемым мастером.[343] Значение этого шага можно понять, только рассматривая его в связи с тем положением, которое в это время занимала "одежда" в муниципальном управлении.[344] Но очевидно, что древняя распря завершилась дележом властных трофеев, и горести поражения легли на плечи всего населения. Они оказались в еще более безнадежной ситуации, чем раньше, и оказались во власти своих правителей, поскольку мастера ремесел, контролируя городское самоуправление, имели двойную причину поддерживать власть корпорации - инстинкт мастера-ремесленника и инстинкт городского советника.

История Эксетера бесценна в том свете, который она бросает на взаимное отношение города и ремесла в борьбе за автономию. Ничто не может быть более понятным, чем страстное сопротивление корпорации королевским хартиям, данным через головы городских чиновников,[345] если мы осознаем быструю тревогу, к которой муниципалитет, имевший опыт долгой борьбы за верховенство с королем, церковью и бароном, был готов, когда увидел нового врага, врага, которого он давно считал побежденным, возникшего в его среде, чтобы угрожать новой опасностью единству боро. Быстро обнаружилось, как велика внутренняя слабость, вытекающая из этого раскола в политическом обществе городов; и как сами призывы к арбитражу государства и вмешательство короля и парламента должны были постоянно стремиться к дальнейшему ограничению муниципальной независимости; в то время как другие намеки на опасность заключались в новых возможностях, предоставляемых сельскому дворянству для вмешательства в независимость городской жизни, когда они могли сделать гильдию, отделенную от города, двигателем своих собственных политических проектов.[346] Даже для самих гильдий против преимуществ, к которым они фактически пришли благодаря эмансипации, должны были существовать серьезные опасности в будущем - опасности, связанные с трудностями обеспечения дисциплины без государственной поддержки; с враждебностью корпорации и раздражением, которое она могла причинить, оказывая почести своим самым непокорным членам; и с поощрением более агрессивной враждебности со стороны других компаний, соперников в независимости и решительных противников в монополии.[347] Освобождение крупных торговых компаний от местного контроля, возможно, и было необходимым шагом в освобождении растущей национальной торговли; но оно стало очевидным признаком того, что век муниципальной свободы и местного самоуправления вступил в пору своего упадка.

Обычно, однако, крупные торговые компании, по-видимому, использовали собственные методы, чтобы договориться с властью или взять корпорацию в плен и мирно установить свою власть; как мы видим на примере больших купеческих братств и оптовых торговцев, которые, подобно драперам и мерсерам Ковентри, драперам Шрусбери и, возможно, гильдиям того же рода в Уолсолле,[348] сделали из своих объединений диктаторов городской администрации. Но такие коммерческие союзы, как эти, стоящие в отдельной группе, несколько обособленно от портных Эксетера, должны быть рассмотрены отдельно. Братство портных, пожалуй, можно считать занимающим некое промежуточное положение - с одной стороны, почти как купеческая компания, а с другой - как обычное производственное ремесло; и именно в этом втором аспекте его история указывает нам на ту важную роль, которую сыграли ремесленники в сплочении элементов восстания, в мобилизации их сил и в придании гильдийной организации для борьбы. Ни один отдельный случай не может считаться каким-то типичным или репрезентативным, поскольку везде позиция ремесленников решается в зависимости от местных условий и тонких изменений баланса конфликтующих сил. Был ли хоть один город в нормальных условиях, в котором

успешное сопротивление правящей олигархии было бы оказано только с помощью хорошей ремесленной организации, мы пока сказать не можем. В каждом районе, похоже, были споры, более или менее острые, между правящими и управляемыми, независимо от того, принимал ли этот конфликт форму нападения и защиты тесной корпорации, как в Эксетере, или могущественной гильдии купцов, контролирующей корпорацию, как в Линне, или великих меркантильных братств, как в Ковентри. А в некоторых округах, где общинам удалось изменить старую олигархическую систему, мы можем с уверенностью проследить прямые действия мануфактурных ремесел. Иногда рабочие ремесла восставали против купеческих обществ и пробивали себе дорогу в зал заседаний Совета. В Карлайле купеческая гильдия, оставаясь отдельной от муниципального органа, дала городу больше мэров и олдерменов, чем любая другая гильдия; И поскольку она принимала в свое общество посторонних "ни за какие деньги"[349], ее должности и почести стали практически наследственными, пока восемь ремесел или профессий города (семь из них были союзами ремесленников, а восьмая - союзами лавочников, семеноводов, В XVI веке они положили конец этому деспотизму, создав совет из тридцати двух человек, по четыре от каждого ремесла, которые присоединились к совету мэра и олдерменов и, утверждая, что действуют от имени всего общества, принимали участие в принятии подзаконных актов; в выборе "людей из народа", которые должны были стать бюргерами; в проверке счетов; в смещении городских чиновников в случае необходимости; и в хранении ключей от общего сундука.[350] То, что подобные полномочия были добровольно или даже вполне мирно переданы правящей гильдией, можно себе представить, хотя об их невероятности свидетельствуют все аналогии. В Ньюкасле после "великих волнений, незаконных собраний, конфедераций" и всеобщих беспорядков мерсеров, драпировщиков и торговцев кукурузой заставили в 1516 году принять девять других ремесел, чтобы разделить с ними власть.[351] В Норвиче, где даже запрещенные гильдии нашли возможность пойти на почетный компромисс со своими противниками, урегулирование было достигнуто только после раздоров, в результате которых город был "разделен и распущен и, в сущности, уничтожен".[352] Когда Эдуард Четвертый в 1464 году направил в Йорк королевский патент, предписывающий, чтобы в будущем ремесленники назначали двух олдерменов, один из которых должен был быть избран мэром, это действие должно было означать, что в городском обществе возникли разногласия, из которых король, возможно, надеялся извлечь свою выгоду[353], присоединив к себе важную фракцию в обществе. Несомненно, было много случаев, когда ремесленники были вынуждены признать полный провал своих попыток, или когда их успех был лишь частичным, как в Лондоне, где ремесленники охотно увеличили бы свое влияние, если бы народное мнение могло быть убрано с дороги.[354] В большом количестве районов мы знаем, что ремесленники настаивали на том, что единственный путь к муниципальным правам должен лежать через их общества;[355] но какой степени это условие преобладало, к каким политическим целям оно приводило, и насколько оно служило испытанием силы между партиями власти и революционными фракциями, пока остается только гадать.

Скудность наших знаний не позволяет в двух словах описать характер борьбы, которая была всеобщей, в которую были вовлечены все классы сложнейшего и высокоорганизованного индустриального общества и история которой до сих пор не была полностью раскрыта ни для одного района. Но, насколько мы можем судить, развитие муниципального управления повсеместно включало в себя борьбу между победоносными и подчиненными классами. Рассуждать о том, были ли подвластные классы, пытавшиеся создать новые ассоциации или использовать старые для ведения своих сражений, простыми бюргерами, противостоящими муниципальной корпорации, или ремесленниками, противостоящими гильдии купцов, или беспорядочной толпой, противостоящей религиозному братству Святой Троицы или Святого Креста, - зачастую простое жонглирование словами. Ведь, как мы увидим, одна группа

людей могла носить три имени и, выступая в роли "магнатов" или "потенциалов", действовать не только как городской совет, но и как гильдия купцов, прикрывая обе функции благовидным цветом святости. При таких обстоятельствах не имеет большого значения, под каким именем они боролись и как называли толпу, будь то простолюдины или другие, поскольку никакие изменения в их номинальных отношениях не влияли на отношение людей, стоящих у власти, к тем, кто находится вне ее, или на политику купцов и мастеров-торговцев по отношению к рабочему народу. Обсуждая социальные изменения, происходившие в Англии, мы всегда должны помнить, что отсутствие сильных драматических эффектов, ограниченный и провинциальный характер борьбы классов были лишь необходимыми последствиями условий английской жизни, когда промышленные и политические споры велись местными силами каждого маленького городка самостоятельно, в ряде конкретных конфликтов, которые с переменным успехом вели группы бойцов, подготовленные в небольших отрядах для отдельной службы. Было бы чересчур воображать, поскольку мы не читаем ни об открытой войне классов, ни о сожжении городов, ни о восстаниях, утоленных в крови, что все промышленное общество средневековой Англии двигалось вместе в гармоничной и упорядоченной прогрессии, каждая новая группа по мере своего появления мирно поднималась на предназначенное ей место в богатстве и совете, без ревности предшественников или горькой обиды последователей. Напротив, все свидетельствует о том, что упорство англичан в удержании власти и их упрямство в отстаивании свободы были столь же характерны для расы в пятнадцатом, как и в девятнадцатом веке; что антагонизм между человеком, который просит, и человеком, который платит жалованье, был во многом таким же, как и сейчас; и что классовые интересы были куда более сильными, если вообще были. Поэтому, если мы предположим, что социальное и политическое развитие позднего средневековья в этой стране было естественным образом обусловлено логической последовательностью экономического развития, мы должны допустить, что эта суровая последовательность включала в себя тогда, как и сейчас, страстные усилия сильного народа отвести своей мощью надвигающиеся бедствия судьбы и яростно ухватиться за ее неопределенные блага.

ГЛАВА VIII

КУПЕЦ ИЗ ГИЛЬДИИ

В конфликтах XIV и XV веков мы видим, что городское общество разделилось на две фракции; и независимо от того, называют ли себя спорящие группы бюргерами и простолюдинами, "богатыми" и "бедными горожанами", купеческой гильдией и ремесленниками или какими-либо другими именами, они, похоже, практически представляют одни и те же широкие слои общества. В городских ссорах нам трудно провести какое-либо обоснованное различие между группами горожан и компаниями ремесленников, как будто ими руководили разные страсти; ведь как бы ни были многочисленны простые жители, которые, должно быть, не входили в организацию ремесленников, обычно каждый свободный человек был членом какой-либо компании, и все голосующее население таким образом записывалось под знамена различных ремесел. Настоящая линия раскола, на которой мы должны сосредоточить внимание, - это не тонкая грань, которую можно провести между Городским советом и Купеческой гильдией, Содружеством и Ремесленниками, а широкая пропасть,

которая разбивает все промышленное общество на две фракции: с одной стороны - торговцы, с другой - ремесленники и мелкие розничные торговцы. Везде, где мелкие ремесленники, представлявшие средние слои населения района и чьи интересы более или менее отождествлялись с интересами общинников и "бедняков города", отстаивали свои права на участие в городских советах; путь к ним преграждала сплоченная фаланга потомственных "магнатов" и богатых купцов, которые отказались от низких занятий торговлей и бросили свой жребий правящей олигархии "богачей" и сражались в союзе с мещанами или под их прикрытием; Восстание общинников против городского совета становится практически битвой рабочих ремесел против господства меркантильных братств - битвой, которая в одно время может вестись за завоевание гражданских привилегий, а в другое - за свободу производства.

Если мы спросим, насколько древним был этот конфликт и в какое время мир в городе впервые был нарушен антагонизмом большой торговли и малых ремесел, торговца и ремесленника, мы должны будем вернуться за ответом к очень раннему периоду, когда коммерческие общества впервые были организованы, или, по крайней мере, к двенадцатому веку, когда гильдия торговцев и ремесленников выходит на первый план.^[356] К сожалению, история гильдии купцов,^[357] от ее туманного начала во времена Исповедника или норманнских королей до того времени, когда ее организация распространилась по всей Англии, а ее братства можно было найти в большинстве торговых районов, все еще окутана мраком, который покрывает ранние записи наших городов, и проблемы ждут своего решения, которые касаются всего развития гильдии. Мы знаем, что с давних времен люди объединялись в ассоциации, чтобы обеспечить себе защиту и монополию на торговлю, и до конца двенадцатого века в большинстве торговых городов существовала своя "Купеческая гильдия" с правами, гарантированными королевской хартией. Зародившись в обществе, где купеческий класс в нашем понимании был неизвестен, гильдия, как нам говорят, сначала состояла в основном из земледельцев, занятых обработкой общих земель и увеличением стада коров, овец и свиней; их главной заботой было продавать масло, мед, соленое мясо и шерсть, которые оставались после того, как они обеспечивали свои потребности, и покупать рыбу для постов, плуги и лопаты для своих полей и самую простую мебель для своих скромных домов. Но, по мнению новейшего историка, уже с двенадцатого века ремесленники свободно принимались в его общество и в настоящее время составляли большинство гильдии^[358] - каждый ремесленник был мелким торговцем на свой собственный счет, покупая сырье и продавая свои изделия в лотке, который он арендовал на рынке, или на складной полке, которую он спускал на улицу из окна своей маленькой мастерской. Вместе с ними были священнослужители и женщины, занимавшиеся торговлей;^[359] странствующие торговцы из числа горожан, для которых были важны освобождение от юрисдикции за пределами города и свобода от пошлин (что мало заботило домохозяев); и чужестранцы, приносившие свои товары на городской рынок,^[360] платившие вступительный взнос и обязывавшиеся впредь нести свою долю городских налогов, хотя и считались свободными от всех прочих поборов, лежавших на "опустившихся и восставших и кипящих в горшках" домохозяевах. Поэтому предполагается, что когда пришло время Гильдии выйти из своего скромного состояния частного объединения и возвыситься до уровня официального гражданского органа, призванного защищать торговые интересы города,^[361] она сформировала действительно народное учреждение, который по своей природе никогда не мог ввязаться в конфликт с ремесленниками - организация всей общины для контроля над торговлей по общему согласию народа, во многих отношениях характерная для английской жизни^[362] и являвшаяся естественным продуктом эпохи свободы, когда народ еще не топтался под ногами деспотической олигархии. Теоретически подчиняясь власти города как части его регулярного

административного механизма,[363] но управляемая своими собственными должностными лицами и осуществляя независимую юрисдикцию через свои добровольные арбитражные суды, Гильдия в силу своей торговой монополии,[364] мощной организации и дисциплины, а также того факта, что люди, составлявшие ее руководящий орган, как правило, были теми же, кто заседал в руководящем органе боро, занимала гораздо более независимое положение, чем любой отдел городского правительства в наши дни.[365]

Но, по мнению доктора Гросса, Gilda Mercatoria была обречена на исчезновение перед ростом новых промышленных условий. Первый удар по ее превосходству был нанесен появлением в начале XII века ремесел, которые выкупили у короля право на существование в качестве независимых братств во время его удовольствия.[366] С этого времени упадок купеческой гильдии из ее старых владений шел в ногу с коммерческой революцией, которая привела к ее гибели. В конце XIII века в ней начались большие перемены, а в течение двух последующих столетий она, можно сказать, практически прекратила свое существование. Разбитое на множество независимых ассоциаций, каждая из которых занималась своими делами,[367] лишенное всех своих прежних функций, оно умерло, потому что у него больше не было причин для жизни. Возможно, она еще сохранялась в сельскохозяйственных городах, где ремесленных гильдий было мало или не было вовсе;[368] или в церковных округах, где ее организация служила единственной точкой опоры для общины в борьбе за свободу; но везде ее механизм развалился на части;[369] и настолько полностью исчезла как самостоятельная организация, что само название сохранилось только благодаря новым значениям. Иногда старая купеческая гильдия неразличимо сливалась с городом и давала свое имя всему сообществу;[370] , хотя в другом месте она, возможно, передавала название и функции узкому избранному органу управления боро в отличие от общего сообщества горожан.[371] В других местах его название каким-то неясным образом перешло к совокупности ремесленных гильдий.[372] Будучи лишь тенью себя прежней, не имея ничего, кроме слова, чтобы обозначить свою идентичность, Купеческая гильдия могла бы выжить как простое социально-религиозное братство;[373] или, возможно, без конфликтов и горечи она просто угасла перед ремеслами, не оставив после себя даже названия.[374] Но как бы ни выполнялся неявный, негласный договор, какими бы средствами Gilda Mercatoria, повинувшись окончательной судьбе, ни отказывалась от неудобного главенства, не оставалось ни малейшего повода для раздора между гильдией и ремеслом,[375] и предположение о каком-либо таком раздоре или восстании ремесленников против высшего братства с XII по XV век должно рассматриваться как легкомысленный "миф".[376] Выполнив свой долг, купеческая гильдия приняла свою гибель без шума и борьбы и достойно отошла в тень с серьезным декорумом, перед которым смолкли звуки раздора. Уже позднее, когда старая народная организация угасла, гармония общин была разрушена приходом неизвестной до тех пор тирании - тирании избранного и безответственного органа управления, который своим коррумпированным правлением возбудил новый дух раскола в округах.

К сожалению, эта картина последовательных этапов истории гильдий, начиная с периода свободной республики, через который, как предполагается, они все прошли, и заканчивая их исчезновением или поглощением в правящую олигархию, целое сообщество районов или группу торговцев, не была проверена путем прослеживания непрерывной истории какой-либо одной гильдии. Более того, кажется, что сделать какое-либо общее заявление о группах торговцев, которые делали состояние английских районов, так же сложно, как и сделать общее заявление о расположении и группировке нерегулярных войск, совершающих стремительный марш по запутанной стране. Среди напряженной деятельности и переменчивых сцен средневековой жизни нет точного определения, которое не оказалось бы ложным с небольшим промежутком времени, небольшой переменной места; а теории

"естественной тенденции" - лишь ловушки, расставленные для неосторожных. Что касается гильдии купцов, то, вероятно, из любого общего правила было столько же различных исключений, сколько городов, в которых существовала гильдия. Пройдет всего одно поколение, и институт, возможно, полностью изменится; здесь он существовал в какой-то особой форме, а в нескольких милях от него его вообще не было; в некоторых районах он доминировал в истории города, а в других оставил после себя лишь отголоски своего названия.[377] Возможно, были города, где в свое время гильдия включала в свои ряды большинство мещан и, возможно, состояла в основном из ремесленников;[378] но, очевидно, были и другие, где с самого начала она образовывала общество гораздо более узкое и ограниченное,[379] или где она быстро превращалась в ограниченный круг богатых горожан, из среды которых, вероятно, не могли возникнуть ремесленные гильдии; иногда случалось, что ремесленные гильдии предшествовали купеческой гильдии.[380] Даже если якобы поддерживалась теория, что ремесленники "свободно записывались в члены гильдии купцов"[381] - на практике "подарки и вступительные взносы в виде коллажа, быка, пива и вина" могли эффективно отсеять бедняков, и позволить ассоциации[382] быстро превратиться в эксклюзивное и сравнительно аристократическое общество, которое требовало от всех, кроме владельцев домов или буржеджей, или людей, имеющих право по прямому происхождению принадлежать к братству, достаточно больших вступительных взносов, чтобы гарантировать новому желающему принадлежность к их прекрасной компании. Два сословия, установленные в Андоверской гильдии[383] еще в XIII веке, показывают, как привилегии могли распространяться даже среди самих членов гильдии; купцы Бристоля учат нас, как за них можно бороться;[384] и нет сомнений, что политика каждого отдельного братства во многом зависела от того, принимало ли оно обычай выбирать своих должностных лиц с согласия всего сообщества гильдийцев,[385] или горстки выборщиков из высшего сословия.[386] Даже если значительное число мещан было допущено к торговым привилегиям, из этого отнюдь не следует, что они имели право голоса в управлении бизнесом.

Мы также не в меньшей степени осведомлены о том "естественном процессе", посредством которого, как считается, гильдия пришла к своему покорному и безболезненному концу. Передача власти от древнего общего гильдейского купечества ряду отдельных органов и последующий распад и упадок первого",[387] ослабление его силы за счет создания новых ремесел, разделение его монополии на фрагменты, уничтожение его первоначального существа, чтобы освободить место для "совокупности ремесел", "превращение гильдии в "простое социально-религиозное братство" - своего рода тихую гавань для отдыха богатых купцов, отказавшихся от сладостей власти и реального управления торговлей, от которой зависело их состояние, чтобы занять себя песнопениями, мессами и капелланами или даже шествием Corpus Christi - в общем, все "постепенное и спонтанное" движение, в котором заключалась смерть первобытного братства, до сих пор окутано тайной. Если ремесленники, объединенные в свои собственные гильдии, все же оставались в общей гильдии купцов[388], которая когда-то устанавливала правила для их торговли, а во многих случаях делала это и сейчас,[389] случаи (за исключением тех, когда гильдия купцов либо была муниципальным органом, либо просто передавала ему свое название) редки или, возможно, неизвестны в XIV и XV веках; Мы также не можем легко проследить гораздо более сложную трансформацию, которая, как говорят, произошла, когда бюргеры стали наследниками общего корпуса гильдийцев, в результате двойного процесса, который изменил идею гражданства от концепции свободного человека, владеющего правом собственности на бургальтер, к более поздней идее человека, владеющего правом заниматься ремеслом, и который превратил

правителей гильдии в правителей города;^[390] так что в результате естественного роста братство гильдийских купцов, когда-то полностью отличное от боро, стало идентичным с ним.^[391]

Вполне возможно - более того, если вспомнить о бережливости английского народа в политике, его привычке доставать старые механизмы при каждом удобном случае; его отвращении к ремонту или исправлениям сверх того, что требует настоятельная необходимость; его равнодушию к новым изобретениям, если старые колеса и кривошипы все еще можно заставить вращаться, - что мы можем узнать кое-что о работе первоначальной Гильдии купцов, наблюдая за действиями ее преемников в XIV и XV веках. Ибо независимо от того, прекратила ли первобытная Гильдия свое существование или нет, нечто, носящее ее имя и облеченное в ее форму, постоянно сталкивается с нами в более поздние времена, трезво маскируясь под древнюю привычку, которая, кажется, едва ли хуже от износа или вышла из моды за все прошедшие столетия; и предстает перед нами как надежное выживание, как старая организация, заново приспособленная к насущной необходимости, или даже как новое творение. Мы можем наблюдать в Ковентри такую гильдию, не имеющую ни одного из признаков дряхлости или симптомов упадка - гильдию, которая не была ни простым социально-религиозным братством, ни обычной ремесленной гильдией; которая далеко не была совокупностью ремесел; которая отказывала меньшим ремеслам в праве объединяться и деспотично управляла их делами в своих собственных интересах; которая была муниципальным органом города и осуществляла все его управление, но никогда не называлась ни общиной, ни органом управления; антидемократическая по своему происхождению, в зрелости и в старости; ревнивая к господству; неспособная договориться из-за своих забаррикадированных дверей с роспуском. Как бы поздно она ни появилась, ее происхождение, конституция и политика слишком похожи на черты гораздо более ранних гильдий, чтобы не вызывать нашего интереса.^[392]

Родившись на две или три сотни лет раньше положенного срока (ведь только после того, как королева Изабелла стала владелицей части Ковентри и была заинтересована в защите прав своих арендаторов против приора, город смог получить грант *Gilda Mercatoria*), только в 1340 году была основана Гильдия торговцев Святой Марии ^[393] - объединение, очевидно, торговцев сукном, шерстью и товарами широкого потребления.^[394] Даже тогда ей не удалось получить лицензию на мортмейн, возможно, из-за сопротивления приора, владыки земли; но возможно, что грамота о создании города, выданная в 1344 году, была куплена гильдией, и по крайней мере в 1347 и 1350 годах два ее мастера были мэрами, а ратуша, где заседали мэр и совет и где хранился сундук с городскими сокровищами и грамотой, всегда носила имя гильдии Святой Марии.

Тем временем возникли еще два общества - гильдия святого Иоанна Крестителя^[395] в 1342 году и гильдия святой Екатерины в 1343 году, а три общества - святой Марии, святого Иоанна и святой Екатерины - объединились в одно в 1364-1369 годах и, наконец, присоединились к гильдии Троицы, которая получила лицензию на мортиру в 1364 году и дала свое имя всему объединению.^[396] Значительное имущество было передано в доверительное управление объединенным обществам шестью главными горожанами, большинство из которых неоднократно были мэрами, а один из них - основателем гильдии Святого Иоанна. С этого времени история муниципалитета - это история его ведущих гильдий; и дальнейший шаг, сделанный в 1392 году, когда четыре гильдии были более формально объединены патентом о регистрации и когда новые земельные наделы были переданы всей организации, был лишь укреплением положения, которое она уже занимала.

Хотя название "Купеческая гильдия" было принесено в жертву, несомненно, по вполне понятной причине, гильдия Троицы была не более чем продолжением примитивной ассоциации под новым названием. Основатели и дарители, а также первые мэры в документах обычно называются "mercatores", и союз, похоже, представлял богатую аристократию (драпировщиков и торговцев, в основном, с несколькими ведущими представителями других профессий),^[397] живущую в приходе Святого Михаила, владельцами которого были королева Изабелла и ее наследники. Только одному обществу было позволено существовать рядом с ним - братству богатых торговцев в приходе Троицы (половина города, принадлежавшая настоятелю), которые в 1348 году получили лицензию на создание гильдии Корпуса Кристи. Выходец из одного сословия, разделяя одни и те же интересы, они объединились с купцами соседнего прихода, вносили свой вклад в общие городские расходы и имели соответствующее влияние в городском управлении.^[398]

Ведь гильдии Троицы и Корпуса Кристи фактически являлись органами управления городом. По общему обычаю, мастер гильдии Корпуса Кристи становился мэром на второй год после вступления в должность, а через два года после вступления в должность мэра он становился во главе гильдии Троицы.^[399] Все важные городские чиновники были присяжными членами обеих гильдий; присяжные и двадцать четыре человека, которые избирали мэра (эти два органа состояли почти из одних и тех же лиц), а также все люди, которые могли быть вызваны на совет мэра для помощи двадцати четверем. Благодаря этому простому приему страх, что в Совете образуется чужая партия, был раз и навсегда изгнан; Ведь если гильдия Корпуса Кристи проводила свои выборы в епископском дворце^[400], а ее центром была церковь Троицы на земле настоятеля, - если в ее состав входили настоятель и его бейлиф, викарий, а также чужестранцы, некоторые из них с большим состоянием, из ближних и дальних мест^[401], - все опасные элементы были обезврежены приказом, согласно которому никто из ее членов не должен вмешиваться в городские дела, если он не был предварительно одобрен и принят в гильдию Троицы. На самом деле братство Корпуса Кристи было допущено к своему положению с помощью своего рода осторожного терпения, а вся реальная власть принадлежала Гильдии Троицы. Его мастер был мировым судьей, а потому принимал самое активное участие во всех важнейших судебных делах; он был первым в списке двадцати четырех человек, которые избирали мэра и заседали в суде Леета. Неизменно он был одним из пяти человек, выбранных мэром для хранения ключей от общего сундука - фактически, он был верховным в финансовых делах; ведь в конце года полномочий мэра именно мастеру он сдавал свои счета и баланс "и уходил"; и Гильдия не только отвечала за выплату жалованья государственным служащим - регистратору, учителю гимназии, священникам в часовне Св. Michael's, а также старосте и священникам в Бэблейке, но уже в 1384 году она получила приказ Лита ежегодно выплачивать приору ферму, в обмен на которую определенная часть общих земель была передана в ее владение. За ним была закреплена охрана ворот Баблейка; ему же был передан во владение Драпировочный зал, который использовался в качестве суконной лавки под контролем муниципалитета.^[402]

Но это великое общество, известное, с одной стороны, как гильдия Троицы, с другой - как городская корпорация, ни в одном из аспектов не было обязано народным выборам,^[403] и не претендовало на управление в соответствии с волей народа.^[404] С момента первого объединения братств начинается история восстания 7000 рабочих, заполонивших улицы Ковентри, которая повторяется из поколения в поколение на протяжении последующих ста пятидесяти лет. Непрекращающиеся бунты выражали недовольство общинников легкими буханками, продаваемыми при мэрах, которые не соблюдали ассиз хлеба, ложными мерами,

принятыми для продажи кукурузы, посягательствами на общие земли со стороны камергеров и советников, управлением торговлей со стороны драпировщиков и мерсеров, записанных в две большие гильдии города, в то время как ткачи, стригали, фулеры и портные, лежащие в большинстве своем вне этих гильдий, имели мало надежды когда-либо подняться до муниципальной власти.[405] Ремесла, по сути, находились в бескомпромиссном подчинении. Когда фулеры и портные попытались создать братство,[406] правящие гильдии получили в 1407 году хартию, запрещающую создание любого другого общества, кроме их собственного. В 1414 году они подтвердили эту грамоту, а в следующем году обратились в парламент против красильщиков[407], которые пытались создать конфедерацию суконщиков и продавцов шерсти. Гильдия Святого Георгия - объединение "молодых людей, служащих портных и других ремесленников, а также рабочих, работающих по дням, называемых подмастерьями", которые демонстративно собирались в часовне Святого Георгия и избирали "мастеров, клерков и других чиновников для исполнения своих юношеских и дерзких желаний" и "пособничали друг другу в ссорах" - была пресечена, поскольку она "вела к разорению и разрушению гильдий Святой Троицы и Корпуса Кристи и нарушала порядок во всем обществе".[408] Хотя в 1438 году фуллеры и портные снова получили лицензию на владение собственностью, их союз был разрушен в течение следующих десяти лет;[409] и упорство красильщиков в сохранении своих незаконных комбинаций было противопоставлено в 1475 году ордонансу, согласно которому незаконные записи и клятвы, сделанные красильщиками и другими ремесленниками, должны быть "недействительны, отменены и аннулированы", а члены ремесла не должны быть судимы за несоблюдение этих незаконных ордонансов.[410] Окружные попытки завоевать независимость путем неформального создания добровольных трибуналов, где члены ремесла собирались для разрешения споров, были встречены приказом, согласно которому ни один мастер ремесла не должен подавать иски в специальные суды, пока мэр не рассмотрит дело и не разрешит иск; на том основании, что "раздоры возникают постоянно, потому что мастера ремесел подают в специальные суды на разных людей своего ремесла, утверждая, что они нарушили свои клятвы, данные при нарушении разных правил, которые часто бывают необоснованными, а наказания упомянутых мастеров чрезмерными, что, если это будет продолжаться, то, по всей вероятности, приведет к тому, что многие люди покинут этот город." [411] Что касается таможен на шерсть, условий продажи грубых тканей для народа или правил для учеников, купцы издавали законы, которые приводили общинников в бессильную ярость;[412] И дикие мечты о революции, которые передавались из улицы в улицу в течение столетия после того, как Джон Болл нашел свое убежище в переулках Ковентри, рассказываются в стихах, прибитых народом на церковных дверях бок о бок с официальными объявлениями, где мы слышим их страстные крики о свободе старых добрых дней Годивы и угрозы о том времени, когда "маленький маленький был" и "ваппи" должны "также жалить";[413] или в наставлениях лидера народных масс о том, что в городе не будет мира, пока трем или четырем из управлявших им чурбанов не снесут головы.

Но если гильдия Троицы была в этом полном смысле руководящим органом города - если ее законодательство было одновременно столь характерным и столь непреодолимым, - то каким странным образом скромность удержала ее от того, чтобы присвоить себе славу и позволить своему имени вычеркнуть все остальные в городском списке?[414] Вряд ли можно сомневаться в том, что в Ковентри или в других местах, где возникает подобная проблема, такой отказ скорее проистекал из "благодати коварства", чем из скромности. С точки зрения житейской мудрости аргументы в пользу дипломатического самоотречения были просто непреодолимы; ведь легко было понять, какую опасность для своих сокровищ несет гильдия с того момента, когда в глазах закона или чиновников ее начинают путать с муниципалитетом. Безопасность заключалась в молчании, и если имя гильдии

задерживалось в Гилдхолле, оно не выходило за его пределы; в то время как мудрая предосторожность не позволяла фактическому мэру города быть тем же лицом, что и фактический мастер гильдии, [415] чтобы высшие власти в какой-то чрезвычайной ситуации не перепутали ключи, которыми он открывал ящик с сокровищами общины, и те, которыми отпирал сундуки гильдии. [416] Если до 1392 года [417] и были какие-то сомнения по поводу смысла такого тщательного сохранения двойного аспекта братства, то после них, похоже, их почти не осталось. Ведь в тот год, когда гильдия Ковентри получила свой новый официальный патент и увеличила доходы, она лишь следовала несколько распространенной моде того времени. [418] В 1392 году бейлифы и простолюдины Бирмингема получили разрешение на создание своей Гильдии Святого Креста - "гильдии и братства братьев и сестер между собой в этом городе... и мужчин и женщин, хорошо настроенных в других городах и по соседству" - которая могла владеть землями в залоге и была тесно связана с органами управления города. Им была построена ратуша или гильдейский зал, а благотворительные фонды распределялись "в соответствии с распоряжением и волей судебных приставов и простолюдинов"; он же "содержал в хорошем состоянии два больших каменных моста и множество нечистых и опасных магистралей, плату за которые город сам по себе не в состоянии нести". [419] В том же 1392 году "сенешали гильдии купцов Бриджуотера и общины того же города" получили грант на выделение определенных земель в Мортмейне [420], а договор, который, вероятно, относится к началу правления Эдуарда Первого [421], доказывает, что эта гильдия была тесно связана, с одной стороны, с братством Святой Марии или Святого Креста, а с другой - с корпорацией города. Братство Святого Креста в Абингдоне, основанное при Ричарде Втором, похоже, было практически руководящим органом боро, владело большей частью земельной собственности в городе в пятнадцатом веке и тратило деньги на строительство церквей и рыночного креста. [422]

Подобные гильдии, похоже, были быстрым ответом городов на закон 1391 года, который впервые распространил на города и боро статут Мортмейна, принятый в 1279 году, и поставил их в такое положение, что отныне они не могли похвастаться никакими преимуществами перед религиозными корпорациями и, подобно им, должны были покупать разрешение на владение собственностью. Но, казалось, не хватало ума поставить английских торговцев в затруднительное положение, которое не превращалось бы по их же прикосновению в новую возможность для получения прибыли. Если право на владение корпоративной собственностью теперь должно быть куплено, какой бы претендент ни появился, то почему бы его не купить частному обществу купцов, укрытому под Святым Крестом или Троицей, а не городской общине или бургомистрам? С одной стороны, ведущие горожане, умные и преуспевающие люди города, таким образом получали нерушимое право правильно распоряжаться его судьбой; с другой стороны, городские средства были тем же самым способом собраны раз и навсегда в надежном укрытии - иными словами, если бы назойливые чиновники из казначейства пришли с требованиями неудобной ренты или конфискации, они были бы встречены тем, что у людей города ничего нет, а люди из гильдии ничего не *должны*. Эта система, похоже, работала так же эффективно, как и сама британская конституция. Мы знаем, что гильдия Ковентри, помимо уже имеющейся у нее собственности, получила еще больше при ее создании в 1392 году. Но в 1468 году, когда Ковентри был четвертым городом королевства, она задолжала 800 фунтов стерлингов; а поскольку имущество "мэра и людей Ковентри" составляло всего 106 фунтов *стерлингов*, и поскольку у упомянутых "мэра и людей" не было другого имущества или земель в пределах бейливика, которые можно было бы отдать в руки короля, дальнейшие выплаты не производились. [423] Если вспомнить о богатстве гильдий Троицы и Корпуса Кристи, о том, что они, вероятно, владели основной частью общего имущества [424] и об их тесной связи с городским правительством [425], то становится ясно, что город делал очень хорошее дело, выводя свои

средства из-под контроля королевских чиновников; И что торговцы вполне реализовали свою цель, создав в ратуше одну из тех знакомых компаний, которые дома признавались фактически корпорацией, но официально были известны в Вестминстере лишь как "простое" социально-религиозное братство, которое каждый год устраивало праздник С. Георгия и его дракона или какую-нибудь другую поэтическую эмблему по улицам с торжественным праздником, или держали большие восковые усики горящими перед Святым Крестом в приходской церкви.

То, что общество Троицы из Ковентри было не последним из этих пронизательных братств торговцев, мы знаем;[426] то, что оно не было первым, мы можем с уверенностью считать. В самом деле, оно вполне могло быть создано по образцу братства Троицы в Линне[427] - более древнего общества на сто пятьдесят лет, члены которого не нашли бы никаких проблем в обсуждении секретов своей политики с купцами Ковентри. Возможно, структура общества никогда не была такой простой или однородной, как считают историки, что скромный средневековый купец возвышался в глазах своих еще более скромных сограждан, и что во многих торговых городах гильдия купцов была памятником успешным капиталистам деревни, и триумф был настолько полным, что мелкие детали его прогресса выпадали из памяти. Сколько типичных форм могла принимать ранняя гильдия от города к городу, прокладывая себе путь с радушием или без него в сообщества любой формы и консистенции, мы пока не имеем материалов, чтобы сказать; мы также не знаем, посредством каких разновидностей компактности она могла стать незаменимым министром или хозяином муниципальной власти; или каковы были ее общие отношения с меньшими формами торговли. Вполне возможно, что более поздние исследования покажут нам, что во многих случаях подчинение ремесла городу - подчинение, столь поразительное по тишине, спокойствию и быстроте, с которой оно происходит, - осуществлялось посредством неразрывного союза гильдии и корпорации. Организованная в те времена, когда путь к богатству лежал через куплю-продажу сырья, и, следовательно, по своему уставу лишенная полномочий следовать за ремесленником в его рабочую комнату и вмешиваться в его инструменты и предметы его ремесла, гильдия купцов, должно быть, очень рано увидела, что ее служащие отстают от служащих города, перед которыми были открыты все решетки и двери; Но если бы сенешали и скавены гильдии сохранили свою власть, став судебными исполнителями и советниками района, а не сложив полномочия перед надзирателями сапожников и портных или даже приняв их в свои советы; Такая гильдия могла покончить с собой не путем передачи ремеслу своих заветных прерогатив и не путем самопроизвольной смерти, а путем освященного союза, в котором она лишь внешне сливалась с городской корпорацией, а на самом деле обеспечивала сохранение своего древнего имени и гарантировала традиции и авторитет своего ордена. Как и в Ковентри, сила, которая сначала служила для свержения власти лорда-землевладельца, впоследствии могла быть использована для установления собственного деспотизма над подвластным народом; и вопрос о том, использует ли она старое или новое имя, был малозначимым для низшего и зависимого класса. В любом случае управление городом находилось в руках олигархии богатейших торговцев, которые, объединившись, могли требовать от массы трудящихся неограниченной покорности и практически держали в своей власти состояние свободных общин города.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Об удовлетворительном функционировании этой системы можно судить по тому, что она продолжала использоваться и в следующем веке. Иллюстрацией может служить Плимут. Среди трех маленьких рыбацких деревушек, Саттона или Южного города августинских

приоров в устье Плима и двух королевских Саттонов, которые были пожалованы знатным семьям, первые зачатки независимой жизни, похоже, начались около 1282 года, когда жители Саттона, желая стать свободными бюргерами и иметь свою ярмарку и рынок, выпросили кусок пустыря возле порта, пять пергов в длину и один в ширину, а также участок земли "на выходе из моря" размером в шесть акров, где королевский бейлиф проводил свой суд в определенном доме, и где каждое рыбацкое судно, приходящее сушить сети или паруса, платило пошлину королю. Они установили каменный крест и ларек для своего рынка; в 1311 году они заключили окончательное соглашение с приором и тогда же или очень скоро после этого начали ежегодно избирать "прэпозита, или кустоса Вилле де Саттон Приорс, который тогда правил и управлял под руководством короля". (Во времена Эдуарда Третьего он назывался мэром; Hist. MSS. Com. ix. 274-5, 279, см. также 297.) В 1411 году горожане подают прошение о том, чтобы они могли ежегодно избирать мэра и быть объединенными, чтобы иметь возможность покупать земельные участки без королевской лицензии (Gross, i. 94); но, по-видимому, только в 1440 году они действительно добились своего благодаря усилиям богатого бристольского купца Ричарда Тренода, торговавшего с Плимутом, и его сестры Томасины, вдовы плимутского горожанина; которые ценой больших усилий и труда добились для группы деревушек их окончательного объединения в свободный боро Плимута "с одним мэром и одним вечным содружеством"; за что город в благодарность обязался в сумме 200 фунтов содержать капеллана в приходской церкви С. Andrew для ежедневной молитвы за их души.

Однако важно то, что именно в этом году, 1440-м, гильдия плимутских купцов была либо впервые создана, либо официально подтверждена и получила определенное положение. (С одной стороны, это была религиозная гильдия, с другой - орган управления городом, очень ревностно охранявший свою монополию на власть, как мы видим из приказа от 1472 года, согласно которому каждый человек, ставший фрименом, должен быть либо полнородным, либо неполнородным братом в гильдии Богоматери и С. George's Guild, причем полный брат платил 12 д. в год, а сводный - 6 д.; и что если кто-либо из общинников становился одним из двадцати четырех, он должен был платить в гильдию 8 д. в год, а если один из двадцати четырех становился одним из двенадцати, он должен был платить 1 с. (Hist. MSS. Com. ix. 272.) Как и гильдия в Ковентри столетием ранее, братство, похоже, сначала было организацией более предприимчивых жителей, чтобы обеспечить обещанные хартией свободы, выступить против любых агрессий графа Девона и избавиться от некоторых обязательств перед приором, мотивируя это удобной бедностью и тонким призывом к новому королю Эдуарду Четвертому пересмотреть договоренности, достигнутые Генрихом Шестым, "поздним в делах и не по праву короля Англии". (Hist. MSS. Com. ix. 272.) Древняя гильдия Тотнеса, известная как "Гильдия содружества" еще в 1333 году, сохранила свою силу в 1449 году, когда было приказано, что никто не должен носить булаву перед мэром, кроме члена купеческой гильдии (Hist. MSS. Com. iii. 344-5).

ГЛАВА IX

ГОРОДСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Согласно общепринятой теории, английский город в своем первом состоянии и, вероятно, в течение значительной части двенадцатого и тринадцатого веков действительно воплощал

идеал истинного демократического общества; дух народной свободы пронизывал все сообщество, проникая в совет и собрание города, суд летов, гильдию купцов, компании артизанов; и под благоприятным влиянием равенства и братства правительство руководствовалось общим согласием бюргеров, которыми проводились выборы и контролировалось управление. Известно, что ранние коммуны, как бы сильно они ни протестовали против тирании чужеземных деспотов, в своем собственном кругу были далеки от демократических нравов и практики; но считается, что в Англии, возможно, в силу страстного инстинкта свободы ее народа, городские общества носили более народный характер и выражали более высокую свободу. Однако если эта теория верна, то правление демократии было недолгим, а последующая история городов, начиная с XIV века, - это рассказ о стремительном падении от обладания первобытной свободой к бессильному подчинению правлению узкой и эгоистичной олигархии, узурпаторов народных прав.^[428] Гипотеза о постоянной деградации муниципальной свободы с XIII по XVI век приобретает необычайный интерес, поскольку все наши суждения о роли, которую сыграла Англия в истории свободного правительства, должны быть окрашены и определены теми представлениями, которые мы принимаем относительно вида гражданской свободы, в которую ее народ действительно верил, классов, придерживавшихся этой веры, и средств, с помощью которых они ее добивались. В отсутствие какого-либо сильного принуждения, заставляющего людей подчиняться "избранному" органу, мы задаемся вопросом, какие внешние влияния или какая внутренняя апатия могли заставить районы в момент, когда богатство и процветание венчали их обширную деятельность, так единодушно предать привилегии своей конституции и отречься от своей ранней веры; Ведь если принять во внимание весь ход английской истории и вспомнить, какую огромную роль играли в это время горожане в жизни Англии, то может показаться немыслимым, что умственное и политическое освобождение XVI века должно было быть достигнуто народом, который в ведении своих собственных местных дел уже повсеместно отказался от благородной традиции древних прав и безропотно согласился на тиранию простой плутократии.

Чтобы найти пример примитивной формы муниципальных институтов и того, как они изначально понимались народом, мы, естественно, обратимся к известной истории Ипсвича. 29 июня 1200 года "вся община города" избрала двух судебных приставов, которые должны были управлять городом, и четырех коронеров, в чьи обязанности входило хранить приговоры короны и следить за тем, чтобы судебные приставы справедливо обращались с богатыми и бедными; И в тот же день общим советом города было предписано, что должно быть "двенадцать присяжных капитанов-портных, как в других городах Англии, которые должны иметь полную власть управлять и поддерживать упомянутый город со всеми его свободами, выносить решения города, а также постановлять и делать все, что необходимо для поддержания его чести." С этого момента "община" как бы освободилась от власти, чтобы переложить ее на плечи судебных приставов и коронеров, которые тут же приступили к действиям со всей полнотой власти, которой они были наделены. Сначала они назначили по четыре одобренных и законных человека от каждого прихода, которые, в свою очередь, избрали двенадцать портовых матросов. После этого судебные приставы, коронеры и портовики собрались вместе - небольшая компания из двенадцати человек, поскольку судебные приставы и коронеры тоже были назначены портовиками, - чтобы принять постановления о взимании таможенных сборов и о полицейских, которые должны были исполнять их указы. В положенное время вся община была созвана, чтобы выразить свое одобрение и согласие с этими постановлениями; и они снова собрались, чтобы часть своей общей земли в обмен на труд портовиков на общей службе и договорились, что все законы и свободные обычаи города должны быть записаны в судный день, который должен вестись судебными приставами.^[429]

Таким образом, перед нами простейшая форма раннего правительства - совет из двенадцати "достойных и достаточных людей" для помощи мэру или бейлифам в управлении городом, контролируемый *референдумом* перед общим собранием мещан. Двери общего дома или церкви, где заседали члены совета, были открыты для всех свободных жителей города, которые могли присутствовать при обсуждении, даже в тех случаях, когда им не разрешалось принимать в нем участие.^[430] И в первоначальной идее свободного города каждый общественный акт, как предполагалось, требовал полного согласия общины, от которой, по крайней мере теоретически, в конечном итоге исходила вся власть; так что, будь то новое распределение общих полей, или призыв солдат и соглашение об их оплате, или покупка или наем оружия для общего дома или церковной башни; Если проводился опрос о "средствах к существованию" жителей и налогах, которые должны быть наложены на них, или предлагался новый закон, или новые свободные люди принимались в городские вольности, или избирались муниципальные чиновники, то официально предполагалось, что на общем собрании было получено единодушное согласие всего народа.

Привилегии общего собрания, пожалуй, лучше всего определены в обычаях Херефорда, составленных в 1383 году, но, несомненно, отражающих обычаи более древних времен. Там мы узнаем, что на больших собраниях, проводимых в Михайлов день и на Пасху, на которые собирался весь народ для просмотра франкpledжа (другими словами, на судебном лете), "когда судебные прения закончены, бейлиф и стюард от имени нашего господина короля и простолудинов могут приказать, чтобы все, кто не принадлежит к свободе, вышли из дома и удалились от суда; И тогда судебный пристав и управляющий могут принять к сведению, есть ли какие-нибудь тайны или дела, которые могут касаться состояния города или его жителей, и пусть они поступают в соответствии с тем, что им надлежит делать."^[431] На эти собрания, по обычаю Херефорда, должны были приходить люди, и если находился кто-то, "кто будет жаловаться на совершенные нарушения или на что-либо другое, касающееся состояния города или их самих, они должны были говорить правду на свой страх и риск, не приводя с собой никого из посторонних... потому что мы не используем, чтобы посторонние приходили и вступали в дело среди нас и знали тайны суда из-за различных опасностей, которые могут от этого произойти".^[432] В случае необходимости судебный пристав "всеми видами строгости" мог заставить благоразумных горожан явиться в суд и принять должное участие в его работе; а в Сэндвиче мы знаем, что если вызванные колоколом или рогом бургомистры не являлись, "строгость" мэра могла дойти до того, что он посылал сержанта закрыть все магазины и рабочие помещения в городе и таким образом заставить мещан обратить внимание на общественные, а не частные дела.

В общем собрании всегда присутствовал самый заметный, хотя и самый громоздкий символ власти народа и верховной власти, принадлежавшей ему не только по закону, но и по древнему праву обычая, которое до последнего времени оставалось независимым от статута или хартии. Правда, общее собрание народа - без исполнительной власти, без права издавать законы, созванное лишь для того, чтобы дать или не дать согласие на действия правительства, - само по себе давало демократии очень мало влияния на городских магистратов при исполнении ими своих обязанностей. Теория конституции, однако, заключалась в том, что те, кому в основном поручалось принимать и исполнять законы, должны были ежегодно избираться для своей работы народом, которым они были призваны управлять. Мэр, стоявший во главе администрации, согласно общепринятой формуле, которая указывала на фундаментальное право и первое намерение учреждения, избирался "с согласия всей общины города" и "на привычном месте";^[433] и поскольку каждой общине было позволено самостоятельно решать, каким образом должно быть установлено это "согласие", возможно, были города, где практика следовала теории. Так, в Сэндвиче

единодушное согласие всего города было дано путем публичного голосования на общем собрании. В первый понедельник декабря в час дня городской сержант трубил в общий рог и возглашал в четырнадцать привычных местах: "Каждый мужчина двенадцати лет и старше идите в церковь Святого Климента; там наше содружество имеет нужду. Спешите, спешите!"; а когда народ собрался в церкви, то, приказав мэру удалиться, они называли его и еще трех уроженцев города для "избрания", один из которых затем был назначен всем собранием путем голосования по степени, сначала присяжные, а потом свободные.[\[434\]](#)

Такая практика, несомненно, была редкой, но теория о том, что мэр - это избранный слуга всего народа, закреплённая в городской книге обычаев, в ордонансах и статутах, никогда не выходила из обиходной речи и убеждений людей. "Мы должны повиноваться нашему главному судебному приставу, как человеку, представляющему лицо короля", - с почтением говорят мещане Херефорда и заставляют его поклясться при вступлении в должность, "что он будет делать все, относящееся к его должности, по совету своих верных граждан"; И приказывают, что если он откажется отвечать на жалобы, то против него будет возбуждено дело как за лжесвидетельство; что если его счета не будут достоверными, то все его товары должны быть конфискованы; и что если "он будет нечестным или объявлен, или заподозрен, или осужден за какое-либо преступление, то он должен быть немедленно смещен со своего места".[\[435\]](#) И поскольку мэр был слугой народа, то, по крайней мере, теоретически, его избрание должно было происходить по его чистой свободной воле. "С этого времени, - пишут жители Уайкомба в 1505 году, - ни один бюргер, ни один иностранец не делает никакого труда и не желает, чтобы кто-либо говорил до дня выборов мэра по какому-либо отдельному желанию, но каждый человек должен подавать свой голос по своему разумению, без хлопот и неразумных поступков во время своих выборов".[\[436\]](#)

Избранный глава народа был, таким образом, для народных чувств типом и символом их свободы, и бристольский хронист рассказывает, как, когда мэр был обвинен врагом королевского дома, горожане шли за ним, когда его вели в тюрьму, сетуя и плача, "как сыновья по своему родному отцу".[\[437\]](#) Ему помогали советники, также избранные для защиты свобод города; а частое использование выборных присяжных в государственных делах еще больше поддерживало древнюю традицию прав, принадлежащих народу. В сельских судах присяжные прокладывали свой путь медленно и с трудом, но в городских судах они, похоже, закрепились очень рано и работали постоянно и тщательно.[\[438\]](#) Эта система применялась ко всем видам местных дел. В некоторых городах, как, например, в Ноттингеме и Андовере, суд присяжных не только занимался широким кругом дел, связанных с управлением и законодательством; повсеместно существовал обычай назначать представителей общины для каких-либо особых целей. Повсюду мы видим органы присяжных, выбранные для избрания должностных лиц, для начисления налогов, для составления заявлений по поводу сломанного моста, для проведения дискуссий о таллажах или о спорных границах[\[439\]](#) - мимолетные явления, которые, как предполагается, по завершении своей работы растворяются в своих составных частях, и которые появляются и исчезают снова с течением веков, пока мещане, признавая в них восхитительный механизм для более широкого использования, не закрепляют или стремятся закрепить их на постоянное существование в качестве городских советов. Народу, унаследовавшему высокие и неотъемлемые прерогативы хартерного округа, с правом свободного собрания и свободного слова в своем общем собрании под председательством "естественного отца" по собственному выбору, система присяжных могла показаться последней гарантией свободы.

Таков был идеал самоуправляющейся общины в ранние времена - идеал, на который в более поздние века люди с тоской оглядывались, как на итог веры и практики золотого века. Всякий раз, когда мэра призывали принести клятву народу на "Черной книге" города, а не на Евангелии;[440] всякий раз, когда по обычаю перед собравшимся народом ежегодно зачитывались древние постановления города, идеал благородной свободы провозглашался заново. Хвастовство тем, что права города основаны на франшизах, вольностях и свободных древних обычаях, а не на обычном праве,[441] оставалось живой верой; а традиция независимости, санкционированной и предписанной властью, передавалась из поколения в поколение людьми, считавшими себя рожденными в родовом праве на свободу, за которую они не должны ссылаться ни на закон природы, ни на закон Рима,[442] поскольку она была честным ремеслом английских королей и английских юристов и оплачивалась твердой наличностью из карманов их собственных дедов.

Но за законом и хартией всегда стояла великая апелляция к незапамятным обычаям. В те смутные времена, о которых нет памяти, хранителем народных свобод была сила более почтенная и внушительная, чем сам закон; и до последнего мы, возможно, проследим неясную запись двойного происхождения прав в двух словах, которыми боро выражал свое корпоративное существование - "граждане" или "бюргеры", и "содружество" или "община". По общепринятому объяснению этих терминов предполагается, что первоначально они имели совершенно одинаковое значение и одинаково выражали общую совокупность свободных людей в бору; но впоследствии они разошлись по смыслу, поскольку более важные "граждане" постепенно поглотили управление общественными делами и присвоили себе почетное имя, а низшие классы объединились в "коммунитас", так что в конце концов это слово стало не более чем презрительным прозвищем, данным толпе в поздние дни олигархического правления. В городских записях, однако, мы видим, что эти два слова используются от первого до последнего в точной и формальной манере, наиболее характерной для Средневековья; каждое из них имеет свой характер и значение, и ни одно из них не вторгается на место другого. Уже в XIII веке "бургессы" появляются как нечто отличное от общин в целом и используют свой титул с официальным и техническим значением, придающим фразе особую ценность.[443] Употребление этого слова в хартиях и актах, по-видимому, обозначало корпоративный орган граждан, наделенных определенными привилегиями, чья ассоциация была создана на основании хартии и распадалась, если боро теряло свою франшизу; и , которые в огромной массе дел, и особенно в отношениях боро с короной, были представлены официальным органом города, который действовал от их имени, и особенно принимал титул "бургезов".

Но за этим корпоративным органом стоит "коммунитас" - термин, имеющий гораздо более раннее происхождение и гораздо более глубокий смысл. Каким бы ни было низменное употребление этого слова, проникшее в хроники и обыденную речь, в муниципальных актах и постановлениях оно является именем достоинства и чести - древним дворянским титулом. Оно возвращает нас к первобытному обществу домохозяев в вилле, связанных взаимными узами и защищенных обычными правами, которое предшествовало свободному бору и своей дисциплиной создало тот передовой тип содружества, который открывается нам в Ипсвиче на старте его новой карьеры в качестве города с чартером. Мы чувствуем, что история новых начал, подобных этому, является завершением долгой истории; и даже под корпоративной жизнью граждан, признанной законом, мы можем иногда обнаружить упорное выживание древнего сообщества, которое все еще появляется в полусвете с освященным названием, и остатки его старых функций постоянно цепляются за его теневую форму. Ибо кажется, что в муниципальных записях "община" или "коммуна", возможно, фигурирует как нечто, существовавшее до корпорации,[444] которая могла иметь свою

общую печать, отдельную от печати мэра,[445] которая владела собственностью и осуществляла определенные полномочия, и, будучи независимой от всех хартий, пережила все потери франшиз, предоставленных только королевским грантом. Мы видим, что она заявила о своем существовании, когда боро было расчленено, и в нем больше не было места для "горожан". Она направляет свои обращения к королю через головы чиновничьей касты; когда необходимо составить межмуниципальный договор, "коммунитас" обычно выступает в качестве договаривающегося органа, члены которого связаны взаимной ответственностью; она претендует на владение общим имуществом боро под своим именем и, очевидно, под каким-то другим названием, нежели бюргеры; и своим существованием она до последнего сохраняет традицию древнего свободного сообщества, восходящего к временам, о которых не сохранилось воспоминаний, и наделенного прерогативами, на которые ни мэр, ни совет не смели наложить руки.

Привилегии ранней общины, несомненно, быстро слились с более либеральными правами, которые были закреплены за боро в соответствии с его уставом; но был один отдел, управление их общими землями, в котором существование отдельной власти кажется несомненным.[446] Общинники никогда не отказывались от своего права распоряжаться общественным имуществом. Разделение полос пахотной земли, распределение пастбищ и загонов, сдача в аренду стойл или полей, сбор арендной платы за бургаджи или общее имущество, сдаваемое в аренду, - все это делалось по решению и от имени всей общины, без какого-либо упоминания "совета" или "граждан"; и в одном боро за другим любое вмешательство правящего класса в общественное имущество выводило всю массу жителей на улицы, угрожая революцией. В своем требовании "из года в год знать, как и кем занята общая земля, и если она не сдается в аренду общинникам, захватить ее в свои руки, чтобы они помнили о своем праве и имели от этого выгоду и пользу"... и "чтобы знать, к чему приводит их аренда",[447] . Свободные люди XV века продолжали традицию, известную в боро за двести лет до этого, и во многих случаях их цепкая хватка за городские земли была, очевидно, одним из важнейших факторов в формировании городской политики.[448]

Таким образом, с самого начала ведения муниципальных записей мы видим, что город живет как бы двойной жизнью: одна сторона подкреплена законом и хартией, другая уходит корнями глубоко в прошлое, черпая из первобытных обычаев и традиций подпитку, которую "Вестминстерское право"[449] не могло ни дать, ни отнять; одна регулярно выражалась в величественных процессах "граждан", другая находила непостоянное и бессвязное, но не менее характерное выражение в делах "простонародья"; и обе эти традиции, тесно связанные и постоянно враждующие, сохранялись бок о бок на протяжении веков напряженного, но почетного союза. Из этих незапамятных традиций франшиз, свобод и свободных древних обычаев следовало, что когда бюргеры выступали за старые или новые свободы, они не вносили в свои требования никакой революционной ноты. Трудно сказать, из какого источника они черпали веру в свободу, которую, по их признанию, утратили, которой не знали ни они сами, ни их отцы; но, похоже, их не покидало убеждение, что древний тип и образец свободы был раз и навсегда доказан далекими предками героического века. Горожане утверждали, что претендуют лишь на те привилегии, которые "согласно нашей Красной книге, как мы думаем"; или которые были дарованы хартией дома Альфреда, некогда облакавшей их свободой, хотя теперь, увы, *casualiter amissa*; или которые восходят к тому времени, когда милость леди Годивы разорвала узы рабства. Как англичане, находившиеся под властью иноземных королей, с желанием оглядывались на добрые

законы Исповедника, так и бюргеры, вспомнив о радости своего первого сословия, установленного законом, перелистывали сундуки с сокровищами и покупали копии Магна Харты, чтобы заново открыть для себя свет привилегий, некогда озарявший все простонародье. На примере Эксетера мы видели, как эта важнейшая вера народа сохранилась, как и предшествовавшее ей изучение исторических документов. По мере того как пробуждался дух независимости и дискуссий, конфликт, который в настоящее время должен был разгореться в области религии, странным образом предвосхищался в сфере муниципальной политики; когда простые люди требовали, чтобы им позволили вернуться к писаному закону в его первобытной и неповрежденной чистоте; В то время как блюстители установленного порядка, олдермены и советники, великие люди "в одежде", опираясь на теорию живой традиции и ее светского "развития", с не меньшей уверенностью и настойчивостью взывали к величию закона, каким он представлял в интерпретации обычая поколений и в изложении чиновников в багряных халатах, окружавших мэра.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Мистер Мейтленд (*Law Quarterly*, January, 1893) дает интереснейший отчет об обычаях владения и раздела земель в различных районах. В целом он сомневается, что владение землей бюргерами, подчиняющимся общинным правилам, является очень древним. Однако, похоже, есть доказательства древности владения общиной общей собственностью; и, возможно, удастся обнаружить постоянное различие между собственностью, которой владеет община для общего пользования, и собственностью, которой владеет корпорация для определенных специальных целей, таких как оплата ферм, налогов, государственных служащих и тому подобное - различие, которое основывается на различных функциях, которые я предложил в случае этих органов.

Община Ипсвича, очевидно, владела землей до 1200 года. (Gross, ii. 122, cap. xviii. 115.) О ее общих землях см. также Hist. MSS. Com. ix. 234-7, 246. Земли принадлежали Уайкомбу (*Ibid.* v. 556-7). В Морпете "бюргеры и община" выдают земельные наделы в XIII веке. (*Ibid.* vi. 527.) Андовер в 1314 году владел землей, управляемой общиной. (Gross, ii. 307, 326, 330.) Можно также упомянуть Оксфорд (Boase, 47) и Честер. Также Хайта (Hist. MSS. Com. iv. i. 432, 433), Вустера (*English Guilds*, 386) и Престона (*Preston Guild Records*, xxiv.). В Ноттингемских записях упоминается "земля общины" (ii. 269. См. также 304-6). В 1309 году в Ливерпуле был выдан грант на шесть акров мхов (*Picton's Municipal Records*, i. 8, 12. О результатах владения этой собственностью см. 11). Бирмингем владел землей и общими правами (*Survey of the Borough and Manor*, xiv. 74, 102).

Ромни владел Соленым болотом, пастбищами Горс, Хорсхо и Харп, старым руслом Ротера, предгорьями и солончаками, ворнами, садами и болотами, "землей общего владения" (Hist. MSS. Com. v. 536, 537, 539, 540-3).

Лидд (*Ibid.* v. 525, 531-2), по-видимому, владел общими болотными землями на реке Рип по меньшей мере на четыреста овец, а также округами Денгемарш и Оруэллстоу. Его владение берегом в противовес притязаниям короны было доказано во времена Елизаветы свидетельствами "лица и вьёу старины города и церкви, и погребения людей, скрестивших ноги, и подобные памятники". Печать, подаренная общине архиепископом в начале ее становления "задолго до Завоевания", как гласила молва, использовалась (в отличие от печати судебного пристава) уже во времена Елизаветы при продаже или сдаче земель городом. (Случаи с Лиддом и Морпетом иллюстрируют, как лорд города предоставлял ему владение землей вместе с правами на местное управление и независимость.

В Колчестере было 500 акров земель Ламмаса, помимо Майл-Энд-Хит и т. д. (Cutts' Colchester, 142-4); луг все еще был разделен межевыми камнями на полосы. (Ibid. 67-8. См. также 1322 г. р. 142.)

В XIV веке Ковентри владел общими землями, о которых нет никаких предположений, что они были приобретены недавно, и которые принадлежали общине, а не корпорации, и отличались от земель или имущества, приобретенных по статуту мортмейна и использовавшихся для оплаты городских служащих и т. д.

Были районы, споры о собственности которых возникли с самого начала их корпоративного существования. Саутгемптон уже в тринадцатом веке ссорился из-за своего общего участка; а жители Норвича в 1205 году вели тяжбу о своих правах на пастбища на земле, за которую приору причиталась арендная плата, но которую он не мог ни огораживать, ни обрабатывать на законных основаниях без разрешения города. (Norwich Town Close Evidences, 4, 5. Об общих землях см. там же, с. 52-64).

В некоторых случаях мещане, очевидно, не претендовали на владение землей, а только на исключительное право ее использования; яростное волнение горожан Норвича (см. с. 392) по поводу дани в 4 с. в год приору за определенный луг доказывает, насколько тонкой могла стать граница между владением и пользованием.

Основные свидетельства о владении землями хранятся в городских архивах, а не в публичных записях. Вопрос юристов заключается в том, почему споры о них не передавались на рассмотрение судей Королевской скамьи, а, похоже, решались дома путем драки или арбитража. Возможно, потому, что "коммунитас" не имел права подавать иски в суды как юридическое лицо. В любом случае она должна была опасаться всевозможных опасностей - опасности отмены местного обычного права вестминстерскими законами, опасности афиширования размера своих владений, опасности, которая постоянно присутствует в городских записях, посягательств под тем или иным предлогом со стороны корпорации или ее членов, и страх перед которой в дни, когда "закон кончается, когда человек дружит", был достаточной причиной, чтобы держаться подальше от судов.

ГЛАВА X

ГОРОДСКАЯ ОЛИГАРХИЯ

Очевидно, что если бы городам было предложено исповедовать веру, то декларация чистой и незапятнанной свободы прозвучала бы из каждого рта. Остается вопрос, насколько удалось перенести эту веру в повседневную практику.

Мы видели, как свобода была возведена на престол в Ипсвиче перед всей общиной горожан, которые с распростертыми руками и громким единодушным голосом поклялись перед небесами поддерживать свободы новой республики. Однако если мы снова взглянем на Ипсвич, когда он вновь предстанет перед нами, спустя столетие после получения привилегий, то обнаружим очень мало следов золотого века, за исключением мытарей и портовиков. В 1321 году мы видим узкий чиновничий класс в самом расцвете сил. Поскольку не было определенного дня для выборов, они использовались "господской узурпацией и

частным корыстолюбием", чтобы тайно, без согласия народа, назначать судебных приставов по своему усмотрению; они облагали налогами и принуждали общинников к своим личным целям; они использовали общую печать без общего согласия, к большому бремени и ущербу для общинников; и назначали новых бургов по своему усмотрению, без ведома общественности, чтобы разделить между собой вступительные деньги; и с помощью регулярной системы преследования и тайной продажи купцы и трактирщики объединились, чтобы лишить общинников их права на свободную и равную торговлю.^[450] Против этих злоупотреблений бургомистры пытались повторить и усилить городские постановления, но можно сомневаться, что обычное пренебрежение законами 1200 года можно было исправить простым повторением или изменением правил в книге постановлений.

Ведь не только в Ипсвиче простолюдины находились во власти горстки людей, не надеясь на возмещение ущерба через свои ассамблеи или конституционные методы внутри страны. В 1304 году из Вестминстера были посланы судьи для расследования жалобы "бедняков нашего города Норвича", где, согласно ходатайству общинников, богачи, вопреки всем законам против лесных поборов, скупали продукты и товары до их поступления на рынок и ежедневно причиняли другие обиды указанным беднякам "к явному ухудшению состояния города".^[451] И снова в 1307 году "бедные люди из коммуны города Норвейс" обращаются к королю на том основании, что им было обещано провести расследование судебными судьями по поводу штрафов и таллагов, которые их тяготили; По их словам, бедняки были несправедливо обложены судебными приставами и богачами ("les riches"), "но во время слушания дела судебные приставы и богачи так честно разговаривали с упомянутыми бедняками, обещая им возмещение, и что у них не будет причин жаловаться в будущем, и что с них не будут взиматься талляжи без их общего согласия, что бедняки прекратили свой иск. Но теперь упомянутые бейлифы и богачи взыскивают двести марок без ордера и угрожают взыскать еще больший тальяж".^[452] Закон в этом деле был достаточно ясен, ведь всего за год или два до этого был подтвержден принцип, согласно которому бейлифы могут взимать налоги только "с согласия всего или большей части простонародья";^[453] и король, соответственно, прислал ответ: "Если тальяж был сделан без согласия простонародья, пусть они получают приказ против тех, кто наложил такой тальяж, чтобы они ответили перед королем, и чтобы впредь этого не делалось".

Однако трудно сказать, какое облегчение для простых людей принесло такое распоряжение из высших кругов. В то же самое время, в 1304 году, жители соседнего округа Линн искали защиты от правящих бюргеров и обвиняли их в обычных нарушениях - начислении тальяжа без единодушного согласия общины; взимании этих тальянов и других больших сумм с бедняков и людей с умеренным достатком; в использовании собранных таким образом сумм в собственных целях, а не на благо общины и не на возмещение ущерба городу; в задержке товаров на пути к рынку; в установлении и использовании коррупции, противоречащей как общему, так и купеческому праву. Однако великие люди Линна легко избавили себя от страха перед правосудием, просто купив у короля в 1305 году^[454] грамоты о помиловании и освобождении от преступлений, в которых их обвиняли, - грамоты, которые, очевидно, оставляли им свободу продолжать в том же духе. Тогда народ инстинктивно обратился к своему естественному союзнику, самому хозяину поместья, и при мощной помощи епископа, и только при его помощи, смог добиться от мэра в 1309 году сочинения, ставшего хартией их вольностей, согласно которому все "неоправданно тяжкие" повинности и поборы, возлагаемые "великими людьми города на простых и бедных" - или, как в латинской версии, *potentiores* на средних и низших, - и их "тяжкие мучения, столь жестокие по отношению к ним", должны были прекратиться, а налоги отныне должны были начисляться в должной мере в соответствии с тремя степенями благосостояния.^[455]

Очевидно, что нам не нужно ждать пятнадцатого века, чтобы обнаружить олигархическую систему управления, которая была в полной силе в английских районах уже в 1300 году, и даже может быть прослежена по крайней мере на пятьдесят лет раньше. В середине XIII века общинники Линкольна, поспорив с лордом ярмарки C. Botolph's fair about tolls, officially withdrawn completely from the fair until they should get a remedy from the king; but two sons of the mayor and two other burghers, rich traders who didn't want their business interrupted, and who were evidently town officials with command of the common seal, gave the lord a charter promised a annual rent of £10 from the Lincoln citizens, and this "without any assent or consent of the commonalty." [456] Напрасно жители подавали протесты; хартия оставалась обязательной и в 1276, и в 1600, а в 1325 году жители Линкольна все еще были беззащитны перед "великими лордами упомянутого города", образовавшими корпорацию. В то время как сами "великие сеньоры" ничего не платили, "подлых людей" облагали налогами без их собственного согласия; только их заставляли нести ночную вахту; они платили муражный налог на строительство стены, а правители использовали эти деньги в своих целях и не отчитывались перед народом; [457] и жалкое обращение простолюдинов к королю с мольбой обеспечить хоть какое-то средство для устранения их жалоб лишь доказывало, насколько они были беспомощны повлиять на орган власти, который должен был править исключительно с их согласия. Подобным образом мэр и другие должностные лица Оксфорда были обвинены в 1294 году в том, что они взымали тальи без приказа короля или согласия города, использовали городские доходы в собственных целях, брали ссуды без надлежащих расписок и собирали деньги на расходы богатых на присяжных и ассамблеях, в то время как бедные были вынуждены оплачивать свои расходы самостоятельно. [458] Вероятно, более богатая сторона добилась расположения присяжных, поскольку вердикт был вынесен против мещанина, подавшего иск; но его жалоба настолько абсолютно схожа с теми, что выдвигались в других городах в то же время, что вряд ли можно сомневаться в ее истинности. [459]

Внутренние споры Бристоля [460] и Андовера [461] в начале XIV века в разных формах повторяют одну и ту же историю о нескольких богатых горожанах, управлявших всем механизмом администрации, и о простолюдинах, чей голос часто был едва слышен на выборах, которые не могли добиться справедливого начисления налогов или предотвратить нецелевое использование денег, и ежедневно видели, как законы торговли - ассамблея хлеба или пива, предписания о запрете лесов и реградов и тысячи торговых уловок - менялись в угоду богатым чиновникам, в то время как простые люди терпеливо расхлебывали свои грехи перед судилищем великих преступников, восседавших в беспечной неприкосновенности на своих высоких постах.

Очевидно, что в XIII и XIV веках трудно найти тот счастливый век, о котором мечтает историк, когда "существовали более теплые отношения между высшими и низшими слоями общества, когда каждый класс больше думал о своих обязанностях, чем об интересах, а религия, которая была одинакова для всех, была действительно верующей. В таких условиях, - говорят нам, - неравенство было естественным и полезным"; и, по-видимому, век невинности и мира свидетельствовал об укрепляющей заботе всеобщей веры; ведь согласно этой теории, столь высоко оцененной и столь широко распространенной, только "когда религия стала мнением, более или менее сомнительным и оторванным от поведения, а удовольствия стали более разнообразными и более достижимыми, привилегированные классы отступили от намерения своего учреждения, монополизировали сладости жизни и оставили горькое бедным". [462] Однако каким бы ни было "намерение их учреждения", нет ни малейшего доказательства того, что намерения самих привилегированных классов в это время ощутимо отличались от тех, что преобладали во времена Реформации; Не были

господствующие слои населения города или деревни склонны добровольно пригвоздить свои интересы к кресту долга - как бы мы ни относились к рыцарю, "усердно охотящемуся" на зайцев и лисиц,[463] и совершенно независимо от его клятвы рабочему "держатъ его и его имущество в соответствии с договором между ними;"[464] или лорд, с громким смехом взыскивающий ренту;[465] или торговец, набивающий свои карманы "обманом бедных общинников", олдермен, добавляющий поле к полю, стряпчий и пивовар, строящий свои бурггаузы из пенсов бедняков. Отношения неравенства, в той крайне горькой форме, в которой они были известны в то время, могли казаться естественными, а может быть, и сверхъестественными в эпоху, когда вся жизнь, социальная, экономическая и политическая, была подчинена всеобщему влиянию догм и суеверий; но несомненно, что они не считались полезными для здоровья теми, кто страдал и чья борьба за свободу, так долго обещанную им в ордонансах и хартиях, заполнила городские записи последующих веков.

Ведь в этих молодых республиках на пути к обеспечению какого бы то ни было народного контроля над управлением стояли огромные трудности. Прежде всего, Генеральная ассамблея, которая должна была стать залогом свобод народа и предоставить ему последнее слово в отношении налогов, которые он должен платить, и способа управления, на деле оказалась лишь слабой гарантией свободы. Иногда казалось, что в спешке и волнении развивающейся торговли у людей, занятых в своих мастерских, было так же мало времени и внимания для серьезной политики, как и у американских граждан более позднего времени; а может быть, и совсем наоборот, в районе собиралась разнородная и неуправляемая толпа, где чужаки и подмастерья без права голоса пробивали себе дорогу среди законных граждан. Но буйное сборище невежественных и перегруженных работой ремесленников и бедных домовладельцев, толпящихся в узких переулках города, должно было быть, очевидно, очень редким и случайным, а в лучшем случае означало собрание, неспособное к реальному делу. В целом, как представляется, любое небольшое число бюргеров, случайно присутствовавших на собрании в общем зале или на судебном лете, или избранная группа представителей лучшего сословия, специально созванная мэром,[466] считались представителями общей массы жителей, и их согласие на законных основаниях считалось выражением согласия всех бюргеров. С самого начала и при самых благоприятных обстоятельствах очевидно, что собрание не давало никакой реальной безопасности простолюдинам, что через его собрания они никогда не могли надеяться оказать устойчивое и эффективное давление на правящий класс, и что "полное согласие и воля всей общины" по большей части просто считались само собой разумеющимися. Если теория правительства, созданного народом для народа, уже существовала в законодательных актах и постановлениях, то средства для воплощения этого идеала еще предстояло найти.

Не стоит забывать и о том, что с самого начала ни один человек из народа не мог претендовать на какую-либо должность в администрации города. Все важные государственные должности занимали только люди определенного положения, а "ранг мэра" или "ранг шерифа" были известными средневековыми фразами, которые выражали комфортное социальное положение, поддерживаемое достаточным доходом. Советники и главные должностные лица выбирались из класса "магнатов"[467] - людей, не связанных законом о франкфурте и, возможно, занимавших какую-то должность, о которых сохранились следы в Норвиче и, возможно, в других городах; или из "хороших и достаточных" людей боро; или из класса, который технически был известен как "probi homines", "хорошие", "заслуживающие доверия" или "законные люди", которым было разрешено служить в качестве судебных заседателей в гражданских судах и "надежных свидетелей" при заключении сделок, и которые, вероятно, стали рассматриваться как

официальное сословие и постепенно организовались в отдельную касту.[468] Выбор богатых чиновников в конечном итоге зависел, конечно, от обычая тех времен, по которому старосты и горожане несли взаимную ответственность за неисполнение обязательств; Так что в интересах как самих жителей, так и короля, важно было найти людей с достатком, чье имущество служило гарантией для обеих сторон - гарантией, которая отнюдь не была первоначально фигурой речи, как мы видим из случая с линкольнскими бейлифами в 1276 году, когда поступления для выплаты ферма уменьшились, "поэтому те, кто когда-то был бейлифом Линкольна, едва ли могут подняться из бедности и несчастья." [469]

Представители богатого класса, которые несли основное бремя ответственности, разделяли компенсирующие удовольствия власти. Мы видели, с какой примитивной простотой в Ипсвиче двенадцать портовых матросов разделили между собой все должности судебных приставов, коронеров и советников; и на самом деле среди горстки "достойных" людей, которых можно было произвести в скромных маленьких рыночных городках,[470] чьи сгруппированные дома из дерева и штукатурки, граничащие с узкими переулками, ведущими к центральной рыночной площади, лежали почти скрытые в полях и садах, мещане фактически не имели большого выбора правителей. Из поколения в поколение главные муниципальные должности передавались по наследству в нескольких ведущих семьях этого места. Крупный купец снова и снова принимал власть, пока весь город зависел от него, потому что, хотя всеобщий закон запрещал непрерывное пребывание на посту и обычно устанавливал интервал в два или более лет перед переизбранием, закон либо упорно игнорировался, либо, как только истек срок отставки, власть неизбежно возвращалась к прежнему владельцу.[471] Насколько сильно такое положение вещей определялось экономическими условиями, можно судить по тому факту, что в таком месте, как Ноттингем, где богатство было широко распространено, не похоже, чтобы какая-то одна семья достигла очень заметного превосходства;[472] и в целом сравнение списков городских чиновников показывает, что по мере роста торговли в пятнадцатом веке увеличивалось число зажиточных бюргеров и купцов, было соответствующее разнообразие в именах людей, которым доверялись должности. В лучшем случае, однако, высший класс был невелик, и обычно корпорация с ее одним или двумя советами, состоявшими из двенадцати и двадцати четырех членов, или даже из двадцати четырех и сорока восьми, а также отставные магнаты, составлявшие "одежду", и целая армия чиновников разного рода, регистраторов, городских клерков, камергеров или казначеев, олдерменов, деканариев рынка, судебных приставов, коронеров, арбитров, присяжных и тому подобных, должно быть, поглощала весьма значительную часть зажиточных жителей. Из компактной группы купцов и процветающих торговцев, которые составляли бесспорную аристократию города и чье социальное превосходство, несомненно, во многом способствовало установлению их политического господства, легко сформировалась тесная каста.

И если в средневековые времена демократические теории правления, будь то концепция правящего класса или работа общего собрания, практически не находили места, то в преобладающих взглядах на представительство их еще меньше. На примере Ипсвича мы видели, как быстро большая часть горожан сходит со сцены после того, как они выполнили свою первую простую функцию - избрали судебных приставов и коронеров. Именно приставы и коронеры назначают комитет по выборам портовых матросов,[473] а затем двенадцать человек между ними берут на себя общее управление городом и его делами, в то время как общинники возвращаются к своим делам и отныне лишь время от времени созываются на общее собрание, где они собираются, как греческий хор, чтобы официальными глазами посмотреть на ход драмы и поаплодировать в должной форме действиям высшего исполнительного органа или выразить ожидаемое и покорное согласие со всей их волей. Люди, правда, говорили об избрании всей общиной, и это было теорией

ордонанса и хартии, но всеобщая мода того времени во всех сословиях и классах заключалась в принятии более или менее сложной системы косвенных выборов, которая, намеренно или нет, была прекрасно приспособлена для использования и удобства меньшинства. Дворяне, которые в соответствии с положениями Оксфорда сформировали Совет пятнадцати для помощи Генриху Третьему, использовали точно такие же механизмы, которые были распространены среди купцов, ремесленников и мещан; ведь не только в торговых или социально-религиозных гильдиях члены привыкли выбирать своего правителя через избранный комитет из четырех, пяти, семи, восьми или двенадцати человек; Но и в самих округах планы, по которым суверенный народ делегировал свою власть нескольким "достойным и достаточным" гражданам, были настолько изобретательны и продуманы, что можно усомниться в том, что у большинства вообще был хоть какой-то шанс добиться преобладания своей воли. В одних случаях ведущие люди города вообще не зависели от народных выборов, и потомственные владельцы палат занимали высокие места в зале в силу своего земельного владения,^[474] а не по воле народа; в других - гильдия купцов, очевидно, навязывала свой совет всему обществу.^[475]

Не стоит удивляться стремлению обеспечить эффективное правление, если на минуту задуматься о работе, которая лежала на плечах совета. От дел свиного рынка и сдачи в аренду мясных лавок они должны были перейти к делам самого сложного рода - создать Совет торговли, занимающийся внутренней и внешней торговлей; Министерство иностранных дел, постоянно занимающееся внешними связями города, будь то с владыкой, королем или соперничающими округами; Юридический комитет, отвечающий за все сложные юридические дела, которые могли возникнуть в связи с любыми из этих отношений или в связи с защитой хартерных привилегий города; Казначейство, чьи поступления в бесконечно малых пропорциях черпались из самых разнообразных и ненадежных источников, а расходы включали все возможные платежи, с которыми когда-либо приходилось иметь дело любому государственному органу. Король мог обратиться к ним за контролем над торговлей основными товарами, управлением речными бассейнами, осушением болот, сбором налогов, отправлением правосудия, исполнением на местах законов, принятых парламентом, охраной побережья, снабжением и обучением отрядов национальной армии. Ответственность, возложенная на них центральным правительством, со временем постоянно увеличивалась; и, пожалуй, ничто не сыграло такой важной роли в укреплении власти олигархии, как назначение определенного числа членов высшего совета мировыми судьями, имевшими грозную власть над рабочими классами, а также право перетягивать в свои руки массу дел, которые раньше передавались в суд бюргерского леета.

Несомненно, каста чиновников с самого начала достаточно ценила удовольствия от власти, чтобы не отказываться от их увеличения; но если не говорить об алчной узурпации, то в таких условиях неизбежно было сформировать сильное правительство из экспертов, которых не обязательно менять каждый год или избирать всенародным голосованием. Дата, когда установился подобный обычай, вероятно, намного раньше, чем принято считать; есть свидетельства того, что он часто предшествовал хартиям, которые делали его юридически обязательным. Возможно, административный деспотизм узкой олигархии зачастую был столь же древним, как и независимость самого короля. Потребность в способных правителях, возможно, была еще больше в опасном начале его жизни, чем в более поздние времена его уверенной силы; и если вспомнить несовершенство примитивных механизмов для выяснения народной воли, слабость общего собрания и ограничения, наложенные на общественные выборы, становится очевидным, что теория свободного и равного народа, избирающего свое правительство по единодушному согласию всего сообщества и контролирующего администрацию постоянной критикой, была теорией, которая никогда не

могла быть практически реализована; На самом деле правящий класс не имел ни малейшего желания поощрять ее, а масса управляемых не обладала ни сплоченностью, ни интеллектом, чтобы привести ее в исполнение.

Надо признать, что, оказавшись у власти, правящий класс вел себя мужественно, не уклоняясь ни от ответственности, ни от власти. В своих великолепных служебных одеждах, с мехами, полосами и богатыми цветами, которые менялись по любому случаю, чтобы сделать зрелище более впечатляющим, муниципальные чиновники были ослепительным центром всех процессий и общественных мероприятий в городе - на службах Адвента, на заклании быков и общественных играх,[476] на празднике Тела Христова или ежегодной торжественной церемонии оглашения постановлений и свобод города. Строгая дисциплина, непререкаемый авторитет, вера в твердую власть были главными в их управлении. От общей массы бюргеров и ремесленных гильдий требовалось беспрекословное повиновение, корпорация не допускала ни обсуждений, ни вмешательства в свои постановления. Окна, через которые любознательные горожане заглядывали в зал заседаний, были заколочены, слушатели под карнизом, "чтобы услышать слова совета", жестоко пресекались; Строгие правила запрещали вмешиваться слишком активным гражданам, а штрафы и тюремное заключение налагались на тех, кто "в оскорбительной манере" называл члена совета "флиперардом"[477] или нечестиво "желал, чтобы все юраты были сожжены на общем корабле", или "оскорбительными и кривыми словами" заявлял, что они "ложные воры" или что на них "смотрят в Дувре, как на многих конюхов".[478] Административные возможности шли рука об руку с самоуверенностью и исключительным нравом преуспевающего класса. Для горожан, среди смятения национальных революций и гражданских войн, мэр оставался неизменным свидетелем несокрушимых сил порядка, торжествующего над раздорами и смутой; как в Эксетере, где между 1477 и 1497 годами горожане видели искусно организованное восстание, разбитое на глазах муниципальной власти, и победоносного мэра, сохранявшего свой пост при четырех сменявших друг друга королях, три из которых пришли к короне в результате насильственной смерти или низложения своих предшественников.[479]

Пожалуй, нет лучшего образца высшего городского чиновника, чем городской клерк, в его одежде из сангиновой ткани в полоску с фиолетовыми лучами или более трезвой зеленой, отороченной мехом.[480] С ростом местных вольностей дела его канцелярии приобрели особую значимость. В XV веке не было ни одного города, где не требовалось бы, чтобы его "Кустумаль" был написан заново с выцветших и изношенных копий, сделанных в предыдущие века,[481] а в огромном количестве случаев, когда старофранцузский или латынь переставали пониматься горожанами, писателю приходилось не только расшифровывать и копировать старый потрепанный свиток, но и переводить его.[482] Возможно, требовались фрагменты Евангелий - "достаточно, чтобы поклясться".[483] Каждый город также завел собственную "Судную книгу" - черную, белую или красную, в зависимости от обстоятельств, с копиями всех актов, завещаний и хартий, касающихся муниципальных дел;[484] И всякий раз, когда возникал правовой вопрос или местные свободы оказывались под угрозой, в сундуке, содержащем городские "доказательства", от которых зависели муниципальные привилегии, производился поиск и выписывались копии актов парламента,[485] выдержек из "Домесдея", "Магна Чарты",[486] или юридических документов, таких как "Новые владения" Литтлтона.[487] Клерк должен был уметь переводить и читать на родном языке общине любые письма или распоряжения, присланные из Вестминстера. Он должен был разъяснять совету юридические тонкости и эффективно

использовать их в интересах города, причем не только в Вестминстере, но и в бесчисленных спорах, возникавших между боро и боро по поводу толкования противоречивых хартий.[488] Сложные отчеты о муниципальных расходах были еще более трудными из-за системы римских цифр, которая постоянно ставила под сомнение все его усилия по точному сложению. Ведение городских списков вообще было очень серьезным занятием; во времена Эдуарда Четвертого ежегодные списки Ипсвича (называемые Dogget Rolls от докета клерка или оглавления) составляли пачки размером с садовый каток;[489] и в Ноттингеме двадцать списков внутри и снаружи за один год были покрыты одним только списком ходатайств против иностранцев. В самом деле, запасы пергамента стали не соответствовать непомерным запросам городских клерков, которые были вынуждены перейти на бумагу, либо чтобы сэкономить ничтожную сумму, отпущенную им на расходы на пергамент, либо повинаясь прямому приказу корпорации.[490] По мере того как они добавляли рулон за рулоном и книгу за книгой, они время от времени облегчали утомительный труд, украшая городские счета зарисовками и орнаментами, обрывками французских песен, несколькими колкостями или остротами весьма умеренного остроумия,[491] грубой балладой о вреде переедания,[492] или финальным вздохом удовлетворения немецкого переписчика: "Explicit hic totum; pro Christo da mihi potum!"[493]

Городской клерк, по сути, был для местных властей тем же, чем двумя столетиями ранее обученные светские юристы были для центральной администрации. Благодаря простому превосходству в образовании, будучи ученым и лингвистом, опытным юристом, чем-то вроде историка и антиквара, искусным бухгалтером, писцом, обученным более тонкому почерку и более точным взглядам на правописание, чем рядовой член совета или даже чем сам мэр, клерк должен был легко осуществлять интеллектуальное превосходство.[494] Подчиняясь только мэру и занимая свой пост из года в год в полной безопасности, он оставался среди сменявшихся вокруг него чиновников постоянной силой, муниципальным канцлером, в котором воплощалась непрерывная традиция управления и неизменная юриспруденция.[495] Процветающие города XV века соперничали друг с другом в поисках способных специалистов на эту должность. Бриджуотер нанял человека, который, похоже, занимался адвокатской или нотариальной практикой в Оксфорде; а еще в четырнадцатом веке лондонский камергер писал письма за общей печатью в Ромни. Винчестер заглянул еще дальше и, похоже, нанял немца.[496] Умелый юрист в те времена мог покорить рынок, как мы видим из истории Томаса Кэкстона (вероятно, брата Уильяма Кэкстона, печатника), который провел насыщенную профессиональную карьеру в течение сорока лет, переезжая из города в город, где он мог наилучшим образом продать свои услуги. Родом из Тентердена, он получил юридическое образование и в 1436 году участвовал в судебном процессе в Ромни против некоего Уильяма-ат-мельницы. В 1454 году он занимался адвокатской практикой в Тентердене и был ведущим юристом в переговорах с Райем, чтобы противостоять объединению этих двух городов в единую корпорацию. В 1458 году он поступил на службу в Лидд, который в то время находился в гуще своих проблем, связанных с границами и франшизами, и получал жалованье в размере 2 фунтов 13 шиллингов. 4д. в год, что вдвое больше, чем его предшественнику, и, кроме того, вскоре ему было обещано платье каждый год, а в конечном итоге его жалованье было увеличено до 4 фунтов - сумма, которую в то время давали только крупные торговые города, такие как Бристоль или Саутгемптон.[497] После его отставки Лидд вернулся к прежним обычаям и снова выплачивал своему преемнику прежнее жалованье в размере 6s. 8д. в квартал, но корпорация по-прежнему продолжала постоянно нанимать Кэкстона на очень выгодных для себя условиях, часто отправляя его в Лондон по делам или для ведения переговоров с королем. В 1470 году, когда Лидд со всех сторон подвергался опасности, сначала отправив людей сражаться под командованием Уорика, а затем заплатив 9 фунтов за еще один отряд, чтобы отправиться

помощь королю Эдуарду, мещане назначили Кэкстона своим казначеем, а два года спустя он был избран бейлифом, и при нем был поставлен городской клерк, которого он сам обучил. В 1474 году он снова работает клерком в Ромни; но в 1476 году его снова вызывают в Лидд и поручают ему выписывать "обычаи" своей изящной смелой рукой. Однако теперь на успешного юриста положил глаз еще более важный город, и он уехал из Лидда в Сэндвич, где в конце концов устроился обычным клерком.

На самом деле для талантливых профессиональных людей из среднего класса в городах открывалась новая и сравнительно блестящая карьера.^[498] Николас Ланкастер, городской клерк Йорка с 1477 по 1480 год, был бакалавром права, в 1483 году вошел в совет короля, в 1484 году стал олдерменом Йорка, а в 1485 году - мэром.^[499] Изингволд, который в течение почти тридцати лет (с 1478 по 1506 год) вел списки Ноттингема, записал себя "джентльменом" среди йоменов, мангальщиков и кузнецов, которые платили свои 6s. 8 д. вместе с ним, чтобы получить свободу города,^[500] и в своих поздних подписях все еще сохранял одинокое отличие этого титула, который почти не встречается в записях после его имени. Образованный человек с весьма сносным знанием латыни, хотя и предпочитавший английский, он хорошо послужил своему городу, и в его время старые судебные протоколы, которые небрежно хранились в бумажных книгах в течение тридцати лет до его прихода, были заменены пергаментными свитками с очень полными и подробными счетами, написанными необычайно красивым и точным почерком.^[501]

Очевидно, что в органах управления, члены которых выделялись из общей массы мещан богатством, социальным положением, культурой, были независимы от людей, которыми они управляли, очень бдительны в вопросах своих законных или обычных прав и в случае затруднений могли получить совет по закону от регистратора, городского клерка или специального адвоката, нанятого на их службу, не было влияния, которое могло бы способствовать развитию официального духа в его самой крайней форме, с его гордостью положением, административными претензиями, любовью к юридическим определениям и беспокойством за "хороший порядок". "Благочестивые люди из большой одежды" или "имперские сограждане" какого-нибудь незначительного района правили в своих собственных целях откровенно и умело; в то время как их естественный клич "доброго правления и основательного порядка"^[502] был так хорошо понят при дворе, что они всегда могли уверенно рассчитывать на поддержку из этого квартала. Тревога за толпу, которая со времен крестьянского восстания беспокоила государственных деятелей в Вестминстере, а также олдерменов в округах, привлекла правящие классы к тесному союзу; и к концу XV века мы постоянно видим, как городские чиновники с опаской обращаются за помощью ко двору, а короли с тревогой оказывают поддержку корпорациям. Войны Роз и династические распри, которые когда-то, казалось, так легко проходили над округами, едва касаясь их мимолетной тревогой материальных бедствий, не успели закончиться, как оставили ужасный и неизгладимый след в гражданской жизни народа. Потрясение национальной безопасности, дикие надежды и панический страх перед восстанием неизбежно привели к ужесточению власти. В округах органы управления, напуганные признаками горького недовольства подвластного населения и справедливо опасаясь, что под каким-нибудь предлогом политического повиновения народные массы могут выступить против своих правителей, а улицы наполнятся криками против несправедливости и неправды, подняли крик о защите от социальной анархии; и на этот крик с готовностью откликнулись короли, чьим правом на корону были их сильная воля и тяжелая рука. Прогресс свободы был жестоко остановлен страхами, которые сотрясали оседлые классы перед угрозами восстания. "Кажется, что мир весь дрожит; где-то он снова закипит", - говорили люди; люди с удвоенной осторожностью ходили по "нестабильному" и "прямо-таки тошнотворному" миру,^[503] и пока

встревоженные короли призывали мэра и его совет подавать хороший и страшный пример нездоровым коммунам, олдермены с радостью запирали двери ратуши и бросали в темницу вольного мещанина, который все еще говорил о свободном обществе.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Мы не знаем, когда и как ведущие люди Бристоля заняли положение особых привилегий. Известно лишь, что неприятности возникли из-за ссоры по поводу обычаев в порту, на рынке и т. д., в которой четырнадцать горожан "считались обладателями прерогативы", в то время как община утверждала, что все бюргеры находятся в одном состоянии и равны в свободах и привилегиях. После долгих споров дело было передано судьям королевского суда, но Четырнадцать так устроили дела, что вместе с ними в инквизиции участвовали иностранцы или иноземцы, что, по мнению общины, противоречило свободам города. Видя, что их доводы отвергнуты и что их дело будет проиграно не по доводам, а по благосклонности, вожди народа с гневом вышли из зала суда и объявили толпе, что судьи благоволят их врагам. Весь народ, созванный звоном колокола, стекался в зал; поднялся страшный шум, началась драка с кулаками и дубинками; двадцать человек было убито; ужас охватил и знатных, и не знатных, которые, рискуя жизнью, пытались спастись через окна и крыши; даже судьи молили дать им возможность спастись с помощью мэра, который сам едва мог успокоить "огромную толпу злодеев". За бунт было вызвано около восьмидесяти человек, которые, не явившись к судьям, были изгнаны, но, тем не менее, остались в городе и были хорошо присмотрены своими товарищами-бунтарями. На самом деле именно Четырнадцать сочли разумным покинуть Бристоль, решив, что оставаться в такой буре бесполезно. (См. отрывок из жизни Эдуарда Второго, написанный монахом из Мальмсбери, в книге Сейера "Бристоль", ii. 94.)

Чтобы подавить беспорядки, король в 1312 году взял управление в свои руки и назначил Бартоломью из Бэддлсмира, констебля замка, костоправом; Но мэр и бейлифы, утверждая, что письмо не было адресовано *общине*, а также что опека над городом была передана им ранее, отказались подчиниться приказу и удерживали ворота замка и города в течение тридцати пяти недель, построив стену против замка и не позволяя королевским людям выходить за провизией иначе как по воле общины. Своей властью они назначили Джона Тавернера мэром, Джона из Хорнкасла и Ричарда Легата бейлифами, а Джона Хазарда коронером, не заставив их присягать королю или констеблю; силой оружия захватили тюрьму, вжимали для своих целей доходы с города и порта, которые должны были собираться для короля, и вершили правосудие. Судьи и слуги короля были заключены в тюрьму или изгнаны из города; Четырнадцати и полудюжине партизан, которые в основном занимали свои должности, не позволили вернуться в город, несмотря на запрет короля, а община конфисковала их имущество на сумму 2 000 фунтов стерлингов и изгнала их жен, фрименов и арендаторов.

Восстание продолжалось два года. В 1316 году шесть граждан, представлявших общину Бристоля, были вызваны в королевский совет для ответа за эти преступления. Они отвергли обвинения и отказались подчиниться, если им не будут обеспечены жизнь и конечности, рента и земля. Король, рассматривая это дело как дурной пример, приказал осадить Бристоль с моря и суши, и после попытки продержаться несколько дней в надежде, что войска могут быть отозваны на войну с шотландцами, город сдался, наполовину разрушившись. Вожди были посажены в тюрьму, а толпа запугана рядом жестоких наказаний. Изгнанная партия с триумфом вернулась к власти и предстала в двенадцати

экземплярах перед королевским советом с назначенным штрафом в четыре тысячи марок, чтобы получить прощение за все городские преступления и вернуть городу право голоса. Мятежный мэр и его ближайшие друзья, лишенные милости, отправились в изгнание. (См. отчет, извлеченный Сейером из "Парламентских протоколов 9 Эдуарда II". Мемуары Бристоля, ii. 89-105.)

После этого дела, похоже, пошли как прежде, несколько влиятельных семей по-прежнему занимали ведущие позиции. Одна из них, Черепаха, была мэром десять раз, а другая, Тилли, занимала этот пост в течение четырех лет. Но в 1344 году народная партия настояла на назначении сорока восьми "самых главных и осмотрительных" бургезов, которые должны были стать советниками и помощниками мэра. Когда в 1373 году Бристоль был преобразован в графство, новая хартия признала систему, установленную в 1344 году, и предусматривала, что мэр и шериф с согласия общего собрания должны выбирать Совет сорока, чье согласие требовалось для принятия всех постановлений, и которые принимали участие в муниципальных выборах; в то время как пять олдерменов приходов выбирались народом из числа бывших мэров или членов общего совета. В более поздней хартии 1499 года было решено, что шесть олдерменов должны избираться пожизненно мэром и общим советом и иметь полномочия лондонских олдерменов (Хартия Генриха VII, 1499. Seyer's Charters and Letters Patent of Bristol, 123), а сам общий совет должен был избираться мэром и двумя олдерменами, выбранными им, с согласия содружества.

ГЛАВА XI

ГОРОДСКОЙ СОВЕТ

Пятнадцатый век принято считать временем, когда победа увенчала местные олигархии и свобода покинула английские районы, а ограничение народных прав иногда приписывают хартиям инкорпорации, данным при Генрихе Шестом. В этом, как и во многих других отношениях, незадачливый век долгое время лежал под тяжелым грузом обвинений, которые можно было бы справедливее распределить между другими столетиями; ведь в большинстве городов работа по адаптации примитивных городских конституций к олигархическому правлению была практически завершена задолго до времен Генриха.^[504] Действительно, кажется, что характерным движением этого времени - движением, которое естественным образом возникло на основе промышленного развития Средневековья, - было стремление расширить сферу политической деятельности. Это было не время апатии в местной политике, а время острого возбуждения. Горожане со всех сторон просыпались с ощущением, что свободное сообщество, о котором говорили их отцы, еще предстоит создать; они предпринимали, возможно, первую организованную атаку на монополию "магнатов" и первую практическую попытку решить проблему, которая стоит перед англичанами и сегодня - проблему сочетания народного контроля и хорошего управления. Традиции древних прав, которыми теоретически владели простолюдины на основании закона и хартии, смешались с амбициями нового мира предпринимательства, и, как мы видели, мануфактурные классы, отстаивая свое право на определенную долю в работе правительства, то тут, то там впервые приводили простолюдинов в зал заседаний совета.

Проблема управления действительно уже не была такой простой, как в те времена, когда "магнаты" впервые легко взяли на себя управление судьбами городов. Шли века, принося с собой торговые и промышленные революции, рост капитала и организации труда, новые стандарты управления и более пристальное внимание со стороны центральной власти, и баланс сил в местных органах власти начал колебаться то в одну, то в другую сторону под давлением противоборствующих сил. Все политические тенденции того времени были направлены на укрепление администрации и поддержание авторитета избранного совета. Но, с другой стороны, масса общинников не была ни такой бедной, ни такой беспомощной, как раньше. Мануфактурные классы жирели и набирали силу. Обогащенные торговлей и дисциплинированные производственным обучением, организованные в гильдии и практикующие самоуправление, которое это подразумевало, беспокойные из-за растущих налогов, жаждущие повышения благосостояния, терзаемые мелкой тиранией, они превращались в настоящую силу; и среди всего уродства, насилия и страданий беспокойной толпы, которую Лэнгленд представляет нам в конце XIV века, мы не можем не почувствовать предчувствие грядущей революции и мира, преобразующегося под властью какой-то новой силы. На взгляд современного наблюдателя, купцы стали слишком ловкими в своем деле, юристы - слишком проникательными, простые люди - слишком независимыми; бедняки все меньше довольствуются голодом и ищут самые простые способы получить горячее мясо, эль и удобные углы камина; пахарь не будет работать, пока голод не измучит его так, "что он всю жизнь потом выглядел как фонарь";[505] если крестьянин на мгновение был защищен от фактической голодной смерти, он был готов бросить вызов самому Статуту о рабочих.[506] Со всех сторон ощущается движение растущего недовольства[507] - критика и нетерпение, порожденные новой надеждой. Мы ощущаем смутную беду народа, ставшего слишком богатым, слишком занятым и слишком энергичным для старых ограничений - народа, который перерос свои "детские штучки". Сама природа, казалось, была втянута в круг каких-то таинственных перемен, и ее прежние величественные линии превратились в путаницу...

"Ни море, ни песок, ни семя не дают
Не приносят урожая, как прежде.

Погодные корабельщики и другие остроумные люди
Не верят ни в лифт, ни в звезду.

Астрономы весь день в своем искусстве терпят неудачу

Которые раньше предупреждали людей о том, что должно случиться после".[508]

В присутствии такого мира - мира, находящегося в беспокойном и вечном движении, - трудно делать общие заявления о том, что могло произойти или "естественно" произойти. В одних случаях правящий класс, напуганный новой силой, будоражившей народные массы, избегал серьезного конфликта, заключая соглашения с верхушкой среднего класса, тем самым переманивая на свою сторону лидеров восстания; и из высших и средних слоев общества формировалась новая олигархия - олигархия более сильная и широкая, чем старая, и обещающая более длительное существование. В других случаях народ одерживал верх, и на какое-то время в интересах простолюдинов устанавливались более либеральные порядки; так что если в одном районе городской совет предстает как отборный отряд, демонстративно выстроенный для защиты успешной олигархии, то в другом мы можем видеть его передовым отрядом общинников, окопавшихся в стране врага. Никогда, по сути, ни один народ не пытался решить проблему создания эффективного правительства с таким бесконечным запасом ресурсов и изобретательности, как средневековые бюргеры, которые по мере необходимости погружались в искусство создания конституции со всем упорством, умеренностью, энергией и экономией в исправлении древних моделей и поиске нового

применения для старых материалов, которыми англичане гордились на протяжении веков.[509] Предоставленные им хартии позволяли устанавливать широкие границы, в которых они могли пробовать свои эксперименты и планировать свой собственный способ правления по своему усмотрению. Разрабатывалась местная схема управления; когда они устанавливали свою систему, она могла зависеть от санкции местных обычаев, или же для большей безопасности и авторитета она могла быть определена и закреплена новой хартией; и если снова хартия оказывалась неудовлетворительной, горожанам оставалось только договориться между собой о новых методах, и они снова воплощались в новом гранте короны.

Таким образом, весь характер муниципального управления неограниченно изменялся под влиянием местных обстоятельств - положения или особой промышленности боро, характера владения и договора с лордом поместья, власти купцов или владельцев собственности в его стенах; и нет ничего более удивительного, чем разнообразие и запутанность политических систем, с которыми были знакомы средневековые бюргеры. Будучи свободными в теории и свободными на практике, не подчиняясь никаким твердым демократическим принципам, они без разбора принимали любой метод, который им подходил: прямые или косвенные выборы, выборы с выдвижением кандидатов, представительство меньшинства, публичное голосование или механизмы, при которых избиратели тайно записывали свою волю один за другим.[510] Каждый район, например, выбирал мэра по-своему. Мы видели, что в Сэндвиче выборы проводил весь народ; в Винчестере же совет из двадцати четырех человек выбирал двух, и уходящий мэр выдвигал одного из них в качестве своего преемника;[511] а в Саутгемптоне план был обратным, и уходящий мэр в присутствии бейлифов и совета выдвигал двух бургов, из которых собрание должно было выбрать одного,[512] и случайные вспышки народного недовольства не могли сделать большего, чем вновь убедить общинников в их истинной беспомощности. Между этими крайностями находилось бесконечное множество разнообразных обычаев, часто тщательно продуманных.[513] Когда выбор мэра номинально оставался на усмотрение всего "народа в зале", его выбор часто ограничивался и проверялся тем или иным способом. Они должны были выбрать его из числа членов верхнего совета или из числа людей, которые уже работали мэрами или шерифами; или они должны были послать два имени в первую палату для утверждения, из которых эта осторожная компания могла выбрать одно; или, возможно, совет сам выдвигал двух или трех кандидатов на выбор свободных людей, чтобы сдержать свободу народного суждения; или же вопрос решался более эффективно решением, что совет должен избирать мэра один.[514] В некоторых округах для избрания главных должностных лиц горожане выбирали специальное жюри - либо одиночное жюри из двенадцати человек, как в Бридгнорте,[515] , либо двойное жюри из двадцати четырех человек, как в Колчестере или Престоне;[516] и сами выборы жюри часто были далеко не простым делом, как мы видим в Линне. Иногда необходимость признания различных интересов в городе и предоставления им особого влияния в муниципальной конституции, по-видимому, добавляла местные сложности, как в Кентербери, где олдермены в ранние времена были наследственными владельцами и лордами нескольких приходов города и сохраняли в связи с этим права, которые не были окончательно уничтожены до правления Генриха Восьмого; Здесь выбирались две "триеры": одна - двумя уходящими бейлифами вместе с олдерменами, другая - общиной или "советом тридцати шести"; эти две триеры затем назначали двенадцать человек из числа членов совета, и эти двенадцать, наконец, выбирали бейлифов на следующий год.[517]

При назначении других членов корпорации существовало такое же разнообразие методов, при этом свободно использовался план выдвижения, так что иногда развивалась смешанная система, когда половина корпорации избиралась народом, а остальные выдвигались мэром или советом. Городские советники могли выбираться ежегодно бюргерами или назначаемым для этой цели жюри; их можно было превратить в новый класс постоянных чиновников, избрав пожизненно; или сделать из них исключительно аристократический орган, позволив им самим заполнять все вакансии; а в городах с двойным советом можно было опробовать два этих плана вместе; или же оба органа могли выбираться по какой-то одной системе. Неизбежная тенденция сделать себя как можно более независимыми от людей, которыми они управляют, естественно, привела советников к убеждению, что способ их избрания лучше всего регулировать самим, и были случаи, когда не только верхняя, но и нижняя палата становились самоизбирающимися органами, в которых члены занимали свои посты пожизненно.[518]

Короче говоря, все мыслимые эксперименты в управлении были опробованы в том или ином городе, или в одном и том же городе в разное время, к большому замешательству систематического порядка. В одном из них первоначальный совет из двенадцати или двадцати четырех человек мог сохраниться в своем раннем представительном характере;[519] в другом его конституция постепенно трансформировалась. Иногда помимо верхнего совета мещане создавали вторую палату из шестнадцати, или восьмидесяти, или двадцати четырех, или тридцати шести, или сорока, или сорока восьми[520] и "благочестивых и сдержанных членов одежды", или "высоких выборов", которые должны были в большей или меньшей степени делить свои полномочия с "низкими выборами", "печальной и сдержанной" компанией, одетыми в простые костюмы без всяких украшений из меха и бархата. Потомственные землевладельцы могли заседать в совете одного округа, а негоцианты - в совете другого. Олдерменов могли навязать людям, а могли и запретить власти.[521] В зависимости от случая горожане могли попытаться сформировать представительный совет из жюри выборщиков или третейских судей, из комитета общего собрания или делегированных членов от ремесел.

Под этой кажущейся путаницей можно проследить некоторые общие тенденции, и не исключено, что при дальнейшем изучении окажется, что в разных районах страны эти тенденции носили разный характер и зависели не только от политических традиций, но и от особых условий торговли и промышленности. Пока не собрано материалов для обоснования какой-либо общей теории; но кое-что можно узнать, наблюдая за конституционными изменениями, которые действительно произошли в нескольких районах, и оценивая, насколько эти конституционные изменения могут быть адекватно сведены к теории непрерывного отката от народной свободы к деспотизму привилегированной группы богатых торговцев. Несколько примеров, выбранных наугад, могут служить иллюстрацией того, насколько разнообразными были условия, в которых протекала гражданская жизнь, и как эти условия влияли на политическую ситуацию и отражались на нравах и форме правления. Естественно, они делятся на три группы.

I. Иногда, как, например, в Саутгемптоне, первоначальный единый совет из двенадцати человек сохранялся вплоть до Реформации, несмотря на спорадические попытки общинников отстоять свою власть, будь то через Генеральную ассамблею или иным способом.

II. В подавляющем большинстве городов, однако, формировался второй совет - в большинстве случаев путем создания своего рода комитета общего собрания. Отказывались ли простые люди приходить на собрания, как это было в Норвиче, или их отсутствие было

лишь предлогом для правителей, сказать трудно; но, очевидно, обычно вырабатывалась система созыва по важным поводам группы избранных граждан. Приставы и мэры, которые хотели избавиться от непокорных и, как они считали, лишних элементов в городских собраниях, или желали заставить достаточное количество избирателей собраться для ведения дел, могли прибегнуть к помощи рассылки повесток определенным избранным домохозяевам, когда должно было состояться собрание, и таким образом неофициально создать сочувствующее и послушное собрание для одобрения действий правящего органа. В настоящее время, возможно, налагались штрафы в случае игнорирования повестки; и когда однажды было четко установлено, что определенное число членов обязано собираться по приказу мэра для ведения дел, и когда далее этот орган получил полномочия всего собрания при принятии решений по всем вопросам, касающимся общих интересов, стало ясно, что был создан совет общин - постоянный орган, наделенный, с их согласия или без него, законодательными правами мещан. В ряде городов, таких как Ковентри, Херефорд, Лестер и многих других, повестку в совет рассылал мэр, и эта система в какой-то степени представляла собой победу олигархии; возможно, мы можем проследить в Ноттингеме неформальное развитие этого обычая и его последствия.

III. Однако были районы, в которых второй совет был памятником народной победы; примерами могут служить Норвич и Сэндвич; в Линне система развивалась при особых обстоятельствах.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Я добавляю сюда несколько очень кратких заметок о конституционных изменениях в нескольких округах, произошедших в позднее средневековье. Все они указывают на широко распространенную борьбу между верхними и низшими слоями общества в течение пятнадцатого века. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это движение нельзя сравнивать с мерцанием угасающего пламени, оно скорее выражает быстрое разгорание нового огня. В некоторых случаях, приведенных ниже, олигархия оказалась сильнее, в других - средний класс.

В 1373 году в Колчестере было принято, что вся община выбирала четырех "достаточных мужчин" (впоследствии названных старостами), по одному от каждого прихода, "хорошего разговора и никогда не бывших судебными приставами"; а те, приведенные к присяге, избирали еще по пять человек от каждого прихода, которые также никогда не были судебными приставами, и в сумме их было двадцать четыре. Двое из каждых пяти избранных должны были быть членами общего совета. Эти двадцать четыре человека избирали двух судебных приставов, восемь олдерменов и других должностных лиц. Затем бейлифы и олдермены вместе выбирали шестнадцать "самых мудрых и понимающих людей в бурге"; эти шестнадцать вместе с ними осуществляли управление. "Они должны были собираться на ассамблеи не реже четырех раз в год; и если у какого-либо бюргера было предложение к своим правителям, он должен был передать его бейлифам в письменном виде и получить ответ на следующей ассамблее". Эдуард Четвертый в своей новой хартии предписал бейлифам, олдерменам и шестнадцати бургомистрам выбрать еще шестнадцать человек, по четыре от каждого прихода, чтобы составить общий совет, наделенный "властью принимать разумные постановления и конституции для блага города". Впоследствии первые шестнадцать стали называться *Primum Concilium*, а вторые - *Secundum Concilium*.

Собрания проводились в зале заседаний для избрания должностных лиц и принятия подзаконных актов. Никакие постановления не могли быть приняты, если не присутствовало

двадцать пять членов. С тех, кто не пришел или пришел после закрытия дверей, взимались штрафы. (Cromwell's Colchester, 264-5, 269.)

Изначально Кентербери управлялся назначаемым королем портье; но, по крайней мере, уже в XIII веке портье был заменен двумя бейлифами, которым помогал совет из двенадцати олдерменов, или "мудрейших людей", и тридцати шести "probi homines" или "jurati". Есть основания полагать, что скамья или палата из двенадцати человек с самого начала осуществляла те полномочия, которые принадлежали им в XV веке. Они присягали соблюдать законные дни дважды в год, хранить память о пределах и границах своих олдерменств и давать добрые советы мэру; они получали всю отчетность о деньгах, хранящихся в кофейне, и на них лежала власть принимать все подзаконные акты. (См. клятву кофейщика в городских муниментах. А. 1.)

У этого высшего совета были некоторые особенности. Шесть олдерменств, из которых состоял город, первоначально принадлежали короне "in capite", но когда Генрих Третий передал город горожанам для владения на условиях fee-ferm, эти должности были присоединены к fee-ferm и с тех пор принадлежали горожанам. Однако палаты по-прежнему оставались собственностью некоторых семей в графстве Кент, поместьями, которые можно было завещать по завещанию и которые из поколения в поколение передавались от отца к сыну. Их наследственные управляющие не обязательно должны были быть свободными людьми или жителями города, более того, они могли получать прибыль по своему усмотрению, сдавая пост в аренду. В свое время церковь Святого Августина владела олдерменством в Кентербери (Madox, 252); а на инквизиции 1285 года было доказано, что Уильям де Годстеде, владевший олдерменством Вестгейт от общины города за арендную плату в 3s. 4 д., сдал его в аренду настоятелю Стурри, расположенного в двух милях от города, за 100 с. в год. В то же время их положение в городе было очень влиятельным, поскольку они не только осуществляли обычный полицейский контроль за своими приходами, как в других городах, но и *по должности* входили в палату двенадцати, которая являлась советником мэра в управлении городом. Там они претендовали на высшее место и привилегии по сравнению со своими собратьями, занимая почетное место рядом с мэром и выше остальных шести членов палаты; штраф за оскорбление мэра составлял 100 с., олдерменов - 60 с., мужчин палаты - 40 с., а тридцати шести мужчин совета - 20 с. Совет из тридцати шести человек, возможно, возник из-за необходимости обеспечить присутствие в бургомистре достаточного количества свободных людей. Их обязанности, определенные присягой, принятой в 1456 году, были весьма ограниченными. "Слышите, мэр, что я буду верен королю Эдуарду и его наследникам, и буду исправно являться к мэру города или его заместителю в то время, когда мне будет угодно или когда меня позовут, и соблюдать дни бургомута, и верно держать совет упомянутого бургомута, и все остальное делать как один из членов общего совета". Похоже, что они не имели ни контроля над городской сокровищницей, ни права предлагать законы, а поначалу, очевидно, не имели права даже отклонять их. Судя по всему, присяжные выбирались из их числа в суде бурга, и они принимали участие в выборах бейлифов.

В 1445 году разгорелся ожесточенный спор о правильном способе избрания бейлифов, и когда город посетил кардинал Бофор, были использованы взятки, чтобы заручиться его влиянием в разрешении ссоры. Дело закончилось тем, что в 1448 году городу была дарована новая хартия, по которой бейлифов заменил мэр. По этой хартии король наделялся полномочиями рассматривать дела и собирать такие тальи, которые мэр и олдермены сочтут необходимыми для содержания города, но о совете из тридцати шести человек в ней не упоминалось. Однако уже в 1429 году его роль в управлении, похоже, была признана.

Название "общий совет" было признано в присяге, принесенной в 1456 году; а то, что он представлял интересы всего народа, ясно из заявления 1489 года о том, что тридцать шесть человек были "присягнувшими совету этого города с согласия всех жителей города". Наконец, в 1474 году было постановлено, что каждый акт или ордонанс, принятый мэром и олдерменами "с согласия тридцати шести граждан, избранных в совет этого города, как это понравится мэру и олдерменам", должен быть занесен в общую палату; В том же году были приняты постановления мэра, пяти олдерменов, шерифа Кентербери и двух камергеров; далее приводятся семь имен (которые, возможно, составляли остальную часть палаты из двенадцати человек вместе с пятью уже упомянутыми олдерменами) и тридцать шесть граждан (не названных по имени), избранных общиной для общественного блага города. В 1497 году было сказано, что некоторые дела в Лондоне велись по приказу мэра, олдерменов, совета и простолюдинов. (Записи суда Бургмота. Hist. MSS. Com. ix. 140, 146, 167, 169-173. Hundred Rolls, i. 49-55.)

В Шрусбери до чумы были выбраны двенадцать человек, которые, по-видимому, избирали бейлифов и ежегодно представляли свои отчеты шести людям, выбранным содружеством. В 1380 году город раздирали разногласия, и, видимо, в муниципальном устройстве произошли какие-то изменения, так как содружество под руководством графа Арундела согласилось вернуться к форме правления, принятой во время чумы. Так продолжалось до 1389 года. Однако разногласия и споры не прекращались, и в 1389 г. общее собрание в присутствии аббата и различных лордов собралось, чтобы найти средство для исправления неправильного управления городом. Было решено, что бейлифы должны назначить совет из двадцати пяти человек, который, в свою очередь, должен избрать на следующий год бейлифов, коронеров и шесть кессоров. Сессоры должны были следить за расходом городских денег и составлять отчеты для шести ревизоров, которых выбирало землячество. Все бюргеры должны были присутствовать на выборах. Бейлифы назначали только сержантов. Сборщики муржа могли быть уволены в течение года своей службы за любую провинность. Любой бюргер, который сопротивлялся этим постановлениям или высказывал свое мнение на общем собрании, подлежал наказанию. Ордонансы должны были открыто зачитываться каждый год.

Новая композиция, принятая в 1433 году, давала совету из двадцати пяти человек право выбирать сержанта в дополнение к двум, назначаемым бейлифами; он должен был собирать ренту, причитающуюся с бюргеров за содержание города. Кроме того, права общин в избрании шести аудиторов подтверждались и защищались от посягательств "в обман указанных общин". Члены парламента также должны были избираться всеми общинами. Всем бюргерам предписывалось являться в зал гильдии по вызову, а общую печать должны были хранить четыре человека, выбранные общинами. Наконец, бейлифы и общинники должны были избрать двенадцать достойных людей, которые должны были служить постоянными помощниками бейлифов в течение всей их жизни. В случае смерти бейлифы и общинники должны были избрать другого советника. Бюргеры просят, чтобы этот состав был подтвержден парламентом, поскольку в случае предыдущих соглашений простолюдины не могли возбудить иск против приставов за их нарушение.

В 1444 году совет из двенадцати человек получил название олдерменов. Общий совет должен был действовать от имени всех бюргеров, которые на собраниях в гильдейском зале больше не должны были отвечать от своего имени, а давать советы двадцати четверым, которые затем должны были совещаться между собой и избирать спикера, который должен был объявлять их волю бейлифам и олдерменам.

В то же время назначение двадцати пяти выборщиков было передано в руки бейлифа; отныне они должны были выбирать двух человек из общего совета, а те назначать двадцать пять выборщиков, а также шесть аудиторов и коронеров. Общинники также должны были выбрать камергера или казначея. (Owen's Shrewsbury, i. 168-174, 207-9, 212, 216.)

В Винчестере "из глав города должно быть четыре и двадцать присягнувших вместо самых хороших людей и самых мудрых из города, чтобы они действительно помогали и советовали мэру"; и мэр должен был быть "выбран общим предоставлением четырех и двадцати присягнувших, а также коммуны, главного "sosteynere" франшизы". Затем мэр и двадцать четыре человека назначали четырех человек на должность судебных исполнителей, и двое из них выбирались общиной. Для взимания налогов шесть человек выбирались "общим собранием и приводились к присяге, трое из четырех и двадцати и трое из коммуны". Это было в четырнадцатом веке и ранее. В более позднее время двадцать четыре человека назначали двух мэров, а мэр выбирал одного; для двух судебных приставов двадцать четыре человека выбирали четырех, а коммуна выбирала одного из них, и в свою очередь выбирала еще четырех, из которых двадцать четыре выбирали одного. Общая печать хранилась в большом сундуке с двумя замками; один из двадцати четырех был выбран для хранения одного ключа, а один из коммонеров - для хранения другого". (Eng. Guilds, 349-50, 356. Kitchin's Winchester, 164-5.)

В начале XV века законы и т. д. принимались мэром и его пэрами, а также всеми жителями города. (В "полном собрании" 1477 года упоминается мэр и пятьдесят семь его пэров, присутствовавших на собрании (Ibid. 262). Вопрос о том, были ли тридцать три горожанина, добавленные к двадцати четырем, специально созданными домохозяевами, и следовал ли Винчестер в своем общем совете типу Лестера или Норвича, остается открытым.

В Лестере первоначально был совет из двадцати четырех человек; и поначалу общинники имели право собираться на выборах или в Общем зале и наблюдать за работой совета. Однако они не имели права вмешиваться в дела, и в 1467 году был наложен штраф на любого, кто выкрикнет или назовет вслух имя одного из братьев мэра, занимающего пост градоначальника. В XV веке в народе ходили слухи и разговоры о неблагочестивых правилах и нравах, и в 1489 году, "когда такие люди, которые не имеют ни ума, ни разума, и не вносят вклад, а то и совсем мало, в обвинения", продолжали "свои восклицания и головотяпство", они были исключены из общего зала, а мэру, бейлифам и двадцати четырем было приказано вызывать по своему усмотрению только сорок восемь и не более самых мудрых и печальных из простолюдинов. В конце XV века приказы отдавались мэром и "его братьями, называемыми Двадцатью четырьмя и всей компанией Сорока восьми, собравшимися тогда и там, для и от имени всей корпорации города". (Hist. MSS. Com. viii. 423; Thomson, Mun. Hist. 55-6, 80-84.)

В 1553 г. "мэр и бюргеры" Глостера утверждали, что у них была власть в свободное от работы время рукополагать, учреждать и проводить суд в своем Доме совета, а также призывать многих и разных людей в свой совет на том же суде, принуждать и приводить их к присяге в своем совете. Этот созыв дополнительных советников, по-видимому, и составлял "Общий совет". В 1526 году было заявлено, что "издревле существовал обычай избирать некоторых главных бюргеров, иногда больше, иногда меньше по числу", для формирования общего совета; тогда их число было определено в сорок человек, двенадцать из которых должны были быть олдерменами.

ГЛАВА XII

СОВЕТ САУТГЕМПТОНА

Есть два основания, по которым Саутгемптон может претендовать на первое место среди примеров раннего муниципального управления. На протяжении веков он был великим портом юга - гаванью, где для Англии сходилась торговля всего мира, где встречались караваны из Фландрии и галеры из Венеции, чтобы высыпать на его причалы сокровища северных и южных морей. И на протяжении веков его правительство сохранялось, как, возможно, нигде в Англии, в порядке, установленном первыми плантаторами, ни одна из его изгородей не была разрушена компромиссами, ни один из его чистых источников не был запятнан проникновением народных и демократических страстей. Не исключено, что эти два факта тесно связаны между собой и что судьба порта на Ла-Манше определила несколько необычный жребий муниципалитета Саутгемптона.

Промышленный опыт Саутгемптона был весьма благополучным. В городских записях XIII века упоминается почти сорок ремесел, и их было гораздо больше, причем занимались ими не только английские жители, но и переселенцы из Бургундии, Фландрии, Дании, Ломбардии, а также французская колония, обосновавшаяся на Рошель-лейн и Френч-стрит. На рынке продавалась шерсть всех видов: грубая, черная, ломаная, овечья, большая часть которой отправлялась на остров Уайт для изготовления полотна. Цветные "парижские свечи" производились уже в 1297 году. Сыр производился в огромных количествах, как и сидр. Из Абингдона привозили изгибы вязов для плугов.^[522] Выращивали коноплю для изготовления шнуров, а кораблестроение, которым город был так известен во времена Генриха Пятого, должно быть, существовало уже в гораздо более ранние времена, если судить по истории саутгемптонского судоходства.^[523]

Однако внутренняя промышленность занимала в Саутгемптоне весьма скромное положение по сравнению с прекрасной фигурой, которую создавала его внешняя торговля. Корабли с Запада, привозившие "ирландское сукно", возможно, наркотик из Дрогеды или Слайго, встречали суда с вином из французских портов, сельдью, воском и гобеленом из Бретани, квасцами из Бискайи и Генуи, восточными пряностями из портов Рейна, а портовые сборы платили за соленую рыбу, смолу, битум, древесный уголь и древесину из портов Балтики.^[524] Однако главная слава города заключалась в его прямой торговле со Средиземноморьем. Когда в царствование Эдуарда Второго венецианские и генуэзские корабли впервые начали возить свои товары в Англию, они бросили якорь в его гавани,^[525] и на двести лет Саутгемптон стал центром английской торговли с итальянскими республиками.^[526] Попытка сделать его свободным портом в 1334 году быстро закончилась, но преимущества, которые давала эта схема, должны были быть практически обеспечены привилегиями, которые короли предоставляли как иностранным купцам, приезжавшим торговать, так и самому городу как торговому центру. В 1337 году купцы из Общества Альберти во Флоренции занимались перевозкой шерсти из Саутгемптона в Гасконь,^[527] а три года спустя часть дома у моря была сдана в аренду Обществу Барди, флорентийским банкирам. В 1378 году король разрешил купцам Испании, генуэзцам и венецианцам, которые вели всю левантийскую торговлю, разгружаться и продавать свои товары на его пристанях, вместо того чтобы заставлять их идти на скобы в Кале;^[528] и снова в 1402 году Генрих Четвертый дал специальное разрешение генуэзцам высаживаться в Саутгемптоне и везти

свои товары в Лондон по суше.[529] С 1353 года, когда Винчестер стал основным поставщиком шерсти, Саутгемптон, как порт, из которого только и нужно было отправлять все тюки на континент, практически монопольно владел южной экспортной торговлей.[530] Это была единственная гавань, в которую можно было перевозить "мальмси и другие сладкие вина из Канди и Ротимоса, а также из любого другого места в Леванте за Марокканскими проливами ". Карраки из Генуи и Венеции, корабли из Испании, Португалии, Альмейна, Фландрии и Зеландии заполнили его гавани, привозя свои вина и пряности и увозя шерсть для ткачей Нидерландов или ткани для красильщиков Италии и торговцев Черного моря.[531] Привлеченные ослепительными перспективами богатства, лондонские виноградари и суконщики арендовали огромные погреба для хранения, держали в городе дома и земли; и столь блестящими были перспективы его будущего, что в 1379 году генуэзский купец получил от короля разрешение, для большей безопасности своих товаров, занять только что отстроенный замок, а взамен обещал сделать Саутгемптон величайшим портом Западной Европы. Но прежде чем он успел осуществить свои планы, лондонские купцы, разъяренные столь опасным соперничеством, убили его у собственной двери.[532]

Коммерческая деятельность не была уделом иностранцев, ведь даже в XIV веке местные торговцы отправляли английские корабли для ведения дел в иностранных портах.[533] В 1391 году один купец взял в аренду на целый год таможенную города по суше и воде; другой богатый бюргер, Уильям Сопер, за свой счет отремонтировал башни Водяных ворот и арендовал их и прилегающие здания на сто двадцать лет, обещая ремонтировать и содержать их. В конце XIV века крупные суммы, переходившие из рук в руки, и многочисленные облигации для уплаты долгов от 60 до 100 фунтов стерлингов свидетельствовали о росте торговли.[534] Шерстяные сборы в порту смогли выдержать плату в 100 фунтов стерлингов в год, предоставленную Генрихом Четвертым в 1400 году на ремонт и укрепление городских стен; а в 1417 году кардинал Бофор, лорд Саутгемптона и величайший торговец шерстью во всей Англии, одолжил Генриху Пятому 14 000 фунтов стерлингов под залог таможенных пошлин на шерсть и другие товары в различных портах Саутгемптона, и прежде чем треть этой суммы была возвращена, он предоставил еще 14 000 фунтов под тот же залог.[535]

О процветании горожан свидетельствует их отказ прерывать дела во время Винчестерской ярмарки. В 1350 году они уже ссорились с епископом по этому поводу, но он устоял, и город снова подчинился старым правилам, согласно которым во время ярмарки не должно быть никаких взвешиваний и измерений на большой балке на рыночной площади, что если купец приезжает с товарами, то ему разрешается остаться, только если он поклянется, что они не предназначены для продажи, и что епископский бейлиф должен жить в Саутгемптоне во время ярмарки, чтобы следить за выполнением договора. В случае его нарушения жители были обязаны, не только своими землями и домами, но и всем своим имуществом, выплатить штраф в тысячу марок в течение трех месяцев.[536] От такого невыносимого положения вещей горожане смогли освободиться путем переговоров с епископом в 1406,[537] и в 1433 году добились права ежегодно устраивать собственную ярмарку на три дня в часовне Троицы неподалеку от города.

На этом удача города не закончилась. Закон 1455 года, запрещающий купцам-чужестранцам из Италии ездить по стране, скупая за бесценок шерсть и шерстяные ткани у бедняков, и разрешавший им отныне покупать их только в Лондоне, Саутгемптоне или Сандвиче,[538] вынуждал иностранных торговцев селиться в городе, если они хотели вести здесь свой бизнес; В следующем году, когда все итальянские торговцы, жившие в Лондоне, были изгнаны народными волнениями и, миновав Винчестер, обосновались в Саутгемптоне,[539] , в стенах которого, должно быть, находилось большинство всех итальянских купцов в Англии,

к их числу добавились еще многие. Монополия на всю экспортную торговлю Южной Англии была подтверждена городом законом в 1464 году; и, наконец, Генрих Седьмой создал в городе металлургический склад и передал его гильдии исключительное право на плавку оловянной руды.[540]

Контрабандисты и нелегальные торговцы свидетельствовали о прибыли, которую можно было получить в водах Саутгемптона. Легкие лодки[541] по ночам заходили в каждую бухту и залив вдоль побережья, чтобы выгрузить бочки с вином; а в городе странные портные усердно кроили вещи для иностранного рынка, чтобы избежать пошлины на экспортируемые ткани. В 1407 году был издан указ, согласно которому ни один чужеземный портной, прибывший на корабле или галере, не должен иметь в городе ни одной лавки, дома или комнаты для пошива "халатов, джепонов и других предметов одежды", пока не договорится с мастерами этого ремесла; Поэтому суда "Спайна, Портингалла, Альмайна, Фландрии, Зелонда и других стран" прибывали с "портными разных народов", которые теперь просто оставались на кораблях и кроили там ткани в свое удовольствие, и в 1468 году, через четыре года после того, как Саутгемптон вновь получил монополию на торговлю шерстью, ему пришлось принять новый закон против этих грабителей таможи.[542] Действительно, о размахе торговли в конце века можно судить по масштабам коррупции и лживых сделок, которые могли совершать даже сами городские власти. В 1484 году двое жителей Лондона, один из которых был пивоваром, а другой - "джентльменом и клерком всех королевских кораблей", задолжали мэру, шерифам и бейлифам Саутгемптона 1200 фунтов стерлингов. Однако эти чиновники, очевидно, попали в затруднительное положение в связи с продажей 1086 мешков шерсти, в которой они были заинтересованы, и заключили соглашение со своими должниками о том, что они простят этот долг в 1200 фунтов стерлингов, если получат обещание, что они будут нести ответственность "от своего имени, а не как мэр, шериф и судебный исполнитель".[543]

Однако у саутгемптонской торговли был и другой аспект. О скрытой стороне жизни города в XIII и XIV веках мы можем судить по бухгалтерским книгам госпиталя святого Юлиана или Дома Бога, которому принадлежало сто восемь домов, населенных рабочим людом: зажиточные жили в собственных домах, более неудачливые искали убежища в сараях или открытых складах. Но как с одного, так и с другого класса больница тщетно требовала арендную плату, которую жильцы почти никогда не платили. Одному из богачей простили 56 с. долга; поверенному - 50 с.; ювелиру, задолжавшему 48 с. фунтов стерлингов. 6 д., умудряется выплатить большую часть долга солью. Другие закладывают свои ковры; некоторые платят по 1 д. или 1/2 д. или 3 д. за раз по крупным счетам против них; в других случаях есть краткая запись "умер в бедности и поэтому ничего не получил"; или бедные арендаторы "бегут из города в бедности", и приютившие их станы стоят пустыми. Такова история несчастья - несчастья, которое едва ли облегчалось милостыней, раздаваемой госпиталем бедным: в 1299 году в Адвент было отдано три бушеля пшеницы; в 1306 году - полторы четверти бобов и двадцать девять четвертей гороха; в 1318 году - тринадцать четвертей бобов. После сожжения значительной части города в 1337 году флотом французов, испанцев и генуэзцев дела еще более ухудшились, и в 1340 году долги составили в четыре раза больше, чем годовая рента. Аббат Болье задолжал пять лет ренты за "чессельд". Задолженность пяти приходов Холируд, Сент-Джон, Сент-Майкл, Сент-Лоуренс и Всех Святых в пределах Бара составляла 127 фунтов стерлингов в 1340 году и 155 фунтов стерлингов в 1342 году.[544] Большие дома разбивались на маленькие, где люди теснились в своих страданиях, и ужасное наследие очень бедного населения, которое в крайней нужде цеплялось за трущобы и низкие окраины города, очевидно, перешло в следующее столетие, поскольку, насколько можно судить по опубликованным записям, Саутгемптон был

единственным городом в XV веке, который регулярно оказывал помощь нищим на открытом воздухе. В 1441 году в книге стюардов приводится отчет о 4 фунтах стерлингов 2 с. 1d. еженедельно раздавалось в виде милостыни бедным мужчинам и женщинам.[545]

В Саутгемптоне богатство не копилось в народной казне, пока люди спали. Богатство, которое было трудно завоевать, было еще труднее сохранить в великом порту южного побережья, где жизнь и товары находились в ненадежном владении всякий раз, когда Англия ссорилась по ту сторону воды. В любой момент под предлогом военной необходимости можно было оправдать любое нерегулярное и периодическое вмешательство королевских офицеров, и управление Саутгемптоном стало вопросом разделения полномочий и перекладывания ответственности, что, вероятно, не имело аналогов в других частях Англии. Специальный страж королевских кораблей [546] вмешивался в дела гавани; а приемщик и поставщик провизии для королевских войск [547] - в дела магазинов и рынка города. Констебль замка [548] надолго пережил констеблей других городов и был наделен полномочиями, определенными судом с учетом потребностей времени; так, в 1369 году мы находим капитана замка с полномочиями арестовывать всех мятежников против короля или правительства города, а также следить за реграторами, артизанами или рабочими, которые нарушат закон. [549] В то время, когда мэр большинства округов был уполномоченным по вооружению, здесь мэр отвечал за военную оборону совместно с констеблем и, очевидно, занимал далеко не последнее место. [550]

Военная дисциплина, по сути, неустанно давила на все стороны в этом месте, постоянно измученном войной, военными тревогами и призывами к оружию. По воскресеньям и в каникулы всех детей от семи лет звали упражняться в стрельбе из лука на , а городской пастух держал скот подальше от дороги. [551] Когда начиналась война, каждый мужчина должен был выйти и принять участие в бою, и никому, кроме мэра, не разрешалось даже предоставить помощника, а не брать оружие лично. Если у жителей не хватало духу сражаться, то в качестве предупреждения на будущее применялись жестокие наказания; и когда в 1338 году мэр, бейлифы и бюргеры бежали перед натиском французов, Саутгемптон был передан в руки короля, а его франшизы конфискованы на целый год. [552] Помимо расходов на три или четыре корабля [553] для защиты гавани, жалования хозяевам и людям, денег на их питание и аренду, Саутгемптон был обязан иметь "готовые для обороны от иностранного врага доспехи, оружие и прочую артиллерию и необходимые вещи". В городе был городской артиллерист, которому платили шесть пенсов в день за изготовление пороха, камней для пушек и токарных пушек. [554] Поколение за поколением безвольных ремесленников должно было ремонтировать, поддерживать и защищать стены длиной более мили и высотой от двадцати пяти до тридцати футов, с двадцатью девятью большими башнями; укреплять берега моря и рвы. Работа была распределена между людьми; лодочники и лодочники были обязаны каждый год привозить на лодках грузы камней и складывать их у стен со стороны моря, а горожане складывали кучи и поддерживали их в порядке. [555] На башнях работали представители разных ремесел: на одной - сапожники, кузнецы, сапожники и шорники, на другой - торговцы и бакалейщики, на третьей - золотых дел мастера, кузнецы, локейщики, оловянщики и лудильщики и так далее. [556] Но расходы на ремонт были столь велики, что после сожжения города французами, когда король в 1338 и 1340 годах приказал укрепить укрепления и построить за счет жителей каменную стену, выходящую к морю, [557] люди просто сбежали; Граф Уорик и его преемники под титулом "хранителей города" были размещены в его замке с вооруженными людьми и лучниками, чтобы "навести порядок" в отношении несчастных беглецов и заставить всех жителей, пытавшихся покинуть город, вернуться и жить там "в соответствии с их имуществом", а если они отказывались, то конфисковать их дома, ренту и имущество в пользу короля. [558] А в

1376 году бедные общинники и арендаторы молили короля взять город в свои руки и простить им ренту, поскольку за последние два года они потратили на стены не только всю ферму, которую он им пожаловал (почти 300 фунтов в год), но и были вынуждены отдать кроме того 1000 фунтов собственных денег, так что половина жителей покинула свои дома, чтобы избежать невыносимых тягот,^[559] а остальные уходили.

За долгими страданиями Столетней войны вскоре последовали изнурительные проблемы Войны Роз. Саутгемптон считался богатым городом с его необычайно внушительной фермой в 226 фунтов стерлингов и большим рулоном королевской таможни, и всегда находились желающие окунуть руки в столь богатую сокровищницу. Королевские щедроты за свой счет были старой историей. Большая часть фермы оседала на сменявших друг друга королевах с XIII по XVII век,^[560] и, как бы ни были скудны средства, город всегда старался держать себя в порядке при дворе, выплачивая хотя бы косяк королевы. Не были забыты и знатные вельможи, и слуги королевского двора, которые получали свои пожалования по мере возможности, частично деньгами, частично вином, иностранными фруктами и пряностями. Но когда две враждующие стороны каждая претендовала на сокровища Саутгемптона как на свои собственные, муниципальные финансы стали опасным делом для совета, и кризисы Войн Роз отмечены бедствиями для городского бюджета.^[561] В 1457 году бюджет города был пополнен только за счет взносов семнадцати бюргеров на сумму более 42 фунтов стерлингов.^[562] В ноябре 1458 года дела пошли еще серьезнее, и мэру пришлось отправиться в Лондон, откуда он пишет, чтобы умолять аудиторов, "чтобы вы, как можно усерднее, с одним сердцем, одной волей и одной мыслью, эффективно трудились, чтобы покончить с книгами бейлифов со всей поспешностью и добротой, и предупредить управителя, который должен был подготовить свою книгу к моему возвращению домой, ибо мы должны со всем усердием, какое только можем или можем, позаботиться о том, чтобы деньги были получены в короткое время, иначе мы можем сильно пострадать, и пусть Бог защитит нас, ибо мы получили слишком много." В одном из счетов аудитора не хватало более 30 фунтов стерлингов, "что для меня очень странно, столько денег он получил в прошлом году и в этом тоже, я не могу этого понять..... Я передаю это на ваше усмотрение". В другом счете не было ничего, кроме гонорара. Над этими вопросами нужно думать "как следует", но "если вы с добрым сердцем и безраздельно и без всякой двусмысленности каждый сердечно и усердно приложит свою руку, то мы однажды выйдем из рабства". Что касается политических новостей, то он столь же осторожен, сколь и озабочен. "И так много дел будет среди них, что Бог даст право". "Больше я ничего не могу, но молю Бога направлять нас во всех наших делах".^[563] Через несколько месяцев после этого мэра вызвали в лондонское казначейство по поводу его счетов, но перед назначенным днем ланкастерский лорд Эксетер неожиданно прислал в город своего секретаря с распиской за печатью и подписью о получении арендной платы за последнее полугодие. "Милорд молил нас, чтобы нам заплатили здесь (то есть в Саутгемптоне, а не в Лондоне), и сказал, что никогда не имел такой большой нужды в том, чтобы ему заплатили", и обещал свою помощь в случае каких-либо затруднений в Лондоне, "ибо мы сказали ему, какой вред и убыток это нам принесло". Так что город с сожалением заплатил, а мэр с тревогой написал своему регистратору в Лондон, чтобы попытаться вытащить их из затруднительного положения. "И [мы] сделаем все деньги, какие только сможем, со всей возможной поспешностью, что бы ни случилось", - искренне добавляет он.^[564]

Собрать деньги в то время было действительно непросто, так как в 1460 году граф Уилтшир, казначей Генриха Шестого, под предлогом перехвата Уорика зашел в Саутгемптон, обнаружил в порту пять больших генуэзских караванов, захватил их со всеми богатствами, наполнил своими солдатами, снабдил их без оплаты продуктами из города и с добычей

бежал во Фландрию.[565] Затем пришли новые правители, и Эдуард Четвертый приказал Саутгемптону выплатить казначею своего дома 133 фунта 6 шиллингов. 8d., а графу Уорвику, констеблю Дуврского замка, - 154 фунта из той же суммы. [566] То и дело Саутгемптон впадал в долги по арендной плате, и бюргер (тот самый Ричард Грайм, который за год до этого был мэром и внес аванс лорду Эксетеру) был брошен во флот в Лондоне, пока не будет выплачен долг; двое его сограждан были отправлены верхом в Вестминстер "трудиться для его благополучия", и наконец 20 фунтов были переданы, прежде чем он был освобожден.[567] В том же году шериф, также вызванный в Казначейство, поехал в Лондон за счет города; он отделался лишь тем, что его долг оплатил регистратор, который впоследствии был возвращен городом.[568] Еще одна неприятность произошла в 1469-70 годах, когда Кингмейкер, как восстановленный констебль Дувра при Генрихе Шестом, потребовал свою пенсию из фермы, и мэр отправился в Лондон "для расчетов с графом Уорвиком" и провел там двенадцать дней, "за эти двенадцать дней расходы составили 50 с. 6d." [569] Через несколько месяцев приехал другой констебль победоносного Эдуарда Четвертого, и городу пришлось платить ему тоже и нести двойную плату за тот год.[570]

Все эти финансовые трудности усугублялись характером городского богатства. Из 393 фунтов стерлингов, составлявших доход города в 1400 1428 году,[571] 302 фунта 3 с. 4d. поступали от пошлин; а внешнюю торговлю, с которой взимались такие суммы, приходилось поддерживать в условиях войн с Францией, ссор с Бретанью, нападений ганзейских, бретонских, генуэзских и венецианских торговцев, всегда готовых захватить корабли под предлогом нанесения ущерба их купцам, или вопреки пиратам, кишущим в Ла-Манше, и контрабандистам, преследующим побережье. Снова и снова люди жалуются на то, что иностранные купцы, привозившие им товары, больше не приезжают, а из-за отсутствия пошлин для уплаты ферм бургомистры были вынуждены занять 400 фунтов стерлингов на аренду, и что многие горожане были изгнаны из города, а другие собираются уехать, если не будет сделано ничего, чтобы облегчить их бремя.[572]

Таковы некоторые из особых проблем, с которыми пришлось столкнуться Саутгемптону: опасности войны, последствия военного правления и разделения власти в городе, сложные и трудные финансы, торговля, одновременно богатая и ненадежная, большие расходы, которые нужно было покрывать и в хорошие, и в плохие времена, очень бедный класс, живущий бок о бок с очень богатым. Форма проблем могла меняться из года в год, но беда всегда была с ними. Сделки, униженные прошения и произвольные милости, уступки то с той, то с другой стороны, суровые поборы и щедрые подарки, оставляли город открытым для бесконечных изменений и случайностей судьбы.[573]

Общие условия, по сути, должны были сделать рост народного правительства практически невозможным; и с самого начала городом, вероятно, управляла узкая олигархия. Его первая конституция, возможно, была составлена под влиянием мощной купеческой гильдии, которая естественным образом сформировалась в богатом торговом центре - братство, не похожее на современную гильдию в Линне или последнюю гильдию в Ковентри.[574] Похоже, что в двенадцатом веке два королевских бейлифа заботились обо всем королевском имуществе, собирали фермы, взыскивали долги короля и так далее.[575] Тем временем купеческая гильдия избирала своих собственных олдерменов, скавенов, ашеров и других должностных лиц для защиты вольностей и обычаев, дарованных ей Генрихом Первым и подтвержденных Генрихом Вторым и его сыновьями.[576] В 1199 году Иоанн пожаловал "бюргерам" их город в Ферме,[577], и вполне вероятно, что сбор и выплата денег были возложены на олдермена гильдии, поскольку в следующем поколении он появляется в качестве мэра города.[578] В его лице совмещались обе должности - мэра и олдермена. Он

разделял управление с бейлифами, будучи начальником города и гильдии, обязан был соблюдать уставы обоих и имел право первого голоса на всех выборах, касающихся обоих. Если судебные исполнители не справлялись с правосудием, он созывал присяжных и судил вместо них. Он распоряжался общей казной и ключами от городских ворот, а также вел ассамблею хлеба и эля.[579] В силу своего старого титула и должности мэр в XIV веке все еще назывался олдерменом,[580] , а в 1368 году он, очевидно, возглавил организацию гильдии с ее четырьмя скавинами.[581]

Особенность положения олдермена гильдии, превратившегося таким образом в мэра, несомненно, связана с тем, что он никогда не был, как в других округах, избранником всей общины или даже присяжных, выбранных народом. В XV веке было признано, что с незапамятных времен у уходящего мэра был обычай в присутствии бейлифов и бургомистров назначать двух бургомистров, а собрание было вынуждено избирать одного из них, если только они не решали переизбрать самого мэра, что действительно часто делалось. Вероятно, эта система была той, которую гильдия изначально приняла для выбора олдерменов, и которая сохранилась в новых условиях. Его место мэра, действительно, кажется, было честью, которую медленно и неохотно уступили[582] , потому что в 1249 году, после того как "Бенедикт, сын Аарона" занимал свой пост (возможно, в течение одиннадцати лет), бургомистры получили королевский патент, согласно которому ни они, ни их наследники больше никогда не должны иметь мэра в Саутгемптоне.[583] Двенадцать лет спустя, однако, список начинается снова, хотя и в такой же неофициальной манере, как и раньше, поскольку долгое время после того, как власть мэра в Саутгемптоне была неоспоримой, его официально игнорировали в этом качестве в Вестминстере, а хартии со времен Генриха Второго до Ричарда Второго были адресованы "бургомистрам".[584] Только после хартии Генриха Четвертого, которая, помимо прочего, назначала мэра и четырех олдерменов мировыми судьями,[585] , стиль, кажется, изменился, и грамоты Генриха Пятого адресованы "мэру и бюргерам".[586] Наконец, в 1445 году, при Генрихе Шестом, Саутгемптон стал вечной корпорацией, известной под именем "мэр, бейлифы и бургессы", [587] и эта фраза отныне заменила старый стиль.[588]

Группа чиновников, через которых олдермен управлял гильдией, нас не касается. Но когда мэр принимал присягу в церкви Святого Михаила (возможно, в северном нефе алтаря, который назывался "Часовня корпорации"), он оказывался во главе административного органа, состоящего из двенадцати "дискретов" и двенадцати олдерменов приходов. Олдермены, назначенные в пять приходов (три из которых управлялись двумя олдерменами, а остальные два - тремя, всего двенадцать), выполняли роль своеобразной полиции, следя за порядком в своих приходах, записывая имена всех жителей и их поручителей, задерживая злоумышленников и совершая обход каждую неделю или две недели, чтобы убедиться, что все в порядке;[589] и возможно, что они принимали участие в работе совета мэра в четырнадцатом веке.[590] Двенадцать "благоразумных" избирались каждый год всей общиной в установленном месте и, подобно двенадцати портовикам Ипсвича, клялись хранить мир, оберегать городские свободы, вершить правосудие в отношении бедных и богатых и присутствовать на каждом суде.[591] Вместе с мэром они распоряжались сокровищами и общим сундуком с хартиями и актами, и ни один документ не мог быть скреплен общей печатью, если при этом не присутствовало не менее шести человек. Они сами избирали двух судебных приставов, общего клерка и сержанта города.[592] Наконец, в 1401 году, через два года после того, как такая же привилегия была предоставлена Ноттингему, хартия Генриха IV дала олдерменам право выбирать из своего состава четырех олдерменов, которые вместе с мэром должны были быть мировыми судьями, а помогать им в их работе должны были четыре благоразумных человека, выбранных мэром и общиной. С

этого времени, несомненно, мэр и его четыре брата стали главными олддерменами пяти приходов;[593] и городской совет, как и в Ноттингеме, избирал часть своих членов в алые мантии в качестве олддерменов, а часть - в качестве простых "благоразумных" или "бургезов".[594]

Две хартии, которые окончательно определили конституцию Саутгемптона, были выданы в течение года после аналогичных хартий Ноттингема. Первая, от 1445 года, в которой содержался акт о регистрации города под названием "мэр, бейлифы и бургессы", признавала выборы официальным органом, обычай, который появляется в хартии 1401 года; вторая превратила город в графство, чтобы защитить купцов и мореплавателей, которым мешал шериф графства, подававший на них судебные приказы.[595] В фактическом управлении городом эти хартии, похоже, не привели к большим изменениям. Мэр по-прежнему председательствовал на собраниях олддерменов и бургов в Гилдхолле в башне Баргейт,[596] или в Аудиторской палате, стоявшей посреди улицы в самом центре рыбного, птичьего и свиного рынков; и вся община могла собираться для решения общих дел по усмотрению правителей.[597] Корпоративная хартия также не изменила старый стиль ведения местных дел. В делах, которые касались всего общества, будь то соглашение с другим городом о пошлинах, или постановления для города, или соглашение с соседом о границах юрисдикции города, или аренда таможни на суше и на море на год, или пожалования земли - во всех этих делах древний обычай использовал имя "мэра и общества"; И даже после 1445 года старая форма "мэр и община" сохраняется во всех актах, касающихся общественного имущества и городской казны, всех арендных договоров, водоснабжения, штрафов, причитающихся королеве, разрешения на проведение ярмарки и тому подобного.[598] То, что различие между бюргерами и простолюдинами было реальным в глазах народа, доказывает тот факт, что в трех важных случаях, когда требовалось торжественное согласие всего города, подпись "простолюдинов" или "всей общины" была официально поставлена рядом с подписью чиновников - один раз в договоре с эрцгерцогом Филиппом в 1496 году; один раз в договоре с Максимилианом о браке принца Карла Испанского с дочерью Генриха леди Марией; и еще раз в важной сделке, касающейся общих земель города.[599]

Таким образом, кажется вероятным, что управление в Саутгемптоне претерпело необычайно мало изменений от первого до последнего, за исключением превращения советников в самоизбранных олддерменов и мировых судей. Независимо от того, была ли система закрытых выборов советом, признанная в хартиях 1401 и 1445 годов, новой, или, что не менее вероятно, обычай был уже старым, кажется очевидным, что эти хартии не вызвали никаких народных волнений или протестов. Лишь пятнадцать лет спустя, в 1460 году, общинники подняли открытый бунт под предводительством шерифа и пяти бургов, и тогда битва разгорелась вокруг выборов мэра.[600] Сотня или более бунтовщиков бросились к Гилдхоллу, ворвались на собрание с кинжалами и громкими криками и, сразу же избрав своего лидера шерифа мэром, с триумфом пронесли его на плечах и усадили на место мэра, а на его место назначили другого зачинщика - шерифа. Но бунт не привел к большим результатам. Победившая сторона добилась патента, который объявлял, что их старый обычай выборов должен соблюдаться, и мэр выбирался по нему на законных основаниях; но поскольку им не удалось сместить узурпатора, ссора в конце концов закончилась компромиссом, единственным следствием которого было незначительное увеличение участия олддерменов в выборах. По этой новой системе мэр и олддермены собирались в аудиторском доме за месяц до дня выборов и выбирали четырех бюргеров для выдвижения; в день выборов они снова собирались и вычеркивали два имени из списка. Оставшиеся два имени были предложены бюргерам, и один из них был избран путем голосования; уходящий

мэр дал понять, кто будет избран, и голосование было делом формы. Народ снова подставил шею под ярмо, а мэр выдвинул своего преемника и передал ему традиции должности, которые получил сам.[601]

Двадцать лет спустя, похоже, была предпринята еще одна бессильная попытка реформировать систему выборов. В это время за всеми подобными попытками с подозрительным страхом наблюдали при дворе; Ричард Третий обратился с письмом к мэру, бейлифам и бургомистрам, указывая на то, что по грамоте они действительно имеют право как избирать муниципальных чиновников, так и смещать их по разумным причинам, и предписывая им, поскольку "некоторые нездоровые люди собираются беспокоить и досаждают вам при надлежащем исполнении указанного гранта, так наказывать упомянутых нездоровых людей, чтобы они служили хорошим и страшным примером для других, а если они окажутся такими людьми, которых вы не можете соответствующим образом наказать в этом отношении, то уведомить нас об этом, чтобы мы могли обеспечить такое законное средство защиты, которое будет соответствовать вашим упомянутым привилегиям." [602]

В этих разногласиях, похоже, народный гнев был вызван не предполагаемыми политическими узурпациями, а просто коррумпированностью администрации, особенно, возможно, в отношении государственных денег и общих земель. Финансовые проблемы, безусловно, были. В 1459 году, как мы видели, счета аудитора не оправдались на большую сумму; а поскольку с давних пор один из аудиторов назначался мэром, а сундук с сокровищами хранился в доме мэра, а ключи - у мэра и его приближенных, у народа, вероятно, были основания для подозрений. [603] Однако исправление ситуации происходило медленно и с трудом, и только в 1505 году была проведена весьма умеренная реформа: был принят указ о том, что жалование мэра должно выплачиваться аудиторами через управляющего; "с тем намерением, чтобы с этого дня ни один мэр не брался получать или распоряжаться какими-либо городскими деньгами, то есть, чтобы он не налагал никаких штрафов, кроме как в аудиторском доме, призвав к себе двух или трех олдерменов или, по меньшей мере, дискретов, а полученные деньги клал в общий ящик в указанном аудиторском доме." [604] Со временем было также приказано, чтобы общий сундук хранился не в доме мэра, а в зале гильдии [605].

В том же 1459 году, вероятно, возникла некоторая тревога и по поводу общих земель. [606] Как мы уже видели, 376 акров Саутгемптона, различные закрома, луг Дома Бога и солончак были предметом особой заботы "общины"; [607] на протяжении столетий продолжалась ссора с госпиталем Святого Юлиана по поводу участка болота, на который претендовал город как на часть своих общих земель, несмотря на все заборы, возведенные смотрителем госпиталя Святого Юлиана в защиту своих требований. [608] В 1459 году новый мэр, возможно, предложил план, который он осуществил несколько лет спустя, после провала народного восстания, когда в 1466 году он лишил город части большого болота или общего пользования, перекупив мэра грантом на часть земли, о которой идет речь, в собственность госпиталя. При следующем мэре в 1471 году мещане снова сломали ограждения, поставленные госпиталем, [609] и обратились к королю и совету с просьбой защитить их древние привилегии. "Древние люди" (один в возрасте 104 лет и более) дали показания о границах [610], и в 1504 году было вынесено окончательное решение, за которым последовали необходимые юридические расчеты в 1505 году. Новая ссора возникла, когда корпорация попыталась собрать налог для поддержания берегов моря или прорезания шлюзов, чтобы спасти поля от наводнений; и предложила, если это не удастся, огородить и сдать в аренду часть общей земли для оплаты этих расходов. [611] Горожане, готовые к опасности, прислали горячие заявления о том, что бедные общинники "всегда будут готовы

противостоять своими телами и имуществом всем лицам, которые попытаются узурпировать любой пункт или часть свобод и прав города. ". Они и слышать не хотели о сдаче в аренду какой-либо части общих земель; что касается уплаты денег за шлюзы, мосты или проруби, сделанные корпорацией, то "они молят вашу мудрость в этом вопросе не оценивать их, ибо они не намерены платить ни за что"; если только действительно не наступят лучшие и более счастливые времена, "помня, что ваши бедные общины еще не разбогатели, уповая на Бога, что они будут расти под вашим управлением".[612] Однако период богатства затянулся, а вместе с ним и налоги; через несколько лет корпорация распорядилась огородить часть болота. По этому приказу триста общинников, мужчин и женщин, вышли на пустырь, сломали заборы и берега и с триумфом проследовали в зал гильдии, издавая "самонадеянно и незаконно большой крик" к досаде находившихся там придворных. Окрыленные успехом, они прошли по двое с кирками и лопатами к дому мэра возле церкви Святого Руда и Креста, и один из них крикнул: "Если у господина мэра есть для нас еще работа, мы готовы"; после чего они отправились домой, не причинив больше вреда. Через четыре дня один из членов королевского совета прибыл с письмами, предписывающими арестовать главных преступников, и в отношении главарей, которые скрылись, было объявлено о бессрочном изгнании, а еще шесть человек были схвачены, доставлены в Лондон и помещены в Маршалси. Саутгемптонские бунтовщики были поражены ужасом и раскаянием. В каждом приходе появились петиции в поддержку заключенных; город пообещал восстановить банки и больше никогда не грешить подобным образом; корпорация разослала объявление о том, что все, кто принимал участие в разрушении банков, должны отправиться на их строительство, и только когда это было сделано, петиция о пощаде была отправлена в Лондон. Наконец, кардинал и совет постановили, что заключенные должны быть отправлены домой, а по приезде в Хэмптон должны сидеть в открытых колодках под столбом, пока по улице не пройдут мэр с братьями и лейтенант короля, когда кающиеся должны будут молить о милости и прощении и признать свою вину. Все это было сделано; мэр, от имени своих братьев, великодушно, по своей великой милости, принял извинения и обещал не держать на них зла. "И тут же [он] отделил их от стоек и отвел в аудиторский дом, связав их обязательством быть впредь добрыми приверженцами королевской милости, мэра и его братьев, и так их отпустил".[613] Муниципальное достоинство было восстановлено, хотя ссора затянулась на двести лет.[614]

Однако, несмотря на раздражение по поводу финансовых махинаций и управления общими землями, политическая активность в Саутгемптоне, похоже, была невелика. Гражданская жизнь простирается перед нами, как застойные воды, обнесенные незыблемыми барьерами. Едва ли какое-либо движение нарушает ее вялую поверхность. Двенадцать человек вечно собираются вокруг мэра и управляют городом с деспотической властью, которая почти не претерпела изменений на протяжении веков от Иоанна до Генриха Восьмого. Даже скромные притязания горожан на более тесную связь со своим мэром лишь показывают, с какой твердой рукой почтенная олигархия поддерживает свою древнюю дисциплину. Против освященного порядка общинники время от времени выступали с бунтарскими и беспорядочными протестами;[615] , но попыток провести реальную конституционную реформу не было. Мы почти не слышим о Генеральной Ассамблее; нет апелляции к старым традициям свободы; нет разговоров о представительном совете общин; нет организованного сопротивления ремесленников - возможно, потому, что они, как бы ни были многочисленны, были слишком бедны и слабы (если судить по их неспособности поддерживать стены и башни, даже когда они объединялись вместе), чтобы выступить против очень мощной корпорации. Мелкие вспышки неорганизованного и периодического бунта, которые время от

времени разгорались из-за какого-нибудь серьезного скандала, бесплодно угасали перед упорным сопротивлением властей, и такие пароксизмы преходящей активности народа оставались без постоянного результата.

Саутгемптон, по сути, имел своеобразную историю и устоявшиеся традиции в управлении, которые оставляли его жителей в необычайно беспомощном положении перед властью. Политические и торговые условия жизни города неизбежно отводили экспертам главенствующее место в управлении; и вполне возможно, что компактное сообщество купцов с самого начала навязывало свои методы управления и выборов населению, которое не имело права голоса в этом вопросе. Такое положение дел в точности отражалось в отношении мэра, который занимал исключительное положение и власть. Далекий от народной критики или контроля, как непосредственный министр короля^[616] он вел огромную массу дел в абсолютной независимости как от общины, так и от гильдии, не только будучи королевским эскейтором, обмерщиком и весовщиком товаров по королевскому стандарту, а также обмерщиком суконных ассизов, мэром шерстяного штабеля и мэром штабеля металлов по приказу короля, но и адмиралом короля в пределах города и его свобод, с верховным контролем над портом и побережьем от Крайст-Черч-Хед до Нидлс и далее до Хилл-Хед в устье Саутгемптон-Уотер, над портом Коуз и Портсмутом;^[617] И даже в качестве своего рода секретаря по иностранным делам, ибо мы, , должны помнить, что нигде, кроме Лондона, "иностраный" вопрос не был столь велик и важен. Переселенцы из Франции или Нидерландов, как, например, в Сэндвиче или Норвиче, которые поселились там и влились в общую массу горожан, представляли собой совершенно иной класс, чем приезжие купцы, которые стекались в Саутгемптон, чтобы заботиться о деловых интересах, простиравшихся по всей стране, и в значительной степени вели всю транспортную торговлю юга; и которые, будучи чужаками под особой защитой короля, составляли иностранную колонию, управляемую по особым законам и находящуюся под особым надзором.^[618] Во всех этих различных департаментах своего правительства мэр правил по другим законам, нежели муниципальные ордонансы; ему не нужна была ни муниципальная печать для его указов, ни согласие общины для его действий; а большие департаменты, в которых его действия были удалены от всякой возможности местной критики и местного контроля, должны были сделать абсолютное правление более легким и менее необычным во всех других отношениях его должности.

Не следует забывать и о внешнем влиянии, которое оказывал на Саутгемптона мир за водой. С Фландрией у него, похоже, было мало прямых связей. Пока средиземноморские галеры доставляли его шерсть в нидерландские порты и возвращались, чтобы забрать свой груз для обратного пути, Саутгемптон ассоциировался и торговал с великими городами Италии, слишком далекими от нее во всех мыслимых отношениях, чтобы служить школой политической свободы; и с коммунами Франции, чьи свободы давно пришли в упадок, а в пятнадцатом веке были окончательно уничтожены политикой Людовика Одиннадцатого, изощенного врага народных свобод.^[619] Трудно сказать, насколько сильно повлияли на Саутгемптон такие иностранные ассоциации, но, по крайней мере, они не ослабили влияния дома, которое способствовало олигархическому правлению. Несомненно, если сравнить этот город с другими английскими районами, где гражданская жизнь развивалась более свободно и экспансивно, то, несмотря на блестящую коммерческую составляющую, муниципальная летопись отличается необычайным однообразием и оставляет ощущение заторможенного развития политического тела. На самом деле Саутгемптон в силу своего положения и достоинства был призван играть столь значительную роль в национальной

истории, как в войне, так и в торговле, что все претензии на частную и местную независимость были отменены. Гораздо раньше, чем в других городах, его судьба была вплетена в судьбу всего содружества,^[620] и король не допускал никаких отклонений от требуемой от него службы государству. Саутгемптон весьма примечательным образом предвосхитил историю боро, которые при Тюдорах были втянуты в те же обязанности и службу; на протяжении последующих веков его бюргеры соглашались с квалифицированным управлением небольшого чиновничьего класса, почти не ограниченного народным контролем, и отказывались от стремления к новым идеалам общинной жизни или новым экспериментам в управлении.

ГЛАВА XIII

СОВЕТ НОТТИНГЕМА

Проблемы государственного управления не слишком волновали жителей Ноттингема. Как ни благоволила ему судьба по сравнению со многими другими городами, есть что-то феноменальное в истории города, столь спокойного, столь равномерно процветающего, столь не вызывающего опасений, с таким благодушным послужным списком успешной торговли и спокойствия. Управление осуществлялось в самой простой форме, и от жителей требовалось мало жертв, будь то труд или деньги, по сравнению с теми усилиями, которые требовались от менее удачливых городов. Интерес к его истории, по сути, заключается в спокойной картине группы активных и процветающих торговцев, живущих в мире со своими соседями и, по большей части, в мире с самими собой.

Положение Ноттингема имело большое военное значение, поскольку, находясь почти в центре королевства, город занимал подступы к единственному мосту через Трент, по которому проходила главная дорога с юга на север, и далее судоходство по реке с того места, где, расширенная слиянием Дервента и Соара, она становилась великой магистралью внутреннего сообщения. Поэтому на протяжении всей своей истории, со времен датчан и до Гражданской войны, Ноттингем не мог остаться в стороне от любых боевых действий. Но Англия была в основном мирной страной, и эпизодическое и периодическое значение внутренней крепости было совершенно иным, чем значение пограничного замка, такого как Бристоль, или форпостов против внешних врагов, таких как обнесенные стенами портовые города на побережье. Поэтому военные преимущества этого места не оказали заметного влияния на характер и историю города, а замок, увенчавший песчаниковый утес, обрывисто поднимавшийся из вод реки Лене, не сыграл большой роли в жизни средневекового города. Находясь в недостижимости от внешних врагов, он не испытывал таких бед, как Рай, дважды за полвека уничтоженный пожаром, и не обеднел от налогов на оборону от французов, грозивших оставить Саутгемптон в запустении; а его купцам лишь изредка приходилось вносить пожертвования на защиту побережья и безопасность морской торговли, которая приумножала их богатство и роскошь. Так, когда в 1406 году охрана моря была передана английским купцам, избранный ими адмирал флота Николас Блэкберн направил в Ноттингем императивный приказ о внесении 200 фунтов стерлингов в качестве своей доли расходов;^[621] но эксперимент купцов не удался, и они были освобождены от своей обязанности еще до того, как взимали вторую пошлину.

Но то же географическое положение, которое при других обстоятельствах сделало бы Ноттингем стратегическим центром, в реальных условиях английской жизни обеспечило судьбу города в промышленности и торговле. По суше и по воде торговля почти насильно притягивалась к его воротам. Мост, перекинутый через Трент, после того как он пришел в упадок как собственность королей, был пожалован Эдуардом Третьим горожанам, которые охотно взяли на себя тяжелые расходы по его ремонту и содержанию; каждое подразделение городской территории отвечало за одну или две из девятнадцати низких арок,[622] и надзиратели, назначенные следить за всем этим, время от времени представляли перед муниципальными чиновниками с трудоемкими и грозными отчетами. Через этот мост должен был проходить весь транспорт с юга на север, а лодки из Халла и восточных портов поднимались вверх по реке, чтобы разгрузиться у причалов Ноттингема. Таким образом, горожане, более удачливые, чем жители Кентербери, Норвича или Шрусбери, не имели причин опасаться проблем, связанных с изменчивой торговлей, с мануфактурами, уехавшими в поисках более светлых перспектив, или с купцами, оставившими старые пути ради нового торгового маршрута. Похоже, что в городе царило равномерное процветание. Торговцы всех мастей в 1395 году получали больше, чем им позволял закон,[623] а рыночная площадь, которая, как говорят, и сейчас является самой большой в Англии, была заставлена киосками; здесь было двадцать рыбных досок, тридцать два прилавка в доме мясников, тридцать в доме торговцев, двадцать в доме драпировщиков и так далее, аренда которых быстро росла во второй половине пятнадцатого века;[624] А в величественном зале Гильдии, помимо зала заседаний совета, верхней тюрьмы для преступников и тюрьмы для должников с железной решеткой на улицу, находилось хранилище для товаров. Покупатели и продавцы толпились на рынке, ведь новых бюргеров по-прежнему охотно принимали[625] при уплате 6s. 8d., и только в конце следующего столетия готовое гостеприимство города уступило место ревнивой исключительности. Незнакомцы платили за лицензию на торговлю, а также арендную плату за лавки и магазины;[626] и количество исков между бюргерами и "иностранцами", или не-бюргерами, было так велико, что иногда за один год двадцать или более рулонов были плотно исписаны с обеих сторон записями только этих исков - факт, указывающий на торговые сделки с внешним миром в масштабах, совершенно неизвестных в предыдущие времена.[627] Даже геологическое положение города добавляло ему источников богатства, и корпорация, а также торговцы получали прибыль от соседних угольных шахт.[628] Похоже, что процветали все виды промышленности. Уже в 1155 году, когда, вероятно, в Англии было мало мест, где красили ткани, тюки отправляли в Ноттингем для окраски в красный, синий, зеленый и тоуни или мурри; и если даже в 1434 году их алая краска могла получиться не алой, а красной[629], мы должны помнить, что в это время за прекрасной алой краской английские ткани приходилось отправлять в Италию.[630] Ноттингемские мануфактуры производили как льняные, так и шерстяные изделия.[631] В Гирдлер Гейт и Бридлсмит Гейт жили его знаменитые железные мастера. Здесь находилось литейное производство колоколов, известное во всех соседних графствах, а колоколотейщик, кроме колоколов, изготавливал еще и медные горшки. Кроме того, здесь работали известные художники.[632] Среди английских церквей эпохи раннего перпендикуляра нет более красивой, чем церковь Святой Марии, возвышающаяся над рынком на крутом склоне холма.[633] Ноттингемский ювелир был послан для ремонта креста в церкви Клифтона.[634] В городе был свой иллюминатор, Ричард Писатель, и свой мастер по изготовлению изображений, Николас Хилл, который отправлял свои изделия вплоть до Лондона (однажды было изготовлено целых пятьдесят восемь голов Иоанна Крестителя, некоторые из них в скиниях или нишах), а поскольку он также занимался росписью и золочением алебастровых солонок, его называли "алебастровым человеком".[635]

Богатство Ноттингема, возможно, не соответствовало богатству таких городов, как Бристоль или Линн, где в те времена, когда капитал был скуден, горожане накопили в своих сундуках хорошие запасы золота и серебра. Но, похоже, в городе царила атмосфера значительного комфорта и благополучия. В субсидиарном списке 1472 года приводится список 154 владельцев свободной собственности, от одного, чья десятая часть составляла 74 с. 7-1/2d. до того, чья десятая часть составляла 1/4d.,^[636] описи домашнего имущества и наследства, которые время от времени появляются, показывают значительный класс горожан, живущих в богатстве и роскоши, и еще больший класс сравнительно обеспеченных людей по меркам тех времен. Пока богатые купцы строили или украшали красивыми резными дубовыми домами, которые в более поздние времена называли "дворцами короля Джона", скромные торговцы довольствовались домами, описанными в контракте строителя от 1479 года, где маленькое жилище с фасадом в 18 футов на улицу должно было иметь два эркера и стоять в целом около 6 фунтов.^[637] До второй половины XVI века^[638], по крайней мере, нет никаких признаков бедности, как в других городах, в Саутгемптоне, или Ромни, или Честере, или Кентербери - во всех местах, которые должны были страдать от особых причин бедствия, и даже завещания не содержат частых завещаний на помощь бедным и заключенным, которые встречаются в местах, где призывы бедствия были более настойчивыми и настоятельными. Финансовые проблемы корпорации были совершенно просты и регулярны и представляли собой не более грозную трудность, чем поддержание в рабочем состоянии большого моста. Когда Эдуард Четвертый снизил доход города до 20 фунтов стерлингов, это было сделано, насколько можно судить по муниципальным записям,^[639] без каких-либо жалоб на полное бедствие и запустение, которыми обычно завоевывались подобные милости; и в последующие полвека не было более серьезного намека на бедственное положение, чем тот факт, что в 1499 году два мясных прилавка и несколько других владений пустовали, и что корпорация взяла в долг несколько небольших сумм.^[640]

Ноттингем также не был затронут внешними проблемами. Расположенный на окраине Шервудского леса, но со времен Иоанна освобожденный от лесных законов и юрисдикции лесных чиновников,^[641] своим положением избавил город от соседства с могущественным лордом, который мог бы угрожать его гражданам, ущемлять его права или облагать его жителей мелкими войнами или судебными исками, как облагали и облагали Ливерпуль, Бристоль и Линн. В единственной неприятности - случайном споре о контроле над водами Трента - его неизменно поддерживала корона. Иногда реке мешали плотины и рыболовные сети; иногда, когда вода была низкой, лодки, идущие из Халла, приходилось тащить с берега, и владельцы речных судов требовали штрафы за использование буксирного пути, так что цены на товары в Ноттингеме возрастали до "большой дороговизны". Тогда ноттингемцы поспешили обратиться к королю с "шумным заявлением"; и тут же были посланы королевские комиссары для расследования препятствий; изданы королевские прокламации, запрещающие взимать пошлины с берегов реки; королевские приказы запрещают соседнему лорду Колвику отводить воды Трента для собственных нужд в ущерб Ноттингему.^[642]

Не беспокоили горожан и притязания церковной власти в городских стенах, подобные тем, что досаждали Норвичу, Эксетеру и Кентербери. Церковные интересы действительно не играли большой роли в Ноттингеме. Две церкви существовали еще при Кнute, а до XIV века к ним добавилась еще одна.^[643] Но в его пределах не было основано ни одного аббатства, и ежегодное путешествие мэра и его братьев с подношениями к материнской церкви в Саутвелле было лишь живописной церемонией, напоминавшей о том времени, когда Паулину впервые основал здесь центр миссионерской работы среди язычников.^[644]

Что касается придворных группировок и династических интриг, то далекие торговцы, у которых было много собственных дел, обычно руководствовались благоразумными корыстными интересами, чтобы встать на сторону доминирующей силы в государстве. Мещане легко перенесли свои симпатии с леди Анны Богемской на Генриха Четвертого;^[645] Они поддерживали Генриха Шестого до тех пор, пока триумф мятежников был сомнителен, но не успела судьба Эдуарда Четвертого укрепиться, как они уже дарами из своих сокровищ и небольшими отрядами своего ополчения засвидетельствовали новую лояльность и таким образом добились возобновления своей хартии и уменьшения своего ферма на двадцать лет, "чтобы иметь вознаграждение городу Ноттингему" "за большие расходы, тяготы и потерю своих товаров, которые они понесли из-за этих услуг".^[646] В 1464 году они выписали небольшой отряд в красных куртках с нашитыми на них белыми буквами^[647], чтобы присоединиться к королю в Йорке, и еще раз при восстановлении Эдуарда в 1471 году,^[648] город потратил около 60 фунтов на "ссуды для солдат" и ливреи, помимо многих других расходов. В октябре 1482 года присяжные "представили" преступника, обвиненного в ношении ливреи интригана Ричарда Глостерского;^[649] а перед битвой при Босворте город гостеприимно принимал самого Ричарда, и в своем замке он получил Большую печать;^[650] а не успел день быть потерянным для Йорка, как в спешке была отправлена депутация, чтобы заключить мир с Генрихом Седьмым и получить гарантию и прокламацию.^[651] Владельцы лавок и бюргеры, занимаясь своими делами, просили лишь о том, чтобы придворные ссоры улаживались с наименьшими неприятностями для них самих; и на протяжении всей Войны Роз жители Ноттингема делали то же, что и жители всех остальных городов Англии: неохотно отправляли своих солдат, когда им приказывали идти на помощь царствующему королю, и на чьей бы стороне они ни сражались, как только объявлялась победа, спешили к своим гонцам с подарками и заверениями в верности завоевателю. Тем временем они неуклонно продолжали заниматься основным торговым делом, наблюдая за тем, как растет арендная плата за их лавки и прибыль их магазинов, а их богатство постоянно накапливается.^[652]

Как и все округа, находившиеся под властью короны, Ноттингем очень рано завоевал права свободного округа. Генрих Второй с 1155 по 1165 год даровал своим бюргерам свободу от пошлин, рынок, монополию на обработку крашеной ткани в пределах города и свободный проход по Тренту; кроме того, он дал им право облагать жителей всеми поборами на общие расходы.^[653] Изначально Ноттингем управлялся управляющим, который собирал ежегодную подать и управлял делами от имени короля, но в 1189 году Ноттингем получил от Иоанна хартию на создание гильдии торговцев и право избирать управляющего городом, который должен был отчитываться за подати перед Казначейством.^[654] В 1230 году бюргерам было разрешено назначать коронеров, а также (ферма была установлена в размере 52 фунтов стерлингов) взимать налог за взвешивание на общих весах всех товаров, привозимых в город.^[655] Хартия 1255 года даровала им свободу от ареста за долги, которая была так распространена в это время, возвращение судебных приказов и распоряжение о том, что ни один шериф или бейлиф не должен вмешиваться в осуществление правосудия в Ноттингеме, если "бюргеры" не исполнили свой долг. А десять лет спустя они были освобождены от помощи в размере 100 с., которые ранее выплачивались шерифу за его добрую волю и за то, чтобы он не входил в их вольности.^[656]

Во время неудач валлийской войны, когда Эдуард Первый созвал два больших провинциальных совета рыцарей и бюргеров, чтобы выдать грант на завершение завоевания Уэльса, Ноттингем использовал его нужды для получения собственной выгоды; Три года город находился в опале, лишившись всех своих прав, но в 1284 году он не только вернул их себе, но и получил разрешение избирать мэра "по единодушному согласию и воле" "обоих районов одного города", то есть французского и английского, которые со времен завоевания

были основаны бок о бок, каждый из которых управлялся своим судебным приставом[657] в соответствии с различными законами и обычаями двух народов. Во время войны с шотландцами в 1314 году их положение хозяев северной дороги, возможно, располагало Эдуарда Второго к тому, чтобы охотно оказывать им любые услуги, которые они могли потребовать; а сразу после Баннокберна они получили право рассматривать все дела перед мэром, а чужеземным шерифам или бейлифам было запрещено въезжать в бор.[658] И все же одним из первых действий Генриха Ланкастерского после низложения Ричарда в 1399 году стал интерес к хранителям оплота средней Англии. Он щедро раздавал все, что мог: ассизы, которые раньше проводились судьями; все штрафы, неустойки и выкупы, которые еще не были переданы; выборы четырех мировых судей; назначение мэра во все комиссии по вооружению, чтобы ни шериф графства, ни чиновник суда не могли отныне требовать от города военной помощи без его помощи и согласия.[659] В 1448 году Генрих Шестой завершил освобождение Ноттингема, даровав ему грамоту об учреждении города под названием "мэр и бюргеры города Ноттингема". По этой хартии город, за исключением королевского замка и тюрьмы, был полностью отделен от графства и превращен в шир; его бейлифы стали шерифами и отныне не должны были выходить из города для принятия присяги, а приводились к присяге перед мэром; а сам мэр стал королевским эсквайром.[660] Если король в эти трудные времена, когда Нормандия была почти потеряна, а Англия находилась накануне восстания, предлагал взятки за верность, он требовал должной отдачи; и в 1450 году ноттингемцам пришлось заплатить свою часть сделки, наняв людей, чтобы те отправились на помощь государю в Блэкхит против Джека Кейда, что они и сделали, сдав в аренду часть своих общих земель за сумму в 20 фунтов, которая должна была быть выплачена заранее.[661]

К сожалению, из-за утраты Старой Красной книги Ноттингема и других записей мы можем узнать что-то о ранней конституции района только по крупницам, собирая воедино разрозненные намеки и фрагменты. В первых хартиях или официальных документах, касающихся суда, мы слышим только о "бургестах", без упоминания рива или бейлифа; до создания мэра в 1284 году, когда формальный стиль меняется на "мэр и бургестах". Каково бы ни было фактическое значение термина "бургомистры", мы знаем, что он уже имел техническое значение, поскольку хартия, выданная Эдуардом Первым "бургомистрам и общине нашего города" в те дни, когда мэр еще не заменил ривера,[662] показывает, что даже тогда эти два слова использовались в особом смысле; и это первоначальное различие остается во всех записях XIV и XV веков. В целом, дела города решались в несколько замысловатой манере "мэром, бургессами и общиной" или "мэром, его со-бургессами и общиной"; Но, похоже, были дела, которые передавались в ведение "мэра и бургов" - случайные договоры с другим городом,[663] или сдача в аренду земельных участков или собственности, приобретенной корпорацией и предназначенной для специальных общественных целей, таких как ферма, или земель, выделенных для расходов на мост; с другой стороны, когда речь шла об общей собственности людей на дом или землю, сделки совершались от имени "мэра и общины"."[664] На сайте до середины XVI века известно, пожалуй, не более двух случаев, когда общие земли сдавались в аренду "мэром и бургомистрами", причем это произошло уже в 1511 и 1514 годах и, вероятно, было делом рук особо коррумпированной администрации.

Таким образом, сами жители Ноттингема, начиная с XIII века, применяли слово "бургесс" к органу, который можно было отличить от простолюдинов; и в использовании этих слов мы, кажется, снова улавливаем двойной смысл: сначала корпоративного органа граждан в противоположность древнему "коммунитас", а затем - управляющего совета или собрания в противоположность всей общине свободных людей. Когда в Ноттингеме появилось это

вторичное употребление слова, мы сказать не можем, поскольку нам совершенно ничего не известно о раннем управлении городом. Лишь благодаря одному или двум коротким уведомлениям, которые удалось сохранить от общего уничтожения старых записей, мы можем обнаружить присутствие в зале совета признанной группы чиновников или советников; и эти уведомления относятся к позднему времени. В 1435 и 1443 годах в ратуше проводились собрания, на которых совет мировых судей и "надежных людей" решал дела с согласия общин;^[665] и в 1443 году мы слышим о штрафе, который должны были заплатить "бюргеры", не явившиеся в зал по вызову; штраф был (как мы узнаем из других городов) обычной суммой, взимаемой с отсутствующих членов регулярно назначаемого совета.^[666] А из другой записи, скопированной из записей тремя годами позже, мы точно знаем, что в 1446 году совет из двенадцати человек действительно существовал. "Приказано, чтобы двенадцать человек и избранный мэр упорядочили, закончили и распорядились, как они считают нужным, всеми вещами, принадлежащими общине города, без перерыва или противоречия со стороны любого человека в городе. Все распоряжения принимаются с согласия общества".^[667]

Было ли постановление 1446 года введением нового метода управления, расширением полномочий уже существующего совета или просто декларацией закона о том, что он должен заниматься своими делами "без перерыва и противоречий" со стороны горожан, мы не можем сказать наверняка, поскольку старая Красная книга утеряна, а фраза сохранилась лишь в записи, сделанной городским клерком сто пятьдесят лет спустя, чей комментарий к ней "И там вы увидите создание и выборы совета" имеет мало значения для решения этого вопроса.^[668] При отсутствии прямых доказательств, следы более раннего совета, безусловно, наводят на мысль, что в двенадцать мы можем иметь преемников органа, напоминающего двенадцать портманов, избираемых в королевских округах для общего управления городом, и что с 1399 года четыре мировых судьи входили в состав этого совета. Простолюдины имели право входить в ратушу во время заседаний совета и подтверждать постановления управляющего органа своим "согласием и одобрением"; разумеется, эти полномочия могли быть оставлены в подвешенном состоянии или полностью использованы в зависимости от обстоятельств. Несомненно, в большом и оживленном городе частые собрания горожан были невозможны, и вполне вероятно, что (как и в Сэндвиче), когда мэр вел дела в городском суде, все случайно присутствовавшие^[669] мещане считались представителями общего собрания общин, а принятые ими подзаконные акты или необходимые распоряжения считались получившими "согласие общины". В большинстве случаев число присутствовавших, вероятно, было невелико, но время от времени их присутствие четко обозначалось, как на собрании 1435 года; на собрании ста тридцати бургезов в 1463 году для принятия законов; и при созыве общинников в их общем зале в 1480 году.^[670]

Если администрация следовала этому хорошо знакомому распорядку, то вполне вероятно, что ведение государственных дел не претерпело больших изменений, когда две новые хартии, в 1446 и 1448 годах, окончательно определили порядок управления Ноттингемом и превратили его в графство. В этих хартиях не упоминался существующий совет (если только под термином "бургомистры" не подразумевался совет),^[671] а во второй хартии 1448 года было постановлено, что "бургомистры" должны время от времени избирать *из своей среды* семь олдерменов (в соответствии с семью приходами города), один из которых всегда должен был быть мэром, а все семь - мировыми судьями. Олдермены занимали свои должности пожизненно, и в своих алых ливреях с подходящими мехами и подкладками, по моде лондонских олдерменов,^[672] были, несомненно, ведущими членами совета; а шесть бюргеров, которые дополняли этот орган, через несколько лет стали называться "общими

советниками", чтобы отличать их от глав приходов.[673] Конституция совета Ноттингема, похоже, была точно такой же, как в Кентербери или Саутгемптоне; и здесь, несомненно, как и в других местах, официальный орган управления в какой-то момент принял для себя в особом смысле титул "бюргерства", оставив титул "общины" для всех свободных людей.

Новая хартия, независимо от того, внесла ли она какие-либо изменения в старые методы или нет, по крайней мере, кажется, не вызвала никакого сопротивления. Совет двенадцати, заседавший до 1448 года, действовал так же, как и после, хотя теперь в нем заседали семь мировых судей вместо четырех. Что касается того, что может показаться нам решающим фактом, что отныне олдермены избирались пожизненно, причем избирались своими братьями, а не народом, то, возможно, даже это изменение, если оно вообще было изменением, казалось жителям Ноттингема в те времена менее революционным, чем сейчас, поскольку нет никаких следов конфликта по этому поводу ни в то время, ни в течение полувека после этого. Более того, тот же метод избрания использовался и для самих советников, которые также назначались пожизненно.[674] Похоже, что если олдермены всегда выбирались из числа шести советников, то советники выбирались из "одежды" - очень важного органа, состоявшего из шерифов и камергеров или казначеев, которые уже отошли от дел, но все еще надевали свои алые мантии по торжественным случаям.[675]

Созданная таким образом олигархия, однако, обладала не более абсолютной властью над полем, чем олигархия XIII века. Право народа на проведение общего собрания было признано правящим классом еще в 1480 году, а столетием позже его стали требовать простолюдины. Присяжные суда Леета долгое время выступали в качестве представителей общего собрания бюргеров для критики и выражения недовольства. Для некоторых дел, касающихся общества, сохранялся обычай избирать специальных присяжных; как, например, в 1458 году, когда "двадцать четыре честных и законных человека из вышеупомянутого города Ноттингема, а также двадцать четыре честных и законных человека из каждого вапентаке вышеупомянутого графства"[676] были вызваны для отчета о состоянии моста. Представляется вероятным, что в выборах муниципальных чиновников принимали участие по меньшей мере шесть бюргеров; а в 1511 году жители претендовали на некоторую долю в выборах в соответствии со "статутом о свободных выборах в таких случаях".[677] Прежде всего, бюргеры пользовались своими древними правами на общее имущество народа. Ведь в те времена Ноттингем мог похвастаться большими земельными владениями[678]. С невысокого утеса из красного песчаника, который возвышался над паводками, постоянно затапливавшими нижние земли, горожане смотрели на общие поля, закрома и земли Ламмас, которые простирались вокруг него со всех сторон и до Акта 1845 года составляли широкий пояс открытой местности, отделявший боро от окружающих его зависимых деревень и не подлежавший никакому использованию под строительство. Эти обширные пастбища ежегодно распределялись в должной пропорции между мещанами по общему согласию мэра и всей общины. В разделе, а также в вопросах границ, заборов и полей были непосредственно заинтересованы все простолюдины; они никогда не соглашались передать в бесспорное управление совета права, которые так близко касались их самих.[679] Они заявляли о своем праве присутствовать на собраниях при разделе земель или сдаче их в аренду, принимать участие во всех решениях и внимательно следить за советниками, чтобы те не поддались искушению обойти их собственное имя при разделе бедных земель и распределить между собой все лучшие наделы.[680] В самом конце пятнадцатого века их вердикт все еще оставался решающим. В 1480 году мэр созвал общинников в Общий зал по вопросу об общих землях, но "указанные общинники ни в коем случае не согласились" на его предложение.[681]

Поэтому вполне вероятно, что хартия 1448 года не ознаменовала для Ноттингема момент серьезной конституционной революции. Те скудные свидетельства, которыми мы располагаем, говорят о том, что положение дел было необычайно похоже на то, что мы уже видели в Саутгемптоне в тот же день; что все шло практически так же, как и много лет назад, и что бюргеры не страдали и не думали, что страдают от узурпации своих прав или серьезной потери привычных свобод. Система, установленная в 1448 году, работала в полную силу более полувека, прежде чем, насколько нам известно, произошла какая-либо борьба между правящим классом и народом; и даже тогда не предполагалось, что беспорядки были вызваны какими-либо изменениями в правовой форме правления.^[682] Ведь в 1500 году Ноттингем находился в таком же плачевном положении, как и Норвич в 1300 году. Он был практически передан под власть мытарей и лицензированных виктуоллеров, которые, с законом или без него, храбро противостояли любой оппозиции. Когда к власти пришли пивовары, пекари и виноторговцы, они позаботились о том, чтобы не вспоминать о присяге на хлеб, пиво и вино; Когда мясники и торговцы скотом становились олдерменами и камергерами, они поощряли выгодную для себя путаницу в определении границ общих пастбищ, приводили в негодность ворота и мосты, и "хотя от них часто требовали, чтобы вся община всего города Ноттингема сделала общие межевые знаки, как это делали их предшественники, они до сих пор отказывались это сделать";^[683] даже как обычные нарушители они пускают свой скот и овец на луг в ночное время к большому вреду своих соседей.^[684] Назначенные советом чиновники послушно служили интересам своих хозяев: "Мы часто жалуемся на его поведение, и у нас нет никакого средства защиты"^[685] - так отзываются присяжные Миклторна об обычном сержанте. Год за годом протесты простолюдинов выслушивались в местных судах. Присяжные квартальных сессий излагали свои претензии мировым судьям, которые сами были главными нарушителями; в то время как присяжные Миклторна или Лита отстаивали свое право обращаться к городскому совету (когда их удавалось убедить занять свои места в суде) и "от имени бургомистров и простолюдинов этого города" заявлять о несправедливостях народа.^[686]

Именно в 1511 году борьба между правителями и бюргерами достигла кульминации. В августе того года совет, по-видимому, нарушил древний обычай и сдал в аренду общие пастбища властью "мэра и бургезов", свидетелями чего были шесть олдерменов и шесть членов общего совета^[687] - стиль, который ранее не использовался при работе с этими землями. Такое вмешательство в права общины, очевидно, предвещало вспышку восстания. На следующем заседании Суда Лита в октябре 1511 года присяжные Миклторна представили мэра, который был у власти в момент предоставления аренды, и обвинили его в посягательстве на общие земли и в том, что он заставляет своих слуг "буйно ломать изгороди наших общих пастбищ; это противоречит праву и общему благу". Шесть месяцев спустя, в апреле 1512 года, присяжные расширили свою атаку, и фактический "мастер-мэр" был представлен за то, что он был первым начинателем навозного холма, за злоупотребление временем общего сержанта и за продажу негодных сельдей на рынке и исключение других людей, которые могли бы принести такой же хороший товар и продать восемь за пенни, где он продавал пять, хотя как клерк рынка он должен был увеличить и улучшить его, а не ухудшать, "и на это идет большая клевета в стране и большая жалоба". Его обвинили вместе со "всеми его братьями" в том, что он не отчитывается за деньги, находящиеся в его ведении, "к большому ущербу города и общин". Далее были представлены мэр и камергеры за то, что они не отремонтировали двое городских ворот; камергеры - за то, что они не присматривали за общественным колодезем; а также клерк мэра, "который берет наше жалованье не как полезный слуга в любом деле, которое должен делать любой бюргер этого города, но он

порицает и злословит против бюргеров и общинников, чтобы они не были довольны его поведением".[688]

Однако общинники пошли дальше и подняли вопрос о своих древних правах собираться в общем зале и принимать участие в выборах должностных лиц.[689] В этот момент власти искренне встревожились. Месяц спустя, 21 мая, рекордер или юридический советник корпорации написал официальное письмо с рекомендациями для руководящего органа по этим важнейшим вопросам выборов и собраний. "Меня информируют, - пишет он, - что многие члены общин вашего города объединились вместе и прилагают злоеущие усилия, чтобы заставить других принять их участие и говорить так же, как они, и намереваются таким образом сделать олдерменов и других должностных лиц по своему желанию; и если это будет допущено, это будет противоречить всем хорошим политическим порядкам и правилам, а в итоге приведет к разрушению города. Поэтому вначале разумно противостоять этому и созвать ваших братьев и совет вместе, и если вы по вашей мудрости думаете, что, призвав этих конфедератов каждый из них отдельно перед вами, вы не можете приказывать им без дополнительной помощи, то мой совет, чтобы вы послали какой-нибудь мудрый человек к г-ну. Treasurer[690], что ему будет угодно увидеть реформацию, если он будет в Англии, и еще, чтобы он написал милорду Тайной Печати или милорду Стюарду, сейчас в его отсутствие, чтобы увидеть это дело исправленным, убедившись, что вы говорили с милордом Стюардом в этом вопросе, и он дал мне совет так написать вам; ибо если вы позволите общинам править и следовать их аппетиту и желанию, прощай весь хороший порядок. Ибо если они терпят сейчас, они будут ждать, что делать в таком же случае в будущем". В постскриптуме он добавляет: "В любом случае остерегайтесь созывать любой общий зал по просьбе любого из тех, кто составляет эту конфедерацию. Не сомневаюсь, что многие из вас помнят слова мистера Казначея о неудобствах, которые возникали при совместном созыве общин в Лондоне и других городах и округах".[691] Симпатии мистера Казначея были должным образом задействованы, согласно совету Регистратора, и в тот самый день, когда новый мэр занял место предыдущего, он написал, призывая его твердо противостоять тем общинам, которые "объединятся, чтобы подорвать хорошее управление городом, и будут делать олдерменов и ставить их по своему желанию, вопреки хорошему порядку вашей хартии и привилегии вашего города". Он просит их, если найдутся такие "умышленно настроенные нарушить доброе правило этого же вашего города, со всем усердием сообщить мне их имена, и я верю, что найду для них такое средство, которое не будет им в тягость, но я увижу, как они понесут достойное наказание, какое они имеют или заслуживают".[692]

Привычные слова о "хорошем порядке" возымели свое действие, и правящий орган добился своего, хотя при сдаче в аренду общих земель он вскоре вернулся к старому стилю.[693] Новый мэр, Джон Роуз, известный жителям как мясник-камергер, который в 1500 году позволил убрать свои ориентиры и с тех пор превратился в трактирщика и виноторговца, правил восемнадцать месяцев.[694] Его преемником, назначенным в январе 1515 года,[695] стал мастер Томас Меллерс, олдермен, имевший очень плохую репутацию в представлениях суда Лита; после того как он процарствовал два года, мерсер из Ноттингема попытался убить его кинжалом, когда он радостно ужинал с олдерменом; но он выжил, чтобы снова править в 1522 году.[696] И снова присяжные вернулись к обвинению. В 1524 году уходящий мэр был представлен на июльских сессиях за несоблюдение хлебной ассамблеи,[697] а в октябре этот вопрос был поставлен перед вновь назначенным мэром. Однако два года спустя Ноттингем в третий раз перешел под управление Джона Роуза, который в интересах твердого правления решил раз и навсегда пресечь назойливые представления присяжных. За все

время его правления "в отсутствие упомянутого мастера Роуза не было вынесено ни одного вердикта присяжных, присягнувших телу этого города... для расследования вещей, требующих расследования перед вами, судьями записи", и ни разу не была приведена в исполнение ассиза виктуал; в результате город не только сильно расстроился, но и оказался под угрозой лишения своих свобод и прав.^[698] На следующий год (1527) присяжных вновь взбудоражил тот факт, что три олдермена, один из которых был Роуз, прошлогодний мэр, совместными усилиями заполнили все вакансии виктуаллерами; и от имени всего города мэру и его братьям было направлено официальное прошение. Они напомнили о законе, согласно которому "ни один виктуалер не должен быть избран на должность судьи виктуалки", и снова рассказали длинную историю своих обид. Они заявили, что эти выборы были незаконными, поскольку "бюргеры и простолюдины указанного города не были сделаны привилегированными и не дали на это согласия, что противоречит корпорации указанного города, а также статуту о свободных выборах, принятому в таком случае", и что поэтому весь город может быть лишен своих свобод и привилегий за неиспользование или злоупотребление ими. В недавно избранных олдерменах "недостаток благоразумия и слабость ума" были хорошо известны всему городу, так что общий голос и слава о них пронеслись по всему графству; и присяжные сочли, "что самые мудрые и благоразумные люди должны были быть избраны в эти палаты вами, бургомистрами и простолюдинами".

Далее присяжные "самым смиренным образом" отметили, что король был обманут в вопросе о последней субсидии; ведь помимо других преступлений трое олдерменов, когда их имущество было оценено для субсидии в 50 или 55 фунтов, "присвоили" запись и изменили цифры на нулевые.

Наконец, они молят "всем умом и согласием", чтобы нынешний советник города использовал и продолжал работать на своем месте "так же, как он был избран и присягнул, и чтобы по праву и доброй совести он мог получить свое вознаграждение, которое за ним числится, довольным и оплаченным".^[699] Все это присяжные произнесли от имени народа, "на что мы, вышеупомянутые присяжные, от имени бургомистров и простолюдинов этого города и района полностью согласны".

Не похоже, чтобы восстание народа было вызвано какими-либо определенными изменениями в конституции, хартия 1448 года не ставилась под сомнение и не приводилась в качестве причины последующих бед, не выражался протест против пожизненного избрания советников. Множатся жалобы на коррумпированное исполнение законов или занятие должностей неподготовленными и незаконными людьми. Но притязания народа на участие в выборах расплывчаты и неопределенны, ни в 1511, ни в 1527 годах общинники не апеллируют к прецеденту. Мнения относительно их прав колеблются взад-вперед, колеблемые ветрами доктрины. В защиту системы закрытых выборов совет призывает свидетели хартию и привилегии города; с другой стороны, общинники заявляют, что выборы незаконны, если простолюдины, а также бюргеры не "сделаны привилегированными и не согласия". Возможно, объяснение кроется в общей тенденции практики отдаляться от теории, с которой она сначала составляла компанию, и в конце концов отречься от своего старого сообщника. Несомненно, общинники теоретически унаследовали неотъемлемое право участвовать в выборах; но, по-видимому, в практику вошло, что народ должен осуществлять это право только определенным образом через полдюжины представителей, присутствовавших на выборах, а не через общее собрание; таким образом, сложилась ситуация, в которой любая сторона могла бесконечно настаивать на законе и обычае, никогда не приводя к убеждению своих оппонентов.

Можно предположить, что истинная угроза народной свободе носила гораздо более тонкий характер, чем можно предположить из слов любой хартии, и скорее вытекала из изменений в неписаной конституции района, чем в писаном законе. Не только в выборах, но и в заседаниях общего собрания коварные изменения могли быть вызваны простым ростом обычаев. В институте "Одежды" были скрыты возможности, которые только время могло выявить. Более полувека шерифы и камергеры спокойно покидали свои посты и переходили со всеми своими мехами и украшениями в блестящую компанию облаченных в ливреи бывших чиновников, чтобы дожидаться счастливого переизбрания. Но со временем, по мере увеличения численности, "Одежда" предстала перед всеми в своих величественных рядах или "clene scarlet", как телохранитель и заклый защитник центральной группы высших чиновников, традиционных хранилищ власти. Окруженные и защищенные группой из сорока или пятидесяти друзей, которые уже занимали должность и могут занять ее снова, люди, преданные своим интересам и дисциплинированные в своих методах, мэр и его братья больше не оставались один на один со всем обществом. По установившемуся обычаю, согласно которому все присутствовавшие на собрании бюргеры считались представителями всей общины, можно было, очевидно, даже внешне соблюдая конституционную форму, созывать на собрание только членов Одежды; и постановления совета, представленные этому лояльному собранию, считались получившими согласие простонародья. Таким образом, народный контроль мог быть полностью уничтожен, причем без революции или отступления от буквы закона, когда переполненная чиновниками палата совета[700] заменяла собой собрание общин и осуществляла свои полномочия, просто сохраняя свое название.

План формирования избранного комитета Генеральной ассамблеи, назначаемого мэром, похоже, был очень любимым обычаем. Например, в Ковентри мэр созывал некоторых горожан, которые добавлялись к двадцати четырем, чтобы сформировать общий совет. Возможно, сначала их число было неопределенным, поскольку в 1444 году мы слышим о собрании пятидесяти трех человек, двадцати четырех членов совета и двадцати девяти других бюргеров; но, очевидно, с 1477 года двадцать четыре горожанина всегда собирались вместе с двадцатью четырьмя юратами, чтобы сформировать общий совет из сорока восьми человек. Обычно, как в Лестере или Глостере, созывалось определенное число представительных горожан. Нижняя палата такого образца, очевидно, обеспечивала триумф олигархии; и идея народного контроля была, возможно, более полно изгнана этим узким и формальным толкованием общего права на собрание, чем простым праздным пренебрежением собранием. В Ноттингеме, насколько мы можем судить по немногим протоколам заседаний совета, сохранившимся в XVI веке, мэр и его собратья действовали совершенно независимо от широких слоев бюргерства, и ни один больше не упоминал имя общины даже в постановлениях, которые касались общих земель.[701]

Однако присяжные с неутомимым рвением боролись за контроль над администрацией.[702] Они не упускали случая приструнить своих губернаторов. Снова и снова мэру предъявляли обвинения в отказе исполнить приговор над пекарями, мясниками и пивоварами,[703] и его собратьям в бесчисленных мошенничествах с народом. Иногда мы видим, что присяжные заняты поиском способного школьного учителя;[704] иногда они требуют, чтобы им представили счета - счета моста и бесплатной школы, а также суммы, собранные для бюргеров парламента, "и как распределяются остатки денег, ведь наши деньги там такие же, как и ваши, и поэтому нам удобно знать".[705] Как когда-то англичане оглядывались на времена доброго короля Эдуарда, так и жители Ноттингема с тоской вспоминали золотое прошлое, когда Красная книга была хартией их вольностей, и тщетно молили, чтобы необходимые части книги (несомненно, древние городские постановления), как и прежде,

ежегодно зачитывались на собрании бюргеров.[706] Цепляясь за идеал первобытной свободы, эти заядлые консерваторы лишали реформу всех ужасов, связанных с новым. То, что было, могло спокойно повториться. Не было также никакой тенденции к бунту или беспорядкам. Все должно быть сделано конституционным путем и в рамках традиций. Поэтому к концу XVI века в муниципальную конституцию было внесено немало изменений. 29 марта (1577 г.) число советников было увеличено с шести до двенадцати, все они, как и прежде, должны были выбираться Одеждой.[707] Демократия, вероятно, мало что могла сказать по поводу этого изменения, поскольку постановление было принято сорока пятью бюргерами, "которые тогда все были в степени камергеров", которые, как видно, действовали так, словно их согласие с постановлением было равносильно согласию всего сообщества.[708] Однако шесть месяцев спустя народу пришло в голову воспользоваться древним обычаем созывать сорок восемь присяжных из города и пригородов для решения общественных дел; они предложили, чтобы общий совет избирался таким жюри, и правящие круги согласились с этим предложением. Кроме того, они потребовали, чтобы члены совета присутствовали в Лите, когда присяжные Миклторна рассматривали правонарушения и выносили свои вердикты. Все это, как они утверждали, было возвращением к подлинному обычаю прежних дней, "согласно Красной книге, как мы думаем".[709] Но в ноябре присяжные Лита все еще молились о том, чтобы это соглашение было выполнено, и нет никаких доказательств того, что им это удалось. Во всяком случае, два года спустя, когда народ снова потребовал обнародовать счета и "услышать, чем закончится и как будет рассчитываться любая субсидия", [710] выдвинули новое требование реформы, еще более радикальное; и предложили полностью упразднить всех общих советников, оставив только олдерменов и двух коронеров, чтобы сформировать верхнюю палату, "и чтобы сорок восемь могли присоединиться к вам, чтобы совещаться по любым вопросам для города, как это происходит в других местах, где их корпорации управляются лучше, чем здесь", [711] и чтобы те же сорок восемь, представляющие общинников, получили определенную долю в управлении мостом и школой.[712]

Но все эти усилия оказались тщетными, и Совет и Одежда продолжили свою победоносную карьеру. В 1598 году общинники попытались возродить старую конституцию города и созвать общее собрание по повесткам констеблей приходов; они даже собрали деньги для возбуждения дела, чтобы расследовать коррупционную аренду общего имущества одним из членов совета. В сохранившемся любопытном отчете о допросе и показаниях зачинщиков созыва собрания страстная решимость людей все еще находит отклик, и среди них был по крайней мере один, который твердо заявлял, что ему все равно, погибнет ли он за правое дело.[713] В начале следующего столетия борьба медленно затягивается, присяжные Миклторна все еще протестуют против небрежности советников[714], а народ все еще обсуждает новые конституции со все большей тщательностью в деталях и спорит о достоинствах двух палат - из двадцати четырех и сорока восьми человек,[715] или из двадцати восьми человек каждая.[716] Тем временем двенадцать членов совета упоминаются как существующие без изменений в 1604 году.[717]

К этому времени люди из Ноттингема поочередно использовали все конституционные средства обеспечения народной свободы, которые были в их распоряжении. Они постоянно апеллировали к старым ордонам, которые, по крайней мере, теоретически наделяли их суверенной властью. Присяжные Миклторна постоянно обращались к ним с просьбой исправить их ошибки силой закона. Громоздкий механизм генеральной ассамблеи был затянут в своей шумной неэффективности. Обычай созывать сорок восемь присяжных для

государственных нужд был воспринят как институт, из которого можно было бы создать палату общин и учредить представительное правительство. Но средневековая история Ноттингема завершается полным провалом столь усердно лелеемых планов. Несомненно, реформы слишком затянулись. То ли всеобщее коммерческое процветание втянуло всех в торговые дела и отвлекло от политики, то ли общее благополучие склонило к попустительскому консерватизму, то ли разнообразие ремесел, которыми занимались в городе, как в современном Бирмингеме, привело к отсутствию эффективной торговой организации или какой-либо сильной и влиятельной ремесленной гильдии, которая могла бы служить центром объединения. Или же в этой богатой общине, похороненной в Мидлендсе, не хватало готового обмена мыслями и дискуссиями с внешним миром, факт остается фактом: сопротивление господству олигархии возникло поздно и неэффективно, а когда оно все же появилось, то, похоже, по большей части растеряло свою энергию в разговорах. В 1600 году жители Ноттингема все еще обсуждали вопрос о создании палаты общин для представления воли народа - эксперимент, который Норвич уже пробовал за двести лет до этого, и для которого в муниципальной жизни теперь было двести лет слишком поздно.

Таким образом, в истории гражданской свободы Ноттингем, кажется, стоит на полпути между Саутгемптоном и Норвичем. В XV веке он не только следовал за Саутгемптоном в критические даты его муниципальной истории, но и, несомненно, его местное управление должно было иметь не меньшее значение для короны с военной точки зрения. Во времена беспорядков королю было крайне важно прочно удерживать Средние земли и их центральный оплот, сохраняя как бы "буферное государство" между севером и югом, востоком и западом; и мы видели, как быстро центральное правительство поднимало тревогу при любой "конфедерации", чтобы "подорвать доброе правление города", и как тревожно, как в Саутгемптоне, оно вмешивалось, чтобы защитить избранную олигархию от "зловещего труда" общинников. С другой стороны, вера жителей в идеальную свободу, пропитанная сильными эмоциями, далека от апатии саутгемптонских бюргеров. В стремлениях своих сограждан Ноттингем ближе к Норвичу, но здесь есть глубокая разница не только в ведении спора между правителями и подданными, но и в его конечном результате; и совет общин, который олигархия смогла тайно собрать в Ноттингеме, не имеет никакого сходства с нижней палатой, созданной самими средними классами в Норвиче.

ГЛАВА XIV

ОБЩИЙ СОВЕТ НОРВИЧА

Когда мы поворачиваем с южного побережья на восточное, первое впечатление - попадание в новую атмосферу. Дело не только в том, что внешние формы управления отличаются, ведь эти различия, какими бы интересными они ни были, являются лишь изменениями, наложенными на общую систему местного самоуправления. Но в политических нравах, в жизнеспособности народных институтов, в энергичности реформ мы вдыхаем бодрящий воздух, неведомый в саутгемптонских доках и трущобах.

Торговцы и ремесленники восточного побережья жили в бодрящем климате. По ту сторону воды города, с которыми они торговали, были полны движения свободной экспансивной жизни, совсем не похожей на политическую депрессию коммун, которую лучше всего знали

саутгемптонские торговцы. Именно на восточное побережье прибывали иммигранты, бежавшие от тирании и требовавшие свободы; и торговцы из восточных городов, наблюдавшие на улицах Гента и Брюгге, Ипра и Динанта буйную и беспокойную жизнь городов, где народ все еще боролся за свободу, несомненно, привезли из-за моря рассказы о страстном порыве независимости, охватившем мануфактурные кварталы Нидерландов.

Но как бы то ни было, города востока отличались интенсивной жизненной силой; и среди восточных округов, где гражданская жизнь была наиболее острой и плодородной на эксперименты, Норвич был пионером на пути свободы, - на двадцать или сорок лет опередив Ярмут по времени[718] - опередив Колчестер по щедрости, с которой простолюдины были призваны разделить работу правительства[719] - более счастливый и сильный, чем Линн, обеспечив объединение своего народа в единую неразделенную общину для гражданских целей. Не исключено, что он стоит в первых рядах всех английских районов по качеству и ценности своих политических экспериментов и продуманности своей конституции.

Первоначально, как мы уже видели, четыре судебных пристава управляли четырьмя большими литами города с 1223 по 1403 год. Их способ управления был очень подробно описан.[720] Каждый леет для удобства был разделен на под-леиты, которых сначала было, вероятно, двенадцать, а затем десять. Сам под-лит состоял из такого количества приходов, которое в совокупности содержало бы не менее двенадцати десятин и, следовательно, могло бы принести достаточное количество залогов для проведения суда леита. Для всех деловых целей каждая десятина должна была быть представлена своим залоговым капиталом, которого, вероятно, выбирали сами десятичники, но который, будучи избранным, занимал свой пост в течение многих лет, возможно, пожизненно. Он жил в приходе, возможно, на самой улице своей десятины, и, как правило, был человеком состоятельным, принадлежащим к респектабельному среднему классу города, а иногда даже мог претендовать на вхождение в официальный орган. Во всем городе число столичных залогодержателей составляло, вероятно, сто шестьдесят человек.[721]

Дела каждого суб-лита по очереди рассматривались четырьмя судебными исполнителями, сидевшими вместе в маленькой соломенной будке, стоявшей на центральной рыночной площади. Там столичные залогодержатели являлись, чтобы ответить за свои десятины при виде франкфелда; а когда дело заканчивалось, они выступали в качестве присяжных для "предъявления" преступлений в суде летов.[722] Год за годом появлялись одни и те же люди из зажиточных мещан, которые спокойно занимались своими делами, не думая вступать в споры с правительством, как присяжные Ноттингема и Саутгемптона.[723] Было ли это результатом созыва новичков небольшими группами из одного суб-лита за раз, или это было связано с тем, что в Норвиче люди уже владели другими средствами выражения, пока нет достаточных свидетельств из других городов, чтобы показать это, но факт важен.

Из более поздних записей мы узнаем то, что, несомненно, было правдой как в 1223, так и в 1365 году, - что один из судебных приставов выбирался для каждого большого леита; кроме того, у нас есть первый отчет о том, как они выбирались. Орган из двадцати четырех человек, по шесть от каждого леета, избирался всей общиной, а затем эти двадцать четыре человека выбирали судебных приставов.[724] Первое упоминание обычая во фрагментарных записях ни в коем случае не означает его первого установления, и такой способ избрания мог существовать с самых ранних времен. Также представляется, что до конца XIII века в судебных делах приставам помогал избранный круг граждан, чья доля в рассмотрении дел преступников, по-видимому, показывает, что они "присутствовали в суде в качестве неофициальных заседателей при приставах, или, другими словами, формировали суд, единственным исполнителем которого были приставы";[725] и возможно, что для других дел

также некоторые из ведущих граждан созывались на собрания, и их имя прикреплялось к актам, отдельно или коллективно.^[726] Жалоба на "подлых людей из простонародья"^[727] показывает, что управление и налогообложение даже в то раннее время находилось в руках небольшого числа людей - судебных приставов и "богачей"; а "обычаи" города (которые, возможно, были составлены около 1340 года, но во многих отношениях должны содержать традиционные обычаи более раннего времени) дают нам некоторое представление о том, кто были "богачи", о которых здесь говорится. Орган из двадцати четырех человек, избранных общиной, по шесть от каждого из четырех больших летов, описывается как орган, формирующий суд для контроля над всей торговлей города. Он назначал надсмотрщиков над различными ремеслами и принимал сообщения о мошенничестве в торговле - обвинения, которые, если бы не вмешательство двадцати четырех человек, попали бы в суд присяжных летов. И тот же орган из двадцати четырех осуществлял официальный надзор за городскими финансами и получал все отчеты казначеев и сборщиков налогов или городских денег.^[728] Еще раз, в 1344 году, мы видим, что они выполняют еще одну функцию - "двадцать четыре в том же году избираются и рукополагаются всей коммуной, в присутствии которых или большей их части, если все не могут присутствовать, могут быть рассмотрены дела города, касающиеся коммуны".

Наконец, оказывается, что двадцать четыре человека постепенно взяли на себя право издавать законы для общины и "использовали этот обычай, чтобы исправлять новые упущения и возникающие беды, принимая новые постановления для общей пользы города и горожан, а также других людей, приезжающих или общающихся с ними".^[729] По всей видимости, само собрание было почти вытеснено, поскольку на том основании, что, когда собрания созывались для общего блага города и страны, горожане не брали на себя труд прийти, что сильно мешало общественным делам, за некоторое время до 1340 года было принято постановление о том, что для созыва общего собрания сержант судебного пристава должен вызывать некоторых наиболее достойных и благоразумных людей из каждого лета, которые должны были быть оштрафованы на два шиллинга, если они не подчинятся вызову.^[730]

Совет ведущих горожан, хотя и был организован таким сложным образом уже в начале XIV века, едва появляется в записях конца XIII века, да и то в смутной, неопределенной форме. Однако важно отметить, что с самого начала в городских документах использовались два официальных стиля, которые, похоже, ни разу не были взаимозаменяемы друг с другом. В Трубном списке 1255 года, по-видимому, проводится различие между "горожанами" и "людьми Норвича";^[731] и в этом году, и позже, когда город имеет какие-либо дела с Вестминстером, именно "горожане" просят о милости, и именно "нашим возлюбленным горожанам, им и их наследникам" или "бейлифам и горожанам, их наследникам и преемникам" выдаются гранты на протяжении XIII и XIV веков.^[732] Исключения из этой формы редки. В 1347 году, когда Эдуард Третий просил предоставить солдат для французской войны, он обратился к "мэру, бейлифам и всей общине";^[733] , но поскольку в то время в Норвиче не было мэра, возможно, эта фраза принадлежала новому клерку, привлеченному в военное ведомство в спешке, связанной с делами. В 1355 году он отправил письмо "бейлифам и простолюдинам" Норвича с просьбой предоставить ему сто двадцать вооруженных людей; а в 1371 году - письмо "бейлифам, добрым людям или простолюдинам" Норвича с просьбой оснастить его кораблем. Во всех этих случаях очевидно, что требования короля к людям были совершенно независимы от каких-либо обязательств, лежащих на них как на гражданах чартированного города. Очень редко община обращалась к королю. В 1304 и 1307 годах^[734] "подлые люди из простонародья города" просили его о помощи; а однажды "коммуна города Норвич" направила специальную петицию в парламент. Городские

вольности были конфискованы в руки короля в 1285 году, и королевский чиновник, поставленный над ними, неправоммерно конфисковал народное имущество на сумму 300 фунтов стерлингов;^[735] Но поскольку "горожане" в техническом смысле корпоративного органа, обладающего определенными правами, перестали существовать, когда город лишился своей франшизы, жителям Норвича пришлось опираться на то, что лежит в основе всех корпораций, созданных по уставу, - на то, из чего проистекали все остальные права; именно "городской коммуне" было нанесено оскорбление, и "коммуна" обжаловала его. С другой стороны, когда возникал вопрос об общих землях или общем имуществе, дела всегда велись от имени "общины" или "судебных приставов и общины", и в таких случаях никогда не использовался стиль "горожане".^[736]

Таким образом, есть основания полагать, что от начала и до конца норвичские бюргеры официально обозначали себя двумя разными стилями, которые, по общему мнению, имели разное значение и не использовались в опасных случаях. Я осмелюсь предположить, что здесь и в других местах "cives" было термином, используемым для обозначения корпоративного органа граждан, обладающих правами, закрепленными хартией; в то время как "communitas" означало граждан в другом аспекте, как сообщество, которое владело собственностью и пользовалось привилегиями по давнему обычаю, еще до получения хартии свободного города. Владение общей собственностью было, вероятно, единственным выжившим видом обычных прав, остальные постепенно слились с привилегиями, которыми пользовались по хартии; поэтому именно в документах, касающихся земли, в основном сохранялась традиционная форма "cives et communitas". Однако в каждом городе Англии, какова бы ни была его особая конституция, мы находим другие права, повсеместно утверждаемые общинниками, которые имели такой авторитет, что их противники ни в одном случае не осмеливались оспаривать их, даже когда пытались уклониться от них. Возможно, мы можем отнести к далекому прошлому притязания всей общины на ратификацию всех законов с ее "полного согласия и одобрения", на участие в выборах, на достоверное знание того, как собираются и расходуются городские деньги, на принятие новых бургов общим голосованием народа. Это были права, которые олигархия постоянно пыталась сделать недействительными со времен Генриха Третьего до Генриха Восьмого; однако ни разу не было предпринято попытки их отрицать или отменить. Возможно, что их подлинная сила проистекала из того смутного времени, о котором нет воспоминаний, когда древняя "община" медленно создавала великую традицию своих обычных прав; и когда воспоминания о первобытной общине со временем отошли на задний план, ее сила все еще сохранялась, и до последнего имя было достойным и несло в себе мандат от более древнего мира. Несомненно, однако, что в вульгарном языке "простолюдыне" стало использоваться в популярном смысле, а иногда и с оттенком недоброжелательности или презрения, для обозначения общей массы граждан, имевших право собираться на общие собрания, в отличие от чиновничьего сословия. Ибо постепенно старые линии разделения между правящим и подвластным классами становились все более четкими и глубокими - когда правительство избранных приняло законную форму; когда совет из двадцати четырех человек заседал в качестве заседателей в судах, проверял счета города, контролировал его торговлю и претендовал на принятие законов; Когда собрание свелось к собранию особых людей, созываемых сержантом бейлифа; когда даже посещаемость летов стала падать, как в конце XIV века^[737], а их дела все больше и больше переходили в руки двадцати четырех. Тогда слово "communitas" приобрело новый оттенок значения. До 1378 года "горожане" означало общее собрание правящего совета, в отличие от "простолюдинов", оставшихся за его пределами.

Правда, юридические привилегии общины все еще сохранялись. Они имели право претендовать, по крайней мере, на часть общественной собственности. Новый бюргер мог быть принят только по решению всего сообщества или двенадцати из них, которые могли представлять всю общину.[738] Налоги могли взиматься только по воле всего землячества[739] или большей его части. Какими бы ни были преобладающие привычки, эти двадцать четыре человека не имели законного права действовать от имени всего народа, и если общинники отказывались подчиняться их постановлениям, они не могли обратиться ни в какой суд, чтобы заставить их подчиниться. В "Собрании" бюргеры упоминаются как участники выборов, денежных пожалований и налогообложения.[740] О том, что они отстаивали свои права таким образом, что казались правящему классу "противоречивыми", можно судить по тому факту, что в 1378 году "горожане" (под которыми в данном случае, несомненно, подразумевался весьма ограниченный круг лиц) подали Ричарду Второму петицию, в которой заявили, что в последнее время "многие из простолюдинов этого города были очень противоречивыми и будут оставаться таковыми до тех пор, пока не будут приняты лучшие средства и постановления для хорошего управления"; И они просят, чтобы судебные исполнители и двадцать четыре гражданина, ежегодно избираемые общиной, имели право принимать постановления и время от времени вносить в них поправки, когда это необходимо.[741] Корабль, который они только что построили по приказу короля, возможно, представил их просьбу на его суд, а предоставление желаемой хартии поставило совет в положение абсолютной власти, имеющей право издавать постановления без согласия народа и обеспечивать их исполнение путем обращения в королевские суды.

Какие споры и угрозы революции будоражили жителей Норвича в течение двадцати пяти лет, последовавших за этими великими переменами, мы не знаем. Точное положение двадцати четырех в муниципальном собрании нелегко проследить из-за скудости существующих документов.[742] Можно было бы ожидать, что сохранившиеся списки будут свидетельствовать о влиянии хартии 1378 года, в которой была закреплена официальная власть двадцати четырех. Однако этого не произошло. Описание ассамблеи как до, так и после нее остается совершенно одинаковым. Избранная группа граждан присутствует на каждом собрании и берет на себя всю ответственность за управление. Однако стоит отметить, что ни до, ни после 1378 года ни один приказ или постановление не приписывается двадцати четырем, хотя такие приказы постоянно ссылаются на действия "tota communitas". Во всех этих списках упоминаются только бейлифы и простолюдины.[743] Если, как я уже предположил, можно считать, что право общины давать или не давать согласие на принятие законов - это вековой обычай, который не может быть отменен хартией, то неспособность двадцати четырех донести свою точку зрения можно понять. Несомненно, партийные чувства с обеих сторон были высоки. Для поселения стало необходимым иметь новую хартию; и в 1403 году, вероятно, по инициативе правящего класса, город приобрел новую конституцию по высокой цене в 1000 фунтов стерлингов.[744] По этой хартии Норвич стал графством; четыре бейлифа были заменены мэром и двумя шерифами, которые должны были избираться горожанами и простолюдинами; а в подтверждение предыдущих пожалований обычная фраза, использовавшаяся в хартиях предыдущих веков, "горожане" была заменена на "горожане и простолюдины" - термин, который признается в хартии как уже используемый,[745] но который до сих пор не использовался неизменно в качестве официального стиля.

Хартия Генриха Четвертого, похоже, была фактически подтверждением хартии, данной Ричардом Вторым, и положила победное завершение всей системе олигархического правления, выраженной Советом двадцати четырех. Народ быстро осознал сложность использования приписанных ему полномочий и понял тенденцию, заложенную в хартии. На

первых же выборах, проведенных по новой конституции, наступил кризис. Согласно хартии, шерифы должны были избираться не выборщиками четырех летов, как это делали прежние бейлифы, а "гражданами и простолюдинами". Однако в обычных собраниях, состоявших из двадцати четырех человек и "других членов общины", на которых выбирались члены парламента, городские казначеи и чиновники, двадцать четыре человека были практически верховными, и выборы, проводившиеся на этих собраниях, фактически находились в их руках. 1 марта 1404 года был избран мэр, а через двенадцать дней двое из бейлифов стали шерифами (в книге мэра написано "cives").^[746] Измененный способ назначения шерифов по сравнению с более популярным обычаем избрания старых бейлифов сразу же вызвал возмущение общин. Была созвана ассамблея для принятия постановлений, касающихся нового положения вещей, и народ собственной властью постановил создать представительный совет из всех бюргеров. Было приказано избрать восемьдесят человек, которые должны были присутствовать на всех собраниях и действовать от имени народа. Этому совету было предоставлено право назначать шерифов; восемьдесят человек должны были сами разойтись и назвать трех человек, но если общинники не одобряют их выбор, они должны были снова удалиться и выбирать другие имена, пока их хозяева не останутся довольны. Затем городской клерк и некоторые из восьмидесяти несли эти три имени мэру и двадцати четырем "probi homines"; мэр выбирал одного, а двадцать четыре - другого.^[747] Новый совет принял участие в выборах на Михайлов день в том же 1404 году, когда мэр был вновь назначен, а два новых шерифа были выбраны.

Это решение, очевидно, вызвало бурную вражду, и в 1415 году был составлен документ, призванный положить конец распрям, в результате которых город был "разделен и распущен, а в перспективе и уничтожен".^[748] В этом документе не было ни одной ошибки, связанной со слабыми представлениями о серьезности письменной конституции. С педантичной щепетильностью он почти любовно касался мельчайших деталей церемонии и одежды, а также более серьезных проблем, которые волновали государство: положение двадцати четырех, права общин и доля, которую обе партии должны были иметь в назначении должностных лиц города.

Результатом этой композиции 1415 года стало создание миниатюрной копии английского королевства - маленькой общины, управляемой тремя сословиями, мэром, согражданами из совета мэра и общинниками. Двадцать четыре "probi homines" теперь становились "двадцатью четырьмя согражданами совета мэра", мэр имел над ними такую же власть, "какую имеет мэр Лондона"^[749], а достоинство муниципальной палаты лордов должным образом подчеркивалось их одеждой - ливреей, "отороченной мехом и подкладкой в зависимости от сословия и времени года".^[750] Помимо всего прочего, было постановлено, что они больше не должны быть органом, избираемым ежегодно, а должны "быть корпорацией навечно", и даже если это случайно не будет закреплено в хартии, которую попросят позже, "горожане" заявили, что они могут установить этот закон для себя, а не на основании хартии, в силу права, данного им в 1378 году, принимать такие постановления, которые они выберут в сложных или дефектных случаях, для которых не существовало средства защиты в городской конституции.^[751]

С другой стороны, организация нижней палаты стала более полной, а относительное положение и полномочия двух палат мимического парламента были определены с пунктуальной точностью. Общий совет был сокращен с восьмидесяти до шестидесяти членов,^[752] должны были избираться из четырех округов всеми гражданами, "проживающими и имеющими дома на свой счет". У него был свой спикер,^[753] свой порядок работы, своя система продуманного этикета во всех отношениях с верхней палатой.

Отныне она должна была принимать участие в принятии законов, что полностью аннулировало любые претензии "горожан", которые они могли выдвинуть в соответствии с хартией 1378 года; хотя мэр и двадцать четыре человека сохраняли право предлагать все новые законы, "они не должны делать ничего, что могло бы связать или обвинить город без согласия содружества". Поэтому все постановления, принятые высшим органом власти, должны были быть официально представлены общему совету, и если им казалось, что вопрос "нуждается в более длительном совете и обдумывании ответа, они должны спросить об этом и обо всем, что кажется целесообразным для города, у общего спикера мэра и его совета". В случае необходимости они могут попросить "доставить им билль о тех же делах", чтобы они могли дать ответ на следующем собрании; и "мэр обязан столько раз, сколько они попросят, предоставить им возможность собраться в доме самим, без всякого отрицания, и никого другого с ними, кроме общего оратора, и если они будут иметь больше, сколько попросят, мэр обязан послать за ними без всяких пререканий". А в вопросах, которые покажутся вышеупомянутым шестидесяти лицам общего совета не нуждающимися в большом и долгом совете, пусть они, если захотят, уйдут сами или войдут в зал с общим оратором, и хорошо и быстро, без больших задержек войдут со своим ответом, как им покажется быстрым и нужным для цели". Наконец, "во всех других вопросах, которые необходимы для благосостояния города и которые не приходят сейчас на ум, поручается всему собранию на этот раз постановить и исправить это указом и согласием всего содружества для пользы всего города".[754]

Однако в вопросе выборов Генеральная ассамблея вновь проявила себя во всей красе. Когда нужно было выбрать нового мэра, оба совета были созваны в зал; "а также все граждане, живущие в пределах того же города, на вышеупомянутые выборы должны свободно приходить, как они обязаны, и двери зала для всех граждан, желающих войти и приехать, должны быть открыты и не заперты, и никто оттуда не запрещен и не избежен, кроме иностранцев". После того как мэр и двадцать четыре человека объявили о выборах со скамьи, они удалились в палату, а весь народ в зале выбрал из тех, кто уже был мэром или шерифом, два имени "достаточных" людей, "И если среди членов общины в зале произойдет какое-либо разногласие, которое не будет ясно известно общему оратору без всякой формы, чтобы он их поставил или показал, у кого из них больше голосов, то общий оратор и общий клерк должны подойти к мэру и объявить ему о разногласии людей в зале. И тогда мэр дает повеление общему оратору созвать шестьдесят человек в общий совет города или столько, сколько их там есть, в дом один. И там разбирать вышеупомянутые разногласия в той же форме, в какой это делалось и до сих пор делается в Лондонском городе". Имена были внесены в палату общим клерком, общим спикером и регистратором, а также шестью членами общего совета; шесть членов общего совета вернулись в зал, оставив трех чиновников, которые должны были взять голоса мэра и совета и сообщить общему собранию имя избранного мэра.

Выборы всех остальных муниципальных чиновников были тщательно разделены между двумя партиями штата. Мэр и двадцать четыре человека избирали общего клерка, одного шерифа, одного камергера, одного казначея, одного коронера, двух хранителей ключей, двух аудиторов и восемь констеблей. Общий совет выбрал общего спикера, второго шерифа, камергера, казначея и коронера, двух хранителей ключей, двух аудиторов и восемь констеблей. Все собрание назначило общего сержанта, регистратора, звонаря и смотрителя канав; они также выбрали людей, которые должны были собирать королевские налоги, назначив четырех человек в каждом приходе для оценки налога и двух - для его сбора. Новый

мэр назначал двух меченосцев, из которых собрание выбирало одного; таким же образом мэр назначал четырех человек в сержанты, а собрание выбирало двух из них.[\[755\]](#) Члены парламента выбирались общим собранием.

Таким образом, общинники Норвича достойно вышли на официальную сцену, тщательно оберегая свое достоинство и скрепляя свои свободы бесчисленными церемониальными узами. Однако, как и ордонансы 1404 года, композиция, защищавшая их права против олигархии, оказалась для многих тяжелым изречением, а споры между советом мэра и простонародьем были настолько[\[756\]](#), что в 1417 году горожане обратились к Генриху Пятому за хартией, которая должна была сделать поздний договор юридически обязательным. Совет мэра, несомненно, пользовался влиянием в высших кругах, так как теперь их положение несколько улучшилось. В хартии, за которую городу пришлось заплатить более 100 фунтов стерлингов,[\[757\]](#) двадцать четыре человека, которые теперь впервые стали называться олдерменами, избавились от одной серьезной трудности на своем пути, закрепив положение о том, что они "будут стоять вечно, как в Лондоне", и отныне старая церемония ежегодных выборов просто напоминала об обычае зачитывать имена каждый год перед палатами. В Составе было решено, что при принятии "новых постановлений для благосостояния города, которые не приходят сейчас на ум, все собрание обязуется издать указ и получить согласие всего содружества"[\[758\]](#), но новая хартия постановила, что мэр и олдермены должны иметь полную власть вносить изменения в законы и конституцию с согласия шестидесяти членов общего совета.[\[759\]](#)

До конца века управление городом[\[760\]](#) оставалось таким же. Четыре большие леиты, в которых раньше избирались бейлифы, теперь стали четырьмя приходами, которые в итоге были разделены на двенадцать малых приходов. Каждый из них был представлен в верхнем совете двумя олдерменами, выбранными для него избирателями своего большого округа. Каждый большой приход также избирал определенную часть членов общего совета. Шерифы проводили свои "турны" для четырех приходов и назначали для каждого прихода присяжных, набранных из "людей с добрым именем и славой". Тем временем леетские суды приходов, в которых председательствовали бейлифы, влачили неясное и слабое существование, а столичные залого, формировавшие леетские жюри, погрузились в ничтожество[\[761\]](#) под совместной узурпацией шерифов и двух советов. Однажды, когда столичные залогодержатели попытались добиться для мелких торговцев преимущества при выгрузке их товаров на пристани, где они, очевидно, избегали некоторых городских пошлин, правящий орган быстро подавил их неповиновение.[\[762\]](#) Очевидно, что управление городом не стало ни более расхлябанным, ни более популярным из-за увеличения его руководящего органа.

В смутные годы конфликта между 1378 и 1415 годами нам ничего не известно о людях или организациях людей, которые совершили революцию. Но мы знаем, что в самом Норвиче происходило очень важное движение, связанное с ростом ремесленных гильдий. Долгое время запрещенные городским правительством из-за убытков, которые несли городские сундуки, когда ремесленники были изъяты из общих судов, они, очевидно, облегчили себе жизнь регулярной уплатой штрафов и продолжали процветать.[\[763\]](#) Между 1350 и 1385 годами[\[764\]](#) было основано или воссоздано несколько гильдий, чтобы получить общественное признание в городе,[\[765\]](#) и единственный факт, который мы улавливаем в их постановлениях среди абсолютно однообразного и формального перечисления религиозных обязанностей, заключается в том, что в некоторых случаях им было позволено выбирать своих собственных олдерменов и совет, а не подчиняться, как раньше, двадцати четверем. Важность этого сразу же становится очевидной в ордонансах 1404 года, где гильдии

занимают очень важное место; и в сочинении 1415 года, когда они были окончательно утверждены и обрели законченную форму.^[766] Каждому ремеслу не только было предоставлено право выбирать своих должностных лиц, но и было постановлено, что "граждане города должны быть зачислены в гильдию, какого бы ремесла они ни были" под страхом лишения права голоса; и что все, "кто с этого времени будет наделен правом голоса, должны быть зачислены в гильдию по ремеслу и с согласия ремесла". Такое правило практически делало ремесленников судьями нового кандидата на получение городских привилегий, ведь если они отказывались принять его в гильдию, он никогда не мог стать бюргерством.^[767] С другой стороны, предписывалось, что все члены ремесла должны стать свободными; иностранцы должны были держать цеха под данью и штрафом в течение двух лет и одного дня, а затем были вынуждены покупать городскую франшизу. "Мастер ремесла должен честно прийти к нему и предупредить, чтобы он стал свободным человеком, а не то пронзит его копьем в витрине". Если он не подчинялся в течение четырнадцати дней, мастер с офицером мэра снова приходил к нему с копьем, "и тот, кого он пронзил копьем, и никто другой, не должны держать свое ремесло ни в доме, ни вне его". Таким образом, ни один торговец или лавочник не мог оставаться свободным от городских пошлин и сборов, а все простонародье было поставлено под полицейский надзор ремесленных мастеров. Сама одежда ремесленников была строго определена; все ливреи и капюшоны прежних времен должны были быть отменены, и ремесленники должны были носить ливреи, такие же, как в Лондоне.^[768]

Однако если в годы конфликта ремесленные объединения могли оказать хорошую услугу простолюдинам, то в ответ они встречали организацию купцов и высшего сословия. Похоже, что после крестьянского восстания, когда возник новый ужас перед тем, что могут натворить бедные общинники, если их оставить на произвол судьбы, более богатые объединились для самозащиты и сохранения своей власти. В Норвиче в 1385 году была основана Гильдия Святого Георгия - братство с обычным религиозным колоритом, "отправляющееся каждый понедельник по городу с поминанием и молитвой за души братьев и сестер упомянутой гильдии, преставившихся к Божьей милости".^[769] Сначала это было неформальное объединение, состоявшее, очевидно, из более богатых и влиятельных людей, как светских, так и церковных, Норвича и окрестностей, но его слабость заключалась в том, что оно "не подчинялось конституциям и постановлениям, принятым в городе", и в соответствии со старым правилом, запрещавшим создание любой гильдии, оно было, по сути, незаконным. Однако правящий класс, вероятно, заручился значительным сочувствием при дворе во время переговоров о хартии 1417 года; и сподвижники Святого Георга добились от Генриха Пятого в 1418 году разрешения объединиться в постоянное общество и получили деревянный меч с резной головой дракона, который они должны были нести перед своим олдерменом в день Святого Георга.^[770] В орден вступали знатные люди графства с женами, епископы, монахи и настоятели, графы, рыцари и купцы - всего около четырехсот человек - все знатные люди, которые верхом на лошадях приезжали на собрание гильдии, где мундир святого Георгия меняли мэры, шерифы, олдермены или мастера ремесел, разъезжавшие в одеяниях своего ордена. Управление обществом было передано в руки очень тесной корпорации, а союз церкви и государства в гильдии проявляется в объединении настоятеля, мэра и шерифов города в ее управлении.^[771]

Реальная опасность такого братства заключалась в особом положении Норвича и непосильной задаче местного самоуправления, которая была возложена на его горожан. За пределами городской территории лежал большой производственный район - целое графство, усеянное деревнями, где в каждом доме занимались ткачеством и камвольным производством, и над всем этим районом Норвич осуществлял надзор за торговлей

шерстью. Трудности соглашения, по которому в 1409 году по просьбе общин мэры, шерифы и простолюдины получили право измерять и запечатывать все камвольные ткани, произведенные в Норвиче или Норфолке,^[772] должны были быть чрезвычайно сложными. Таким образом, крупные работодатели, обосновавшиеся в городе, которые организовывали сельский труд и поставляли ткани для экспортной торговли, получили определенную судебную власть в графстве; в то время как крупные продавцы шерсти - землевладельцы, чьи огромные стада овец^[773] паслись на широких склонах волнистого мела, и которые превращались в торговцев на свой собственный счет - были вынуждены в своих интересах вмешиваться в политику Норвича. Помимо общих коммерческих вопросов, затрагивавших как город, так и графство, должно быть, было немало проблем с арендаторами, которые были обязаны служить при дворах своих лордов, но как артизаны подчинялись норвичскому правлению и чьи штрафы поступали в норвичскую казну. Со всех сторон дверь была открыта для проблем. Если корпорация Норвича должна была вмешиваться в дела графства, графство обязано было осуществлять контроль над корпорацией Норвича, будь то с помощью гильдий Святого Георгия, путем обеспечения должности в Норвиче для сочувствующих мэров, регистраторов или шерифов, путем получения помощи графа Саффолка или епископа или приора, путем выбора членов парламента от Норвича, или, если все другие средства не помогли, путем подкупа и насилия и разжигания уличных группировок.

Поэтому с одной точки зрения история долгих лет раздоров и бедствий, последовавших за реформацией норвичской конституции в 1415 году, необычайно интересна. В присутствии иностранного врага внутренние разногласия подавляются, и основной сюжет уже не сводится, как в Ноттингеме, к борьбе между двумя классами самой общины. Когда Норвичу навязывают мэра с чуждыми интересами, он стоит особняком, а олдермены и коммонеры держатся от него в стороне как от предателя общих интересов. Враги, которых Норвичу приходилось опасаться, приходили извне, и если история города оставалась необычайно беспокойной, то нарушителями его покоя были не его собственные домочадцы. Государственные фракции и фракции графств вносили сумятицу в городскую политику, а старый жгучий вопрос о церковных правах ожесточал все местные споры.^[774] Норвич был дружен с герцогом Глостером и имел постоянного врага в лице графа Саффолка, и его судьба колебалась взад-вперед в зависимости от подъема и падения придворных партий. С того дня, как регистратор Джон Хейдон передал город в их руки, деспоты графства, которых мы так хорошо знаем по Пастонским письмам, встречаются нам на его улицах и в зале собраний, неизменно сопровождаемые проклятиями народа. Хейдон из Бэконстхорпа, эск, шериф в Норвиче в 1431 году и регистратор в 1441-3 годах, человек, чье отлучение от жены вызвало такой скандал, что само упоминание об этом заставляло его бледнеть, земельный барыга, контрабандист шерсти, вымогатель взяток, паразит крупных лордов, чью поддержку он мог купить, организатор бесчинств и убийств, дерзкий интриган, готовый потратить две тысячи фунтов, лишь бы не потерять контроль над шерифом Норвича, покровитель ливрейных последователей, "содержатель" в судах людей, пренебрегающих законом, властный задира, самого присутствия которого было достаточно, чтобы заставить общинников отказаться от подачи жалоб королевским судьям,^[775] - его может представить себе каждый, кто проследит его извилистые пути по письмам Пастонов. Вместе с сэром Томасом Тадденхэмом и другими он завалил город поборами, притеснениями и обидами. Эти люди "по своему великому корыстолюбию и ложному могуществу притесняли всех горожан, которые не соглашались ставить таких мэров и шерифов, какие им нравились", "намереваясь ради большой корысти управлять городом Норвичем так же, как они управляли графством Норфолк",^[776] и "уповая на свою великую силу и власть, которую они имели и имеют в стране посредством управления Ланкастером и других великих должностей, и по

разным другим причинам, что никто в то время не смел оказывать им сопротивление, зная их великую злобу и месть без страха перед Богом или стыда перед миром." Даже когда люди пытались купить расположение сэра Томаса, он взял их деньги "подкупным вымогательством против всякой веры и совести" и при этом не проявил к ним милосердия.[777]

Вполне возможно, что опасность, грозившая городу, вызвала к жизни братство, противостоящее обществу Святого Георгия, а мещане, в свою очередь, воспользовались механизмами религиозной гильдии. Мы мельком видели любопытную ассоциацию, известную под названием "Ле Башери", которая была объявлена мэром и общиной просто компанией горожан, которые из чистой набожности поддерживали свет в часовне Пресвятой Девы на Полях (древнее место собрания народа) и из соображений приличия выбрали себе ливрею; но в их благочестивом и пристойном союзе враждебное братство увидело ассоциацию, созданную для того, чтобы сломить власть С. Джорджа, и поспешило использовать против нее старый аргумент, применявшийся в молодости, - обвинение в том, что она является "незаконной гильдией".[778]

Ассоциация была основана в бурные дни. После того как Хейдон был смещен с должности народом за предательство интересов настоятеля,[779] его друг из гильдии С. Джорджа, мэр Уэтерби, союзник Тадденхема и "ненавистник общин", возглавил партию графства и приората, и до его смерти четырнадцать лет спустя город не знал покоя. Четыре раза в период с 1433 по 1444 год он лишался права голоса за беспорядки или бурные выборы; дважды общая печать была насильно изъята из казны олдерменами и общинниками, чтобы предотвратить запечатывание предложений, отвергнутых народом. Уэтерби заставил избрать своим преемником мэра, которого отвергли олдермены и общинники. Джон Квердлинг, ложно выдавая себя за общего спикера, пронес в палату имя, не установленное общинниками для избрания; городской клерк Хоук записал неверную декларацию; Николас Уэйлис взял достаточно взяток, чтобы получить имя "амбидекстера"; два городских сержанта набивали присяжных, а тюремщик угрожал и бил булавой по голове сопротивляющихся общинников. Фракция мэра заняла зал гильдии, а партия олдерменов удалилась в частный дом и, избрав другого кандидата, поставила на место обиженных чиновников, забрала общую печать из зала гильдии к себе, а чтобы их выборы не были признаны недействительными, отказалась расходиться, пока мэр не спустится, чтобы подтвердить их, и не призовет епископа присоединиться к ним в противостоянии с приором. На время Уэтерби уступил, но отомстил, обратившись к королю за поручением изучить состояние города.[780] Разъяренные горожане продолжали борьбу до 1436 года, когда была назначена другая комиссия, которая заставила общинников покориться, вернуть печать на привычное место в казначействе и вернуть чиновников, которых они сместили в 1433 году.[781]

На следующих выборах, в 1437 году, Тайным советом были посланы комиссары, которые должны были следить за тем, чтобы все делалось в соответствии с хартией, и в случае беспорядков конфисковать городские права в руки короля;[782] и таким образом спокойствие было обеспечено. Но Норвич недолго сохранял восстановленную франшизу. Между городом и приором начались беспорядки и ежедневные волнения "по поводу их свобод";[783] в июне жители Норвича должны были предстать перед Тайным советом, а в июле франшизы города были конфискованы, а город передан под опеку Джона Уэллса, лондонского олдермена, который стал гражданином и олдерменом Норвича.[784] По молитве епископов Норвича и Линкольна свободы были вновь восстановлены в 1439 году, чтобы так же быстро быть утраченными.[785] Томас Уэтерби, "питавший сильную ненависть к общинам", искал возможность устроить новые неприятности. По его совету аббат С. Беннета

в Холме в 1441 году подал в суд на город за некоторые мельницы, построенные им на Венсуме; Томас Тадденхэм, Джон Фрей и Уильям Пастон (друг аббата) судили дело в Тетфорде и вынесли решение против города, постановив, что общинники должны выплатить 100 фунтов аббату и 50 фунтов настоятелю. В январе 1442 года собрание собралось в огромном количестве, набилось в зал и сняло общую печать, чтобы решение не было запечатано. Под влиянием графа Саффолка, аббата и Уэтерби город был привлечен к ответственности за мятеж, и, несмотря на защиту герцога Глостера, мэру было приказано явиться в Лондон, где его оштрафовали на 50 фунтов и заключили в тюрьму Флит, а свободы города снова перешли в руки короля. Когда мэр был заключен во флот, Уэтерби достал из сундука общую печать, запечатал залог в 100 фунтов стерлингов аббату церкви Святого Беннета в Холме, 50 фунтов стерлингов епископу и 50 фунтов стерлингов приору, без ведома мэра, шерифов и общинников, а затем разрушил новые мельницы.[786]

Это привело к новым неприятностям. В масленичный вторник 1443 года мэр и простолюдины, объединившиеся в таинственную гильдию "Ле Башери", подняли восстание, заявив, что у них достаточно власти в городе и прилегающей территории, чтобы убить епископа Томаса Брауна,[787] аббата Холма и настоятеля Норвича. Джон Гладман, купец, выехал с бумажной короной в качестве короля во главе ста тридцати человек на лошадях и пешком. Под звон городских колоколов собрались три тысячи горожан, вооружились мечами, луками, стрелами и шлемами, окружили приорство, выставили против него пушки и в конце концов одержали славную победу, заставив монахов отказаться от ненавистного акта, ложно скрепленного общей печатью, который обязывал людей платить настоятелю 4 с. в год и отказаться от претензий на юрисдикцию над некоторыми землями приорства.

За таким триумфом, естественно, последовал новый визит королевских комиссаров в 1444 году.[788] Уэтерби и приор выдвинули длинный список обвинений против мэра;[789] то время как город протестовал, что только Тадденхэм и Хейдон сделали из своего мирного представления зло; и что Глэдман только "устроил диспут с соседями, запряг свою лошадь тинсойлом и другими приятными маскировочными штуками, короновавшись как король Рождества", в то время как "до него каждый месяц ходили переодетыми в соответствии с требованиями сезона, а Великий пост был одет в белые и красные селедочные шкуры, и его лошадь была запряжена устричными раковинами после него." [790]

Между тем у короля были свои претензии к Норвичу, поскольку город по несчастью подал иск на 100 фунтов стерлингов, которые ранее одолжил ему, а теперь отказался дать еще денег, когда он послал за ними.[791] Поэтому в 1444 году его свободы и права были конфискованы еще раз. Но вот, наконец, неприятности стали облегчаться. Томас Уэтерби умер, , как и поддерживавший его епископ,[792] , а новый епископ, из старинного норвичского рода, был за мир. В 1447 году были восстановлены свободы, а в 1448 году город посетил король.[793] Однако два года спустя Хейдон снова выступил вперед, готовый вместе с Тадденхэмом потратить 2 000 фунтов стерлингов на приобретение благосклонности в высших кругах Лондона и 1 000 фунтов стерлингов на обеспечение шерифа в Норвиче, преданного его интересам.[794] Было предложено, чтобы жители Норвича, мэр с олдерменами и все члены парламента, поехали встречать герцога Йоркского, когда он посетит город, "и все женщины того же города тоже были там, и кричали на них, и называли их вымогателями, и молили милорда, чтобы он совершил над ними жестокие казни.....и пусть это будет сделано самым плачевным образом, ибо, если мой Господь услышит о них нецензурные рассказы и какой-нибудь отвратительный шум и крик, по моей вере, они еще придут к милости". [795] Комиссия судей[796] , отправленная в конце концов судить Хейдона за преступление, его дерзкая поездка через город в аббатство, слухи о том, что он снова

будет нести власть, его манера встречаться и перехитрять или терроризировать членов комиссии по очереди - все это рассказывается изо дня в день почти в "Пастонских письмах". Наконец, в 1452 году судья Йелвертон установил некое подобие мира в Норвиче,^[797] чему, возможно, способствовали бедность и истощение города.^[798] Дав заем королю и подарок королеве с обещанием дружить с ней в ее тревогах, Норвич получил новую хартию в 1452 году.^[799] В этом деле гильдия Святого Георгия, которая, судя по всему, была объединена в корпорацию около 1450 года, явно одержала победу.^[800] Было решено, что на следующий день после ухода мэра с поста он должен быть избран олдерменом гильдии, а общий совет был преобразован в совет гильдии.

Следующие семьдесят лет горожане были заняты разборками с приором, которые восходят к тому дню, когда норвичские мещане получили город в свои руки.^[801] Препириательства трех столетий закончились договором, составленным в 1524 году, когда были урегулированы вопросы юрисдикции, пошлин, пастбищ, воды и прав на проезд; И было признано, что мэр, шерифы, горожане и простолюдины могут ходить в соборную церковь в дни праздников и торжественных процессий, мэр с мечом и булавой наперевес, при условии, что он не претендует на юрисдикцию, а настоятель и монахи "по своей благосклонности не будут арестовывать никого из корпорации или горожан во время этих великих процессий, насколько они могут или имеют право".^[802]

Такие истории местных разборок вполне могли бы остаться забытыми и неясными, если бы за ними скрывались не более чем вульгарные ссоры. Но политический эксперимент в Норвиче имел столь серьезную цель и столь необычное качество, что даже его провал вызывает у нас симпатию к людям, которые на протяжении двухсот пятидесяти лет кропотливо решали проблему управления. С восхитительной политической проницательностью они поочередно использовали все формы местной организации, чтобы довести до совершенства свой эксперимент по самоуправлению. Они взяли принцип выборного жюри и адаптировали его для использования в своих судах, палате совета и законодательном собрании. Они обратились к проблеме общего собрания, совершенно бесполезного в своей примитивной и громоздкой форме, и создали на его основе (по образцу Лондона) представительный совет, который должен руководить его обсуждениями и выражать его волю. Были организованы ремесленные гильдии, и, возможно, в ходе борьбы их дисциплина придавала порядок и силу простолюдинам. Когда битва разгоралась, в дело вступали механизмы религиозных гильдий, и С. Георгий соизмерял свои силы с Девой полей. Несомненно, эти различные методы не претендуют на оригинальность, будучи откровенно скопированными с известных в других странах обычаев; заслуга норвичских бюргеров заключается не в открытии нового пути, а в здравом политическом инстинкте, с помощью которого они неуклонно направляли свой путь на широкую дорогу, конечной целью которой является гражданская свобода, а не узкая дорога привилегий. Наблюдая за ростом палаты представителей, которая была создана среди них, - независимого совещательного собрания, избираемого общинами, - и сравнивая ее с палатой магнатов в Ноттингеме, которая с изящной насмешкой должна была представлять собой собрание всего сообщества, мы получаем справедливую оценку ценности этого более либерального эксперимента в муниципальной политике - эксперимента столь раннего по времени, столь серьезного по замыслу, столь сильного и упорядоченного по исполнению, что он мог бы оправдать длительный успех.

Но, несмотря на всю изобретательность, проницательность и решительность, с которыми норвичские люди подошли к своей прекрасной попытке упорядочить общественную жизнь, несчастье все же подстерегало их, и с самого начала бедствия пятнадцатого века омрачали

и отбрасывали длинные тени. Норидж боролся с уже провозглашенной гибелью: суровый сухой климат, в котором невозможно было ткать тонкие ткани для внешнего рынка; спешка новой экспортной торговли, заставлявшая мастеров ставить свои мельницы у ручьев Йоркшира и Глостершира, где труд был свободен и дешев; изменениями в методах изготовления камвольного полотна, которые перенесли производство в Нидерланды; и ложной экономией, которая, чтобы помочь терпящей бедствие торговле, заставила английских ткачей отказывать иностранным покупателям в пряже из Норфолка. Нориджским мещанам еще предстояло пережить последнее бедствие - мор, и потливая болезнь, которая впервые обрушилась на них в 1485 году, дополнила историю бедствий. Одни лишь промышленные трудности можно было бы преодолеть. Но более коварная опасность угрожала всем их свободам. По роковой случайности положения и обстоятельств город, как мы видели, был захвачен и покорен графством - обществом, полностью отделенным от него в политическом развитии. Оно с горечью подтвердило истинность той крайней настороженности, с которой жители городов того времени смотрели на вторжение в их жизнь "иностранцев", приносящих в их только что упорядоченную гражданскую жизнь феодальные традиции магнатов графства, разбрасывавших ливреи среди их жителей, и набивая в свои суды армию приказчиков - "потому что, - говоря их собственными словами, - благодаря таким приказчикам и защитникам среди нас могут возникнуть общие раздоры, и среди нас будут совершены ужасные убийства, и мы потеряем свободу или вольность города, лишимся наследства мы и наши дети; И не дай Бог, чтобы в наши дни из-за поражения нас случилось или выпало такое."^[803] История Норвича показывает, что в провинциальном городе, как и в большом государстве, конституция, созданная для внутренних нужд и потребностей, может быть разрушена насилием внешних дел, над которыми у него нет власти, против которых у него нет оружия и для руководства которыми у него нет инструкций.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Мистер Хадсон считает, что в Норвиче слово "гражданин" сначала означало просто равного, наделенного правами, и часто описывалось как "par civitatis", а начиная с XIII века наиболее заметной идеей, которую оно импортировало, была идея привилегированного торговца, и в этом смысле оно используется в серии Литовских роллов. Однако в одном классе документов в конце XIII века он обнаруживает, что оно, по-видимому, ограничивается ограниченным кругом знатных мещан, в руки которых постепенно перешло управление государственными делами. В документах, которые были изучены за 1285-1298 годы, большое количество людей описаны просто как драпировщики, кожевники, рыботорговцы и так далее, в то время как другие упоминаются как "купец, гражданин Норвича" или "кожевник, гражданин Норвича", а другие снова записаны просто как "гражданин Норвича". Из ста пятидесяти человек, к которым относятся слова "гражданин Норвича", пятьдесят, очевидно, не занимаются никаким ремеслом; из оставшихся ста человек тридцать два - купцы, двадцать четыре - драпировщики и кожевники, а остальные, около пятидесяти, принадлежат к самым разным профессиям, но в основном к квалифицированным ремеслам. Среди горожан нет ни одного кузнеца, а мясников и пекарей очень мало. Из этих фактов можно сделать общий вывод, что слово "гражданин" постепенно ограничивалось самыми важными мещанами, а низшие классы тех, кто обладал свободой города, объединялись в "коммунитас". (Arch. Journ. xlv. No. 184, 318-319.)

Аргумент, однако, опирается на записи, сделанные в последние годы XIII века, между 1285 и 1298 годами, в то время, когда положение дел в Норвиче было исключительным. Городское

правило гласило, что каждый, кто покупал и продавал в Норвиче, должен был "въехать" в город и получить "франшизу" или "свободу". О том, как часто уклонялись от закона, можно судить по материалам судов летов. (О последних десяти годах тринадцатого века см. в Town Close Evidences, 12-15). Похоже, что по мере роста благосостояния города в него стали стекаться новые жители, которые были гораздо больше заинтересованы в заключении собственных сделок, чем в соблюдении законов и обычаев города; и которые, особенно бедняки, занимавшиеся скромными ремеслами, стремились избежать платежей и обязанностей гражданства. Бломфилд (iii. 73) сообщает, что около 1306 года из-за трудностей с уплатой фермы было приказано, чтобы каждый, кто торговал в городе год и один день, получил свободу, заплатив за это штраф в 40 с лишним тысяч, если он не имел права на франшизу по рождению или службе. Поскольку каждый горожанин был обязан иметь дом, строительство шло быстрыми темпами, о чем можно судить по росту арендной платы за дома. Так, "в 1329 году Симон де Берфорд, королевский эсквайр на этой стороне Трента, доставил городу много хлопот по поводу ряда домов, магазинов и доходных домов, недавно возведенных по пожалованию города на пустырях этого города, под тем предлогом, что все эти пустыри принадлежат королю, а не горожанам, и что рента всех этих зданий должна принадлежать короне (Custom Book fo. 2), в результате чего большая часть городской ренты, а именно вся рента *de novo incremento* или новая повышенная рента, должна была исчезнуть из города на сумму 9 11 фунтов стерлингов. 8d. в год, по которым мы можем вычислить удивительный прирост жителей этого места с начала правления Эдуарда II до настоящего времени. Небольшая рента или старая рента домов, возведенных на городском пустыре с момента его основания до эпохи Эдуарда Второго, составила всего 9s. 2 д., так что если мы сравним новые возросшие ренты со старыми, то обнаружим, что примерно через тридцать лет на пустыре было возведено в девятнадцать раз больше домов, чем раньше, что достаточно убедительно показывает, насколько густонаселенным он стал благодаря процветающей торговле, и действительно, его рост продолжался столь же удивительно до того рокового моря в 1349 году.

"Чтобы исправить это положение, горожане послали к Томасу Батту и Джону Имме, своим бюргерам в парламенте, заседавшем в то время в Винчестере, жалобу на такое обращение к королю и парламенту; после чего король направил свое предписание упомянутому Саймону, удостоверяя его, что по грантам его прародителей, королей Англии, горожане владели городом и всеми пустыми землями на правах аренды, по наследству, и что поэтому ему нечего делать, чтобы препятствовать им в сдаче этих пустых земель под застройку для их выгоды и пользы в счет оплаты их фермы. Этот указ датирован 25 марта в Рединге, в 4-й год его правления". (Blomefield, iii. 80-1.)

Эти факты свидетельствуют о том, что в конце XIII века гражданство среди жителей Норвича встречалось реже, чем в первой половине XIV века, и в то время, возможно, ограничивалось теми, кто получал его по рождению или по службе, а покупка была редкостью.

О совершенно ином законе, принятом епископом Норвича в 1307 году для Линна, см. с. 408. Возможно, он хотел закрепить за Линном мелких торговцев, которые оказались в затруднительном положении из-за нориджского указа 1306 года.

ГЛАВА XV

ОБЩИЙ СОВЕТ ЛИННА

Не только в Норвиче народ, отказавшись подчиняться правящей плутократии, предпринял эксперимент по созданию нижней палаты общин, представляющей интересы всех горожан. Особые трудности, с которыми столкнулось народное правительство в этом городе, отсутствовали в других городах, но ни в одном случае эксперимент не был простым делом. Повсюду обнаруживались непредвиденные опасности, опасности новые и разнообразные, способные привести новое движение к окончательному краху и смятению. Даже в тот момент, когда Норвич формировал свою вторую палату, в городе Линн, расположенном всего в нескольких милях от него, создавался общий совет, совершенно иной по своему происхождению и составу, и ему угрожали неудачи и предательство, в которых Норвич не имел опыта.

Случай с Линном представляет особый интерес. Нигде в Англии не было корпорации более богатой или более грозной благодаря своей компактной организации и огромной власти. С другой стороны, нигде, возможно, не было сообщества "простых людей", бургов и небургов, столь процветающих, активных и сплоченных; поддерживаемых в любой чрезвычайной ситуации действенной защитой их господина епископа, который, ревнуя к правящему классу, был вынужден стать союзником подданных и сделать их дело своим собственным. В этих условиях конфликт между общинниками и правившими ими плутократами приобрел некоторые оригинальные черты, а проблема церкви и государства в Линне предстала в новой и тонкой форме.

Правящий класс города с самого начала был руководящим органом Купеческой гильдии.^[804] Ведь здесь, как и в других ведущих портах, очевидно, что богатые торговцы быстро стали доминировать в гражданских делах, хотя их объединение в гильдию купцов само по себе не давало им права управлять. В Линне могущественный купеческий класс, должно быть, сформировался очень рано. Через город проходила односторонняя дорога, по которой в Норфолк можно было попасть с запада, а его порт был единственным выходом для торговли семи графств. Линн был центром крупнейшего скотоводческого рынка на востоке Англии, откуда экспортная торговля поставляла шерсть, шкуры и кожсырье;^[805] его посредники и купцы держали в своих руках торговлю с Гасконью, Рейнской областью, Зеландией, "частями Северного Берна", с Пруссией, Дакией и ганзейскими городами; Уже в 1271 году немецкие купцы создали здесь некое подобие местной организации под началом своего олдермена Саймона, гражданина Линна, о котором мы слышали, что он дал залог от имени некоторых любекских купцов на сумму 200 фунтов стерлингов.^[806] Ни один интерес в районе не мог соперничать с великой коммерческой компанией^[807], которая в конечном итоге контролировала весь объем торговли, пронесившейся над водами Уоша "гребными и текучими". Под именем Святой Троицы она получила хартию от Иоанна и ко времени Эдуарда Второго насчитывала около девятисот имен в своем списке. Сыновьям старых членов гильдии разрешалось вступать в нее, заплатив 6s. 8d.; в то время как другие, мужчины и женщины, готовы были отдать 60 или 100s., чтобы быть причисленными к ее братьям. Мужчины хотели разделить политические и коммерческие выгоды, которые она предлагала, а женщины, возможно, утешались ее духовной выгодой; и мужчины, и женщины платили одинаковый вступительный взнос, чтобы быть зачисленными после смерти в виду вечных преимуществ такого членства.^[808] В 1392 году гильдия ежегодно нанимала тринадцать капелланов для совершения месс в церквях Святой Маргариты, Святого Николая и Святого Иакова, использовала много воска для освещения церквей и часовен, а из прибыли от общей стаи раздавала милостыню и совершала дела милосердия.^[809]

Духовные блага гильдии, однако, меркли перед финансовыми и политическими благами, которые она могла предложить. Будучи крупной торговой компанией, она приумножала богатства и увеличивала власть. Олдермен и его собратья издавали законы, регулирующие торговлю даже тех бюргеров, которые не принадлежали к их избранной компании, а вели дела в соответствии с хартией свободной торговли, дарованной всему боро.[810] Гильдия владела наряду с прочим имуществом общей улицей и всеми ее принадлежностями, пристанью, где по ее указу "не должны работать ни дурные люди, ни духовные лица", [811] и правом прохода судов за пределы порта.[812] Членам гильдии была обеспечена монополия на различные прибыльные ремесла, например, на продажу мельничных камней,[813] брусчатки и могильных камней, которые продавались по цене от 20 до 30 с. за штуку. Братья по гильдии были банкирами и капиталистами города.[814] Они давали деньги в долг под ростовщичество, и не только корпорация брала займы из их казны, но в 1408 году более пятидесяти горожан были у них в долгу на суммы от 1 до 119 фунтов стерлингов. О торговой активности компании можно судить по тому, что в 1392 году гильдия имела в готовых деньгах 60 фунтов 13 *шиллингов*, а в разнообразных товарах - 200 фунтов; [815] и в 1408 году займы достигли 1214 фунтов. В 1422 году ее состояние составляло 1 403 фунта стерлингов, из которых долги составляли 1 210 фунтов. Его расходы были щедры и величественны. Большие суммы были потрачены на новый зал гильдии, начиная с 1422 года - 132 фунта 4 шиллинга. В первой половине века вес серебряной пластины в сокровищнице гильдии составлял 440 унций. Перед деканом несли серебряный жезл, а членов гильдии уносили в могилу под покровом из золотой ткани.[816]

Финансовые операции такого масштаба в любом случае обеспечили бы гильдии контроль над правительством города, расходы которого стремительно росли и которое в любой момент обращалось за деньгами к своей казне. Но компания Святой Троицы осуществляла гораздо больше, чем просто косвенную власть над корпорацией. По сути, она сама была реальной управляющей силой в Линне. По хартии Генриха Третьего ее олдермен (занимавший должность пожизненно и, таким образом, абсолютно независимый от народного контроля) был объединен с мэром в управлении городом: в случае отсутствия или смерти мэра он назначался вместо него,[817] и при избрании нового мэра играл ведущую роль.[818] Кроме того, двадцать четыре юрата совета, которые контролировали все городские дела и из которых только и мог быть выбран мэр, должны были быть братьями гильдии. В этих условиях "потенциarii" - "великие люди города", как их обычно называли во времена Эдуарда Первого, - правили без ограничений, высочайшей рукой устанавливали налоги, уводили деньги из общей казны, наживались на незаконной торговле, использовали обычаи, противоречащие общему или купеческому праву, и покупали прощение короля, если на их преступления поступали жалобы. Против их деспотизма не было защиты у бюргеров более скромного положения - среднего класса, который назывался *Mediocrates*, и еще более низкого слоя людей, известного как *Inferiores*, торговцев и домохозяев, которые не были бюргерами, и чье процветание, если и было достаточно прочным, было не столь блестящим, как у высших классов.

Однако в истории корпорации Линна был один тревожный элемент, которого не было ни в Саутгемптоне, ни в Ноттингеме, ни в Норвиче. Лорд поместья был совсем рядом, и правящему классу приходилось считаться с его претензиями и ожидать его вмешательства. Местные споры усиливали его власть. Объединенные в естественных союзников против *potentiores*, *mediocres* и *inferiores* были вынуждены полагаться в основном на защиту епископа. Он же, со своей стороны, то ли ради развития торговли своего района, то ли ради увеличения населения, зависящего от него самого, а не от соперничающей власти мэра, оговорил - и это в тот самый момент, когда Норвич вынуждал всех своих торговцев и

артизанов покупать его свободу, - что мэр не должен иметь права принуждать к получению гражданства ни старых, ни новых поселенцев, которые могут поселиться в городе, предпочитая оставаться свободными от обязанностей гражданства. Кроме того, в 1309 году он добился от мэра принятия "Композиции для защиты как *mediocres*, так и *inferiores*", которая не только стала хартией всех их будущих вольностей, но и самым полным признанием его собственной власти.^[819] С этого времени, несмотря на все попытки муниципалитета обойти это соглашение, подлые люди, уверенные в своем правовом положении и заручившись поддержкой могущественного покровителя, образовали общество, отличное от тех, что мы находим в других районах, и сыграли в политике Линна роль, которая была, возможно, уникальной в истории города. Община "Линна отличалась от "общин" других районов тем, что состояла, как было официально заявлено в 1412 году, не только из бургезов, как *potentiores*, так и *mediocres*, но и из *inferiores*^[820] или не-бургезов.

Первый подробный рассказ о конституции Линна содержится в грамоте Генриха Пятого от 1417 года, где излагается "древний обычай", управлявший городом.^[821] Когда нужно было избрать мэра, олдермен гильдии назначал четырех "достойных и достаточных" бургезов, которые добавляли к себе восемь комбургов, и это жюри из двенадцати человек избирало одного из двадцати четырех присяжных мэром и назначало других муниципальных чиновников на следующий год.^[822] Совет из двадцати четырех присяжных, полностью состоявший из представителей купеческой гильдии и избиравшийся пожизненно, сам заполнял свои вакансии, так что, когда кто-нибудь из них умирал, слагал с себя полномочия или изгонялся, горожане оказывались в зале в качестве простых зрителей, а мэр и оставшиеся присяжные выбирали "одного из более достойных, честных, благоразумных и достаточных" мещан для заполнения вакантного места. Если возникала необходимость избрать других должностных лиц, мэр назначал четырех комбуржцев, которые, в свою очередь, называли еще восемь человек для формирования жюри.

В более поздние времена считалось, что пока эти постановления соблюдались, "мэр, присяжные, бургомистры и община счастливо отдыхали под сладостью мира и покоя в течение всех дней процветающих времен".^[823] Процветающие времена, безусловно, были^[824], если судить по росту городского бюджета. В 1354 году корпорация потратила 176 фунтов стерлингов; в 1355 - 94 фунта; в 1356 - 266 фунтов; в 1357 - 92 фунта; в 1367 - 165 фунтов; в 1371 - 163 фунта; в 1374 - 249 фунтов. 1377 год был очень дорогим для бюргеров, чьи расходы неожиданно выросли до 874 фунтов стерлингов. Это был год ссоры с епископом Норвича:^[825] и Линну пришлось отдать 318 15 фунтов королю, его матери и другим людям, "работающим на благо общества", когда епископ подал жалобу в совет "за некий проступок, совершенный ему в городе"; а также заплатить 116 10 фунтов за расходы мэра, олдерменов и бургомистров, которые отправились в Лондон по тому же делу. Кроме того, в этом году они должны были потратить 113 фунтов стерлингов на возведение ограды для обороны города и 103 фунта *стерлингов* на городскую баржу, которая, несомненно, была оборудована по требованию короля для использования в качестве военного судна. Все это, естественно, закончилось большими долгами; корпорация смогла собрать только 650 фунтов 6 шиллингов. 2d. и вынуждена была занять 160 фунтов у гильдии, а также оставить невыплаченным жалование мэру, клерку, сержантам и камергерам. Однако в следующем году он предпринял попытку избавиться от долгов и фактически потратил почти 773 фунта, выплатив кредиторам 241 10 с. фунтов. С этого времени расходы стали быстро расти. В 1380 году они составили 351 фунт стерлингов, в 1382 году - 204 фунта стерлингов; в 1600 1385 году - 304 фунта стерлингов; в 1389 году - 394 фунта стерлингов; в 1399 году - 461 фунт стерлингов.^[826] В 1403 году город был вынужден одолжить королю более 333 фунтов стерлингов, которые не были возвращены до 1425 года.^[827]

Муниципальный долг, разумеется, рос так же быстро, как и муниципальные расходы, и в 1408 году корпорация задолжала гильдии от 400 до 500 фунтов стерлингов.^[828] Совет юратов брал щедрые займы у братства в качестве городских советников и столь же щедро давал займы корпорации в качестве членов гильдии. Неизбежные злоупотребления, присущие финансовому управлению, осуществляемому по такой системе, вскоре дали о себе знать. Возможно, была предпринята попытка реформы, когда в 1402 году были внесены изменения в порядок ведения и проверки счетов, и каждый из четырех камергеров должен был представлять отдельный отчет о поступлениях и расходах.^[829] Но если и это средство оказалось неэффективным, то для штата Линн, как и для гораздо более крупных государств, финансовый вопрос закончился революцией или, наконец, стал предлогом для нее. Гневное недовольство общины окончательно вырвалось наружу в 1411 году, когда жители потребовали вернуть в городскую казну сумму в 458 фунтов стерлингов, которую пять последних мэров потратили без согласия общины на тяжбу с епископом, нанеся серьезный ущерб и крайне обеднив город. В ответ пять мэров во главе с *potentiores* потребовали от города 280 фунтов стерлингов на возмещение убытков, которые они понесли на его службе в течение срока своих полномочий.

Так закончилась традиционная "сладость мира", и Линн погрузился в волнения революции. К счастью для народа, правящий орган оказался лицом к лицу со всеми своими врагами сразу; ведь *mediocres* и *inferiores*, одинаково отстраненные от почетных и властных мест, были, как и прежде, втянуты в тесные отношения и вместе бросились на защиту своих прав перед властью епископа; сам же епископ, с которым муниципалитет тянул долгую ссору в течение последних тринадцати лет, был, видимо, не в примирительном настроении. Однако все происходило строго по конституционным правилам. По общему согласию был назначен комитет из восемнадцати человек для рассмотрения претензий штата, и все слои городского общества должны были дать обещание подчиниться его решению. Мэр и двадцать два потенциала обязались выплатить по 100 фунтов стерлингов каждый, чтобы подчиниться постановлениям восемнадцати; восемьдесят четыре посредника обязались выплатить по 50 фунтов стерлингов каждый, а шестьдесят шесть посредников - по 5 фунтов 11 шиллингов. 2d. В самом комитете был представлен каждый из трех классов, составлявших общину. В нем было двенадцать бюргеров, из которых семь были *potentiores* и пять *mediocres*, и шесть небюргерских или *inferiores*.

Поначалу казалось, что все идет хорошо для народной партии. Решения комитета были вполне удовлетворительными. В компенсации, которую требовали покойные мэры, было полностью отказано; им было предписано вернуть в городскую казну 400 фунтов стерлингов, незаконно потраченных без согласия общины. Было принято постановление о том, что отныне мэр должен получать, согласно древнему обычаю, только 10 фунтов стерлингов в качестве годового вознаграждения и все, что община может назначить в качестве вознаграждения за его заслуги или проступки; и что он должен отвечать перед городом за все задолженности по взносам за время своего мэрства. Было объявлено, что небургессы лишились привилегий, закрепленных за ними композицией 1309 года, и было сделано распоряжение, что с этого времени они "должны иметь и использовать все права на указанные *inferiores*, предоставленные им". Это было декларацией древнего права и обычая; но комитет пошел дальше и начал процесс "исправления конституции", издав указ о том, что на будущее время каждый мэр должен выбрать и взять к себе совет, состоящий из трех *potentiores*, трех *mediocres* и трех *inferiores*, и эти девять человек вместе с мэром должны иметь полную власть решать вопросы ренты и т. д. в общине.^[830] Этими постановлениями,

которые ознаменовали триумф союза между *mediocres* и *inferiores* с лордом поместья за их спиной, так же как композиция 1309 года ознаменовала их триумф за столетие до этого, не-буржуа официально получили долю в фактическом контроле над управлением - обстоятельство, которое, насколько известно из опубликованных записей, не имеет аналогов в истории любого другого бора. Постановления были приняты (насколько неохотно, будет доказано позже) корпорацией 8 апреля 1411 года и подписаны лицами, выбранными из трех сословий жителей;[\[831\]](#) в ноябре 1412 года они были подтверждены Генрихом Четвертым; и еще раз 10 апреля 1413 года Генрихом Пятым.[\[832\]](#)

В то же время, в 1411 году, был поднят важный вопрос о выборах; чтобы обеспечить простолюдинам должную долю власти наряду с олдерменом и его братьями, было предложено разработать "некоторые новые постановления и конституции, касающиеся выборов мэра и остальных юратов, чиновников и министров". Общинники должны были собираться вместе за неделю до дня выборов и выбирать из своей среды общего оратора - пролокутора, как его называли в Линне. [\[833\]](#) Все желающие бюргеры могли свободно прийти в зал гильдии на выборы, и после публичного объявления о том, что никто, кроме бюргера или священника, не может отдать свой голос, община должна была выбрать два имени из числа присяжных, и из этих двух имен мэр и присяжные должны были выбрать одного в качестве мэра. На протяжении всей этой процедуры пролокутор и клерк практически выполняли роль шпионов[\[834\]](#) друг за другом в интересах своих партий, пролокутор охранял интересы народа и стоял на страже у локтя общего клерка (назначенца мэра и присяжных), когда тот ходил от бюргерства к бюргерству в зале и спрашивал, за кого они хотят голосовать, или когда он относил кандидатуры мэру и записывал решающие голоса верхней палаты "раздельно и тайно". Подобным образом регулировались и выборы других должностных лиц;[\[835\]](#) и, прежде всего, бюргеры впервые получили право участвовать в выборах совета из двадцати четырех человек, имея право на каждую вакансию выдвигать двух кандидатов; если их отклоняли, они снова должны были выбрать два других имени, и так далее, пока присяжные не будут удовлетворены. В своей новой конституции Линн, как и Норвич, решил сформировать свою систему по "образцу и форме, в которой она использовалась в городе Лондоне"; но в Линне были особые трудности, и новую схему можно было привести "по крайней мере в наибольшее соответствие с лондонской, поскольку в вышеупомянутом городе нет олдерменов, палат, регистраторов и прочих вещей, как в Лондоне".[\[836\]](#)

К несчастью для "сладости мира", в комитете из восемнадцати человек стороны были настолько равны, что реформы были приняты большинством в один голос.[\[837\]](#) Более того, соглашение, составленное комитетом 8 апреля 1411 года, изложенное и одобренное мэром и общиной в мае, подписанное по их приказу в июле и скрепленное общей печатью в декабре, было подтверждено хартией только в ноябре 1412 года.[\[838\]](#) Таким образом, когда 27 августа 1411 года бюргеры собрались, чтобы выбрать нового мэра, их постановления все еще оставались лишь общим соглашением и не имели никакой санкции закона, если их оспаривали. Бургомистры и небургомистры собрались в количестве около трехсот человек, чтобы посмотреть, что будет происходить. Был поднят вопрос о том, какую форму выборов следует использовать, и поступило предложение отложить дело. Но мэр объявил собранию, что все, кто желает продолжить выборы, должны сесть, а остальные - подняться, и все, кроме шести, "внезапно, как в одно мгновение, упали на формы, скамьи и землю"; сто сорок восемь бургезов настояли на продолжении дела. Следующим вопросом было определение состава жюри, и сто присутствовавших не-буржцев попросили дать им "немного голоса" в этом

вопросе, в чем им было отказано. Таким образом, олдермен гильдии и инфериоры были отодвинуты в сторону, поле осталось в руках бургомистров, и они, найдя компромисс между старой и новой системами, приступили к назначению, как и раньше олдермен, первых четырех членов жюри, двух юратов и двух посредников, которые затем добавили к себе восемь бургомистров. В следующем году народ снова собрался, бургомистров и небургомистров вместе до трехсот человек, несмотря на объявление в списках о процессе "утишения этих разногласий", и снова провел выборы по новой схеме.[839]

Однако соотношение сил было слишком равным, чтобы дать победителям хоть какую-то гарантию пребывания в должности, и правительство работало с большими трениями. Похоже, что мэр от народной партии усилил голоса радикалов, допустив к голосованию "иностранных" жителей (вероятно, некоторых из inferiores) против воли совета; в то время как реформаторы оскорбляли братьев по гильдии в своем собственном зале; а в 1415 году "без согласия мэра и бургезов" отменили долги города - долги, как мы уже видели, перед гильдией.[840] Их противники объявили, что новые постановления "послужили топливом для скорби и ненависти", и, по мнению злопыхателей, поздний договор вызвал "огромные расходы, потери и нестерпимый ущерб из-за раздоров, распрей и других бед" и неизбежно должен был "привести к окончательному разорению и нищете, а также к запустению и возможному ниспровержению всего этого города". В 1416 году было подано обращение к Генриху Пятому, чьи симпатии здесь, как и в Норвиче в то же время, были на стороне олигархии; и он, созвав партии перед собой[841], приказал окончательно примирить их. Чтобы "вырвать с корнем и искоренить раздоры", новые ордонансы были полностью отменены, прежние обычаи города восстановлены, а старая конституция возвращена. Олдермен снова получил свою древнюю должность,[842] юраты вновь стали самоизбираемым органом, и город был подчинен системе, которая была дорога потенциалам и против которой народ тщетно восставал. С этого времени старый метод выборов был возобновлен и продолжался в течение всего столетия.[843] Ропот недовольства, похоже, все еще периодически раздавался. В 1419 году один из горожан бросил вызов олдермену гильдии на избирательном собрании. "Мы хотели бы знать, - сказал он, - какой властью или правом вы созываете четырех человек, чтобы сделать нашего мэра"; но он был подавлен речью о "нашей хартии", и после этого собрания, похоже, общественность больше не допускалась на заседания корпорации.[844]

Потерпев поражение в главном вопросе о выборах мэра и присяжных, общинники вернулись к идее создания палаты представителей. В 1411 году уже была предпринята попытка сформировать совет из девяти человек, который, хотя и назначался мэром, должен был состоять из представителей трех общин и действовать от их имени; но эта затея закончилась с отменой ордонансов. Однако не успела Генрих Пятый восстановить прежнюю власть *potentiores*, как в народе тут же возродилась идея общего совета, возможно, вдохновленная примером Норвича, который всего за год до этого добился хартии, дававшей общему совету постоянный статус. Было решено, что каждый из девяти констабуляриев или приходов Линна должен выбрать трех бюргерш, "имеющих достаточный стаж работы в городе", которые должны принимать участие во всех делах, касающихся налогов, десятых, пятнадцатых, пособий, ремонта домов, стен, мостов, водотоков, канав, всех платежей, составления счетов и других расходов бора. Этот новый орган из двадцати семи человек сразу же стал известен как общий совет и был официально утвержден епископом в 1420 году. Община обязывалась подчиняться любому указу, изданному от имени двух советов,[845] а с декабря 1418 года, когда благородные юраты и благоразумные бюргеры впервые собрались в зале гильдии, все ведение городских дел перешло в их руки.[846] Отныне указы и постановления принимались с согласия "всей общины";[847] но очевидно, что учреждение общего совета в этой форме

ознаменовало окончательное разделение интересов двух низших классов общества и бесповоротное прекращение их союза. Как в 1411 году инфериоры были объявлены неспособными участвовать в избрании должностных лиц, так и теперь они остались без какого-либо участия в законодательстве, в то время как медиумы благополучно вступили в свой удел.

Так революция в Линне угасла. Ибо нельзя сказать, что новый общий совет представлял собой, в конце концов, очень грозную уступку демократическим требованиям. В отличие от совета 1411 года, он, очевидно, совсем не учитывал интересы инфериоров. Избиратели коннетаблей редко насчитывали более двадцати человек, а иногда и вовсе двенадцать, и весь орган, избравший новый совет, состоял не более чем из ста пятидесяти человек.[848] Кроме того, во избежание неприятностей существовало положение о том, что если какой-либо человек окажется непригодным, мэр и олдермены, а также советы двадцати четырех и двадцати семи человек могут выбрать на его место другого.[849] С такими гарантиями можно было рассчитывать, что новые представители будут работать в полном согласии со старыми; *potentiores* приняли *mediocres* в свои советы и заключили с ними союз, а *inferiores*, оставшись за дверью общего зала, покинутые своими старыми единомышленниками и зависимые от лорда, влияние которого неуклонно падало, погрузились в безвестность и молчание. Со временем юраты возвысились до полного достоинства верхней палаты и фактически обеспечили в своих руках все управление девятью констеблями, издав в 1480 году указ, согласно которому юрат должен быть избран олдерменом в каждом констебле, что олдермен и констебль вместе должны поддерживать мир и разрешать споры, и что если они не смогут утихомирить бунтовщиков, то ни один бюргер в этом констебле не может быть истцом в любом суде, духовном или мирском, без разрешения мэра.[850] Наконец, в 1524 году оба правящих класса получили хартию, которая превратила их корпорацию в тесный самоизбирательный орган; мэр должен был избираться двенадцатью олдерменами, двенадцать олдерменов - общим советом, а общий совет - мэром и олдерменами.

В последнем состоянии совета мы видим силу, придаваемую высшим классам общим союзом, унижение небуржуев и растущую слабость лорда поместья. Однако невозможно утверждать, что в Линне примитивное демократическое правление было постепенно вытеснено узурпировавшей власть олигархией. Если сравнить требования, выдвинутые в 1309 году широкими слоями населения - требования свободы торговли и гарантии того, что их не обложат несправедливыми налогами, - с их требованиями столетие спустя получить официальное представительство в управлении городом, мы увидим, какие успехи были достигнуты за эти сто лет в развитии понятия народного правительства; и, насколько оно не было жестоко пресечено чуждым влиянием, движение начала пятнадцатого века шло в направлении расширения свободы. В новом органе управления заседало более чем вдвое больше членов, чем в старом совете потенциалов, и два сословия были представлены вместо одного; при этом простолюдины не потеряли ни одного из древних обычных прав, которые изначально принадлежали им. Небургессы по-прежнему появлялись вместе с остальными, когда нужно было взимать налоги или распределять общее имущество. В 1435 году, когда мэр был отправлен в Брюгге в качестве одного из послов короля по торговым делам, его поездка и расходы на нее были предписаны "по полному совету и согласию двадцати четырех и общего совета и всех бюргеров и купцов Линна".[851] В первые годы правления Генриха Шестого займы денег королю и получение ответных платежей осуществлялись от имени и с согласия всей общины;[852] в 1448 году арбитры для решения спорного вопроса о ренте были избраны таким же образом всей общиной;[853] И при взимании налогов все три порядка действовали вместе, как и раньше, так что в 1463 году, когда нужно было собрать сумму в 36 фунтов стерлингов, из восемнадцати человек,

выбранных для оценки налога, шесть принадлежали к юратам, шесть - к общему совету и шесть - к "коммунитас". "[854]

Однако с точки зрения реального расширения свободы революция провалилась, и, как и в Норвиче, по чисто внешним причинам. Временный суверенитет церкви уничтожил политическую свободу государства. С тех пор как епископ разделил общество на две части, которые уже никогда не могли объединиться для гражданских целей, церковная традиция стояла между народом и свободой. Решающий момент для свободы в Линне наступил за столетие до этого, в тот день в 1309 году, когда епископ отвоевал у корпорации право создать в качестве оплота своей власти класс жителей, защищенных во всех материальных интересах их жизни, но отрезанных от тела свободных граждан и тщательно лишенных политической независимости. Некоторое время система, при которой привилегированному классу позволялось покупать защиту города, не платя справедливой цены, и сохранять положение в его стенах благодаря авторитету власти вне его, казалось, хорошо работала для обеих сторон этой хитрой сделки - более того, давала определенные преимущества. Зависимые от епископа во всех своих торговых правах и привилегиях, инфериоры довольствовались тем, что позволяли ему вести свои сражения, что он и делал с таким успехом, что посредники сами привлекались в их партию и вступали с ними в общее дело к очевидной выгоде всех заинтересованных сторон. Но единственная сила коррумпированного союза, абсолютно ложного в принципе, заключалась в поддержке епископа, и не успел он начать давать сбои, как вся схема полностью рухнула. Вопрос о выборах, поднятый на августовском собрании 1411 года, дал *potentiores* возможность разрушить конфедерацию изнутри, отделив сто или сто пятьдесят посредников от остальной части партии сопротивления, оставив не-буржуев выкручиваться самостоятельно; и когда те, внезапно осознав свое незавидное положение, попытались вернуть позиции и умоляли принять их в семью граждан-избирателей, хотя бы "маленьким голоском", для их раскаяния не нашлось места. Общий совет, к созданию которого стремилась община, в итоге представлял лишь горстку привилегированных людей вместо общей массы жителей, и всякая надежда на политическое развитие Линна как свободной общины была раз и навсегда пресечена. Предательство общего дела гражданского равенства принесло свою точную расплату в тот день, когда все орудия бесправных жителей были признаны сломанными и бесполезными. В общем собрании у них не было голосов. В общем совете у них не было представителей. Механизмы всех семидесяти пяти гильдий [855] не могли ни в коей мере быть использованы для укрепления власти народа; до тех пор, пока большая часть ремесленников и мастеров находилась за пределами городской управы, они не могли использовать свои организации на благо общего дела. Лишенные тесной связи между районом и ремеслом, которая существовала в других городах, они не могли ни стремиться посылать делегатов от ремесла в зал заседаний совета, ни сделать ремесло единственным способом доступа к свободе города.

Главным результатом этого распада "коммунитас" Линна на три фракции, которые уже никогда не смогут объединиться, стало окончательное утверждение власти в руках небольшого правящего класса. В Линне всегда побеждали купцы. Один за другим они побеждали своих противников - церковь, посредников, инфериоров. В истории города с первого до последнего дня прослеживается необычное и жалкое единство. Линн отвоевал у суши и моря небольшое пространство земли, небольшое время жизни, и там, освещенный мимолетным отблеском благосклонной фортуны, он проводил свой краткий эксперимент - один опыт, последовательный от первого до последнего, и едва ли подверженный случайностям или изменениям. Старый район все еще сохраняет некое тонкое очарование затянувшегося отличия. Даже сейчас, когда мы смотрим на дома последних торговцев -

тяжелые двойные двери, отгораживающие большой двор от улицы, дома, построенные вокруг трех сторон открытой площади и приподнятые сзади прямо из вод каналов, прорезанных, чтобы дать проход кораблям и баржам, которые дрейфовали вверх во время каждого прилива, почти задевая окна, открывающие богатые палаты, темные от резьбы по дереву, - мы словно вдыхаем странный воздух далекого места и времени, в котором этот старый город мертвых купцов лежит вечно. Сама мода этого места вечно твердит о том, что с наступлением конца древние правители Линна гордо удалились, не завещав никому своего наследия и оставив свои безмолвные жилища терпеть присутствие чужаков, но без притворного радушия.

ГЛАВА XVI

ОБЩИЙ СОВЕТ СЭНДВИЧА

Попытка создать в различных округах муниципальную палату общин для защиты народных свобод - столь яркий факт в истории городов XV века, что ради повторного наблюдения за экспериментом в новых условиях мы можем привести последний пример создания представительного совета. Случай Сэндвича значительно отличается от случая Норвича или Линна, хотя один важный факт является общим для всех трех районов. В каждом из этих городов попытка разработать новую конституцию потерпела неудачу; и, как это ни странно, в каждом случае она была сорвана не из-за каких-либо признаков слабости, присущих самой схеме, а в результате действия внешних и случайных причин. В Норвиче система, возможно, была разрушена из-за трудностей в работе того, что мы можем назвать внешними делами, то есть из-за неопределенных и невозможных отношений города к стране, когда город претендовал на вмешательство в интересы, над которыми его власть была ограничена, в то время как эти интересы не имели регулярного представительства в его советах, так что интриги пришли на смену признанным и упорядоченным влияниям, и естественные различия партий внутри города были погружены во фракции, более или менее внешние и искусственные, и в развращенные политические амбиции, которым они дали возможность. В Линне столь же искусственное состояние партий было создано и поддерживалось миниатюрной борьбой между церковью как мирской властью и гражданским правительством. Существование большого числа прихожан, освобожденных епископом от справедливого бремени гражданства, зависимых от его защиты, отстраненных от полной доли ответственности своих сограждан и используемых в качестве своего рода оккупационной армии для поддержания его прав над городом, было фатальным для здорового развития муниципального самоуправления. Но в Сэндвиче предлагается совершенно новая проблема - проблема местного самоуправления в составе конфедеративного государства, в котором несколько общин могли бы стремиться к демократии, в то время как центральная администрация оставалась бы оплотом аристократических традиций.

Сэндвич нельзя рассматривать как самостоятельный, независимый и самодостаточный город, подобно Норвичу. В соответствии с конституцией Синк-Портс, как мы видели, некоторые важные вопросы, такие как военная оборона, финансы, внешняя торговля и иностранные торговцы, высшие вопросы правосудия и так далее, находились в ведении центрального правительства, представленного либо в Дувре, либо в Бродхулле, а несколько

городов в основном занимались местными делами. Возможно, что при ведении повседневных дел сравнительно простого характера было меньше необходимости в верховенстве экспертов, чем в больших округах, и, видимо, управление не так быстро превращалось в деспотию олигархии. Кроме того, многое благоприятствовало народным движениям в общих условиях Кента и Сассекса, которые уже в двенадцатом веке были центрами горной и обрабатывающей промышленности и в среде которых не раз возникали движения либеральной и радикальной мысли, подобные тем, что в наши дни пришли с угольных и железных рудников севера. Торговые суда, выходившие из портов через Немецкий океан, поддерживали постоянную связь с торговыми городами североευропейского побережья, где муниципальная жизнь была наиболее энергичной и устойчивой. А среди чужаков, которым Сэндвич давал приют, пока в конце концов почти треть его улиц не заняли иностранцы, основную массу составляли торговцы или артизаны из Нидерландов, которые, где бы они ни искали убежища после отчаянной борьбы с олигархией в своей стране, должны были нести с собой свое твердое кредо независимости и свободы политических дискуссий и неизбежно становились на популярную сторону городской политики, будь то в качестве имеющих право голоса или в качестве не имеющих права голоса.

Таким образом, жители Синкве-Портс надолго сохранили прекрасную традицию энергичной независимости; и в Сэндвиче, как и в других портах, горожане фактически сохранили на практике что-то из ранней демократической теории правления. Мэр, присяжные и другие должностные лица, избираемые всем сообществом, [856] выполняли административную и судебную работу, но когда возникал вопрос о принятии новых законов или о выдаче кессы, весь народ созывался на дудение в рог, [857] и "мэр и сообщество на общем собрании могли принимать такие постановления, какие считали нужными". Любое собрание свободных людей, каким бы маленьким оно ни было, собравшихся вместе с мэром, "считалось собранием всего тела", и его постановления, следовательно, были обязательными; но мэр мог послать обычного вардмана или кого ему заблагорассудится, чтобы закрыть все окна подвалов и магазинов и таким образом насильно убедить торговцев и ремесленников присоединиться к собранию. [858]

Этот способ управления с помощью единого совета из двенадцати человек, контролируемого *референдумом*, просуществовал в неизменном виде до середины XV века; и, конечно, системе, которая в больших районах так быстро превратилась в правление плутократии, было не так сложно сохранить свой демократический характер в маленьком сообществе, которое только увеличилось с трехсот восьмидесяти трех населенных домов времен Завоевателя до четырехсот двадцати семей в 1565 году [859] и в котором были сильные силы, способствующие свободе и народного правительства. Казалось бы, трудность мэра заключалась не столько в том, чтобы заставить свободных людей выполнять свои гражданские обязанности, сколько в том, чтобы сдержать слишком активное рвение жителей, не имеющих права голоса, и Сэндвичу пришлось повторить свои законы о том, что на выборах должны присутствовать только свободные "бароны", обитатели домов и домохозяева, и, наконец, наложить на любого нарушителя штраф в 21 д. и лишить его верхней одежды. [860]

Однако в середине пятнадцатого века началось движение за изменение примитивной конституции города. Первое изменение, вероятно, было направлено на то, чтобы привести Сэндвич в соответствие с господствующей модой. В 1437 году восемь приходов были преобразованы в двенадцать, и в каждом из них заседал юрат, имевший право ежегодно назначать своего констебля и его заместителя. [861] Другие реформы последовали при

Ричарде Коке, который был мэром пять раз за тринадцать лет, а в 1470 году был избран в шестой раз, чтобы заключить мир с Эдуардом Четвертым после его победы над Генрихом Шестым.^[862] Во время его первого мэрства (в 1441 году) был издан указ, согласно которому на скамье в суде не мог сидеть никто, кроме мэра, присяжных и королевского бейлифа; иными словами, утверждалось достоинство верхней палаты, и всякое вторжение и вмешательство в ее консультации становилось невозможным. На растущую власть совета немедленно отреагировала организация общин для защиты собственных интересов, подобная той, что мы видели в Норвиче и Линне за полвека до этого. Во время пятого срока правления Кока, в 1454 году, был сформирован представительный совет из семидесяти общинников, которые с согласия мэра и юратов должны были проводить всевозможные выборы и все розыгрыши и жеребьевки. Таким образом, примерно один житель из каждых шести получал долю в управлении - схема, настолько отличающаяся от схемы Норвича или Линна, что это говорит о том, насколько Сэндвич опередил эти города в привычке к народному управлению.

С этого времени мы можем проследить постоянный конфликт между двумя партиями в городе - чиновниками или правящим классом и простолюдинами. Общий совет был перестроен десять лет спустя, в 1464 году, и его состав сократился до тридцати шести человек. Весьма вероятно, что это изменение было вызвано политикой правящего класса; ведь в то же время мэр и присяжные выдвинули претензии на то, чтобы быть авторитетными судьями в отношении пригодности людей, посланных простонародьем в совет, и было постановлено, что народ должен отныне выдвигать сорок восемь человек, по шестнадцать от каждого прихода, и что мэр и присяжные должны затем выбрать тридцать шесть из них для работы в общем совете. Однако их триумф был недолгим, поскольку в 1471 году, сразу после последнего прихода Кока на пост мэра, контрольный выбор мэра и присяжных был отменен, и было решено, что жители города должны сами, без какого-либо вмешательства или диктата, избрать по двенадцать человек от каждого из трех приходов в общий совет, который будет советоваться с мэром и присяжными "когда мэру будет угодно" о пользе и выгоде города, а также принимать и устанавливать постановления для его блага.^[863]

Более полувека демократическая партия добивалась своего. Народное представительство было признано частью конституции Сэндвича, а в самом городе, судя по всему, либеральные идеи управления и гражданской свободы преобладали в гораздо большей степени, чем в Норвиче или Линне. Все шло хорошо до времен Генриха Восьмого. Затем объявилась необычная опасность, и история шестнадцатого века - это история разрушения народных свобод в Сэндвиче. Правящий класс имел в каждом из Синкве-Портов источник особой силы. Как ни мало их было и как ни мало голосов в каждом отдельном порту, они господствовали в суде Бродхулла, где их большинство было уверенным и где они могли вести дела с большой силой; и именно там органы управления различных портов, которым в равной степени угрожала публичная критика их действий и ограничение их полномочий, объединились для защиты своих общих интересов. Все попытки создать свободно избираемые общие советы или какие-либо представительные органы, выражающие народное мнение, получили свое успокоение на суде Бродхулла в 1526 году. Собравшееся там респектабельное собрание мэров, присяжных и делегатов приняло резолюцию, согласно которой обязанности по избранию мэра и присяжных, приему королевского пристава и назначению приставов в Ярмуте должны быть переданы в каждом порту комитету из тридцати семи человек, а в каждом корпоративном городе - органу из двадцати четырех, которые должны быть назначены мэром и присяжными.^[864] В 1528 году новый мэр Сэндвича был избран по новой моде: все землячество выдвинуло трех присяжных, одного из которых затем выбрал назначенный комитет из тридцати семи человек.^[865] О том, что

свободные люди не отказались от своих прав без боя, можно судить по тому, что в 1535 году они снова избрали мэра по древнему обычаю города; но это была проигранная битва, и, по сути, ни одна народная свобода не пережила этот век. Общий совет был сокращен до двадцати четырех членов, и как верхний, так и нижний советы назначались мэром и юратами. Выборы мэра были отняты у народа, а присяжные заседатели сменяли друг друга на этом посту в порядке старшинства.^[866] Наконец, в 1595 году у общинников было отнято право голоса на собраниях, которое было восстановлено в 1599 году и вновь отнято "за их дерзость и беспорядок" в 1603 году.

Таким образом, очевидно, что в Сэндвиче движение за реформы потерпело неудачу не из-за собственных пороков или недостатков, а из-за непреодолимого давления внешней силы - в данном случае федерального совета Соединенных Штатов, входивших в конфедерацию Синкве-Портс. Несомненно, легкая победа всей конфедерации стала возможной благодаря упадку судьбы города, ведь к моменту поражения бодрость и слава Сандвича угасли. Работы по сохранению порта велись постоянно, начиная с XIII века, когда был прорыт искусственный канал, известный как Дельф, и передан в ведение надсмотрщиков; однако после мужественной борьбы, длившейся двести лет, землекопы и шлюзовики уже не могли противостоять ветрам и пескам, заиливавшим гавань. В 1483 году город, под угрозой разрушения построенной им стены, приказал джентльменам и йоменам, имевшим пастбища у ручья, вычистить дамбы и сделать шлюзы; но ни принудительные усилия графских сквайров, ни королевское пожалование городу в 1548 году всего имущества и сокровищ приходских церквей для проведения работ в гавани;^[867] ни последующий парламентский акт об углублении Стоура, не смогли спасти Сэндвич от гибели. В своей дряхлости свобода ускользнула из его рук. Но бедствие более позднего времени не должно полностью заслонять своей тенью записи о днях, когда Сэндвич радовался более ярким удачам. Если в период упадка процветания и надежд олигархия и наинула свое ярмо на шею народа и положила начало правлению плутократов, победа не была быстрой; ведь на протяжении всего пятнадцатого века, как мы видели, когда по необходимости времени вопрос о более строгой организации общественной жизни как здесь, так и в других местах был поставлен на первый план, общины Сандвича не отказались от своих прав на самоуправление и не приняли должного участия в формировании новой конституции. Не исключено, что олигархическая община Бродхуллов черпала силы для подавления народной независимости в основном из поддержки или даже подстрекательства двора; ведь мы легко можем понять, что в то время, когда в рамках политики Тюдоров Англия представлялась великой державой в Европе, обремененной обязательствами и ненавистью, ее министры были вынуждены с тревогой смотреть на первую линию обороны от иностранных врагов. Политика закрепления главных портов в руках небольшой группы лояльных чиновников, легко контролируемых из штаб-квартиры и не дружащих с обычными бунтами и мятежами, неизбежно должна была привести к возрождению древней традиции, которая видела в безопасности королевства всю цель конфедерации Чинк-Порт.

ГЛАВА XVII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С воцарением Генриха Восьмого открывается совершенно новая глава в истории городов. В предыдущие столетия мы проследили их постепенный рост из неприметной бедности в прославленную роскошь и достоинство. Уже во времена Лангленда воображение поэта поражало возвышенное положение мэра, "человека дня", который мог наложить руку на высших и низших, на королевское величие и на простых людей коммуны. Когда сто пятьдесят лет спустя другой поэт изображает двор Славы, где она восседает

"Под славной тканью владений...

Коронованная как императрица всего этого мира судьбы".[868]

Он видит в толпе просителей, которые теснятся вокруг трона, чтобы вымолить ее благосклонность, людей из Дартмута, Портсмута и Плимута, бургомистров и бейлифов Чинк-Порта, смешивающихся с посланцами из Фракии и Раунсваля. И их претензии на место в таком суде были не более чем фантастическим поэтическим вымыслом. Мы видели, как коммуна и бор - первоначально, несмотря на их коллективный характер, просто феодальные владения, как и все остальные, введенные под санкцией и защитой обычного феодального обычая и в соответствии с фикциями феодального права - со временем стали мощной силой, способной разорвать средневековые рамки общества. Покровительствуемые и поощряемые королем, питаемые в значительной степени за счет баронства, светского и церковного, эти коварные народные сообщества постепенно проявили свой собственный характер, чуждый всей феодальной традиции. Под защитой их стен силы среднего класса были собраны для борьбы с древним господством дворянства и церкви. Хартии "для облегчения бюргерам спокойного ведения дел" стали прикрытием для их неотразимой атаки; а общий колокол, звонивший, чтобы собрать общину наделенных правами бюргеров, вечно возвещал в каждом боро королевства об окончательном триумфе "простых людей королевства".

Мы также отметили, что в течение этих столетий боро оставались оплотом твердой веры в политическую свободу.[869] Теории свободы, которым учили государственные деятели и философы, которые по-своему обсуждали бароны и рыцари в Руннимеде, на поле боя или в зале совета, в городах принимали более домашние формы и становились вульгарным достоянием народа. У мещанина тоже было свое представление об идеальной свободе - свободе, которая никогда не входила в сферу его опыта, но в которую он все еще верил с трансцендентной верой. Каким образом эта вера пришла к нему, трудно сказать: через какую юридическую фикцию, через какую таинственную традицию, через какой доминирующий инстинкт расы. Чтобы утихомирить врага и обвинителя, он мог призвать в свидетели Domesday или Magna Charta, или вольности, записанные в Старой Красной книге города, "как мы думаем", или в обычаях старейшин; или, за неимением лучшего авторитета, басня о потерянной хартии Саксонского дома, или теневая местная легенда, или рассказ о свободе "задолго до Завоевания"[870] служили доказательством репутации. Но для верующего свидетельства были излишни; сама расплывчатость его веры была не лишена преимуществ, поскольку придуманный мир прошлого мог быть в достаточной мере снабжен образцами всего того, чего хотелось бы в настоящем. Воображение стимулировалось соперничеством группировок, а политические дискуссии никогда не прекращались. Несомненно, вульгаризация понятия свободы, выброшенного на рынок, чтобы мещане обрезали и подгоняли его под свои нужды, оказала неизгладимое влияние на английскую мысль.[871] В сообществах, где сугубо личные амбиции в управлении были сведены к самому низкому проявлению, где единственной возможной тиранией была тирания класса или группы, и где все общество бюргеров питалось традицией равных и нерушимых прав, привилегией, желанной для простых людей, было не удовольствие от осуществления власти, а право не подвергаться принуждению. Среди горожан "джентльмен" был не тем, кто правил

своим соседом, а равным среди своих собратьев. В благородном переводе церковного сборника можно обнаружить не только тонкую интуицию ученого, но и отголосок духа свободной и равной свободы, который зарождался в широких слоях населения. Если фраза "Cui servire est regnare" несла английским ушам чужую мысль, то английские слова привнесли новый и характерный смысл - "Чье служение - совершенная свобода".

Наконец, мы увидели, как изменчива была судьба свободы - как часто ей мешали и препятствовали пройти через рыночную площадь и подворотни города, гоняли из укрытия в укрытие, изгоняли из Гилдхолла, высмеивали ложным почтением. Между двенадцатым веком, когда торговые сообщества представляли собой новую демократию и возглавили наступление на устоявшихся магнатов общества, и шестнадцатым веком, когда из их рядов сформировалась правящая олигархия, в политических отношениях процветающего среднего класса произошли огромные изменения. Ведя великую борьбу за освобождение от феодальных и чиновничьих владык и развивая всеобщую свободу торговли, зажиточные бюргеры, которые первыми вышли на авансцену, оказались поборниками новой свободы. Сильное правительство, которое они создали благодаря управлению избранными экспертами, в значительной степени оправдало себя, поставив независимость городов под угрозу; и задолго до начала пятнадцатого века боро, представленные своими магистратами и советниками, занимали неприступную позицию. Тем временем, однако, волна промышленного прогресса начала медленно поднимать из бессловесной беспомощности массы, которые до сих пор учились покорности нищеты и отчаяния, ибо "пока голод был их господином, никто не стремился". Незаметно вся сцена изменилась, и стало видно, что готовится новый конфликт. Медленные изменения времени привели к тому, что демократия 1200 года превратилась в олигархию 1500 года. С одной стороны, плутократы боро пробились в круг привилегированных классов; в тысяче пунктов их интересы теперь совпадали с интересами чиновников и дворянства в графствах; их консервативные инстинкты завоевали доверие и симпатии двора. С другой стороны, более скромные торговцы и ремесленники, все плотнее собираясь в оживленных промышленных центрах, знакомые с методами и способами объединения, нетерпимые к тирании и нужде, начинали формировать новую демократию и представлять собой тревожную социальную опасность для комфортабельных классов. В каждом районе формулировались проблемы, стоящие перед современным миром. Со всех сторон агитаторы провозглашали право рабочих иметь право голоса в организации торговли, право простых мещан участвовать в управлении муниципальными делами. Требование народа, чтобы правительство действительно осуществлялось по его согласию, так легко подавляемое в XIII веке, стало в XV громким и настойчивым; а бунтарские конфедерации рабочих и ремесленников добавили волнения к политическим демонстрациям на улицах. В зал заседаний совета Гилдхолла ворвался новый ужас - ужас толпы. В то время как ремесленники спешили укрепить гильдию против сил произвола, городские советники укрепляли администрацию города в интересах порядка. История муниципалитетов в XV веке отнюдь не свидетельствует об эпохе политической апатии или простой гражданской праздности и коррупции. В записях торговых братств мы видим начало промышленной войны. В конституциях и ордонансах городов мы видим предвестие политической революции. Первоначальная борьба с феодальными силами завершилась триумфом для районов, и теперь начинается новый конфликт. Фракционная борьба, хитроумные интриги, сложные конституционные изменения - все это сигнализирует об открытии нового противоречия - противоречия между средними и низшими классами.

Однако в тот самый момент, когда это разделение социальных сил заявило о себе и когда казалось, что внимание Англии должно быть сосредоточено на новой социальной проблеме, все движение было внезапно остановлено. Все рассуждения о том, что могло бы произойти в

ходе естественной эволюции, совершенно напрасны. Вполне вероятно, что бедные классы, необученные, необученные и недисциплинированные, в то время были совершенно не готовы вступить в борьбу за промышленное и политическое освобождение, и если бы борьба действительно велась, то потерпели бы сокрушительное поражение. Потребовались столетия дисциплины, чтобы консолидировать их силы, и очень возможно, что курс на свободу был лучше отложен. Однако на самом деле социальный вопрос был отброшен внешними и произвольными силами. Он был поглощен политической революцией, начатой ранними Тюдорами. Перемены были столь бурными, что только в наш век споры, начавшиеся в XV веке, вновь вышли на первый план.

Ведь с того момента, когда при королях Тюдоров начинается история национальной политики, весь характер и значение местных центров управления претерпевают глубокие изменения. Генрих Седьмой, как мы видели, заложил основы обширной торговой политики; но до правления Генриха Восьмого Англия, не осознавая своих возможностей и своей судьбы, стояла в стороне от европейских дел; с ее небольшим населением, недостаточным флотом, несколько старомодной армией, слабым политическим влиянием она была не более чем новичком в августейшем обществе континентальных наций. Из этого положения она была поднята гением Вулси в государство, о котором можно сказать, что его корона "сегодня более почитаема, чем корона императора и вся его империя"; и о чьем министре венецианский посол сообщает, что "он в семь раз могущественнее Папы".^[872] Через несколько лет Англия, которую обхаживали французские и испанские короли и которая могла на равных общаться с папой и императором, могла похвастаться тем, что является посредником и арбитром в европейской политике. Гордость за великую миссию возвышала воображение ее народа, и поэт эпохи Возрождения в своем видении "всех народов", обитавших на поле славы, отметил ворота из халцедона, дававшие вход в "Англию".

"Здание их было достойно похвалы;
На нем стоял леопард, увенчанный золотом и камнями,
Ужасный лицом и грозный, ...
Так же свирепо хмурясь, как и сражаясь".^[873]

Благодаря королевской храбрости и аппетиту Генриха Восьмого, стремившегося сделать весь народ своим сообщником для исполнения своей личной воли, дело Вулси было продолжено, хотя и в совершенно ином ключе, а национальная гордость и уверенность были доведены до высшей точки. Если бы политика Кромвеля была доведена до конца, история Реформации и судьбы Европы могли бы быть перевернуты вмешательством Англии. Мы прекрасно понимаем, что среди этих грандиозных планов местные устремления были забыты, а местные распри затихли. Для совершенствования политики новой монархии судьбы нескольких городов были погружены в судьбы всего Содружества. Государи больше не смотрели с заинтересованным вниманием или с равнодушной терпимостью, как раньше,^[874] рост городских франшиз и развитие местных органов власти. Уличные беспорядки стали делом уже не прихода, а государства. Рука короля была протянута над богатыми корпорациями, чьи свободы выросли до таких огромных размеров, и, подобно баронству и церкви, боро были положены на колени перед троном.

Ведь при тудоровской системе правления король был необходимым центром всех интересов страны.^[875] Только он мог проводить общую политику и выражать национальную волю. К нему обращались все сословия, чтобы защитить свое дело и обеспечить свое процветание, в полной уверенности, что он живет только для них и исполняет их волю. В королевской власти заключалась единственная сила, с помощью которой Англия могла держаться вместе. В более ранние времена простые люди отвергали доктрину абсолютного верховенства короля

в ее нынешнем понимании. "Они говорят, что король должен жить за счет своих коммун, и что их тела и имущество принадлежат ему: верно и обратное, ибо тогда он никогда не нуждался в парламенте и не требовал от них добра".[876] Но теперь за границей распространялись новые максимы - "что король не может сделать ничего плохого, как бы ему этого ни хотелось; что не только имущество, но и лица его подданных принадлежат ему; и что человек имеет право не более чем на то, что доброта короля сочтет нужным у него не отнимать". Парламент почти прекратил свое существование, пока со временем, укомплектованный тщательно подобранными членами и искусно обманутый королем, не превратился в инструмент, с помощью которого самые безжалостные акты королевской агрессии могли быть облечены в печать и видимость закона.[877]

Новое централизованное правительство осуществлялось с помощью обширной чиновничьей системы, которая распространялась от высших до низших ведомств и достигала самых дальних пределов страны. В своей эффективной форме она была практически творением первого короля Тюдоров. Вместе с Уориком ушли в прошлое лидеры баронства прежних времен, а ослабленные остатки баронства, появившиеся после гражданских войн, были тщательно подавлены Генрихом Седьмым. Их места в совете заняли чиновники, получавшие приказы непосредственно от короля, а когда бароны вернулись к управлению и совету, они вернулись как сослуживцы новых чиновников и с теми же функциями. Генрих Восьмой проводил ту же политику. Знатные вельможи могли жаловаться на "низкородных рыцарей", окружавших короля; но когда министр "хлопал жезлом по доске", на послушном совете наступала тишина - и бароны, и коммонеры трепетали перед сыном ипсвичского купца или кузнеца из Путни.

Ибо огромная власть Вулси или Кромвеля заключалась в том, что вся иерархия чиновников, от самых возвышенных до самых низменных, была непосредственно ответственна перед ним. Каждая важная фигура в стране была прекрасно известна министру, стоящему во главе дел, и за каждым подчиненным по всей стране двор бдительно следил. Если чиновник в каком-либо пункте расходился с мнением штаб-квартиры, его немедленно снимали с должности, и легкость, с которой Генрих и его преемники совершали национальные революции, является мерилем абсолютного совершенства, до которого был доведен механизм их управления. Невозможно преувеличить последствия этой политической революции в округах. Последствия, к которым пришли города, сделали их важнейшими административными центрами для поддержания общего порядка. Две трети членов парламента были направлены из округов, и контроль над ними означал контроль над Палатой общин. Поэтому по двум причинам тенденция, давно проявлявшаяся при дворе к сочувствию правящей олигархии в муниципалитетах, неизбежно приобрела с этого времени новую силу. При олигархической системе управления городами для короля могла держать всего лишь горстка верных чиновников, и влияние короны естественным образом перетекало на сторону представителей хорошего порядка, как его понимало правительство. В интересах всего государства была выработана новая политика. Муниципальная независимость была вырвана с корнем, а свободный рост прежних времен задержан железной дисциплиной, придуманной в Вестминстере и обеспечиваемой избранной компанией чиновников Таунхолла, чья власть, как считалось, в конечном итоге поддерживалась величием самого короля. Число членов городского совета постоянно сокращалось, а свободы общинников урезались. В новых условиях индивидуальная жизнь боро перестала иметь прежнее значение, и наступила эпоха, когда его высшей судьбой стало использование в качестве инструмента королевской воли для достижения национальных целей, а его единственная слава заключалась в формировании одного из членов могущественного содружества. Проследить внутреннюю историю муниципальной

политики по старым линиям, как будто история шестнадцатого века была естественным следствием их более раннего развития, было бы в корне неверно; поэтому я останавливаюсь на пороге нового положения вещей. История боро как школ, в которых новый средний класс получал подготовку к службе на поле национальной политики, и как лабораторий, в которых они проводили свои самые плодотворные эксперименты в области управления, заканчивается до конца пятнадцатого века. Возможно, когда рабочий класс, в свою очередь, поднимется и займет место рядом со своими предшественниками на сцене общественных дел, города снова станут центрами интереса к национальной истории, мастерскими расширенной политической науки.

ИНДЕКС

КОНЕЦ ТОМА. II

RICHARD CLAY AND SONS, LIMITED, LONDON AND BUNGAY.

ДВЕНАДЦАТЬ АНГЛИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ.

Crown 8vo, 2s. 6d. каждая.

УИЛЬЯМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ. Эдвард А. Фримен, D.C.L., LL.D.

TIMES.- "С большой живописностью передает... драматические происшествия незабываемой карьеры, далекой от наших времен и нашего образа мыслей".

ГЕНРИХ II. Миссис Дж. Р. Грин.

TIMES.- "Она восхитительно реальна и читабельна, и, несмотря на сильное сжатие, обладает очарованием средневекового романа."

ЭДВАРД I. Т. Ф. Тоут, магистр истории, профессор истории Оуэнс-колледжа, Манчестер.

"Более правдивого и реалистичного изображения короля, завоевателя, владыки, герцога еще не было".

ГЕНРИХ VII. Джеймс Гейрднер.

ATHENÆUM.- "Лучший рассказ о Генрихе VII, который когда-либо появлялся".

КАРДИНАЛ ВУЛСИ. By Bishop Creighton.

SATURDAY REVIEW. - "Это именно то, чем должна быть одна из серий кратких биографий английских государственных деятелей".

ELIZABETH. Автор Э. С. Бизли.

MANCHESTER GUARDIAN. - "Ее можно рекомендовать как лучшую, самую краткую и самую достоверную из многих книг, которые в этом поколении были посвящены жизни и деяниям этой "яркой звезды Запада, королевы Елизаветы счастливой памяти"".

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ. Фредерик Харрисон.

TIMES. - "Дает удивительно яркую картину событий".

WILLIAM III. H. D. Traill.

SPECTATOR. - "Мистер Трейлл отлично справился со своей работой на ограниченном пространстве, которым он располагает. Повествовательная часть ясная и живая, а его критические замечания, хотя иногда и резкие, в основном справедливы."

УОЛПОЛ. Джон Морли.

ST. JAMES'S GAZETTE. - "Она заслуживает прочтения не только как работа одного из самых выдающихся политиков современности, но и по своим внутренним достоинствам. Это умная, вдумчивая и интересная биография".

ПИТТ. Лорд Розбери.

TIMES. - "Блестящая и увлекательная..... Стиль - лаконичный, мужественный, нервный, внятный и четкий; понимание обстоятельств и характера - твердое, пронизательное, яркое и беспристрастное; суждения - широкие, щедрые, гуманные и скрупулезно откровенные..... Это не только яркая оценка характера и политики Питта, но и блестящая галерея портретов. Портрет Фокса, например, является шедевром".

PEEL. Дж. Р. Терсфилд.

DAILY NEWS. "Образец того, какой должна быть такая книга. Мы не можем дать ей более высокую оценку, чем сказать, что она достойна занять место в одной серии с "Уолполом" мистера Джона Морли".

CHATHAM. By John Morley.-----[In preparation.

ДЖОН РИЧАРД ГРИН.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО НАРОДА. С картами и таблицами. Crown 8vo, 8s. 6d.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО НАРОДА. С картами, таблицами и анализом К. У. А. ТАЙТА, М. А., помощника магистра в Клифтонском колледже. Часть I. Гл. I. Английские королевства, 607-1013 гг. Гл. II. Англия при иностранных королях, 1013-1204 гг. Гл. III. Великая хартия, 1204-1265. Crown 8vo, 3s. Часть II. Гл. IV. Три Эдварда, 1265-1360 гг. Гл. V. Столетняя война, 1336-1431 гг. Гл. VI. Новая монархия, 1422-1540. Crown 8vo, 3s. Часть III. Гл. VII. Реформация, 1540-

1610 гг. Гл. VIII. Пуританская Англия, 1583-1660 гг. Гл. IX. Революция, 1660-1689. Crown 8vo, 3s.
Часть IV. Гл. IX. Революция, 1660-1742. Гл. X. Современная Англия, 1742-1873. Crown 8vo, 3s.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО НАРОДА. Иллюстрированная. Под редакцией миссис Дж.
Р. Грин и мисс Кейт Норгейт. В сорока ежемесячных частях, выходящих с октября 1891 года.
Super Royal 8vo, 1s. net., каждая часть. Или в четырех томах по 12 с. нетто.

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО НАРОДА.

Том I. Ранняя Англия. Иностранные короли. Хартия. Парламент. С восемью картами. 8vo, 16s.

Том II. Монархия, 1461-1540. Реформация, 1540-1603. 8vo, 16s.

Том III. Пуританская Англия, 1603-1660. Революция, 1660-1688. С четырьмя картами. 8vo, 16s.

Том IV. Революция, 1683-1760. Современная Англия, 1760-1815. 8vo, 16s.

СОЗДАНИЕ АНГЛИИ. С картой. Третье издание. 8vo, 16s.

ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ. С портретом и картами. 8vo, 18s.

ЧТЕНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ. Избранное и отредактированное Джоном Ричардом
Грином, LL.D. Часть I. От Хенгиста до Кресси. Globe 8vo, 1s. 6d. Часть II. От Кресси до
Кромвеля. Globe 8vo, 1s. 6d. Часть III. От Кромвеля до Балаклав. Глобус 8vo, 1s. 6d.

БРОДЯЧИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗ АНГЛИИ И ИТАЛИИ. Второе и более дешевое издание. Globe
8vo, 5s.

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ. Авторы: ДЖОН РИЧАРД ГРИН, М.А., LL.D., и
АЛИСА СТОПФОРД ГРИН. С картами. Fcap. 8vo, 3s. 6d.

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА.

Под редакцией Джона Ричарда Грина,
автора "Краткой истории английского народа" и др.
Pott 8vo, 1s. каждая.

ЕВРОПА. Автор Э. А. Фримен, М.А.

GREECE. К. А. Файф, М.А.

ROME. Епископ Крейтон.

ГРЕЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ. Профессор Махаффи.

РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ. Профессор А. С. Уилкинс.

ИСТОРИЯ ИНДЕЙЦЕВ, АЗИАТОВ И ЕВРОПЕЙЦЕВ. Дж. Талбойс Уиллер.

АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ. Т. Ф. ТУТ, М.А.

ФРАНЦИЯ. Шарлотта М. Йонге.

ГЕОГРАФИЯ. Сэр Джордж Гроув, D.C.L.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Г. Ф. Тозер.

АНГЛИЙСКАЯ ГРАММАТИКА. Рев. Р. Моррис.

УПРАЖНЕНИЯ ПО АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ. By REV. R. MORRIS and H. C. BOWEN.

УПРАЖНЕНИЯ ПО УЧЕБНИКУ АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ МОРРИСА. J. WETHERELL, M.A.

АНГЛИЙСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ. Профессор Никол.

ВОПРОСЫ И УПРАЖНЕНИЯ ПО АНГЛИЙСКОЙ КОМПОЗИЦИИ. Профессор Никол и У. С. М'КОРМИК.

ФИЛОЛОГИЯ. Дж. Пейл, М.А.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Рев. Стопфорд Брук, М.А.

ДЕТСКАЯ СОКРОВИЩНИЦА ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ. Избранное профессором Ф. Т. Палгравом. В двух частях, по 1 с. каждая.

ЧАУКЕР. Автор А. В. Поллард, М.А.

SHAKSPERE. Профессор Дауден.

ГОМЕР. Автор: достопочтенный У. Э. Гладстон.

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Профессор Джебб.

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Профессор А. С. Уилкинс.

Э. А. ФРИМАН.

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. Восемь лекций, прочитанных в Оксфордском университете в Михайлов семестр 1884 года, с вступительной лекцией о должности профессора истории. 8vo, 10s. 6d.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. Шесть лекций, прочитанных в Королевском институте в январе и феврале 1873 года. С The Unity of History: Rede Lecture read before the University of Cambridge, May 29, 1872. 8vo, 14s.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. Четвертое издание. 8vo, 10s. 6d.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. Вторая серия. Третье издание. 8vo, 10s. 6d.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. Третья серия. 8vo, 12s.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. Четвертая серия. 8vo, 12s. 6d.

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. Шесть лекций, прочитанных в Оксфордском университете в Троицкий семестр 1885 года, с очерком о греческих городах под римским владычеством. 8vo, 10s. 6d.

ОБЩИЙ ОЧЕРК ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. Второе издание. Pott 8vo, 3s. 6d.

[Исторический курс для школ.]

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ. С картами. Pott 8vo, 1s.

[Исторические учебники.]

ЧЕТЫРЕ ОКСФОРДСКИЕ ЛЕКЦИИ, 1887. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.
ТЕВТОНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ В ГАЛЛИИ И БРИТАНИИ. 8vo, 5s.

СТАРОАНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ. С картами. Глобус 8vo, 6s.

АНГЛИЙСКИЕ ГОРОДА И РАЙОНЫ. Серия рефератов и очерков. С иллюстрациями и картами.
8vo, 14s.

ВЕЛИКАЯ ГРЕЦИЯ И ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ, И ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН, РАСШИРИТЕЛЬ АНГЛИИ.
Две лекции. С приложением. Crown 8vo, 3s. 6d.

ИСТОРИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГРЕЦИИ И ИТАЛИИ. С общим введением.
Второе издание. Под редакцией Дж. Б. Бьюри, магистра, стипендиата Тринити-колледжа,
Дублин. Extra crown 8vo, 12s. 6d.

ЗАРИСОВКИ ИЗ ВЕНЕЦИИ И СОСЕДНИХ ЗЕМЕЛЬ. С иллюстрациями. Crown 8vo, 10s. 6d.

ИСТОРИЯ КАТЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ УЭЛЛСА, как иллюстрация к истории соборных церквей
старого фонда. Globe 8vo, 3s. 6d.

MACMILLAN & CO., LONDON.

ССЫЛКИ:

[1] Journ. Arch. Ass. xxvii. 461, 488.

[2] Freeman's Exeter, 146-7.

[3] Книга прецедентов, Текстовое общество Э. Э., часть ii. 8-18, 79 и др. 143 и т. д. Manners and Meals (E. E. Text Soc.), 175.

[4] Письма Пастона, ii. 319.

[5] Уолтер из Хенли (Lamond's Walter of Henley), 123-145. Monum. Franciscana (Rolls Series), i. app. ix.

[6] Manners and Meals, pp. 250, 251, 252.

[7] Там же, стр. 258-260.

[8] Там же, стр. 274.

[9] "Не берись за каждый конец веревки с каждым, кто тащит", - гласило предостережение молодым. "Не верь всем, кто говорит тебе правду, будь то простой человек, бургомистр или мэр". Manners and Meals, 183. См. Songs and Carols (Percy Society, vol. xxiii.) viii. ix. xviii.

[10] Manners and Meals, 182.

[11] Общество Перси, том xxiii. Песни и колядки, см. песни xxxii. и xxxv.

[12] Обыкновенная книга пятнадцатого века под редакцией мисс Тулмин Смит. Катехизис Адриана и Эпотиса, стр. 40, строки 421-8.

[13]

"Мужские дела часто сменяют друг друга
То, что сейчас воспитывается, когда-то было странным.
То, что раньше использовалось, теперь отброшено.
And new fetis [fashions] daily be contrived."

-Caxton's Book of Courtesy (E. E. Text Society), 45.

[14] Manners and Meals, 271.

[15] Ibid. p. 265.

[16] Популярность "Корабля дураков" с его банальными, затянутыми и туманными нравоучениями является прекрасным показателем интеллектуального положения нового среднего класса.

[17] Песни и колядки (Общество Перси, xxiii.), песня xxx.

[18] Songs and Carols (Percy Society, xxiii.) lxxvi.

[19] Hist. MSS. Com. ix. 174.

[20] Book of Precedence, 106. "Деньги делают купцов, скажу я вам, выше всех". Skelton's Poems (ed. Dyce) i. 277.

[21]

"Хоть некоторые из них и ловчее других, вы хорошо видите, - говорит Грейс,
Что все ремесла и хитрости - от моего дара".

-Passus xxii. 252-3.

[22]

"Сын, если бы ты знал, что это такое,
Коннингу учиться и с тобой носиться,
Ты не потратил бы зря ни часа,
Ибо из всех сокровищ конунг - цветок;
Если хочешь жить в мире и покое
Слышишь, видишь и говоришь лучшее".

Book of Precedence, 69. Другая рифма дает урок в более грубой форме.

"Учитесь так быстро, как только можете и умеете.
Ибо наш епископ - старик.
И поэтому ты должен учиться быстро.
Если хочешь стать епископом, когда он уйдет".

-Manners and Meals, 383.

[23] См. "Манеры и еда", lii - lxii.

[24] В Линне в 1383 году существовала гильдия "молодых ученых"; в Вустере гильдия С. Николая содержала "бесплатную школу в пределах указанного города в большом зале, принадлежащем указанной гильдии, называемом Троицким залом". Гильдия Палмеров содержала школу в Ладлоу; так же поступали гильдии в Стратфорде и Деритенде. Гильдия Календеров в Бристоле в двенадцатом веке содержала школу для евреев, а когда это дело прекратилось, по-прежнему занималась образованием, публичными лекциями и управлением бесплатной библиотекой. (Английские гильдии, 51, 205, 196, 221, 288. См. Hunt's Bristol, 112, 249, 260.) Драперы имели школу в Шрусбери (Hibbert's Inf. of English Guilds, 33); а купеческие портные в Лондоне (Clode, 35). От мистера А. Ф. Лича я узнал, что в Эшбертоне грамматическая школа, основанная в 1314 году епископом Эксетерским Стэплдоном (который также основал Эксетерский колледж), была передана в ведение гильдии Святого Лаврентия, чей священник был школьным учителем. Школа до сих пор располагается на месте гильдейской часовни, оригинальная башня которой является частью школы.

[25] Hunter's Deanery of Doncaster, vol ii. 5-6.

[26] Bentham's History of Ely Cathedral, 2nd Edition, 182. Hull Grammar School Gazette, 1891, No. 8, p. 88. См. Riley's Liber Albus, xix. В 1461 г. в богадельне Эвельм появился грамматический мастер (ibid. 627), обучение в которой должно было быть бесплатным (ibid. ix. 217-8). В 1447 году в Лондоне были открыты четыре новые грамматические школы, а во время правления Генриха Шестого только в Лондоне их было создано девять (Pauli's Pictures, 452). В 1472 году приор Селлинг из Крайстчерча сообщает архиепископу Кентерберийскому, что он предоставил "школьного учителя для ваших грамматических школ в Кентербери, который в последнее время преподавал грамматику в Винчестере и в школе Святого Антония в Лондоне" (Hist. MSS. Com. ix. 105). Джон Сайр, директор грамматической школы в 1436 году, жил в доме Гейхоу в приходе С. Альфедж (там же, 139). Богадельня бедных сестер в Рединге в 1486 году была превращена в грамматическую школу (Coates' Reading, 15); в Эпплби до середины XV века существовала школа, в которой преподавал священник-кантри (Transactions of Cumberland and Westmoreland Arch. Soc. part ii. vol. viii.), а в Престоне - школа, чей мастер был сделан бургезом в 1415 году (Memorials of Preston Guilds, 14). В Ливерпуле до реформации существовала бесплатная школа (Picton's Memorials, ii. 55-6). Мисс Дормер Харрис узнала из городских записей, что расходы на грамматическую школу в Ковентри в XV веке оплачивались Троицкой гильдией - другими словами, корпорацией. Очевидно, что, когда Уильям Бингем, основавший грамматическую школу при Клэр-холле в Кембридже, говорит, что в 1439 году он проехал мимо семидесяти заброшенных школ, путешествуя из Хэмптона в Рипон через Ковентри (Boase's Oxford, 108), мы не можем сделать из этого вывод о каком-либо упадке в образовании. Возможно, это свидетельствует о перемещении населения, или, что более вероятно, о результатах усилий, предпринятых в 1391 году, чтобы предотвратить обучение холопов в духовных школах для подготовки к принятию мелких орденов и получения таким образом освобождения от своих господ. Rot. Parl. iii. 294.

[27] В королевских счетах главные ремесленники каждого ремесла проверяют те части счетов, которые касаются труда, и подписывают каждую страницу (Rogers' Agric. and Prices, iv. 502).

[28] Ричард Бескрасный, пас. ii. 41.

[29] Завещание сэра Джона Персивейла, опубликованное управляющими Макклсфилдской школы. Я обязан любезности мистера А. Ф. Лича за эту справку, а также за справку о

Стокпорте и ссылку на "Школьный вестник" и "Городские записи Халла". Он сообщил мне, что первая школа, основанная светским человеком, о которой до сих пор сохранились какие-либо сведения, находилась в Уоттон-андер-Эдж и была основана женщиной, леди Беркли, в 1385 году.

[30] Baines' Hist. of the County of Lancaster, i. 296-7.

[31] Автор "Пирса Плаумена" критикует образование, которое давали клирики его времени. "Грамматикой, которая является основой всего", пренебрегали, так что теперь никто не мог ни "стихослагать честно", ни толковать то, что писали поэты.

"Доктора степеней и мастера божественности
Которые должны семь искусств соединить и скрепить *ad quodlibet*,
Но в философии они не сильны, а ведь философы жили
И хорошо бы их изучили, удивляюсь я!"

-Passus xviii. 107-118.

[32] Под "азбукой и гуманитарными науками" подразумевалась не культура в нашем понимании этого слова, не латынь с литературной точки зрения, а старая церковная дисциплина, включавшая в себя прежде всего *логику*, которая в конечном итоге, если ученик продвигался достаточно далеко, приводила к схоластической философии. Так, например, в *Epistolæ obscurorum virorum* один из (священнических) корреспондентов протестует против введения изучения Вергилия и других новомодных писателей.

[33] История. MSS. Com. viii. 281-2.

[34] Hist. MSS. Com. x. part 4, 425-6.

[35] Ноттингемские записи, i. 246, 263.

[36] Постановления о школе дамы Агнес Меллер, Nott. Rec. iii. 453-6. Мэр Честера оплачивал работу мастера в Фарнворте, Ланкашир. (Hist. MSS. Com. viii. 370.) В Ковентри мастеру платила корпорация (*т. е.* гильдия Троицы).

[37] Ibid. iv. 191.

[38] Нотт. Rec., iv. 214.

[39] Collectanea (Oxf. Hist. Soc.), ii. 334-6.

[40] Paston Letters, i. 431. Hunt's Bristol, 112.

[41] Введение мисс Тулмин-Смит к календарю Рикарта. Жизнь Беркли, i. 5, 7. Скелтон был уроженцем Норфолка, возможно, Норвича. Skelton's Poems, ed. Dyce, I. v. vi.

[42] Caxton's Book of Courtesy, 33-41. См. "Манеры и еда", lix. Skelton's Poems (ed. Dyce), I. 75, 377-9.

[43] Указания не жалеть розги были постоянными. Manners and Meals, 384. См. жалобу бедного мальчика, р. 385-6. Строки Туссера показывают, что эта система не ограничивалась низшими школами.

"Из школы Пола я отправился в Итон, посланный
Чтоб выучить сразу латинскую фразу;
Где пятьдесят три полоски мне дали.

За один раз я получил,

За проступки малые или вовсе без них,
Так и вышло, что я был избит.
Видишь, Удал, видишь, как милостив ты

Ко мне, бедному парню!"

Эразм в своей "Похвале глупости" выделяет школьных учителей как "расу людей самых несчастных, которые стареют в нищете и грязи в своих *школах* - школах, я сказал? *тюрьмах! темницах!* Я должен был сказать - среди своих мальчиков, оглушенные грохотом, отравленные фекальной атмосферой; но благодаря своей глупости совершенно довольные собой, пока они могут орать и кричать на своих перепуганных мальчиков, бить и пороть их, и таким образом всячески потакать своему жестокому нраву". Один из таких хозяев, о котором он рассказывает, чтобы подавить непокорный дух мальчиков и усмирить распутство их возраста, никогда не принимался за трапезу со своей паствой без того, чтобы комедия не закончилась трагедией. "В конце трапезы то одного, то другого мальчика вытаскивали на порку". Boase's Oxford, 76-77.

[44] The Commonweal (ed. E. Lamond), 21-23, 30.

[45] Manners and Meals, xxiv. Ср. там же xxvi. xlv.

[46] См. Crossthwaite. Rep. Royal Com. on Markets, 25.

[47] "Ферия" или День святого. О том, какое место первоначально занимала ярмарка, свидетельствует древний обычай в Лестере, согласно которому, когда купцы отправлялись на большие ярмарки, то, когда "ярмарки заканчивались, суд не проводился ни над теми, кто был дома, ни над теми, кто был на ярмарке"; это было изменено по хартии Краучбека от 1277 года, чтобы те, кто оставался дома, могли быть судимы в случае жалобы. Hist. MSS. Com. viii. 423-4.

[48] Ярмарка в Уайкомбе проводилась в день святого Фомы Мученика с незапамятных времен. К 1527 году она начала приходить в упадок, и мэр и судебные приставы горько жаловались, что теперь почти никто не приходит на ярмарку, а лавочники, как обычно, держат свои лавки и прилавки дома, в городе. В 1527 году Совет принял строгое постановление, согласно которому "ни один мужчина и ни одна женщина" не должны держать в этот день в городе открытую лавку или выставлять свои товары на улице, но должны "прибегать на ярмарку, как это принято". Parker's Hist. of Wycombe, 29.

[49] Rep. Royal Com. on Markets, 1, 7, 9.

[50] Ibid. 19, 25.

[51] В тринадцатом веке было выдано около 3300 грантов на проведение ярмарок и рынков, в четырнадцатом - около 1560, в пятнадцатом - до 1482 года - около 100; Report on Markets, 108-131.

[52] Rep. on Markets, 9. С другой стороны, в Шотландии право на рынок было одной из обычных привилегий торгового города. Ibid. 26.

[53] Ibid. 19. Иногда только в XV веке, как в Норвиче.

[54] Там же. 9. Об установке балки и указаниях по взвешиванию - Ibid. 57, 25. Письма Пастона, ii. 106. Kingdon's Grocers' Company, l. xiii-xv., xviii., xix., xxiv.-xxxiii. Шанц, i. 579-82. Города были вынуждены соблюдать стандартные меры в соответствии со статутами 8 Генриха VI. cap. 5; 11 Henry VI. cap. 8; 7 Генриха VII. cap. 3. Общинники попросили Генриха VII изготовить меры за свой счет; он согласился, но отказался взять расходы на себя. Когда в 1495 году они были изготовлены, членам парламента пришлось везти их из Лондона в свои города. 11 Генрих VII. cap. 4.

[55] Сэндвич для мальчиков, 431, 496, 498, 509.

[56] Отчет о рынках, 25. Колчестер Каттса, 154-7. Nott. Rec. i. 314-16.

[57] Hist. MSS. Com. ix. 152. О неопределенности в отношении камня шерсти см. Rogers, Agric. and Prices, i. 367.

[58] Корреспонденция Пламптона, 21.

[59] Rogers' Agric. and Prices, i. 660. Введение перевозчиков и постов произошло в Англии позже, чем во Франции. Лекции Дентона, 190-5.

[60] Hist. MSS. Com. v. 489. В очень многих городах церковный двор не был огорожен даже в XV веке. О смотрителе улиц и его свинопасе см. Boys' Sandwich, 674.

[61] Ноттингемские записи, iv. 190.

[62] Бломфилд, iii. 183.

[63] Parker's Manor of Aylesbury, 14-15.

[64] В 1388 году городским властям было приказано очистить свои города от всего, что может испортить воздух и принести болезни. 12 Ричард II. cap. 13. Свалки обычно находились в самом углу Тол-бута или Моут-холла. Hewitson's Hist. of Preston, 36. См. Shillingford's Letters, 89. Но в 1487 году жители Лондона после шестнадцати лет непрерывных уговоров добились принятия закона, согласно которому ни один мясник не должен был убивать ни одного зверя в стенах города, и этот же закон должен был соблюдаться во всех обнесенных стенами городах Англии, кроме Бервика и Карлайла. 4 Генрих VII. cap. 3.

[65] В 1329 году Ливерпулю был выдан грант на мощение. Picton's Mun. Rec. of Liverpool, i. 10. В 1482 году Саутгемптон назначил "павиура", который должен был жить в одном из домов города по цене 13s. 4 д. без арендной платы "и иметь ежегодно платье". Davies, 119, 120. В 1501 году Ноттингем постановил иметь городского павиура с жалованьем в 33 с. 4 д. и платье; и отдал приказ, чтобы горничные находили камни и песок. Ноттингемские записи, iii. 309. См. т. I. с. 18, примечание.

[66] Hist. MSS. Com. v. 493. В Кентербери, где трактиры были очень многочисленны, существовал закон, согласно которому ни один хозяин не должен "беспокоить чужого человека, приходящего в город, чтобы занять свой трактир, но он должен занимать свой трактир по собственному желанию без помех со стороны любого хозяина". Hist. MSS. Com. ix. 172.

[67] Замужние женщины могли становиться купцами, вести торговлю, владеть имуществом и отвечать по всем делам перед законом как независимые торговцы. (Eng. Gilds, 382. Mun. Records, Carlisle, ed. Фергюсон и Нансен, 79. Hist. MSS. Com. ix. 174.) Женщины могли стать

членами купеческой гильдии в Тотнесе по наследству, путем покупки или дарения. (Hist. MSS. Com. iii. 342-3.) Их собственность тщательно охранялась, и ни один участок, принадлежащий жене по праву, не мог быть отчужден или обременен рентой, если жена не давала своего добровольного согласия открыто в суде мэра. (Nott. Records, i. 83, 265.)

[68] Hist. MSS. Com. v. 540. Сэндвич для мальчиков, 498.

[69] Маклерам платили фиксированный налог с товаров купцов, которые проходили через их руки. Boys' Sandwich, 497, 506-7.

[70] Hist. Престонская гильдия, 16.

[71] Бломфилд, iii. 168. Гросс, ii. 43, 175, 220. Нотт. Records, i. 445-6, 159, 201; ii. 47, 241. См. также сержант-ат-мейс в Сэндвиче (Boys, 504-5), в Ноттингеме (Rec. iii. 73).

[72] Типичные правила рынка см. в Reading, Gross, ii. 204-7. Саутгемптон, Ibid. 220.

[73] См. Schanz, i. 621-2.

[74] Буханка менялась по весу, а не по цене вместе с ценой на кукурузу; самая низкая ставка, которую считали древние писатели, составляла 12 д. за четверть кукурузы; единицей измерения хлеба была 1/4 д. буханки. (Hist. MSS. Com. ix. 175.) Двенадцать сортов упоминаются в XV веке, но в ассизе признавались только три сорта - Вастель, белый или хорошо пропеченный хлеб; Кокет (второй); Симнель, дважды пропеченный хлеб, используемый только в Великий пост. (Английские гильдии, 102. Сэндвич для мальчиков, 543.)

[75] Manorial Pleas, Selden Soc. xxxviii. О контроле за хлебом и пивом во времена Domesday см. в Rep. on Markets, 18. В Норвиче надсмотрщики за хлебом были назначены до 1340 года. Эта система, по-видимому, работала хорошо, так как не зафиксировано никаких проблем с конфискацией хлеба, как в других городах. Leet. Jur. of Norwich, Selden Soc. xxxvi.

[76] Rep. on Markets, 25.

[77] Hist. MSS. Com. ix. 288. В некоторых областях, например, в установлении цен на хлеб и эль, в мерах, в различных правилах купли-продажи, города просто выполняли законы, принятые центральным правительством; в других же, таких как регулирование цен на мясо, птицу, рыбу и вино, им время от времени давали право устанавливать свои собственные стандарты.

[78] Андовер, Гросс, ii. 310. Колчестер Каттса, 154-7.

[79] В 1383 году цена на несладкое вино была практически оставлена на усмотрение городов на протяжении примерно ста лет. Schanz, i. 647. Для общего потребления вино подслащивали медом и ароматизировали ежевикой. Archæol. Cantiana, vi. 328.

[80] Liber Albus, 289, 373-86, 686-91, Liber Custumarum, 117-120, 385-6. Статуты 22 Эдуарда IV. cap. 2. Hist. MSS. Com. ix. 172.

[81] Ricart's Kalendar, 81-84.

[82] Пирс Плаумен. Пас. xxii. 398-404.

[83] Нотт. Rec. iii. 357.

[84] Select Pleas of the Crown, Selden Soc. 88-9. Hist. MSS. Com. ix. 172. Гросс, i. 45. Английские гильдии, 353, 381-4.

[85] Английские гильдии, 353.

[86] Journ. Arch. Ass. xxvii. 476. Английские гильдии, 392.

[87] Гросс, ii. 1 175. Rep. on Markets, 16.

[88] Английские гильдии, 390, 392, 406.

[89] Городские вольности не всегда распространялись на всю территорию города. Вольности Карлайла ограничивались небольшим районом в центре современного города и не выходили за пределы этого "древнего города". Херефорд до 1830 года был разделен на две части: внутренний округ, где жители-домовладельцы имели право голоса, и внешний округ, включающий все, что находится за пределами внутреннего округа и под юрисдикцией корпорации. Документы, касающиеся Парламента. Representation, 1829-32.

[90] Collectanea, ii. (Oxford. Hist. Soc.), 13.

[91] Freeman's Exeter, 143.

[92] Gross, ii. 262. Rot. Hund. i. 356, 3 Ed. i. Когда в город съезжалось необычное количество людей в связи с каким-либо праздником или общественным событием, издавались приказы, разрешающие деревенским торговцам привозить продукты в стены и продавать их без уплаты пошлины или каких-либо других сборов. Davies' York, 167.

[93] Hist. MSS. Com. v. 606-7. Gross, i. 48-9. См. т. I. p. 182, п. 4. Иногда монополия предоставлялась горожанам (Gross, i. 46; ii. 28, 46, 205, 255); в других случаях - купеческой гильдии, которая имела право зачислять в свои ряды нерезидентов. (Gross, i. 47, 52, 122, 139, 153, 191, 218.) В случае злоупотреблений можно было обратиться к королю. (Rep. on Markets, 25, 60.)

[94] Picton's Municipal Records of Liverpool, i. 17, 18, 28. Очевидно, что система защиты не пользовалась всеобщей популярностью, поскольку, когда в 1515 году была направлена комиссия для изучения причин упадка Ливерпуля и снижения его отчислений в казначейство, была высказана жалоба на то, что мэр вызвал снижение таможенных поступлений путем предоставления права собственности чужестранцам, проживавшим в городе, которые таким образом были освобождены от уплаты пошлин, когда-то поступавших в пользу короны. (Picton's Memorials, i. 38.) Леланд, писавший в 1533 году, говорит: "Ирландские купцы часто приезжают сюда, как в хорошую гавань", и на полях добавляет: "В Ливерпуле платится небольшой таможенный сбор, который заставляет купцов прибегать сюда". Торговля последующих дней началась уже тогда: "Хорошие купцы в Ливерпуле, много ирландской пряжи, которую манчестерцы покупают там". (Ibid. i. 46.)

[95] Fosbrooke's Gloucestershire, i. 204-8. О торговле с Уэльсом - там же, 156-7. См. также о бродягах из леса Дин и проблемах Тьюксбери и Глостера в стат. 8 Генриха Шестого, сар. 27. Аналогичные споры велись между Шрусбери и Вустером относительно границ их юрисдикции над Северном. (Owen's Shrewsbury, i. 300.)

[96] Чтобы поощрить перевозку кукурузы в некоторых местах, а возможно, и во многих, в то время как пошлина с каждой лошади, нагруженной вьюком с товарным товаром, составляла 1 денниг, с животного, нагруженного кукурузой, взимался только один фартинг. (Материалы к

истории Генриха VII. т. ii. 332.) Случай незаконного взимания пошлины с продовольственных товаров см. в Rep. on Markets 57.

[97] Collectanea (Oxford Hist. Soc.), ii. 120; 50-51. В XVI веке, когда законы о виктуалках уже не соблюдались ни в какой степени, были найдены другие меры, необходимые для поддержания постоянных поставок кукурузы в большие города.

[98] См. Collectanea (Oxford Hist. Soc.), ii. 49.

[99] Riley's Mem. 180.

[100] Ibid. 181.

[101] Ноттингемские записи, iii. 354. Hist. MSS. Com. ix. 172-5. Ibid. v. 531.

[102] Преамбула кентерберийских правил для пивоваров и пекарей, составленных в 1487 году. (Hist. MSS. Com. ix. 173.)

[103] Там же. О пригородных ремеслах см. в статье "Оруженосцы и вышивальщицы в Лондоне". (Schanz i. 608. Rolls Parl. iv. 73.)

[104] О попытке свободной торговли в Винчестере в 1430 году, по примеру Ковентри и Нью-Сарума, см. Gross, ii. 261. Еще одно правило ассамблеи в том же направлении было принято в 1471 году, очевидно, в попытке найти новый источник дохода для выплаты фермы. Там же, с. 262.

[105] Муниципалитеты Кентербери. В Саутгемптоне существовал класс аутбургессов, которые не жили в городе; они имели право голосовать за мэра и членов парламента, но не могли присутствовать на общем совете. (Davies' Southampton, 197.)

[106] Престонские гильдейские списки, xvi. xx.

[107] О нарушении этого обычая см. в Rep. on Markets, 57 (Wallingford), 60-61. (Босворт, Лаффорд.)

[108] Preston Guild Rolls, xii.

[109] Ibid. xii. xxiv. xxix. xxx.

[110] Rep. on Markets, 61.

[111] В 1209 году в гильдии Шрусбери было пятьдесят шесть иностранцев; сорок лет спустя их число возросло до 234. (Hibbert's Influence and Development of English Gilds, 18.)

[112] Многие купцы из Линна стали вольноотпущенниками Кентербери, а также были приняты в братство монастыря по братским грамотам, которые давали им право на определенные духовные блага. Возможно ли, что с этим были связаны какие-то торговые привилегии?

[113] Еще в Ноттингеме волов и овец сгоняли в лес и продавали лондонским мясникам. Nott. Rec. iii. 48.

[114] Leet Jurisdiction of Norwich (Selden Soc.), lxxiv.

[115] Избранные дела короны (Selden Soc.), 88-9.

[116] Дело аббата Вестминстера против Саутгемптона. Rot. Parl. i. 20-21. Судебное разбирательство в королевской коллегии в Вестминстере в 1201 г., где бургомистры Нортгемптона утверждают, что аббат Торни берет с них несправедливую пошлину, которую он защищает в силу обычая и более древнего устава, чем Нортгемптон. Select Civil Pleas (Selden Soc.), i. 11. См. дело в Плимуте, 1495 г.; Hist. MSS. Com. ix. 273. Лестер и Ноттингем; Ibid. viii. 416-417. Саутгемптон и Бристоль; Отчет о рынках, 56. Винчестер; там же. 55. См. также: Ibid. 62; Gross, ii. 257-8; 177-182; 147; 379. Купец из Синк-Портс, настаивавший на привилегии бургов не платить пошлину за шерсть в Блэквелл-Холле во времена Генриха Восьмого, был вынужден отстаивать свои права и выиграл дело.

[117] Возмездие при взимании пошлины прямо упоминается в Лондонской хартии. Stubbs' Select Charters, 104.

[118] 1238. Gross, ii. 173-174.

[119] Gross, ii. 256.

[120] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 16. О соглашении между Саутгемптоном и Портсмутом 1239, Мальборо 1239, Бристолем 1260, аббатством Нетли 1288, епископом Винчестера 1312, Лаймингтона 1324, Нью-Сапума 1329, Ковентри 1456, см. Davies' Southampton, 225-228; Abbot of Westminster Rot. Parl. i. 20-21. Другие примеры Rep. on Markets, 40-41. Select Civil Pleas (Selden Soc.), i. 11. Nottingham Rec. i. 55, ii. 349, 362. Gross, ii. 389-90, Hist. MSS. Com. ix. 212.

[121] Journ. Arch. Ass. xxvii. 416-7. Когда для Лидда делали пушку, металл для нее покупали в Уинчелси и Гастингсе. (Hist. MSS. Com. v. 516-517, 521.) Основатель Ноттингема отправился в Линкольншир за металлом для колокола. (Nott. Rec. ii. 143, 145).

[122] Ibid. ii. 179; iii. 19, 21, 29.

[123] Hist. MSS. Com. viii. 414.

[124] Select Pleas of the Crown (Selden Soc.), i. 89. Rep. on Markets, 50-52.

[125] См. Календарь писем лондонской корпорации. 1350-1370, под ред. д-ра Шарпа.

[126] Пирс Плаумен. Пас vii. 250.

[127] Их можно проследить с 1285 года до времен Якова I; вероятно, это были евреи, пришедшие с Завоевателем и получившие разрешение на получение земли. Survey of Birmingham, 50.

[128] Например, Уильям Холлингброк из Ромни, чья жена Джоанна продала одеяла в 1373 году, был одним из членов парламента и возглавлял список налогоплательщиков в приходе, названном в его честь Hollingbroke Ward с 1384 по 1401 год. Затем его место заняла вдова, пока не отошла от дел в 1404 году, и некогда богатая семья, некоторое время представленная одним торговцем Стивеном, похоже, окончательно угасла в 1441 году. После этого главные позиции в местной торговле перешли к Ступпеней, которые поселились в городе в 1436 году и о чьей славе напоминает тот факт, что и сейчас ежегодные выборы мэра Ромни проходят в церкви Святого Николая у могилы одного из них, который был юратом города.

[129] Hist. MSS. Com. v. 523-531.

[130] Между 1353 и 1380 гг. Ibid. vi. 545. Ibid. iv. 1, 424-8. Ibid. v. 533. Мэр Ливерпуля, который в 1380 году владел имуществом на сумму 28 фунтов 6 шиллингов. 4d., состоящее из домашней утвари, зерна в магазине, посеянной пшеницы, девяти волов и коров, шести лошадей и

восемнадцати свиней, несомненно, был очень богатым человеком в своем округе. Picton's Mem. Liverpool, i. 30.

[131] Hist. MSS. Com. v. 534, 535, 536, 539, 541-3.

[132] Пирс Плаумен. Pass. iv. 83. Преуспевающий повар в Оксфорде в 1400 году выдал свою дочь замуж за некоего Лелхэма "Доминус де Гроув". По брачному договору повар должен был отдать Лелхаму двадцать марок, которые должны были выплачиваться через определенные промежутки времени; жениху и невесте он должен был отдать три поместья в Оксфорде; Он должен был обеспечивать их в своем доме в течение восьми лет, а когда после этого они должны были поселиться в собственном доме, он должен был предоставить им кровать, одеяла, простыни и всю другую мебель, необходимую для такой же кровати, сосуд для воды, вазу для вина, две скатерти, два полотенца, двенадцать серебряных ложек, два кубка, два медных горшка, одну чашу, четыре тарелки, дюжину сосудов для сервировки ужина, две солонки, два подсвечника. Hist. MSS. Com. xi. 3, 75-6.

[133] См. Nott. Rec. iii. 74-76, 342, 353, 358-60, 461, 463. Занимать всякого рода должности викуаллерам и пивоварам было запрещено (Stat. 12, Ed. II. cap. 6. 6 Ri. II. st. 1, cap. 9, Н.М.С. ix. 174, xi. 3, 19), как защита народа от мошенничества при исполнении законов о пище; но эти уставы повсеместно нарушались.

[134] (См. с. 352-3.)

[135] Н.М.С. ix. 173-4.

[136] По данным Торольда Роджерса (Agric. and Prices, iv. 502-5), около 20 процентов сверх того. Квалифицированные рабочие, такие как архитекторы, художники, обученные клерки и т.д., оплачивались по очень скромным ставкам, хотя иногда им оказывали честь, размещая на пансионе как джентльменов.

[137] Статуты, 12 Ричарда II. cap. 3.

[138] Riley's Liber Albus, 261-2.

[139] Подробности о зарплате грузчиков см. в Статуте 4 Эдуарда IV. cap. 1. Об оплате по системе грузовиков говорили как о новинке в середине XV века (Wright's Political Songs, ii. 285), и она упоминается в Libel of English Policy. В Винчестере и Вустере она была запрещена городскими постановлениями. (Английские гильдии, 352, 383.)

[140] Пирс Плаумен. Pass. vii. 213-14.

[141] Пирс Плаумен. Передачи vii. 215-249.

[142] Описание различных обманов, практикуемых при изготовлении сукна, см. в 3 Richard II. stat. cap. 2. Вестминстерский статут 7 Ричарда II. cap. 9; 15 Richard II. cap. 10. В 1221 году присяжные Вустера уже жаловались на то, что не соблюдаются требования о ширине сукна. Select Pleas of the Crown, Selden Soc. 97.

[143] Пирс Плаумен. Pass. i. 33-4.

[144] Hist. MSS. Com. ix. 259; xi. 3, 70-73, 111. Саутгемптон Дэвиса, 82. Бристоль Ханта, 74, 97-8.

[145] Обзор Бирмингема, 50, 51, 52. См. выше, с. 63.

[146] Journ. Archæol. Ass. xxvii. 110-148. Это, как одно из многих доказательств, показывает, что богатство переходило не столько к простым землевладельцам, сколько к новым арендаторам, которые совмещали торговлю тканями с крупными овцеводческими фермами - предприимчивым спекулянтам, которые следили за дешевыми землями разорившихся лордов, чтобы увеличить свой собственный бизнес.

[147] Члены компании пепперов начали заменять евреев на королевской бирже в XIII веке (Kingdon's Grocers' Company, i. x-xii.).

[148] Фон Оченковский, 112, 125. О росте истинного класса купцов свидетельствуют гильдия Халла, чьи ордонансы датируются 1499 годом (Lambert's Guild Life, 157-160), и Йоркская гильдия мерсеров 1430 года (Ibid. 167).

[149] О запрете на вывоз золота и серебра и вытекающих из этого постановлениях о морских путешественниках см. 5 Richard II. St. i. cap. 2.

[150] Канцлер Англии был наделен полномочиями проводить расследования и выносить решения по сделкам "сухой биржи", а также мировые судьи соседних графств. Статут 3 Генриха VII. cap. 6. Сравните Luchaire, Communes Françaises, 242-4.

[151] Когда в притче о Пирсе Плаумене злая леди Меде защищает коррупционную выгоду аргументом, что товар не может существовать без медали или вознаграждения, Совесть отвечает, что торговля - это не что иное, как чистый бартер.

"В товарах нет награды, и я могу это утверждать.

Это перестановка *apertelich* [очевидно] один пенни-стоимость для другого.

"- Пирс Плаумен. Pass. iv. 282, 315, 316.

См. также ограничения, установленные даже для бартера.

"Ибо это симония - продавать то, что послано по милости.

Это остроумие, вода, ветер и огонь:

Эти четыре должны быть свободны для всех людей, которые в них нуждаются".

Там же. Pass. x. 55-7. Здесь, однако, он, несомненно, имеет в виду господскую мельницу на холме или у ручья, права на турбары и сбор дров в лесу, а также великую потребность народа - защиту в судах.

[152] Фон Оченковский, 165, 167, 245-9.

[153] Пирс Плаумен. Passus x. 26.

[154]

"И хотя они идут по дороге вдвоем,

И пусть гонец пробирается среди пшеницы.

Ни мудрец не разгневается, ни свадьба его не примет;

И не будет сенокосчик ихот [приказывать] своей жене, чтобы она взяла;

Но если купец идет по кукурузе,

И сеновал с ним встретится,

Или шляпу, или капюшон, или перчатки.

Купец должен отказаться, или деньги из его кошелька".

-Пирс Плугман. Pass. xiv. 42-50.

[155] Hist. MSS. Com. v. 443. О купеческих знаках в церкви С. Джорджа в Донкастере см. в Hunter's Deanery of Doncaster, i. 14.

[156] Plummer's Fortescue, 235.

[157] Пирс Пламмер. Pass. vii. 278-285.

[158] Там же. Pass. xiv. 50-51.

[159] См. "Корабль дураков", Барклай, 43, ст. 4.

[160] Lib. Eng. Pol. Wright's Political Poems, ii. 178.

[161] Hist. MSS. Com. v. 601-4.

[162] Hunt's Bristol, 75, 93-5; 126-8.

[163] Hunt's Bristol, 94-5, 108. Один бристольский бакалейщик оставил 350 унций серебряных пластин, которые должны были быть разделены между его детьми. Там же, с. 108. Первая вилка, о которой мы слышим в Англии в 1443 году, принадлежала семье горожанина в Йорке. "Unum par cultellorum vocat" "karving knyves" et unum par forpicum argenteorum". (Plumpton Correspondence, xxxiv.)

[164] Пирс Пламpton. Passus, xv. 90. Рассказ Вуда об оксфордских домах см. в Boase's Oxford, 48-9.

[165] Сэндвич для мальчиков, 149, 185, 186.

[166] В Сэндвичской церкви Святой Марии было около 724 унций серебра, и много серебряной позолоты; у нее была великолепная парча из золота Венеции и Лукки, и масса облачений из белого дамаста, припудренного золотом Венеции, и синего бархата, припудренного флер де лис, или лунами и звездами, и так далее. (Бюргер из Уайкомба, Редеход, оснастил церковь прекрасными ширмами из резного дерева и добавил другие дары к ее запасам драгоценностей и золоченых корон для Богоматери, и других украшений из янтаря, серебра, струи, бирюзы, с богатыми одеждами и горностаевым мехом, дамасками, бархатами, шелками, балдахинном с зелеными ветвями с золотыми птицами, великолепными одеждами из ткани из золота и т.д., и великолепными пластинами. (Hist. MSS. Com. v. 554-5.)

[167] Железоделатель Ричард Фалланде установил в Госпитальном зале табличку, напоминающую горожанам об опасностях и ужасах старого брода, об утонувших пассажирах, о бедняках, которых безжалостно поворачивали назад, о путниках, лишенных капюшона или пояса, чтобы удовлетворить жадность паромщиков. Люди постоянно тонули, и

"Немногие из тех, кто был в пути, уходили.

Но они играли свадьбу или платили из ее кошелька.

А если в ее сумке оказывался нищий.

Он должен был быть в покое, и я просил его уйти.

И из бедных пенатов наниматель должен был надеть

Капюшон или кушак, и пусть он идет без него".

(English Illustrated Magazine, May 1889, p. 951.) О Рочестерском мосте см. Hist. MSS. Com. ix. 285.

[168] Davies' Southampton, 115.

[169] Hist. MSS. Com. ix. 247. О подобных завещаниях - Ibid. x. 4, p. 529-30. Ibid. ix. 208-10. The Common Weal (ed. E. Lamond), 18, 19.

[170] Ibid. xi. 7, 169, 174, 175, 180-1. Ibid. ix. 57, 275, 137, 145. Davies' Walks through York, 30-1.

[171] Пирс Плаумен. Pass. i. 22.

[172] См. удивительные списки этих магазинов в "Письмах Пастона", iii. 312, 270-4, 297-8, 282-9, 436, 313. Сравните том I. p. 259.

[173] Hist. MSS. Com. x. 4, 297. Письма Пастона, iii. 23, 35, 46, 49, 219, 258. См. т. I. 260-2.

[174] Paston Letters, iii. 114-15.

[175] Paston Letters, iii. 194. Hist. MSS. Com. vii. 599.

[176] Ричард Бескрасный, Passus iii. 145 и др.

[177] Переписка Пламптона, xxxix. xl.

[178] Иногда их слуги также достигали важных постов. Джон Рассел, один из слуг Фастольфа, заплатил некоторую сумму, чтобы его назначили дознавателем в Ярмуте. А Томас Фрай, управляющий Беркли при Генрихе Седьмом и Генрихе Восьмом, был "возведен ими в ранг главного авторитета и уполномоченного мира города Ковентри, а также управляющего с большой властью в этой корпорации". (Berkeleys, ii. 215.)

[179] Значение поляков из Халла росло. (Paston Letters, ii. 210.) Сэр Джон Фастольф, возможно, происходил из этого сословия, поскольку его родственник Ричард Фастольф был лондонским портным. (Hist. MSS. Com. viii. 265.) Два лондонских драпировщика, мерсер и бакалейщик были среди сорока семи рыцарей Бани, созданных во время коронации Елизаветы, королевы Эдуарда Четвертого. (Три хроники XV века, 80.) См. о браке Уиттингема, мэра Лондона, чей сын вошел в королевский дом (Verney Papers, 15-17); Верни, мэра в 1465 году и посвященного в рыцари в 1471 году (Ibid. 13, 22); сэра Уильяма Пламптона (Plumpton Correspondence, xxvii.); сэра Мориса Беркли (Hunt's Bristol, 101).

[180] Paston Letters, iii. 383.

[181] Всю историю см. в Paston Letters, ii. 341, 347, 350, 363-5.

[182] Paston Letters, iii. 109, 219, 278.

[183] Ноттингемские записи, i. 169.

[184] Plumpton Correspondence, 12. Эта дама была сестрой Годфри Грина, который, судя по всему, принадлежал к хорошей семье и, возможно, был родственником сэра Уильяма Пламптона (примечание 17). Грин вел хорошие дела для Пламптона (22-3) и был одним из попечителей поселения, примечание lxxii.

[185] См. Clément, Jacques Cœur.

[186] Там же. 134.

[187] Клеман, Жак Кёр.

[188] (См. с. 327).

[189] См. Hist. of Eng. People, ii. 142-3, 151, 164-6, 170-2, 188. Труды Бринклоу служат хорошей иллюстрацией радикальных политических взглядов, которые в это время были развиты в городах.

[190] Stat. 3 Henry VII. cap. 11. The Common Weal, 88-90.

[191] Часто запрещалось нанимать на работу любую женщину, кроме жены или дочери мастера (Hunt's Bristol, 82; Riley's Mem. 217).

[192] Lambert's Guild Life, 238-9; Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 11, 87.

[193] За время Столетней войны Кент опустился с пятого на десятое место по богатству среди графств. В 1454 году шерсть из Линкольншира, Шропшира и Котсуолдса была лучшего, а из Кента - почти худшего качества; этим можно объяснить упадок Кентербери. Разница в качестве, конечно, гораздо больше говорит о процветании района, когда в нем было развито домашнее производство тканей.

[194] Schanz, i. 610-11 (1455); 33 Henry VI. cap. 4; Rot. Parl. v. 324.

[195] Schanz, i. 600; Stat. 11 Henry VII. cap. 27.

[196] Lib. Cus. 127. Я подозреваю, что вопрос об этих сукновальных мельницах в Лондоне был сильно осложнен тем, что запасы воды стали недостаточными для нужд растущего города, а сукновалы были сильно возмущены вторжением сукновалов в их владения над текущими ручьями. Есть некоторые свидетельства того, что так оно и было, и вполне вероятно, что недостаток водной энергии был одной из причин, вытеснивших шерстяное производство из некоторых городов.

[197] 22 Эдуард IV. cap. 5. Уже в 1298 году в Лондоне возникли проблемы с машинами для набивки шерсти. (Lib. Cust. Rolls, Series, 127-9.)

[198] В 1416 году 22 фунта 6 шиллингов. 8d. было получено в качестве штрафа за правонарушения от иностранцев в Ромни. (Hist. MSS. Com. v. 539.) В Сэндвиче налог на иностранцев устанавливался мэром и присяжными. Каждый житель, у которого на службе находились иностранцы, должен был удерживать из их жалованья столько, чтобы оплатить налог. (Boys' Sandwich, 787.)

[199] См. Schanz, i. 414-6.

[200] Hunt's Bristol, 82, 93, 111. Судя по всему, жалоба была направлена против мастеров-ткачей, которые нанимали своих собственных слуг, а не бристольских подмастерьев. См. Rymer's Foedera, v. 137.

[201] См. Hibbert's Influence of Eng. Gilds, 64.

[202] См. петицию общин в парламенте, 50 Эдуарда Третьего (1376 г.), Rolls of Parliament, vol. ii., p. 332. "Et come les bones gentz des touz Citees & Borghs parmy ceste terre si pleignent durement, q̃ ... все люди из числа Чужих и других, которые не являются Фраунками в этих Ситезах и Боргах, будут приходить туда, чтобы долго жить, и жить в гостиницах, и принимать людей, которые будут жить в этой земле: Et s'ils eiount ascunes Marchandises ils les vendent as autres Estraungers, pur revendre si ñn par retail come autre q̃coñq manere q̃ lour mieltz semble pur leurs Profitz demeisne. Par q̃i les Marchauntz Denizeins sont trop anientiz, la Terre voide de Moneie, les closures des Citees & Borghs desapparaillez, la Navye de la terre ñn pres destruite, le Conseil de la terre par tout descovert, toute manere d'estraunge Marchaundise grandement

encherie; & qe pys est, par tieles privees receites les Enemys auxint priveez ou q̃ les loialx Liges: De q̃i n'ad mestier de autres tesmoignes fors q̃ sentir & vewe q̃ molte app'tement en touz degreez la provent."

[203] Stat. 1 Richard III. cap. 9.

[204] Stat. 1 Richard III. cap. 9. Около 1528 года лондонские сапожники жалуются, что в то время как король разрешил братству из сорока четырех иностранцев заниматься сапожным ремеслом в городе, в результате этого разрешения 220 иностранных домовладельцев, нанявших более 400 подмастерьев и слуг, занялись этим делом. Забавно описано отношение этой иностранной компании к английским искателям ремесла. Когда-то в ливрее кордуэйнеров было 140 англичан, но теперь их осталось всего двадцать, а жены и дети тех, кто разорился, превратились в водовозов и рабочих. Эти иностранцы приехали не для того, чтобы осесть, но, сделав свое состояние, уехали домой, а их место заняли другие". (Schanz, ii. 598-600.)

[205] Schanz, ii. 596-8. Они молятся, чтобы были введены в действие прежние законы, предписывающие чужеземцам жить только в домах англичан, продавать только оптом, а не в розницу, и оставаться в любом городе только месяц после своего первого приезда.

[206] Точно так же Бристоль в 1461 году запретил своим ткачам нанимать своих жен, дочерей и девиц к ткацкому станку, чтобы люди короля, способные оказать королю услугу в его войнах, не имели работы. (Hunt's Bristol, 82.)

[207] Обычаи Ковентри в этом отношении чрезвычайно интересны.

[208] Stat. 25 Henry VIII. cap. 18.

[209] Stat. 21 Henry VIII. cap. 12. В правление Генриха Восьмого поступали жалобы на то, что Вустер, Ившем, Дройтвич, Киддерминстер и Бромсгроув пришли в упадок из-за размножения вольных торговцев. (Stat. 25 Henry VIII. cap. 18.) См. также о производителях покрывал в Йорке. (34 и 35 Henry VIII. cap. 10.)

[210] Пирс Плаумен. Passus ix. 187.

"Не из-за любви они так быстро трудятся,
а из страха перед голодом, в вере", - говорит Пирс".

Passus ix. 214, 215.

[211]

"По пятницам и в пост по фартингворту мидий
Для таких людей был пир, или столько же петухов".

Pass. x. 94, 95; см. 72-87. Pollard's Miracle Plays, 31-2.

[212] Дети, которые до двенадцати лет занимались земледелием, "должны оставаться на той же работе, не подвергаясь никаким тайнам и ремеслам" (Stat. 12 Rich. II. cap. 5).

[213] В городских постановлениях важно учитывать влияние местных условий. Например, в Ковентри в 1424 году ткачам было разрешено брать столько учеников, сколько они пожелают, "без противоречий", в то время как число учеников в других ремеслах было ограничено. Это было именно то распоряжение, которое можно было ожидать от городского совета богатых купцов-суконщиков и драпировщиков.

[214] См. гл. V.

[215] Таможня Норвича 1340 года возложила часть ответственности за этих слуг на хозяев. (Leet Jurisdiction (Selden Soc.), lxvi.)

[216] До XVI века не было принято никаких общих законов для всего королевства, серьезно ограничивающих труд подмастерьев, но различные города принимали такие местные законы, которые казались необходимыми. В большинстве случаев мастера были обязаны регистрировать своих учеников в городском суде; и в конце пятнадцатого века городские советы и гильдии предпринимали серьезные усилия для обеспечения соблюдения закона. Мисс Дормер Харрис рассказала мне, что подмастерья укупорщика в Ковентри были связаны поручительством за 5 фунтов стерлингов за выполнение своего договора. Если подмастерье покидал своего мастера до истечения семи лет, мастер не мог взять другого до истечения этого срока, если не передавал 5 фунтов хранителям для использования в ремесле. Похоже, что мастера этих ремесел очень неохотно брали подмастерьев, особенно после 1494 года.

[217] В Норвиче, несмотря на статуты 1436 и 1503 годов (15 Henry VI. cap. 6; 19 Henry VII. cap. 7), ремесленники упорно продолжали устанавливать правила, по которым подмастерья были вынуждены платить 20 или 30 *фунтов* за вход в общий зал (сравните состав 1415 года в документах Норвича) - штраф, который означал, что ремесленники практически лишались свободы города, а значит, и положения мастера, и были вынуждены пополнять ряды подмастерьев. Закон, принятый в 1531 году, предписывал, чтобы ни один подмастерье не платил более 2s. 6d. за вход в общий зал; или 3s. 4 д. в конце срока за свободу компании; но компании уклонялись от этого закона, требуя только установленную законом сумму за свободу компании, но заставляя кандидатов поклясться, что они не будут торговать без лицензии, за которую они должны были платить по желанию компании. Это было вновь запрещено Генрихом в 1537 году (Blomefield, iii. 181-2). Среди ткачей Ньюкасла в 1527 году все, кто закончил свое ученичество, были приняты в члены компании после уплаты 13 с. 4 д., но любой представитель ремесла, желающий стать его братом и иметь право открыть магазин, должен был заплатить 20 фунтов стерлингов (Гильдии Ньюкасла). Лондонские бакалейщики в 1345 году платили 20 *фунтов* за каждого ученика; подмастерье, пожелавший вступить в братство, платил 40 *фунтов*, покидая своего мастера (Kingdon's Grocers' Company, i. 11, 12).

[218] Сравните Riley's Mem. Lond. 244, 181, 278, 354. Black's Leathersellers, 39.

[219] В Лондоне ни один подмастерье после окончания срока обучения не мог пользоваться своим ремеслом, пока не присягнет на верность франшизе. (Liber Albus, 272.)

[220] Подмастерья среди кожевников и литейщиков, не отслужившие свой срок в качестве подмастерьев, могли получать только ту зарплату, которую им разрешали надзиратели за ремеслом после проверки. (Riley's Mem. Lond. 439, 514.) Эта система, вероятно, была широко распространена, если судить по многочисленным постановлениям, касающимся заработной платы. О неквалифицированных подмастерьях следует говорить в постановлениях о кузнецах. (Riley's Mem. 570.) Об услужливых людях, которые работали по дням на Gloverов, см. там же, 246. В 1449 году в Ковентри разумная заработная плата, по-видимому, составляла 4 д. в день; но подмастерье укупорщика в 1496 году получал 12 д. в неделю, работая по двенадцать часов в день (ссылку на записи Ковентри мне дала мисс Дормер Харрис).

[221] 7 Henry IV. cap. 17.

[222] Закон был отменен, когда он стал вредить работодателям. В более поздний период развития суконной промышленности некоторые старые промышленные центры, такие как Лондон, Норвич и Бристоль, обнаружили, что их богатство пришло в упадок, и решили, что их ремесло голодает из-за нехватки рабочих рук, в то время как молодежь растет в праздности и пороке. Тогда мастера, оказавшись под угрозой потери своих производств, настояли на принятии новых законов, позволявших им брать учеников, не обращая внимания на закон Генриха Четвертого (11 Henry VII. cap. 11; 12 Henry VII. cap. 1).

[223] Заметки Хадсона о Норвиче; в *Norfolk and Norwich Arch. Soc. vol. xii.*

[224] Английские гильдии, 284-6, 337, 350. См. в Эксетере об отношениях гильдии портных с пригородами. Возможно, уже тогда система была похожа на обычную, которая в целом преобладала до конца прошлого века (*Ibid.* 310). В Дерехаме (Норфолк) до сих пор видна линия лачуг, в которых жили и работали сапожники на норвичских мастеров, чей сборщик приезжал каждую неделю, чтобы забрать готовую работу. Богатый фермер, по-видимому, служил своего рода подрядчиком в портновском ремесле; верхний этаж его дома сразу под крышей образовывал длинную комнату без перегородок, в которой десять или двенадцать портных работали днем и спали ночью, а подрядчик отправлял их работу норвичскому торговцу.

[225] Гл. XII. с. 385. См. также монополию Йоркских ткачей в двенадцатом веке, с контролем над торговлей во всем графстве, который она, должно быть, подразумевала. (*Gross, i. 108, примечание.*)

[226] Английские гильдии, 383.

[227] Фон Оченковски (*Wirtschaftliche Entwicklung*, 128-133), кажется, не проводит достаточного различия между возражениями против конкуренции торговцев или мастеров из пригородов и против использования городскими производителями рабочей силы за пределами города. Соппротивление неизбежно должно было исходить из разных мест и по разным причинам.

[228] Ср. *The Common Weal* (ed. E. Lamond), 49.

[229] Об этом известном бунтовщике рассказывает Скелтон. *Poems* (ed. Dyce), ii. 43-4.

[230] Иногда это делалось по королевской грамоте. (*Hibbert's Influence of Eng. Guilds*, 96.) Все факты свидетельствуют против теории Маркса о том, что купец был лишен возможности покупать рабочую силу, хотя ему разрешалось покупать другие товары, благодаря какой-то враждебной силе. Ограничения были созданы самими купцами и торговцами для их собственных целей. Столь же маловероятно, что организация гильдий исключала разделение труда в мастерской. (Маркс, *Капитал* и т. д., i. 352.)

[231] Это единообразие хорошо проиллюстрировано в более поздних ордонансах гильдий Халла. (*Lambert, Two Thousand Years of Guild Life; Gross, ii. 272.*)

[232] *Clode, Merchant Tailors*, p. 2.

[233] В 1311 году "шляпники" и "торговцы, которые покупали и продавали шляпы" в Лондоне были двумя совершенно разными профессиями. (*Riley's Mem.* 90.) В 1327 году было хорошо известно различие между шорниками и различными заказами рабочих, занятых в производстве для них. (*Ibid.* 157-8.)

[234] Разделение гильдий на эти группы само по себе достаточно, чтобы показать, как мало значат обобщения Маркса об отношениях ремесел к капиталу; и как ошибочно представлять гильдии как основную оппозицию купцам или капиталистам, особенно в вопросе отказа от поставок рабочей силы. (См. Marx i. 352.)

[235] Селигман (Две главы о гильдиях Средневековья, 69) утверждает, что до XV века ремесла не были благотворительными ассоциациями, оказывающими помощь бедным членам. Из двенадцати ремесел, упомянутых в английских гильдиях, девять давали помощь бедным, а три не упоминают об этом. О брайлерах в Лондоне в 1355 году см. Riley's Mem. 277; об уайт-тауэрах в 1346 году - там же, 232; о лоримерах в 1261 году - Liber Cust. 78-80. В большинстве ордонансов, приведенных в Riley's Mem., нет упоминания о помощи, но эти ордонансы настолько явно неполны - просто дополнения или изменения, сделанные с какой-то особой целью, - что из них нельзя извлечь никаких аргументов. Подавляющее большинство религиозных или общественных гильдий имели некоторые благотворительные положения, и во многих случаях это были, безусловно, торговые гильдии. Вероятность того, что помощь бедным членам оказывалась с самого начала, склоняется в пользу этого.

[236] То, как гильдии боролись в защиту своих добровольных третейских судов, и возражения городов против них, само по себе является достаточным доказательством важности для их членов трибунала, пусть добровольного и произвольного, который мог бы избавить их от вмешательства по любому поводу местных магистратов и партийной политики города. Преимущества объединения в случае вызова в большие суды очевидны из описания средневековой процедуры, приведенного в "Истории уголовного права" сэра Дж. Стивена. Иллюстрациям, которые дают письма Пастона, нет числа. См. Manorial Pleas (Selden Soc.), 136. О том, как дорого обходится коррумпированная практика адвокатов, судей, плеядистов и поверенных, см. иск, поданный в 1275 году адвокатом против нанимателя, который отказался от участия в деле; адвокат подал иск о возмещении своего гонорара, а также о том, что из-за прекращения дела ему не удалось получить от другой стороны очень большую сумму денег. (Ibid. 155-6.)

[237] Для лорда было позором, если кто-либо из его "ливреи" появлялся в суде. Защита, предоставляемая членам ремесла, была действительно эффективной. См. наказание бакалейщика, который в 1404 году выгнал из своего дома другого члена компании ("Kingdon's Grocers' Company", i. 93.).

[238] Бакалейщики в Лондоне требовали контроля над каждым, кто держал лавку пряностей, даже если он не носил их ливрею (Kingdon's Grocers' Company, i. 66); но те, кто отказывался от ливреи, подвергались штрафу. Члены с ливреей платили 2s. 6 д. за обед, и "каждый платил за одежду столько, сколько, по нашему мнению, он мог бы вынести". (Ibid. ii. 239, 258.) Велся список тех, кто носил ливрею, тех, кто носил платья, а также домохозяев и холостяков без ливреи. (Ibid. 175-177.)

[239] Эти деления следует воспринимать в общем смысле. Среди купеческих тайлоров упоминаются пять орденов (Clode, 8-9), но на самом деле они делятся на три основные группы. Для нашей цели "бакалавры", промежуточное звание, сформировавшееся в некоторых богатых ремеслах, могут быть опущены.

[240] См. Du Cange.

[241] Riley's Mem. Lond. 258. См. случай с лондонскими пекарями, где потребовался специальный ордонанс, чтобы наказать слуг за грубейшие мошенничества в отсутствие хозяев. (Ibid. 181-2.)

[242] Если за работу брался ремесленник, не допущенный к свободе гильдии, заказчик в случае обмана имел только защиту общего права и не мог апеллировать к городским или гильдейским постановлениям. (Английские гильдии, 322.)

[243] Время от времени члены ремесла протестовали против власти олигархии. Так было в Лондонской компании бакалейщиков, когда в 1444 году была предпринята попытка ограничить власть надзирателей при назначении новых членов. (Kingdon's Grocers' Company, i. 123.)

[244] Английские гильдии, 30, 35, 289. Двенадцать самых благоразумных кузнецов в Ковентри избирали смотрителей и формировали суд для рассмотрения дел нарушителей.

[245] Жизнь гильдии Ламберта, 113, 129; Английские гильдии, 156, 159, 162, 217, 160, 169, 31, 164, 167, 318, 445. Гильдия ткачей управлялась советом из двадцати четырех человек уже в тринадцатом веке. (В религиозных или общественных гильдиях были случаи, когда выборы должностных лиц производились с согласия всех братьев (English Guilds, 47, 49, 148, 213, 232) или "с согласия *старшей части* братьев и сестер гильдии" (ibid. 150); но преобладающим обычаем было назначение выборных людей для выбора должностных лиц. (Английские гильдии, 62, 64, 71, 75, 83, 89, 91, 97, 119, 266.) В одном случае "все братья, за которыми пошлет олдермен", должны были выбрать офицеров. (В другом случае олдермен выбирал двух человек, компания - еще двух, эти четверо - еще двух, и все шестеро избирали офицеров. В более поздней форме, скопированной для другого ремесла, вместо "компании" двух человек выбирали "мастера гильдии". В одном случае нового проректора выбирали четыре проректора прошлого года (ibid. 276.). В компании бакалейщиков надзиратели назначали своих преемников (ibid. 186.). (Kingdon's Grocers' Company, i. 10, 14, 18.) Аналогичный обычай преобладал в Саутгемптонской гильдии купцов.

[246] Riley's Mem. 348. В гильдии кордуэйнеров Эксетера (1481 г.) два надзирателя выбирались из владельцев магазинов, а два - из подмастерьев. (Похоже, что среди бристольских кордуэйнеров подмастерья занимали определенное признанное положение, видимым признаком которого было их право обеспечивать огни, которые несли в муниципальных процессиях на определенных праздниках; и когда в 1454 году "между мастерами и ремесленниками бристольских кордуэйнеров и подмастерьями возникли различные споры и ропот", а мастера и ремесленники попытались лишить подмастерьев этого права, попытка была решительно и успешно пресечена.

[247] В Ипсвиче, когда в 1448 году юноша поступал в ученики к цирюльнику на семь лет, было оговорено, что он должен получать подходящую одежду, обувь, постельные принадлежности, питание и наказание. (Hist. MSS. Com. ix. 259.) В Ромни в 1451 году было постановлено, что по окончании службы подмастерье должен получить от своего мастера 10 *шиллингов* или кровать такой же стоимости. (ibid. v. 543). Указ, запрещающий использовать кинжалы или ножи или устраивать драки, был ограничен фразой: "При условии, что любой житель будет иметь право исправлять своего слугу или подмастерье в соответствии с законом". (Английские гильдии, 390.) Но, с другой стороны, если мастер среди портных в Эксетере наказывал своего слугу до такой степени, что тот ушибал руку и разбивал голову, он должен был не только наложить штраф на ремесло, но и выдать слуге 15 с. и месячный пансион, а также оплатить его врача. (Ibid. 322.)

[248] Мастер, уходящий из торговли, мог продать и передать услуги своего ученика новому мастеру, но если возникало подозрение, что продажа была проведена таким образом, что ученик потерял кредит за один или два года службы, которые он фактически выполнил, оба мастера лишались свободы города и ремесла. (Paston Letters, i. 378.)

[249] См. примечание А в конце главы.

[250] Статуты 6 Генриха VI. сар. 3.

[251] Статуты 12 Ричарда II. сар. 3.

[252] Английские гильдии, 395, 285-6; Hist. MSS. Com. v. 530; Riley's Mem. Lond. 246.

[253] Riley's Mem. Lond. 307; English Guilds, 285-6. Сдельная работа была распространена во многих ремеслах. В Ньюкасле гильдия набивщиков и красильщиков в своих ордонансах 1477 года установила цену на набивку и стрижку различных видов ткани по сдельным расценкам - столько-то за ярд. Ткачи также работали поштучно. Ньюкаслские шлихтовальщики были объединены в гильдию и имели ордонансы 1451 года с аналогичными правилами; каменщики и штукатуры были объединены в гильдию в 1454 году (Newcastle Guilds). Среди тауиров существовала сдельная работа. (Riley's Mem. Lond. 330-1.) В Винчестере ткачи, вероятно, работали от 3 до 4 д. в день, поскольку им было предписано брать за свою работу от Сочельника до Благовещения только 1s. 6d., а от Благовещения до Сочельника - 2s.

[254] В 1265 году гильдия разрешила ткачам Лестера ткать как ночью, так и днем. (Gross, ii. 144.)

[255] Riley's Mem. Lond. 232-3. Это относилось ко многим ремеслам. (Ibid. 244, 245-7, 258, &c. О портных Линкольна - English Guilds, 183. Kingdon's Grocers' Company, i. 20-21.) В этой последней компании публично уведомляли о слуге, покинувшем своего хозяина, чтобы предотвратить его наем у другого.

[256] Hibbert's Influence of English Guilds, 64.

[257] Riley's Mem. 247-8, 250-1, 256.

[258] Lib. Cus. 84.

[259] Riley's Mem. 495.

[260] Mem. Lond. 495-6. Время от времени монахи выступают в качестве сторонников более бедных людей. В пятнадцатом веке в Ковентри Белые монахи были местом встречи братства ремесленников и компании плиточников; а монах Джон Бредон играл роль местного агитатора. Политика монахов часто, как и в Кентербери, была частью общего антагонизма по отношению к другим религиозным учреждениям. (Hist. MSS. Com. ix. 98.)

[261] Mem. Lond. 543-4. Подавление майского праздника подмастерьев-шеарменов в Шрусбери, возможно, было аналогичным пресечением конфедераций и заговоров. (Hibbert's Inf. and Dev. of Eng. Gilds, 120-2.) См. также Bristol Coruesers, p. 119, n. 1.

[262] Riley's Mem. Lond. 609-12, 653. Clode, 4, 22-29.

[263] В городских записях Шрусбери отмечается, что в 1516 году было назначено вознаграждение королевскому гонцу, доставившему письма о восстании подмастерьев лондонского Сити. (Owen's Shrewsbury, i. 284.)

[264] См. с. 102, прим. 2.

[265] См. примечание А, с. 160.

[266] Английские гильдии, сxxi. Об исключении в Халле см. в Lambert's Guild Life, 188. О Кентербери см. Н.М.С. ix. 173-4.

[267] "Народ должен с радостью содержать правительство, в функции которого, однако, не входит поддержка народа". Президентская речь Кливленда. 6 марта 1893 года.

[268] Stat. 11 Henry VI. cap. 12.

[269] Nott. Rec. i. 268-272, 316-318. См. также Hist. MSS. Com. vi. 582.

[270] Пирс Плаумен. Pass. iv. 80-118. Есть пример гильдии, в которую не принимали ни пастора, ни пекаря, ни жену. (Eng. Gilds, 271).

[271] Пирс Пахарь. Pass. iii. 222.

[272] Riley's Mem. 182. Краткое изложение конфликта по поводу цены на вино приводится в Schanz, i. 642-50. По 5 Ричарда II. Stat. i. cap. 4, если виноградарь отказывался продавать вино по правильной цене, мэр мог доставить вино любому покупателю по уставной стоимости.

[273] Kingdon's Grocers' Company, i., xvii., xviii.; Schanz, i. 651.

[274] Свидетельства в Норвич Таун Клоуз (Британский музей), 16.

[275] Riley's Memorials, 174-5. Можно привести множество других примеров. Более поздний случай произошел в 1603 году, когда лондонская корпорация подала жалобу на общество такелажников в связи с повышением цен на уголь в Лондоне и скудными поставками, так что "без большого труда город не может быть достаточно обеспечен морским углем для бедных". В ответ на жалобу мэра и олдерменов братство такелажников излагает Тайному совету свои доводы относительно цен на морские угли. (Гильдии Ньюкасла, 44.)

[276] Главным возражением общественности против "неразумных постановлений", которыми ремесленники закрывали свои корпорации, был "общий ущерб для народа", вероятно, как направленный на повышение цен. (P. 102, n. 2.) Ковентрийский литагент выступал против ремесленников в этом вопросе.

[277] Все эти гранты относятся к раннему периоду, к двенадцатому веку. Ashley, Woollen Industry, 15-17; Madox, 26, 191, etc., 212, etc., 283-4. Со времен Генриха Второго ткачи Ноттингема платили королю ренту в размере 40 с. за свою гильдию. За это они собирали взнос с каждого ткацкого станка и добились разрешения, чтобы те, кто платил, могли работать на окраине города. (Nott. Rec. iii. 27, 58, ii. 36.)

[278] Riley's Lib. Cus. 130 и т. д.

[279] Ibid. 121, 123. О выживании суда ткачей можно судить по 1321 году. В некоторых случаях, когда мэр штрафовал бюреллера, ткача наказывали судебные приставы его собственной гильдии. (Ibid. 422-3.)

[280] Riley's Lib. Cus. 423.

[281] В 1327 году Эдуард Третий даровал лондонским плетенщикам хартию, которая охватывала всех плетенщиков королевства, устанавливала для них единые правила и подчиняла их мэрам любого города, в котором они находились. (Riley's Mem. 154-5).

[282] Эдуард Четвертый и последующие короли выдали несколько хартий компаниям портных, купцов и т. д., которые давали им независимое от города существование и право издавать собственные постановления. (Список этих компаний не составлялся, и этот вопрос требует изучения. Из тех случаев, с которыми мне довелось столкнуться, я думаю, можно

сделать вывод, что такие хартии обычно давались компаниям с иностранной торговлей, и давались по причинам, связанным с этой торговлей. Вторая хартия "Купеческих портных" в 1390 году позволяла им принимать постановления между собой и своей властью. Эта хартия, по-видимому, освобождала их от мэра, но если это так, то в 1436 году они снова оказались под его контролем (Clode, 3.). (Там же, 5, см. с. 189-191, 193.) За этим последовала насильственная попытка в 1442 году назначить мэра из их собственной компании, которая потерпела неудачу и вызвала много гнева. Из хартии Генриха Седьмого в 1502 году, подтвердившей их независимость, следует, что они торговали "всеми и всяческими товарами" "во всех кварталах и королевствах мира". (Ibid. 7, 195.) Этим они снова получили полную власть принимать постановления для себя без вмешательства, если они не противоречат законам королевства и не наносят ущерба мэру; и мэр был полностью лишен полномочий по поиску среди их подданных - очень важная мера, так как мастер и надзиратели "имели большое количество домохозяев со своими слугами для управления и руководства". (Ibid. 197-200.)

[283] Хотя гильдии в Норвиче были запрещены, они существовали, несомненно, за счет уплаты ежегодных штрафов. В случае с кожевниками жалоба на них в 1287 году была явно связана с тем, что в случае споров они "подавали иски" своим собственным олдерменам, а не судебным приставам. (Hudson's Leet Jurisdiction in Norwich (Selden Soc.) p. 13.) Сапожники, очевидно, имели важную гильдию, судя по выплачиваемым деньгам; шорники, кожевники и фулеры также имели гильдии в 1292 году. (Король сохранил за собой право создавать гильдии, и, возможно, именно для того, чтобы помешать ему воспользоваться этим правом, такие города, как Норвич и Ковентри, получили по хартии право не иметь гильдий. Такая привилегия избавляла их от страха перед братствами, независимыми от муниципалитета, и оставляла свободу признавать неофициальные ассоциации, чьи постоянные штрафы на самом деле являлись данью за существование.

[284] Некоторые из этих так называемых религиозных, но на самом деле торговых гильдий были идентифицированы. Ясно, что гильдия святого Бенедикта в Линкольне была обществом торговцев или купцов, которые торговали на ссуды из общего фонда, возвращая половину прибыли, которую они на этом зарабатывали. (Английские гильдии, 174.) Среди других примеров см. гильдию Святого Иоанна Крестителя в Халле (Lambert's Guild Life, 112, etc. 118, 232, 233); Корпус Кристи (ibid. 124); Святая Троица (ibid. 126.) Очень любопытный и интересный отчет об официальном основании компании пепперов как братства Святого Антония в монастыре Бури, 1345 г., приводится в Kingdon's Grocers' Company, i., xvii. Сравните с записями, приведенными в 8-15. К 1373 году она превратилась в Компанию бакалейщиков. Гильдия драпировщиков в Шрусбери первоначально была гильдией Троицы. (Hibbert's Inf. and Dev. of Eng. Guilds, 32.) Другие примеры см. в главе V. Этот обычай был настолько распространен в XIV и XV веках, что весьма вероятно, что при любых затруднениях к нему прибегали и в более ранние времена. Артизаны, должно быть, полностью осознавали факт, раскрытый нам в двух формах повесток о возвращении гильдий, выпущенных в 1388 году: одна для религиозных, другая для торговых гильдий, - тот факт, что эти две формы объединения по-разному рассматривались правительством. Некоторые гильдии открыто носят двойной характер. (Английские гильдии, 126-128, 179-185.)

[285] См. примечание А в конце главы.

[286] Riley's Mem. 627; см. также 118, 120-1, 153-4.

[287] Riley's Mem. 341.

[288] Во второй половине XIV века постановления лондонских гильдий в основном представляют собой просто правила против плохих или обманчивых товаров. См. чандлеры, карриеры и пелтеры, капперы, гончары и т. д. Riley's Mem. 118, 358; Lib. Cus. 94, 101; ювелиры, Schanz, i. 613-4.

[289] Mem. Lond. 293.

[290] Lib. Cus. 100.

[291] Mem. Lond. 280-2.

[292] Riley's Liber Custumarum, 101. См. случай с ткачами, см. далее с. 160, где ремесленники пытались сократить часы работы, а город запретил это.

[293] Ордонанс оловянщиков. Riley's Mem. 243. См. также Glover, шляпники и т. д., 239, 246.

[294] Там же. 226.

[295] Riley's Mem. 226-7.

[296] Там же. 218.

[297] Ежегодные собрания, проводимые каменщиками, были запрещены статутом Ричарда II, а также последующими королями (3 Henry VI., cap. i.). Беспокойство правительства усилилось из-за количества плиточников, принявших участие в крестьянском восстании. (Stubbs, ii. 496.) Cp. The Common Weal (ed. Miss Lamond), 88-9.

[298] Statutes of the Realm, 3 Edward IV. cap. 4; ibid. 4 Edward IV. cap. 1. Закон 1410 г. лишил камвольных ткачей и купцов Норвича надзора за торговлей сукном, который был предоставлен им в 1348 г. (Ashley, Woollen Industry, 54-5); и передал мэру, шерифам и простолюдинам Норвича право измерять и запечатывать все камвольные ткани, произведенные в Норвиче или Норфолке. (Blomefield, iii. 125.) Более поздний закон постановил, что "стригали камвольных тканей в Норвиче не должны принимать никаких постановлений, кроме тех, которые мэр и олдермен сочтут необходимыми". (Stat. 1494, cap. xi.) В XV веке Тайный совет отнял у пекарей и портных Лондона право на обыск в их ремеслах, которое было предоставлено их надзирателям, и вернул его мэру, а ремесленникам предписал подчиняться мэру в соответствии со старыми нравами, обычаями и законами Лондона. 1442. Труды Тайного совета, т. 196; Seligman, Med. Guilds, 82; Schanz, i. 617.

[299] Мэр и олдермены Лондона имели полную юрисдикцию над всеми различными ремеслами довольно рано в четырнадцатом веке. Два мастера-масона были примирены перед мэром Лондона в 1298 году. (Mem. Lond. 38.) О начале четырнадцатого века см. там же: 90, 118, 120, 153-4, 216, 156, 178, 245-6.

[300] В "ордонансах гильдий Халла с 1490 по 1723 год нет ни одного разрешения от кого-либо, кроме мэра города". (Lambert's Guild Life, 188.) О муниципальной власти над гильдиями Шрусбери см. Hibbert, 40, 85-6. О Норвиче см. Blomefield, iii. 130.

[301] Закон 1413 года предписывал регистрировать уставы и утверждать ордонансы и подзаконные акты - закон, который был повторен Статутом Генриха VI, чтобы предотвратить принятие мастерами гильдий и братств ордонансов в ущерб королю или народу, когда снова было постановлено, что все их правила должны быть заверены и зарегистрированы мировыми судьями или главными магистратами городов или поселков. 15 Генрих VI., cap. 6. См. также 19 Генриха VII, cap. 7.

[302] Английские гильдии, 283-286.

[303] Рикарт, 78. Примеры слишком многочисленны, чтобы их приводить. Но см. постановления, составленные в 1448 году для гильдии портных Линна мэром и советом. Было предписано, что ни один новый портной не должен открывать свое дело, если он не будет признан "достаточным в конунге" не только двумя главами своего ремесла, но и мэром. Каждый портной, принятый в гильдию, должен был заплатить штраф в качестве вступительного взноса мэру и еще один - общине, а также внести плату в гильдию; кроме того, он ежегодно платил городу за всех швей и подмастерьев, которых он нанимал. Ссоры между закройщиками и швейниками должны были решаться мэром и главами ремесел. Если портной присылал домой плохо сидящую одежду, покупатель мог подать жалобу в суд мэра и потребовать возмещения ущерба перед мэром и старшими мастерами ремесла при условии уплаты штрафа в размере 3s. 4 д., если он не докажет свою правоту. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 165-6.)

[304] Мисс Дормер Харрис любезно предоставила мне правила Ковентри о том, как ремесло должно было приступать к наказанию члена в 1518 году. Сначала мастер ремесла должен был потребовать "разумный штраф"; если нарушитель отказывался платить, мастер должен был обратиться снова через три или четыре дня и зафиксировать отказ; если отказ повторялся во второй раз, он и три или четыре "честных человека" ремесла должны были прийти к мэру; мэр и один из судей должны были приказать нарушителю заплатить двойной штраф, а если он снова отказывался, заключить его в тюрьму до тех пор, пока он не будет выплачен ремеслу. В то же время преступник должен был пожелать хозяину быть "добрым хозяином для него и его добрым любовником". Если сумма штрафа превышала фунт воска, то оставшаяся часть должна была пойти в общий ящик, *то есть* в городские фонды.

[305] Устав строго регламентировал изготовление черепицы: соломенной, кровельной, водосточной и т. д.; порядок подготовки земли и размер черепицы. Мировые судьи, то есть в городах мэр и олдермены, должны были рассматривать дела о правонарушителях и назначать досмотрщиков. (17 Edward IV. cap. 4.)

[306] Mem. Lond. 308.

[307] Английские гильдии, 386, 398-9.

[308] Hist. MSS. Com. ix. 174.

[309] Nott. Rec. i. 197. В Винчестере каждый бюреллер должен был ежегодно отдавать одно сукно в королевскую ферму. (Английские гильдии, 351.)

[310] Принудительные взносы ремесленников были обычным явлением, и расходы на них были значительными. (Gross, ii. 51; Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 166, 225; *ibid.* ix. 173-5.) См. Kingdon, ii. 260, 318 и др. В 1494 году в Ковентри были жалобы на то, что красильщики, скорняки, рыботорговцы и т. д. были настолько "своевольны", что их нельзя было заставить участвовать в конкурсах. См. Hibbert's Inf. and Dev. of Eng. Gilds, 63. По всему вопросу о пьесах и конкурсах см. книгу Дэвидсона "Studies in Eng. Mystery Plays, напечатано Йельским университетом, 1892. Шествия в честь Тела Христова стали очень популярны после постановления Вьеннского совета 1318 года; гильдии Тела Христова, отвечавшие за шествие, а не за пьесы (91-2), вероятно, состояли из людей высшего сословия. Список "Чудесных пьес и мистерий" был составлен для студентов Ф. Стоддардом, Калифорнийский университет, 1887.

[311] Фон Оченковский считает, что отношения между муниципалитетами и ремеслами зависели от относительной силы трех принципов, которые в то время боролись за господство - феодальных прав, воли короля и общего права; в конфликтах между гильдиями и городами он видит чередование сил королевского и общего права. (*Wirtschaftliche Entwicklung*, 59-60.) Вероятно, действовали и более "домашние" причины.

[312] Удивительное количество гильдий, образовавшихся при Ричарде Втором и в течение последующих ста лет, должно поразить любого, кто заглянет в городские записи. В качестве примера можно привести список, приведенный для Шрусбери в *Hibbert's Inf. and Dev. of Eng. Gilds*, 58-9. Во многих случаях можно доказать, что новое братство на самом деле было старым, но его повторное учреждение так же важно, как и новое создание.

[313] *Boys' Sandwich*, 678, 680.

[314] *Hist. MSS. Com. ix.* 173-4. "При условии, что все избранные таким образом мастера не будут принадлежать к тем же ремеслам или таинствам, в которые они избраны".

[315] *Boys*, 685, &c.

[316] *Hist. MSS. Com. ix.* 173-5, 148. Иногда богатые гильдии объединялись, чтобы получить монополию на власть в округе. Тенденция к объединению наблюдалась даже в более бедных социальных или религиозных братствах. (*Eng. Gilds*, 219.) Уменьшилось количество пьес о чудесах для ремесленников. *Pollard's Miracle Plays*, xxx.

[317] См. любопытное положение, принятое мэром Лондона по просьбе кузнецов, чтобы получить оплату их счетов. (*Riley's Mem. Lond.* 294.)

[318] *Английские гильдии*, 285.

[319] *Hist. MSS. Com. ix.* 174.

[320] *Shillingford's Letters (Camden Soc.)* 4.

[321] Хотя этот орган двенадцати впервые появляется в записях в 1344 году, невозможно сомневаться, что он был более раннего происхождения, учитывая обычаи других округов. Точно так же упоминания о выборном жюри в 1288, 1301 и более поздних годах ни в коем случае не означают, что это были первые его появления, и вся аналогия указывает на противоположный вывод.

[322] *Freeman's Exeter*, 147, 149.

[323] Мистер Фримен, похоже, предполагает, что Совет Эксетера был сформирован путем обычного созыва некоторых членов Ассамблеи для консультирования мэра, и говорит о нем как о "комитете всего тела". (*Ibid.* p. 152.) Однако еще нельзя с уверенностью сказать, подтверждают ли свидетельства эту точку зрения применительно к Эксетеру.

[324] Регулярный список регистраторов или служителей закона начинается в 1354 году. *Freeman's Exeter*, 154.

[325] *Freeman's Exeter*, 146-7. *Английские гильдии*, 303, 307, 308.

[326] В оба этих класса принимались "внешние братья", вероятно, "иностранцы", которые платили половину пошлины.

[327] *Английские гильдии*, 313-316.

[328] Там же, с. 318, 324, 327.

[329] Там же, с. 321-2.

[330] Первая грамота портным была выдана в 1461 году (Gross i. 124 n. 2); вторая - в 1466 году. Другой случай произошел в Шрусбери, когда Эдуард Четвертый в 1461 году выдал хартию Братству Пресвятой Троицы, превратив его в компанию драпировщиков. (Hibbert's Influence and Development of English Guilds, 59.)

[331] Английские гильдии, 301, 307, 310. Gross i. 124.

[332] Английские гильдии, 309-311.

[333] Английские гильдии, 302-304.

[334] Ibid. 303.

[335] Английские гильдии, 304-8.

[336] Английские гильдии, 324.

[337] Там же, с. 326.

[338] Английские гильдии, 323.

[339] Там же, с. 331-4.

[340] Там же. 334-7.

[341] Это самый ранний из имеющихся у нас отчетов о расходах на частный билль. Там же. 308-311.

[342] Freeman's Exeter, 146-154.

[343] Английские гильдии, 328.

[344] См. главу XIII. p. 352-4.

[345] В 1376 году судьи постановили, что ни одна гильдия не может быть создана иначе как на основании королевской хартии. (Селигман в своей книге Med. Guilds p. 66, цитирует Year Book 49, Edward III. fol. 36.) С другой стороны, в 1376 году общинники подали петицию, в которой жаловались, что многие мэры не могут полноценно исполнять свои обязанности из-за специальных хартий, которые были выданы некоторым магистратам, и просили отозвать эти специальные хартии, чтобы укрепить руки местных властей. (Rot. Parl. ii. 331 No. 54.) См. Gross i. 113 note 2. Примеры королевских хартий для гильдий см. у мерсеров Шрусбери (Hibbert, 64), портных Лондона (Clode's Merchant Tailors) и различных компаний в Халле (Lambert's Two Thousand Years of Guild Life).

[346] В Халле приводится любопытный случай, когда один из магнатов графства использовал гильдию в качестве инструмента для получения представительства в парламенте. (Lambert's Two Thousand Years of Guild Life, 182.)

[347] Очень поучительна история компании купцов Халла. Ibid. 180 и т. д.

[348] См. главу VIII. Объединение ремесленников в гильдию в Уолсолле (Gross ii. 248) до 1440 года, похоже, было очень похоже на объединение ремесленников в Ковентри столетием ранее, чтобы получить контроль над городским управлением, "чтобы избежать такого большого беспорядка и неудобств, какие здесь в последнее время случались и случаются".

[349] Carlisle Mun. Rec. ed. Ferguson and Nansen 89-99.

[350] Городские обычаи и подзаконные акты были составлены в 1561 году "мэром и советом с четырьмя представителями всех профессий в вышеупомянутом городе, от имени всех горожан (Carlisle Mun. Rec. 28, 29, 59). В Беверли олдермен купцов и двадцать один олдермен различных ремесел в XV веке давали согласие на постановления губернаторов" (Gross, ii. 23. (Gross, ii. 23.)

[351] Gross, ii. 380-3.

[352] См. главу XIII. 374-5.

[353] Gross, i. 111, примечание 3. Упомянутые здесь дела Дарема и Морпета - очень поздние.

[354] Ibid. 112, прим. 4.

[355] Ibid. i. 124, прим. 2. Фон Оченковски (Wirtschaftliche Entwicklung, 67) утверждает, что это постановление было принято в результате средневекового взгляда на торговлю как на общественное доверие, а не просто индивидуальный акт; и что мастерство в ремесле воспринималось как проверка прямоты характера и залог пригодности к гражданству. Из этого вывода следует убеждение, которое, в свою очередь, подтверждает вывод о том, что это правило было навязано городскими властями, а не волей ремесленников.

[356] Stubbs, iii. 607.

[357] Эта история была рассмотрена доктором Гроссом в его "Гильдии купца". В тринадцатом веке купеческие гильдии существовали по меньшей мере в трети, а возможно, и в гораздо большей части английских районов. (Gross, i. 2, 22, 158.)

[358] Ibid. i. 107.

[359] Gross, i. 74, 107, 108, прим. 3, 109. В гильдии Андовера (Ibid. ii. 299, 321) и в Ковентри (English Guilds, 228) были священнослужители и женщины.

[360] Gross, i. 66-71, ii. 236.

[361] Ibid. i. 43, 61, 158-9.

[362] Ibid. i. 282-3.

[363] Gross, i. 61-63, 85. Иногда пожалование гильдии давалось до предоставления других прав. В других случаях оно следовало за ним. Так, в Глостере первая хартия была дана Генрихом Вторым "моим бюргерам Глостера" в 1155 году. Гильдия не появлялась в хартии до 1200 года, когда Иоанн предоставил некоторые муниципальные права "нашим бюргерам Глостера", а другие, в основном торговые, "нашим бюргерам Глостера из купеческой гильдии"; а в 1227 году хартия Генриха Третьего, кажется, впервые устанавливает, что бюргеры должны не только жить в городе, владеть землей и платить лот и скот, но и "быть в купеческой гильдии и Ганзе".

[364] Ibid. i. 43-52, 158-9.

[365] Ibid. i. 63, 85, 114. "В некоторых местах их полномочия, по-видимому, постепенно расширялись в течение тринадцатого века, чтобы включить юрисдикцию по делам, связанным с торговлей". (Ibid. 65.)

[366] Ibid. i. 114-115.

[367] Gross, i. 117, 159-60.

[368] Ibid. i. 116.

[369] Д-р Гросс считает, что все гильдии купцов, образовавшиеся после упадка Гильдии Меркатора в XIII веке, должны рассматриваться как просто ремесленные союзы обычного типа - в большинстве случаев заменяющие Гильдию купцов (i. 129).

[370] По определению доктора Гросса, "то, что когда-то было отдельной неотъемлемой частью гражданского политического тела, стало расплывчато смешиваться со всем этим". (Gross, i. 159-60, 163.)

[371] Утверждается, что такое случалось крайне редко. (Ibid. p. 114.)

[372] Там же, с. 118, 163. Название "купец-гильдия" "чаще применялось к совокупности ремесел", чем к органу управления боро. (Ibid. i. 114.) В Карлайле, если бы этот термин "вообще использовался, он, вероятно, применялся бы к восьми гильдиям в совокупности, а не к корпорации". (Доказывая, что более поздняя гильдия купцов была "совокупностью ремесел", доктор Гросс одним шагом переносит нас в гораздо более поздний период (с. 118-123), где название мало что говорит нам помимо истории района. Случай с Ковентри кажется сомнительным примером.

[373] Gross, i. 161, 163. Линн приводится в качестве иллюстрации этого изменения, но доказательства не приводятся.

[374] Ibid. i. 118. Не приводится ни одного примера.

[375] Доктор Гросс утверждает, что любая борьба, которая имела место, происходила не между гильдейским купцом и ремесленниками, а между "правлящим советом ("магнатами", "потенциями" и т. д.) с одной стороны и широкими слоями бюргерства ("communitas", "populus", "minores") с другой". (Gross i. 110, 285.) "Магнаты" Норвича (Hudson's Mun. Org. p. 24-5), или "богачи" из городских записей, правили в городе, где не было гильдии купцов. Потенциарии" Линна, судя по печатным записям, были гильдейскими купцами. В городских записях "communitas" нельзя понимать как синоним "populus", тем более "minores".

[376] Gross, i. 109. "Ни одного безошибочного примера такого конфликта до сих пор не было найдено". По этому вопросу Селигман (Mediæval Guilds, 57-8) высказывается очень догматично на основе самых неубедительных доказательств, насколько они приведены в его заметках. Приведенная на с. 58 аналогия с ремесленными гильдиями, включающими более мелкие союзы, не показана и не доказана их распространенность.

[377] В Лондоне, Норвиче и Синк-Порте ни в одно время не было гильдии купцов. В Линне, Андовере, Саутгемптоне и Бристоле она была всесильна. В Ноттингеме не прослеживается никакого влияния ее деятельности; гильдия, упомянутая в хартии Джона (Nott. Rec. i. 9), впоследствии упоминается лишь однажды, в 1365 году. (Ibid. i. 189.)

[378] Гросс, i. 107.

[379] См. Линн, Гросс, ii. 157. Саутгемптон, там же, 216-226. Андовер, там же, 4, 8, 294, 344. Дерби, там же, 51-3. Ньюкасл, там же, 184-5; другие случаи, i. 69. О Рединге см. т. I. 302. О разнообразии отношений гильдии к городу см. Gross, i. 73.

[380] Как в Оксфорде и Линкольне, Lib. Cus. 671. Gross, ii. 146. Однако весьма вероятно, что это были подтверждения более древних институтов.

[381] Gross, i. 109.

[382] Ibid. i. 33.

[383] Ibid. i. 31. См. также Bury St. Edmunds, ii. 30-3.

[384] См. с. 219, примечание в конце главы.

[385] Барнстапл, Гросс, ii. 12.

[386] Бури-Сент-Эдмундс, Гросс, ii. 33-4.

[387] Гросс, i. 117. Есть ли основания полагать, что если монопольное право было разделено и распределено между ремеслами, то и осуществление власти было разделено и передано в тех же пропорциях?

[388] Когда в гильдию принимали богатых представителей ремесла, людей, возможно, почти в положении купцов, из этого нельзя сделать никаких выводов об отношении самого ремесла к гильдии.

[389] Gross, i. 114-5. В приведенных здесь (стр. 116, примечание 1) примерах правил, принятых гильдийским купцом для ремесленников, необходимо точно определить отношения между гильдией и органом управления города. (См. Андовер в 1314 г. Гросс, ii. 308. Сравните Лестер, там же, 144.)

[390] Gross, i. 125-6, 159-60.

[391] Ibid. i. 75, 76.

[392] Все материалы, которые я использовал, рассказывая о Ковентри, были любезно предоставлены мне мисс Дормер Харрис, которая тщательно изучила городские записи на месте и вскоре, надеюсь, опубликует результаты своих изысканий.

[393] Сравните Честерфилд, где в 1218 году была создана гильдия для охраны "свобод города"; в случае необходимости олдермены должны были выбрать двенадцать человек, которые должны были идти к судьям или куда-либо еще, чтобы помочь этим "свободам" города; и любой человек, понесший убытки из-за них, должен был быть возмещен гильдией. (Английские гильдии, 165-167.)

[394] Сравните очень маленькую численность гильдии Рединга, которая сохранилась с давних времен (Vol. I. p. 302, note 1). Гильдия С. Альбана была более многочисленной, но, очевидно, имела более сомнительный характер, даже в глазах благоразумных мещан. (Ibid. 296-7.)

[395] Они получили землю от Изабеллы и построили свою церковь в Баблейке - первую церковь, построенную бюргерами.

[396] Принятие общего имени могло быть связано с разрешением на смертную казнь. Гильдия Святого Иоанна получила лицензию в 1342 году и землю для строительства своей церкви, но для более крупного общества, желающего завладеть новой собственностью, должна была потребоваться какая-то расширенная лицензия.

[397] Некрологи торговцев отмечались в часовне Святой Екатерины; некрологи драпировщиков - в часовне Леди, принадлежавшей церкви Святой Марии или гильдии торговцев.

[398] Ранняя гильдия Йорка принадлежала гильдиям Святого Георгия и Святого Кристофера, и когда в середине XV века был построен новый зал, эти две гильдии сохранили в нем значительную власть. (Davies' Walks Through York, 49-51.) Сэр Уильям Пламpton и его жена вступили в братство С. Христофора в Йорке в 1439 году. (Plumpton Corr. lxii.).

[399] Ср. Норвич (стр. 395). Вероятно, это соглашение было заключено ради финансовой безопасности (см. с. 215-6).

[400] Английские гильдии, 232.

[401] Счета гильдии Корпуса Кристи сохранились с 1488 года. Братья и сестры гильдии, похоже, были разбросаны по всей Англии и упоминаются в Лондоне, Линне и Бирмингеме. Они были всех рангов, всех профессий и призваний. (Настоятель собора, бейлиф настоятеля, викарий Тринити, различные ремесленники города и викарии окрестностей, купцы из Квинборо, Дублина, Дрогеды, Бристоля, Кингстона-на-Халле, Лондона и многих других мест, "купец из Скрепки" и такие известные люди окрестностей, как Томас Грей, маркиз Дорсет, лорд Гастингс и другие, входили в это объединение.

[402] Зал Святой Марии был начат в 1340 году, а закончен в 1413-м.

[403] Двадцать четыре человека избирались самостоятельно; мэр избирался двадцатью четырьмя; общий совет назначался и созывался мэром.

[404] Сравните с Саутгемптоном, где купеческая гильдия навязывала свои методы городскому правительству.

[405] В составленном в 1449 году списке живых ремесленников, занимавших свои должности, указаны пятнадцать драпировщиков, одиннадцать мерсеров и семь красильщиков; против двух волоочильщиков, двух белильщиков и двух ткачей. Красильщики в Ковентри часто были крупными торговцами тканями.

[406] Во времена Ричарда Второго фуллеры и портные впервые попытались создать гильдию и даже получили патент, который разрешал их обществу владеть имуществом, стоящим восемь марок в год.

[407] О жалобах на красильщиков свидетельствует петиция в парламент в 1415 году (Rot. Parl. iv. 75), в которой жители Ковентри заявляют, что из-за конфедерации среди красильщиков они не могут получить крашеную ткань по 6 или 7 с. за дюжину, тогда как в прошлом году цена была 5 с.; а сорок фунтов шерсти теперь стоят 30 с., в прошлом году - 20 с. и т. д. Красильщики также являются крупными и общими производителями сукна и берут весь цвет шерсти для своих тканей, а остаток служит простому народу. Просители просят, чтобы в день выборов мэра те, кто его изберет (то есть двадцать четыре члена правящих гильдий), также назначили четырех человек, двух драпировщиков, одного красильщика и одного мастера, присягнувших следить за красильщиками и представлять их за любую "провинность или

конфедерацию" мэру, судебным приставам и мировым судьям, то есть чиновникам Троицкой гильдии. За первую провинность он должен был заплатить штраф королю, за вторую - штраф и полгода тюремного заключения. Они также потребовали, чтобы никто из красильщиков не производил продажных тканей. Отказавшись от этих условий, они потребовали пресечь деятельность гильдии.

[408] В 1424 году мэр и его братья обратились с жалобой к королю, и королевским указом собрания были запрещены. В 1422 году правящие гильдии издали приказ о том, что все надзиратели должны представлять постановления о ремеслах мэру, регистратору, судебным исполнителям и восьми членам генерального совета, которым должны быть разрешены честные, законные и хорошие правила; и никакие постановления не могут быть приняты против закона для угнетения людей, под страхом тюремного заключения или штрафа по воле короля. В 1424 году по приказу мэра были назначены арбитры для решения споров между мастерами-ткачами и их людьми, а также были разработаны правила для всего ремесла. Очевидно, что это сильно отличается от регулирования гильдии, которая все еще сохраняла ремесла в рамках своей ассоциации.

[409] Они давали сорок марок за новую лицензию для своей гильдии с закладной до десяти марок и разрешали избрать четырех мастеров на Рождество, чтобы они управляли ремеслом и выступали в судах от имени всей гильдии. Как и раньше, они, похоже, не смогли осуществить свой план, несмотря на лицензию, и в 1448 году от них поступило прошение (было ли оно добровольным, можно сомневаться) о разрыве союза между ремеслами фуллеров и портных. После прекращения существования гильдий портные и портнихи держали мельницу и поместья в Мортмейне для поддержки своего ремесла.

[410] Ср. Эксетер, глава VII.

[411] Насколько мало свободы оставалось у самого могущественного ремесла - красильщиков - видно из закона 1530 года, согласно которому, если перед мэром и судьями будет доказано, что мастера и подмастерья красильщиков препятствовали кому-либо стать красильщиком, они должны быть оштрафованы. Если подмастерья откажутся работать на новых красильщиков, то, не препятствуя ремеслу или подмастерьям, они могут нанять других, не жителей. В 1530 году было предписано, что некий Роберт Перкинс должен стать красильщиком без "позволения или препятствий" со стороны ремесленников и подмастерьев. В целом корпорация противостояла стремлению мелких ремесел препятствовать появлению новых мастеров - политику, которую легко понять в условиях правления купцов, в отличие от мануфактур.

[412] На дверях собора Святого Михаила в 1494 году было вывешено следующее объявление:...

"Да будет известно и понятно.

Этот хит должен быть свободен, а теперь он свободен.

Дама Гуде-Ева сделала его свободным.

И теперь обычаи для волн и драпировок.

Также постановлено, что ни один прентис не должен быть

Но XIII. пени платить должен он,

Этот поступок совершил Роберт Грен.

Поэтому у него было много проклятий".

(Sharp's Antiquities, 235.)

[413]

"Этот город - узы, которые должны быть свободными,
Правом владеют Cīalte.
Наши дома, открытые ламами, должны быть брошены.
Они закрыты и заперты на полный пост.
Если когда-либо вы уступите койальту
Такую благосклонность, какую вы нам окажете, вы увидите.
Мы можем говорить честно и желать вам доброго утра.
Но отворот от наших герц вы не получите никогда....
Берегите коиалте, и так они имеют право
Ибо не знают худшего случая ни днем, ни ночью.
Лучшее из всего, чего стоит Литтл, должно быть
And ye had not had help of the cōialte."

(Sharp, 235.) Возможно, именно разговоры на улицах во время каких-то подобных местных беспорядков цитировал Лэнгленд, когда писал строки, приведенные в томе I. стр. 26.

[414] Подмастерья ремесленников Ковентри платили свои штрафы мэру "для использования городом", а не гильдией; "искатели" ремесел назначались и принимали постановления в суде Литов, а не на собраниях гильдии; те же чиновники присутствовали на заседаниях, но они должны были действовать как представители муниципалитета.

[415] Так было в Линне, Бристоле и, позднее, в Норвиче.

[416] Предстоит выяснить, называла ли какая-либо гильдия купцов своим именем муниципалитет, если она не была ответственна за выплату ферм и не владела открыто и до сведения казначейства каким-либо имуществом, рентой или пошлинами для этой цели.

[417] Гильдия Ковентри владела городским имуществом для общественных целей и до этого, очевидно, в частном порядке.

[418] Возможно, что в начале правления Ричарда страх, вызванный крестьянским восстанием, ускорил организационный дух среди богатых слоев населения. В гильдии Личфилда, созданной по хартии в 1387 году, мастер гильдии и сорок восемь человек должны были "неуклонно держаться вместе и следить за тем, чтобы в городе соблюдались добрые правила" (Gross, ii. 145). (Gross, ii. 145.) Подобные объединения богатых классов, похоже, были очень распространены.

[419] Английские гильдии, 244-6, 249, 250.

[420] Гросс, ii. 353.

[421] Hist. MSS. Com. iii. 316. Здесь говорится, что все бюргеры и простолюдины боро Бриджуотер постановили, что они будут ежегодно выбирать двух сенешалей своей гильдии и одного бейлифа для их обслуживания; эти сенешали должны иметь право наказывать тех, кто нарушает эти постановления. Если кто-либо из них злонамеренно вменит другому обвинение в воровстве, подлоге, нифти ("nativitatis", то есть в рождении кабальеро), убийстве, прелюбодеянии или отлучении от церкви и будет осужден за это перед сенешалями, то он будет привлечен к ответственности и связан с коммуной, чтобы возместить ущерб другому по решению его пэров. Никто не может выступать в качестве истца без округа под страхом ареста. Любой, кто не явится к сенешалю по вызову, подлежит амеркации. Те, кто противится казням или бедствиям, произведенным по приказу сенешаля, должны быть арестованы и

связаны с землячеством сорока пенсами. Никто не должен покупать мясо или рыбу до девяти часов утра для перепродажи под страхом обязательства перед коммодалитетом в размере стоимости купленного или проданного мяса или рыбы. Если кто-либо будет избран на должность сенешаля церкви Святой Марии или Святого Креста в церкви указанного района, он должен отчитываться о деньгах, полученных от этого, перед указанными сенешалями, когда бы его ни вызвали для этого. Любое лицо, отказывающееся от любой из этих должностей, если оно будет избрано, должно быть обязано перед коммондалти в сумме 6s. 8d. Сенешали должны давать отчет о всех деньгах, полученных ими каждый год, в день обрезания Господа нашего". К этой грамоте сохранился большой фрагмент замковой печати или печати сеньора сенешаля. (Hist. MSS. Com. iii. 316.)

[422] Их деловые встречи проходили в небольшой палате, пристроенной к церкви Святой Елены, которая до сих пор является казначейской палатой их преемников, управляющих госпиталем Христа. (Hist. MSS. Com. i. 98.) Д-р Гросс (i. 83-4, прим. 11) приводит названия некоторых городов, где управление осуществлялось "простой социально-религиозной гильдией". Эти случаи предполагают различные проблемы и требуют отдельного изучения особых обстоятельств.

[423] Мэдокс, 217. Сколько последующих заявлений о бедности *корпораций* было связано с этой удобной системой обращения с их средствами?

[424] Эта система была разработана до принятия доктрины трастов, в правление Генриха Четвертого; но даже после принятия этой доктрины владение собственностью дружественной корпорацией создало бы значительные трудности при взыскании денег, причитающихся муниципалитету.

[425] English Gilds, 231-5.

[426] См. примечание А в конце главы.

[427] См. главу XIV.

[428] Доктор Гросс - один из последних авторов, который особенно настаивает на переходе от демократии к олигархии. (i. 108-110, 125-6, 160, 171, 285.)

[429] Gross, i. 23-6; ii. 115 et sq. Сравните Hist. MSS. Com. ix. 239, о формах, использовавшихся в 1291 году. О выборах в 1310 году см. там же, с. 242.

[430] В Ромни приводится случай, когда в 1442 году был арестован человек, который пришел, не будучи свободным, послушать общий совет. Hist. MSS. Com. v. 540. Для Уайкомба, Ibid. 557.

[431] Журнал Археологической ассоциации, xxvii. 464.

[432] Ibid.

[433] Hist. MSS. Com. v. 493.

[434] Сэндвич для мальчиков, 429. См. также Berwick, English Guilds, 344.

[435] Journ. Arch. Ass. xxvii. 462. Если горожанин ударил мэра и был слишком жестоко наказан, друзья заключенного могли созвать жюри "из самых благоразумных и крепких людей города", которое должно было назначить справедливое наказание. В Рае, как и в Херефорде, по старому обычаю, человек, ударивший мэра, должен был лишиться правой руки (Lyon's Dover, ii. 352); в Престоне существовало определенное наказание для мэра,

ударившего бюргера в суде или вне его (Custumal, Hist. Preston Guild). В Кентербери, если судебный пристав поступал несправедливо по отношению к любому, "кого могут найти два законных человека, сильных и умных", жалоба подавалась двенадцати олддерменам; и если они тщетно требовали от пристава исправить ошибку, дело передавалось в суд тридцати шести, олддерменов и самых мудрых людей, "и они должны были постановить право" (Hist. MSS. Com. ix. 171).

[436] Hist. MSS. Com. v. 559.

[437] Hunt's Bristol, 103-5.

[438] О разнообразии способов избрания присяжных тогда и позже см. в Rep. Mun. Corporations, 27.

[439] Мы также находим специальные жюри - например, жюри каменщиков и плотников для вынесения решения "из-за водопада, который упал из дома и водостока Ричарда Мейдстона на дом и землю Уильяма Беннета" (Hist. MSS. Com. ix. 169); и группы судей, назначенных для урегулирования разногласий (Boys' Sandwich, 786).

[440] Таков был обычай в Эксетере. В Байонне каждый новый гражданин приносил присягу на книге, содержащей устав и статуты коммуны (Luchaire, 47).

[441] Рикарт, 2.

[442] В пятнадцатом веке в Уайкомбе и Дартмуте для переплета книг корпорации использовались два итальянских экземпляра Пандектов Юстиниана с комментариями.

[443] См. с. 310-11, 334-6, 366-70. Декрет 1328 года в Престоне был принят "мэром, бейлифами и бургессами, со всеми простолюдинами, при полном согласии". (Thomson, Mun. Hist. 105.)

[444] Мистер Мейтленд описывает общинную организацию арендаторов холопов в поместье Брайт-Уолтхэм в 1293 году (Manorial Pleas, Selden Soc. 161-4, 168). Они образовали "коммунитас", который владел собственностью, мог получать земельные наделы, заключать договоры и совершать обмены с лордом (172). Эти права признавались в манориальных судах, хотя в Вестминстере они должны были считаться весьма нерегулярными (163). Они избирали или рекомендовали рива, пастуха, пахаря, свинопаса (170), и весь вилль "обязывался" за него (168). Управляющий следил за тем, чтобы подневольная земля не считалась свободной, а сами холопы очень не хотели, чтобы холоп становился свободным человеком на основании владения акром земли (164).

[445] В Барнстапле документ, касающийся владения на Хай-стрит в 1416 году, был скреплен печатью простолюдинов, а не мэра. (Hist. MSS. Com. ix. 213.) В Рае существовала печать общины, отличная от печати мэра, которая впервые была использована в 1377 году. (Ibid. v. 489, 511.) Также в Лидде (ibid. 530-2).

[446] См. примечание А в конце главы.

[447] Worcester, Eng. Guilds, 378.

[448] Частые случаи указывают на то, что там, где общие земли играли важную роль в богатстве или промышленности боро, бюргеры долго сохраняли интерес к муниципальным делам. Так, в Хаверфорд-Уэст, где горожане до 1832 года принимали самое активное участие в выборах должностных лиц и управлении делами, общий луг по-прежнему составлял более

тысячи акров (Report on Mun. Corporation, 233, etc.). А в Бервике-на-Твиде, где делами также управлял весь состав бургомистров, годовая стоимость земель, прибыль от которых шла вольноотпущенникам, составляла около 6 000 фунтов стерлингов. (Ibid. 31.)

[449] Пирс Плаумен, пас. xi. 239.

[450] Merewether and Stephens, ii. 590-2.

[451] Norwich Town Close Evidences, p. 16. Копию этого тома (частное издание, напечатанное в связи с делом Таун Клоуз в 1885 году) можно найти в Британском музее.

[452] Norwich Town Close Evidences, 18-19.

[453] Там же. 17.

[454] Именно в это время мэр получил право конфисковывать суммы, взимаемые с простолюдинов. (Hist. MSS. Com. xi. part 3, 186-7.)

[455] Hist. MSS. Com. xi. 3, pp. 187, 240. Гросс, ii. 155-6.

[456] Отчет о рынках, 62.

[457] Rot. Parl. i. 433.

[458] Мэдокс, 94.

[459] В списке плательщиков налога на опрос 1380 года в Оксфорде упоминаются четыре олдермена - виноградарь, драпировщик и еще двое, чье ремесло не указано, но у которых было восемь и десять слуг, что значительно превышает средний уровень. Виноградарь и драпировщик платили, как и мэр, по 13 с. 4 д.; но человек с десятью слугами дал только 12 д.; а человек с восемью слугами вообще не зарегистрирован как заплативший. (Городские документы Оксфорда, Oxford Hist. Soc. 8-45.)

[460] См. примечание А в конце главы.

[461] В 1327 году разгорелся жестокий спор между знатными людьми Андовера и остальной частью общины. Историю избрания своего рода совета из пятнадцати богатых людей в 1303 году и инцидентов, приведших к бунту 1327 года, можно проследить в записях, процитированных в Gross, ii. 297-321.

[462] Вступительная речь г-на Фрауда в Оксфорде, 26 октября 1892 года.

[463] Случаи происходят в городах по законам об игре. Юраты Хайта представляют Генри Колла как "обычного губителя, убивающего зайцев силками и пиписками к большому ущербу для спорта дворянства и вопреки уставу"; и еще одного человека "за содержание одного хорька для охоты вопреки уставу". (Hist. MSS. Com. iv. 1, 431, 2.)

[464] См. Piers Ploughman. Pass. ix. 20-31; ii. 96; x. 223 и др.

[465]

"Тогда Лух (смеялся) там лорд и "на этом свете" сказал,
"Я считаю правильным и разумным взять у своего управляющего
Все, что мой аудитор или другой мой управляющий
Советует мне по их счету и письму моего клерка".

С *spiritus intellectus* они взяли свитки,
И с *spiritus fortitudinis* принести их, will he, nil he".

-Piers Ploughman. Passus xxii. 461-466.

[466] "Если будет вынесено какое-либо судебное решение, - говорится в Херефордских таможенных правилах, - или будет возбуждено или исполнено какое-либо исполнение предписаний нашего господина короля, или если возникнет какое-либо сомнение или неясность в отношении какого-либо из наших законов или обычаев, или чего-либо другого, касающегося всего общества, то бейлиф или управляющий, используя все виды строгости, может принудить *особенно осмотрительного или любого другого гражданина, в котором они нуждаются*, прийти к ним". (Journ. Arch. Ass. xxvii. 464.)

[467] Hudson, Mun. Org., 24-5.

[468] Королевская комиссия по рынкам, 15, 16. Судьи имели право увольнять бедных признателей и приказывать шерифу, чтобы вместо них были избраны законные рыцари и другие благоразумные люди (Select Civil Pleas, Selden Society, 100). Записи о присяжных Манчестерского суда сохранились только с 1552 года. Их число варьировалось от четырнадцати до восемнадцати человек, которые ежегодно выбирались в суде летов из числа главных бюргеров города. В случае смерти отца его старший сын или младший брат, по-видимому, становился присяжным вместо него. Присяжные, по сути, выбирались из поколения в поколение из одного и того же небольшого числа семей. Управляющий и один или оба констебля обычно назначались из числа присяжных, находившихся в зале суда". (Записи Манчестерского суда, 177-8.) Ср. Корабль дураков. Барклай, 99.

[469] Там же. 62. См. т. I. 186, 165, прим. А. В Кентербери существовал закон, согласно которому, если по вине судебного пристава король посылал предписание, "препятствующее свободе" города, судебный пристав должен был возместить ущерб.

[470] Например, в Колчестере в 1301 году число людей, оцененных по всем движимым вещам, составило 390 человек, а сумма, собранная за это время, - 24 фунта 12 шиллингов. 6d. В 1377 году, когда он занимал двенадцатое место в списке английских городов, в нем, как утверждается, проживало около 4 500 человек.

[471] Так, в 1342 году Николас Лэнгтон был избран мэром Йорка в семнадцатый раз (Hargrove's York, i. 308), а в Ливерпуле в течение восемнадцати лет с 1374 по 1406 год правили два человека: один - двенадцать лет, другой - шесть (Picton's Liverpool, i. 30).

[472] В пятнадцатом веке имена мэров были самыми разнообразными. Джон Самон занимал этот пост несколько раз, но в целом мэры не переизбирались, и ни в одном случае они не занимали свой пост два года подряд. (См. "Ноттингемские записи").

[473] Gross, ii. 117.

[474] Линкольн и Лондон (Мэдокс, 14; Гросс, i. 80). Кентербери (Hist. MSS. Com. ix. 167).

[475] См. Линн и Саутгемптон.

[476] Календари Рикарта, 72 и т. д. Мэр Ноттингема был обязан "давать своим братьям знания, чтобы они видели игру на рыбалке"... и "также давать им знания о каждой медвежьей и бычьей приманке в пределах города, чтобы они видели спорт игры по старому обычаю и обыкновениям". (Rec. iii. 449.)

[477] Hythe, Hist. MSS. Com. iv. i. 432, 434.

[478] Hist. MSS. Com. v. 542. Ibid. vi. 572-580. Любой человек, трижды осужденный за то, что "проклинал мэра и клеветал на него среди добрых и серьезных людей", должен был быть лишен свободы под звон колокола Гильдейского зала.

[479] См. гл. viii. Freeman's Exeter, 90.

[480] В Бристолe у городского клерка, управляющего и адвоката было сорок два луча, а у их подчиненных клерков - тридцать два луча. (Рикарт, xii. 81.)

[481] В 1476 году Лидд заплатил 13 с. 4 д. за выписывание своего "Customall". Кустум Сандвича, написанный в 1301 году, был скопирован около 1465 года городским клерком Джоном Серлесом. Черная книга Хайта была скопирована таким же образом. О Саутгемптоне см. MSS. Com. xi. 3, p. 8. Примеры слишком многочисленны, чтобы их приводить.

[482] См. перевод устава Краучбека в Лестере (Hist. MSS. Com. viii. 404); перевод с французского в 1491 году старой книги законов и обычаев Ярмута (Ibid. ix. 305); перевод в 1473 году древних правил саутгемптонской гильдии, известных как Pax Bread. (Davies' Southampton, 133.)

[483] Hist. MSS. Com. v. 606-7. Клерк также отвечал за акты, которые постоянно передавались на хранение мэру и совету.

[484] Книга Судного дня Дорчестера была составлена в XV веке (Journ. Arch. Ass. xxviii. 29); Liber Albus Норвича - в 1426 году (Blomefield, iii. 141; Arch. Journ. xlv. 302). Ордонансы были составлены в Рае в 1397 г. (Hist. MSS. Com. v. 489); Фордвичский календарь - в XV в. (Ibid. v. 606-607). Самым старым Ежегодником Сэндвича является Старая Черная Книга, записи в которой начинаются с 1432 года и заканчиваются 1487 годом. Записи в Белой книге начинаются в 1488 году и заканчиваются в 1526 году. Тот факт, что законы шотландских маршей были кодифицированы в это время, свидетельствует о преобладающей тенденции.

[485] Как и в Ромни (Hist. MSS. Com. v. 539).

[486] В 1386 году Синк-Портс оплатил копирование Магна Чарта (Ibid. 533).

[487] Ноттингемские записи, ii. 340.

[488] Hist. MSS. Com. vi. 489.

[489] Ibid. ix. 223-4.

[490] Первый бумажный рулон в счетах Рединга 1463 года. (Hist. MSS. Com. xi. part 7, 175.) Счета в Бридпорте, Саутгемптоне и Хайте на бумаге при Ричарде Втором. (Ibid. vi. 492; xi. 3-8; iv. 1, 438-9.) Некоторые гильдейские отчеты были на бумаге в 1389 году. (Английские гильдии, 132-3.) В 1467 году в Вустере было принято правило, согласно которому городской клерк должен быть гражданином, выполнять свою работу самостоятельно, с ежедневным присутствием, а не с помощью простого и неэффективного заместителя, и переписывать на пергамент. (Гильдии, 399.)

[491] Hist. MSS. Com. vi. 477.

[492] Ibid. ix. 108.

[493] Ibid. vi. 603.

[494] Разницу можно увидеть, сравнив с их счетами такие документы, как представления на сессиях, счета на товары и т. п. (Nottingham Records, iii. xiv.) См. также записи в записях, сделанные Роджем Роджерсом. (Nottingham Records, iii. xiv.) См. также записи, сделанные Роджером Брэмстоном, мэром Уайкомба, в 1490 году.

[495] О возможных трудностях избавления от клерка свидетельствует случай, когда мэр, шерифы, олдермены и общины Йорка в 1475 году с общего согласия уволили общего клерка "за различные и многочисленные преступления - чрезмерное изъятие денег, неправильное ведение книг, счетов и доказательств, а также за другие большие нарушения". Тогда они написали Д. Глостерскому, чтобы он обратился к его светлости и попросил короля разрешить им назначить другого клерка; и герцог, отправив письма лорду Гастингсу и лорду Стэнли, наконец получил ответ от короля, что он поручил двум сержантам закона рассмотреть дело, что они сообщили в пользу корпорации, и что новый клерк может быть избран. Благодарный город согласился на заседании совета, что Д. Глостер "за его великие труды, которые он недавно приложил к великой милости короля", должен быть "представлен при его приезде в город 6 лебедями и 6 пиками". (Davies' York, 53-55.)

[496] Hist. MSS. Com. vi. 603. В Херефорде управляющим мог быть "иностранец, которого знают горожане". (Journ. Arch. Ass. xxvii. 463-4.)

[497] В Сэндвиче жалование "городского клерка" составляло 40 с. в год, из которых он должен был находить пергамент, за исключением тех случаев, когда он выписывал кессы, и тогда коммонералы могли дать ему шиллинг или два за пергамент и его хлопоты. Другие мелкие выплаты выпадали на его долю, когда происходило посвящение во фримены, подписание корпоративного письма и тому подобные дела". (Boys' Sandwich, 476.) В 1390 году Ромни заплатил 56 с. 8d.; затем жалование упало до 40s. в 1428 году; затем до 32s. 11d.; и затем до 26s. 8d., с 3s. 4 д. за пергамент. (Ibid. 803.) Это соответствовало снижению благосостояния Ромни.

[498] Клерк из Хайта, Джон Смоллвуд, обеспечил себе поддержку тридцати шести человек, поклявшихся помогать ему во всех его начинаниях, а в 1397 году он даже собрал шестьдесят человек, обязавшихся добиться смерти четырех его врагов. В течение четырех лет город отказывался иметь какого-либо клерка, пока, наконец, Смоллвуд не заключил мир в 1414 году, подарив ему некоторые поместья и земли. (Hist. MSS. Com. iv. part 1, 437-8.)

[499] Davies' York, 207. Томас Этвуд, который был городским клерком Кентербери в 1497 году, кажется, был мэром в 1500 году. Его брат Уильям был одним из советников города в 1497 году.

[500] Ноттингемские записи, iii. 59, 84.

[501] О его письме и одном или двух девизах см. Nottingham Records, III. ix.-xiii. ii. xvi. О Роберте де Рикарто из Бристоля см. с. 20. О Дэниеле Поу из Ромни см. с. 61.

[502] Thompson, Mun. Hist. 82.

[503] См. "Письма Пастона". Ср. The Common Weal (ed. Miss Lamond), 83-4.

[504] См. пример Норвича. Основной эффект новых хартий заключался лишь в том, чтобы сделать темпы прогресса очевидными и в некоторой степени помочь ему, просто сведя все к

формальному правовому оформлению, тем самым случайно уничтожив неясные свободы или затвердив их осуществление в фиксированной форме, утратившей всякую эластичность.

[505] Пирс Плаумен. Passus ix. 174.

[506]

"Но пока Голод был их хозяином, никто не упрекал,
И не стал бы противиться уставу, так суров был его вид".

Там же. Passus ix. 342, 343.

[507] Время от времени мы находим странные примеры растущей независимости. В Вустере "в некоторые периоды своеволия" жители проявляли свой революционный нрав, выбирая в сержанты и констебли "людей культа, к бесчестию их самих и всего города"; в 1467 году был издан указ о том, что ни один из двадцати четырех или сорока восьми человек не может быть назначен на эти должности. (Английские гильдии, 409.) Таким же образом большой суд Бридженорта постановил в 1503 году, что ни один из бюргеров не должен становиться сержантом. (Hist. MSS. Com. x. 4, 426.) В 1350 году в Линкольне была создана гильдия из "простых и средних людей", которые категорически возражали против того, чтобы к ним присоединялись люди "в ранге мэра или бейлифов" или претендующие на достоинство за свой личный ранг, и установили правило, что если такие люди настаивают на вступлении в их общество, они не должны вмешиваться в его дела и никогда не должны быть назначены на должности. (Английские гильдии, 178-9.)

[508] Пирс Плаумен. Пас. xviii. 88.

[509] Следует изучить все различия ранних хартий. Например, хартии Ноттингема и Нортгемптона, составленные в одном и том же году (Stubbs's Charters, 300-302).

[510] Сложность и, по-видимому, неисчерпаемая путаница их методов хорошо иллюстрируется списками, составленными в 1833 году комиссарами, назначенными для расследования деятельности муниципальных корпораций. См. приложение к "Rep. on Mun. Corpor. 94, 95; и особенно таблицы на с. 102-132. Очевидно, что мещане едва ли заслужили упреки тех, кто считает прямые выборы народом естественной грубой уловкой необученных людей, объединенных в политические общества и не знающих более мудрой системы выдвижения кандидатов, которую предлагают подготовленные законодатели.

[511] Kitchen's Winchester, 164.

[512] P. 306.

[513] Отчет о муниципальных корпорациях, 21.

[514] Способы избрания шерифов и бейлифов были столь же разнообразны и сложны, как и мэра и совета. Иллюстрации к этому см. в Rep. on Mun. Corp. 24, 25.

[515] Существовал также "Большой суд" из двадцати четырех человек. Hist. MSS. Com. x. part 4, pp. 425-7. В Мелкомб-Реджисе (Hist. MSS. Com. v. 578) существовало выборное жюри из двенадцати человек. В Престоне мэр выбрал в открытом суде двух древних благоразумных и честных бюргеров, которые дали клятву, что сразу же выберут двадцать четыре бюргера, которые не должны занимать никаких должностей в городе в течение следующего года. Выбрав двадцать четыре человека, они избрали мэра, бейлифа и суббейлифа; эти трое тут же принесли соответствующие присяги, а мэр, прежде чем покинуть зал, назначил мэра

бейлифом и сержантом. Законы принимались "мэром, бейлифами и бургессами, со всем простонародьем, при полном согласии и одобрении". Управление, по-видимому, осуществлялось мэром и "двенадцатью из тех, кто вместе с ним был посвящен в сан", которые назывались олдерменами или столичными бюргерами. По закону гильдии, принятому ранее 1328 года, бывшие мэры и бейлифы, хотя и могли заседать в качестве олдерменов, не имели права вмешиваться в выборы двадцати четырех под страхом штрафа в двадцать шиллингов или лишения гражданства. (Preston, Guild Record, xxiv. Ордонансы гильдии в истории гильдии Престона, Добсон и Харланд, 12, 17, 19-23).

[516] Чтобы проиллюстрировать разнообразие городских конституций, я привел три или четыре, взятые наугад, в Приложении в конце главы. Другие примеры можно найти в гл. XII-XVI.

[517] См. примечание А, р. 283, Hist. MSS. Com. ix. 171-2. Этот план, возможно, был составлен по образцу системы, распространенной на церковных выборах и, возможно, свойственной Кентербери в части, касающейся муниципалитетов. В 1435 году возник спор о том, каким образом следует представлять собор Святого Петра в Корнхилле, чтобы избежать "великих раздоров и споров" между мэром, олдерменами и общим советом. Было решено, что мэр и олдермены должны выбрать четырех священников, живущих в пределах города или в миле от него; эти четверо должны назвать общему совету четырех клерков, "наиболее подходящих по манерам и сговору"; и из этих четырех мэр, олдермены и совет должны выбрать одного. Три хроники пятнадцатого века (Camden Soc., 91-92).

[518] Отчет о мун. Corporations, 20.

[519] В Бридпорте было двенадцать присяжных. (Hist. MSS. Com. vi. 489-90, 492-3.) В Саутгемптоне двенадцать "благоразумных", р. 308. Присяжные в Ромни и других Синкве-Портах составляли аналогичный орган. Так же было в Карлайле и Понтефракте. (Hist. MSS. Com. viii. 270-1.) Предписание Тайного совета было адресовано "мэру, бейлифам и двадцати четырем знатнейшим бюргерам нашего города Нортгемптона" в 1442 году. (Proceed. Privy Council v. 191.) В Уэллсе был совет из двадцати четырех человек. (Hist. MSS. Com. i. 106-7.)

[520] В Оксфорде, согласно хартии Ричарда Первого, были мэр и два олдермена. В 1255 году Генрих Третий сделал олдерменов четверьмя, соответствующими четырем приходам города, и присоединил к ним восемь ведущих бюргеров, главным образом для поддержания мира в городе и для руководства ассамблеей хлеба, пива и вина. Двадцать четыре члена общего совета избирались из числа горожан. (Boase's Oxford, 42-44.) В Ипсвиче, помимо двенадцати "честных и верных" портовиков, ежегодно избираемых на кладбище башни Святой Марии, существовал совет из двадцати четырех человек; семь из портовиков и тринадцать из двадцати четырех могли вместе устанавливать правила для города. В Ярмуте (Hist. MSS. Com. ix. 242, 244.) двадцать четыре юрата (впоследствии названные олдерменами) выбирались бюргерами и назначали всех должностных лиц города (Blomefield, xi. 301-2, 342). Между 1400 и 1407 годами в конституцию были внесены изменения. Вместо четырех бейлифов были избраны два, а помимо совета из двадцати четырех олдерменов был сформирован общий совет из сорока восьми членов. Так же поступили в Колчестере и Норвиче. В Вустере было два совета, "двадцать четыре сверху и сорок восемь снизу". (Английские гильдии, 379, 396. Также Лестер, Hist. MSS. Com. viii. 425.) В Кентербери был верхний совет из двенадцати человек, а другой - из тридцати шести. (Hist. MSS. Com. ix. 171-2.) О советах из семидесяти и восьмидесяти человек см. с. 374, 432. В Честере хартия 1506 года давала двадцать четыре олдермена и сорок членов общего совета. (Hist. MSS. Com. viii. 359-60.) В Бристоле (Hunt's

Bristol, 85-86) и Ливерпуле (Picton ii. 26) совет состоял из сорока "честных и благоразумных" людей. В Колчестере было два совета по шестнадцать человек в каждом. (Cromwell's Colchester, 265.)

[521] То, каким образом олдермены заняли свое место в системе муниципального управления, еще не выяснено. В Лондоне, Кентербери и Линкольне они были наследственными владельцами различных приходов. В 1450 году жители Ковентри подали прошение о назначении олдерменов, но мэр и его братья отказались. В Линне были только констебли приходов.

[522] Hist. MSS. Com. vi. 551-569.

[523] Саутгемптон Дэвиса, 263.

[524] Hist. MSS. Com. xi. 3. p. 42, 77-82.

[525] Davies' Southampton, 250.

[526] Гросс, ii. 232.

[527] Davies, 253.

[528] 2 Rich. II. St. 1, cap. 3.

[529] Davies, 254.

[530] Ibid. 250.

[531] Hist. MSS. Com. xi. 3, 50, 87.

[532] Ibid. xi. 3, 81, 83, 86. Davies, 253-4.

[533] Например, Томас Пейн, чья баржа "Джон из Саутгемптона" торговала с Зеландией; или ювелир Уильям Найколл, который также был купцом и отправил свой корабль "Мэри из Хэмптона" в Бискайский залив под началом двоюродного брата, своего фактора и казначея. (Hist. MSS. Com. xi. 3. p. 78, 84, 88.)

[534] Hist. MSS. Com. xi. 3, pp. 70-73. Davies, 97-8. В 1399 г. Ричард Второй выделил императору на войну с турками сумму в 2000 фунтов стерлингов, которая была отправлена через генуэзского купца и взыскана на таможне в Саутгемптоне. Hist. MSS. Com. xi. 3, 16. Bekynnton, i. lx. note. В 1401 году было выплачено еще 2 000 фунтов стерлингов.

[535] Davies, 61, 256.

[536] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 66-69.

[537] Ibid. 77.

[538] Davies, 255.

[539] Ibid. 471.

[540] Ibid. 255-6.

[541] В 1411 году бургомистры построили большую пристань с краном на ней у водных ворот, чтобы увеличить количество товаров и предотвратить уклонение от уплаты таможенных

пошлин. Davies, 112. Ведь чужеземцы привозили свои вина "очень презрительно" и высаживали их "в пределах этого королевства, где им самим хорошо". (Н.М.С. xi. 3, 50-52.)

[542] Hist. MSS. Com. xi. 3, 11, 87.

[543] Hist. MSS. Com. xi. 3, 90.

[544] Hist. MSS. Com. vi, 551-569.

[545] Davies, 294. Возможно, здесь проживало около 140 человек.

[546] Davies, 82. О припасах для королевского корабля см. Hist. MSS. Com. xi. 3, 113.

[547] Davies, 79. Лучники, посланные в замок для защиты горожан, были отнесены на их счет, и им пришлось терпеливо подчиниться их поборам; письмо Эдуарда Четвертого предписывало городу освободить одного из боуров, который был заключен в тюрьму "за неумеренное унижение", и продолжать платить ему жалованье, как и другим боуэрам. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 99.)

[548] Запковая стена не была снесена до конца пятнадцатого века. Наконец, сам запковый холм, после того как его насыпь была понижена и выровнена, был увенчан в 1818 году Сионской часовней на месте норманнского храма. (Davies, 76, 84.)

[549] Там же, с. 81. О неудобствах, которые констебль мог причинить городу, если бы захотел, см. с. 83.

[550] См. один пример из многих в Davies, 81.

[551] Davies, 216.

[552] Там же, с. 79.

[553] В последний год правления Генриха Шестого хозяин одного из королевских кораблей получил от мэра 31 фунт 10 шиллингов. 10d. В первый год правления Эдуарда Четвертого он снова заплатил за пропитание и содержание корабля 68 фунтов 5 шиллингов. 10d. (Davies, 110, 113. Hist. MSS. Com. xi. 3, pp. 85, 98.)

[554] Davies' Southampton, 214. О сумме в 1468 г. там же, 72, 100.

[555] Davies, 62-3.

[556] Там же. 105.

[557] При необходимости с помощью короля. (Davies, 80.) Город имел право взимать налог со всех товаров, ввозимых в ворота или вывозимых из них, пока стена не будет достроена. (Davies, 60.)

[558] Davies, 80. Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 61. Сто пятьдесят лет спустя Генрих Восьмой запретил любому гражданину покидать Честер, потому что "город стоит открытым перед опасностью врагов" и требует всех "для его безопасности и защиты". (Hist. MSS. Com. viii. 370.)

[559] Davies, 60, 61. Подобные жалобы постоянно возобновлялись в следующем столетии.

[560] Дэвис, 35. Саутгемптон постоянно имел задолженность по фермам. Ibid. 34.

[561] В 1445 году Маргарита Анжуйская получила субсидию в размере 1000 фунтов стерлингов в год с больших и малых таможен города, а аннуитет в 100 фунтов стерлингов, который был подтвержден ей в 1454 году, был возобновлен парламентом только в 1464 году.

[562] Davies, 37.

[563] Hist. MSS. Com. xi. 3, 111, 112.

[564] Hist. MSS. Com. xi. 3, 112-13.

[565] English Chronicle, 1377-1461 (Camden Soc.), 90. Davies, 471-2.

[566] Davies, 111. Hist. MSS. Com. xi. 3, 16. См. также 98-99.

[567] Davies, 111, 37. В 1462 г. задолженность по ферме была погашена, и еще раз в 1484 г. (Ib. 34). В 1463 году мэр Саутгемптона был низложен по мандату короля (Ibid. 168).

[568] Дэвис говорит об этом Джоне Инголдсби, выплатившем долг, как о последующем, очевидно, одном из баронов Казначейства (стр. 38). Джон Инголдсби был рекордом Саутгемптона по крайней мере с 1444 (стр. 185) по 1459 (Hist. MSS. Com. xi. 3, 113) и, весьма вероятно, позже.

[569] Davies, 36. Hist. MSS. Com. xi. 3. 100.

[570] В 1486 г. графу Арунделу как констеблю Дуврского замка была выплачена пенсия в размере 154 фунтов стерлингов, часть которой была выдана натурой. О других неприятностях см. Hist. MSS. Com. xi. 3. 98.

[571] Расходы города в этом году составили 383 9s. 7d. (Hist. MSS. Com. xi. 3. 141-2.)

[572] В этом последнем случае они были успокоены обещанием освободить их на десять лет от уплаты 140 марок из ренты в 200 фунтов стерлингов, которая была назначена королеве Жанне, и предоставлением корпорации права владеть землей стоимостью 100 фунтов стерлингов. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 42-3.)

[573] Саутгемптонская торговля, по сути, потерпела полный крах еще до истечения столетия. В 1530 году арендная плата была снижена на 26 фунтов 13 *шиллингов*, а в 1552 году король приказал, что если таможенные сборы в порту не достигают 200 фунтов, а корабли, называемые генуэзскими карраками и венецианскими галерами, не заходят в порт для погрузки или разгрузки, город должен платить не привычную ренту в 200 фунтов, а только 50 фунтов. И по сей день каждый год 9 ноября составляются справки о том, что ни генуэзские караки, ни венецианские галеры в порт не заходили". (Davies, 38-9. Hist. MSS. Com. xi. 3, 49.)

[574] К сожалению, в кратких выдержках из записей Саутгемптона, которые до сих пор были опубликованы, упоминания о муниципальном управлении настолько скудны, что любой набросок о нем может быть сделан лишь в слабых и неопределенных очертаниях. По мнению доктора Гросса, купеческая гильдия изначально была сугубо частным братством и стала доминирующей властью в бурге только в XIV веке. (Gross, ii. 231.) Я высказал здесь идею о более ранней связи, но этот вопрос требует всестороннего изучения.

[575] Davies' Southampton, 163.

[576] Hist. MSS. Com. Отчет xi. Appendix 3. p. 43.

[577] Там же. 44.

[578] Возможно, в 1217 году, определенно в 1237 году. Davies, 170.

[579] Gross, ii. 220-5.

[580] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 57. См. ордонансы гильдий.

[581] Договор 1368 г. с мэром, четырьмя скавинами, двумя бейлифами, управляющим, шестнадцатью названными бюргерами и всей общиной. Ibid. p. 66.

[582] В 1240 году используется просто "бюргеры". Ibid. p. 7.

[583] Gross, ii. 214. Davies, 163.

[584] Hist. MSS. Com. xi. 3, pp. 40-2, 43, 46. Сравните Ноттингем.

[585] Davies, 154, 238.

[586] История. MSS. Com. xi. 3, p. 42.

[587] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 45.

[588] Ibid. pp. 46, 81, 84, 87, 106.

[589] Gross, ii. 222-5.

[590] В 1302 году аренда городских ферм определенным лицам была предоставлена с согласия двадцати двух человек, названных, но без упоминания их должности, "и всей общины города". (Hist. MSS. Com. xi. 3, 56.) В 1349 году были приняты постановления мэра, олдерменов и общины. (Ibid. 9.)

[591] Гросс, ii. 220, 223, 225.

[592] Gross, ii. 220-3.

[593] См. о назначении олдерменов в 1504 г., Davies, 76. Об их одежде см. там же, 235.

[594] Davies, 237-9. Ордонанс был принят в 1409 году мэром, олдерменами и бургессами, и аналогичный ордонанс в 1486 году мэром, олдерменами и бургессами в общем собрании; ордонанс в общем собрании в 1504 году. (Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 11.)

[595] Davies, 155. Возможно, что в это время главные олдермены были преобразованы в тесный орган, избираемый пожизненно по образцу Лондона; во всяком случае, вскоре после этого мы видим их и их жен в ортодоксальных алых одеждах с мехом и бархатом, во всех отношениях таких же, как у мэра. 235.

[596] Дэвис, 63, 71-2, 125.

[597] Gross, ii. 225. Дэвис (стр. 136) говорит, что всякий раз, когда гильдия становилась верховной властью, в этот период появлялся элемент ограничения, чуждый более древнему управлению городами; и прослеживает в гильдии сужение общих привилегий и подчинение общины исключительной системе местного управления. Не исключено, что там, где купец-гильдия все же овладевал городским самоуправлением, как здесь, в Линне или Ковентри, тенденция всегда была направлена на усиление существующих тенденций к деспотическому правлению более богатых горожан.

[598] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 7, 60, 61. Ордонансы 1368 и 1393 годов, 9, 8; конкордат 1397 года, 74; аренда таможен в 1390 году, 72; земли в 1373, 1379 годах, 69-70. Другие примеры см.

в 1403 г., с. 76; 1410, 77; 1413, 79; 1421, 80; 1422, 80-1; 1433, 82; 1433, 44; 1439, 84; 1462, 85; 1466, 86; 1477, 87; 1482, 90; 1491, 90; 1494, 90-1; 1496, 91; 1507, 91.

[599] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 12, 91, 113.

[600] Hist. MSS. Com. xi. 3, 91, 107; Davies, 164. В Ноттингеме, как и в Саутгемптоне, у нас есть случайные указания на то, что бургомистры или простые советники, возможно, в приступе нетерпения по отношению к притязаниям олдерменов, периодически склонялись на сторону народа. В Саутгемптоне, возможно, в это время существовала определенная симпатия, поскольку за семь лет до этого, в 1452 году, бюргеры пожаловались, что олдермены присвоили себе право удерживать, как мировые судьи, штрафы, которые всегда шли им на оплату фермы; и их утверждение было поддержано в парламенте, королевский приказ был отправлен олдерменам, чтобы они больше не беспокоили бюргеров. Дэвис, 156.

[601] Davies, 164, 165.

[602] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 104. В 1617 году два бюргера попытались выступить против "частной номинации", но были вызваны в общий совет и вынуждены подчиниться. (Davies, 164, 165.)

[603] Hist. MSS. Com. xi. 3, 11.

[604] Там же.

[605] Davies, 71-2.

[606] Уже в 1254 году инквизиция границ была проведена двадцатью четырьмя законными людьми. (Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 7.)

[607] Похоже, что в Ноттингеме ощущалась та же нехватка общих земель для растущего числа бюргеров. В следующем веке один человек был оштрафован за то, что "будучи холостяком и не имея дома, он не должен был держать на нем скот".

[608] В 1438 году госпиталь посягнул на эту территорию и поставил ограду, которую тогдашний мэр сломал (Davies, 52).

[609] Davies, 53.

[610] Там же. 53. Hist. MSS. Com. xi. 3. p. 14, 91.

[611] Дэвис, 52.

[612] Дэвис, 57-8.

[613] Davies, 58-59.

[614] См. за 1549 г., Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 14; за 1681 год - Davies, 52. Последний раз общественные земли Саутгемптона были предоставлены мэром и корпорацией 16 сентября 1892 года для строительства гравитационного дока - части работ по благоустройству гавани, благодаря которым Саутгемптон должен вернуть себе былое превосходство на южном побережье и вновь предоставить место в своем порту самым большим парходам на плаву. В заверениях мэра, обращенных к жителям города, о том, что этот акт корпорации по передаче земли за символическую плату вряд ли принесет кому-то пользу и "ни одна душа в Саутгемптоне не пострадает", слышалось далекое эхо старых мировых споров.

[615] В следующем столетии мы видим, как они выступают в суде Лита с заявлениями о проступках мэра (Davies, 123).

[616] Как слуге короля, приказы направлялись непосредственно ему, без упоминания общины. (Hist. MSS. Com. xi. 3, pp. 16, 103.)

[617] По адмиралтейскому праву море должно было простираться до первого моста, поэтому он контролировал Итчен до Вудхилла и Тест до Красного моста, а как адмирал проводил свои адмиралтейские суды в привычных местах на берегу моря в Кейхейвене, Лепе и Хэмбле. Davies, 237-40. Сравните с мэром Рочестера (H. M. C. ix. 287).

[618] Об одной из трудностей этого надзора см. в Davies, 475. Иллюстрацию его беспокойства при захвате каравана см. в Hist. MSS. Com. iii. 111.

[619] См. *Louis XI. et les Villes*. Анри Се.

[620] См. с. 447-8.

[621] Ноттингемские записи, ii. 34-6.

[622] Ноттингемские записи, ii. 222-238.

[623] Ibid. i. 269.

[624] Ноттингемские записи, iii. 412, 62 и т. д. 39.

[625] Списки новых бюргеров, принятых во второй половине XV и в XVI веке, каждый из которых платил 6s. 8 д. и в подавляющем большинстве случаев с указанием имен двух бургезов в качестве залогодателей, см. Ibid. ii. 303-305. В XIV веке требовался только один залог. Ibid. i. 286. В конце XVI века чужестранцы, получившие статус вольноотпущенников, платили 10 фунтов стерлингов. Ibid. iv. 170-1.

[626] Ibid. ii. 102, 242; iii. 349-52.

[627] Ibid. ii. xi. xii.

[628] Есть уведомление о передаче угольной шахты в Коссале в 1348 году. Ibid. i. 145

[629] Ноттингемские записи, ii. 147.

[630] Бекинтон, i. 230.

[631] Ноттингемские записи, iii. 113.

[632] Ibid. ii. 142, 158, 166, 160; iii. 403, 445.

[633] Среди дел, рассматривавшихся в суде присяжных, было пари о том, заплатили ли маляру с роуд-лофта или нет. (Записи, iii. 143.)

[634] Ibid. ii. 178.

[635] Там же, iii. 18, 20, 28, 83, 180, 499.

[636] Ноттингемские записи, ii. 284 и далее.

[637] Ibid. ii. 389.

[638] См. там же, iv. 259. Подобные записи становятся очень частыми.

[639] Ноттингемские записи, ii. 246, 248, 254 и др.; iii. 414, 416.

[640] Там же, iii. 65, 68.

[641] Ibid. i. 120.

[642] В 1378 году была назначена комиссия для расследования препятствий на реке Трент. Nottingham Records, i. 198. В 1382 году король был взволнован "шумным отношением" жителей Ноттингема, и была издана королевская прокламация, запрещающая взимать такие пошлины; в следующем 1383 году была назначена новая комиссия, чтобы помешать Ричарду Байрону, лорду Колвика, направить воды Трента в свои собственные нужды в ущерб Ноттингему. (Ibid. i. 225, 227, 413.) Сэр Джон Бабингтон, владевший значительными землями в Ноттингеме, похоже, поссорился с корпорацией около 1500 года. Они обратились за помощью к сэру Томасу Ловелу, который ответил, что написал ему, чтобы он вел себя как подобает, пока Ловел не рассмотрит дело и не примет решение. (Ibid. iii. 402.)

[643] В XIV веке в Норвиче было около 70 церквей.

[644] Ibid. iii. 362.

[645] Ричард Второй, похоже, передал ее Анне Богемской. (Nottingham Records, i. 226.) А при Эдуарде Четвертом он был пожалован Елизавете Вудвилл.

[646] Ibid. iii. 414, 416.

[647] Одному человеку платили за вырезание букв, а другому - за пришивание их к курткам. (Ibid. ii. 377.)

[648] Ibid. iii. 421.

[649] Там же, ii. 331.

[650] Там же, iii. 237.

[651] Ноттингемские записи, iii. 239, 245.

[652] В 1461 году расходы камергеров за весь год составили 124 фунта стерлингов. Ibid. iii. 418. В 1486 году они отчитались за 440 фунтов 11 шиллингов. 4d. Ibid. 266.

[653] Ibid. i. 1.

[654] Nottingham Records, i. 8.

[655] Ibid. i. 22, 24.

[656] Ibid. i. 40-46.

[657] Ibid. i. 56, 58, 124, 168. Дауэр жены в каждом случае был разным. В английском городе наследство переходило по району, во французском - к старшему сыну (Ibid. i. 186.) Присяжные с восточной и западной стороны всегда были разными. (Ibid. ii. 322 и т. д.; iii. 344.) К 1330 году один из боро впал в такую бедность, что уже не мог найти бейлифа, и хартия дала право избирать бейлифа из жителей любой части города, которая покажется лучшей. (Ibid. i. 109.)

[658] Ноттингемские записи, i. 78-80.

[659] Там же, ii. 2-10.

[660] Ноттингемские записи, ii. 186.

[661] Земля сдавалась в аренду на тридцать лет с ежегодной платой в розу, и корпорация должна была огородить ее рвами и живыми изгородями. Договор был заключен мэром, шерифом и олддерменами "с согласия и одобрения всей общины города". Ibid. iii. 408-410.

[662] Ibid. i. 56.

[663] Ноттингемские записи, i. 363; ii. 362; iv. 43. Как видно, в данном случае иногда использовалось слово "община"; термин, несомненно, варьировался в зависимости от того, в каком именно органе было закреплено право, являющееся предметом договора, и это также могло частично зависеть от даты, когда право было приобретено. Ср. различные стили, использованные в "Календаре писем Лондонской корпорации" под ред. д-ра Шарпа.

[664] Ниже приведены некоторые примеры этого стиля. В 1315 году "мэр и община" заложили ренту от определенных пошлин. Ibid. i. 84. Урегулирование вопроса об общих пастбищах "мэром, бургомистрами и общиной", i. 150. Аренда в 1390 году "мэром, камергерами и всеми бюргерами с согласия и по воле всей общины", iii. 425. Аналогичные фразы в 1401 и 1416 гг. iii. 425-6; ii. 106-8. В 1435 г., ii. 362. В 1443 г., ii. 408. В 1444 г., ii. 424. В 1451 г., iii. 408. В 1467 г., ii. 269. В 1479 г. земля завещана "мэру, шерифам, бургомистрам и жителям Ноттингема", ii. 304-6, 307. На 1480 г., ii. 420. В 1482 году "мэр и его братья, а также простолюдины Ноттингема" заключили соглашение о пошлинах в Ретфорде, iii. 427. В 1485 г. фраза использована с особой точностью, ii. 353. Аренда земли в 1494 году, iii. 431. Для 1504 года, iii. 325-6.

[665] Мы можем сравнить это с Советом Саутгемптона; см. с. 308-11.

[666] В 1435 году мы читаем о мэре и девяти, а может быть, и одиннадцати, названных бюргерах "и многих других членах совета в указанном зале" (Nott. Rec. ii. 362.) В 1443 году есть что-то очень похожее на совет - мэр, четыре названных мировых судьи, Джон Орграм и другие "надежные люди" города, и два камергера, которые действовали "с согласия всей общины города". (Ibid. ii. 408.) О штрафе см. ii. 424.

[667] Там же, ii. 424.

[668] Редактор "Записей", мистер Стивенсон, соглашается с этим утверждением Грегори и говорит, что "совет не существовал до 1446 года, и поначалу это был просто комитет, назначаемый бюргерами для управления делами города". По его словам, горожане имели обыкновение собираться для обсуждения любого важного дела, и "такова была система управления до создания этого комитета в 1446 году". (Nott. Rec. iv. ix.) Далее он считает, что "несомненно, именно злоупотребления, вытекающие из этой системы, и неудобства, связанные с необходимостью созывать собрание всей общины для рассмотрения каждого вопроса, связанного с управлением городом, заставили бургомистров избрать комитет 1446 года". (Ibid. xi.).

[669] Ibid. iv. xi.

[670] Nott. Rec. ii. 362, 425, 420. Право бургомистров просить о созыве общего зала признается в iii. 342.

[671] Ibid. ii. 186 *et sq.* В хартии есть отрывки, которые, кажется, передают это впечатление. В 1465 году Елизавета Вудвилл подтверждает хартию "мэру, шерифам, бургомистрам и людям города", под каким бы именем они ни были объединены и известны (ii. 255-7).

[672] Там же, ii. 202-4. О границах приходов см. iv. 174.

[673] Ibid. ii. 425; iv. xii. 2. Олдермены по-прежнему объединялись для ведения общих дел в совет и появляются лишь трижды, возможно, выступая в качестве своего рода отдельного сословия - один раз в 1450 году, когда некоторые земли были отданы в аренду мэру, шерифам, камергерам, олдерменам и всей общине; Один раз двадцать лет спустя, когда в 1471 году мэр, олдермены и простолюдины обратились к королю с жалобой; и один раз в 1504 году, когда мэр и олдермены приняли постановление о снижении некоторых штрафов, которые они должны были выплачивать за пренебрежение финансовыми обязанностями, на что они получили согласие советников и общинников. (Nott. Rec. iii. 325; iii. 408; ii. 334.) В первых двух случаях слово могло использоваться для обозначения всего совета.

[674] Ibid. iv. xii. xv.

[675] Нотт. Рес. iv. xi. xii. xiv. xv. Мы располагаем лишь записями о завершенных изменениях в середине XVI века, вероятно, из-за утраты документов. Но уже во времена Генриха VII было установлено различие между мэром и его братьями и одеждой (теми, кто занимал должность камергера или шерифа). iii. 449.

[676] Ibid. ii. 227.

[677] См. с. 350. В соглашении, заключенном в 1500 году между мэром, советом и одеждой, указаны имена шести жителей, очевидно, неофициальных, а возможно, представителей общин. (Nott. Rec. iii. 301.) Для выборов мэра и должностных лиц на следующий год указаны следующие имена: мэр, регистратор, шесть олдерменов, шесть общих советников, два шерифа, шесть (очевидно) простых бургов, упомянутых в последнем списке, и еще двадцать четыре представителя одежды. (Сравните списки *ibid.* iii. 301, 302.)

[678] Список общего имущества и общих земель в 1435 г. см. в *ibid.* ii. 355-361; см. также iii. 62-66; в 1351 г. iii. 366 *et sq.*

[679] Важность общих земель для бюргеров может быть проиллюстрирована их аргументом в 1577 году против принятия новых бюргеров, "потому что их и так слишком много; создавая их, бедные бюргерские коммуны съедаются, к большой помехе для всех". В то же время они настаивали на том, что, если бюргер сдает свою часть земли в аренду, она должна принадлежать бюргеру, а не иностранцу. (Nott. Rec. iv. 171, 172.)

[680] Ibid. iv. 282. "Мы представляем новый совет за то, что он не установил городские земли в соответствии с истинным значением их новых выборов, но отобрал лучшие земли для самых богатых людей, а бедным людям не дал ничего, которые являются древними бюргерствами. Также мы видим, что весь дом или большая часть из них обогнали (обошли) самих себя, как это пришло к ним по порядку их имен в книге, когда они распоряжались землей Хартлиффа и копписами, но теперь, когда Восточный Стинер и другие хорошие участки приходят, чтобы быть распоряженными, они делят их сами, и оставляют бедных людей неухоженными, которые являются как древними, так и нуждающимися." Это произошло в 1606 году, когда совет получил контроль над землей.

[681] Ibid. ii. 420. Несомненно, одной из причин недовольства населения при деспотическом правлении было то, что оно было лишено какого-либо адекватного контроля над приемом новых бюргеров для раздела их земель. Сравните *ibid.* iii. 459 и т. д. с постоянными протестами присяжных Миклторна.

[682] Конфликт шестнадцатого века по времени действительно находится за пределами нашего периода, но жалобы людей и происшествия борьбы бросают много света на работу муниципальной власти даже в более ранние времена.

[683] 1500, Nott. Rec. iii. 74, 76. Камергером, участвовавшим в этом деле, был Джон Роуз.

[684] 1516 г., Nott. Rec. iii. 353. Очень частое обвинение в адрес олдерменов.

[685] Ibid. iii. 344.

[686] Ibid. iii. 300. Миклеторн, упомянутый в 1308 году, проводился в присутствии коронеров и бейлифов, а присяжные были представлены десятилетними торговцами (i. 66, 68.) Семнадцать присяжных упоминаются в Миклеторне 1395 года. (i. 268.) Интересно сравнить процедуру в Ковентри, как ее излагает мисс Дормер Харрис в своих записях. Все петиции, которые должны были быть представлены в суд, подавались мэру за четыре дня до заседания Леета; их проверяли двадцать четыре человека, вызванные мэром. В день заседания Леета эти прошения, если они были удовлетворительными, получали согласие двадцати четырех присяжных Леета.

[687] Nott. Rec. iii. 438.

[688] Ibid. iii. 338-40.

[689] Уже в 1480 году было признано их право на собрание, и по крайней мере шесть членов общины принимали официальное участие в выборах и других делах в 1500 и 1504 годах.

[690] Этим господином казначеем был сэр Томас Ловел, казначей домашнего хозяйства, констебль Ноттингемского замка, стюард монастыря Лентон.

[691] Nott. Rec. iii. 341-2.

[692] Ibid. iii. 342-3.

[693] В сентябре 1514 г. мэр Джон Роуз и бургомистры города выдали Джону Сайе лицензию на огораживание части общей земли для его использования с арендной платой 2 *шиллинга* в год. (Nott. Rec. iii. 125.) Но в феврале 1515 года, когда опекунам свободной школы было дано разрешение на огораживание земли, упоминаются мэр, бургомистры и община. (iii. 457.) В 1516 году соглашение о ярмарке в Лентоне было заключено между монастырем и мэром, шерифами, бургомистрами и общиной. (iii. 345.) См. также 439-40.

[694] С июня 1513 по декабрь 1514 года. Снова в 1520 году.

[695] Ноттингемские записи, iii. 342, 463.

[696] Там же, iii. 423, 463-4.

[697] Там же, iii. 357. Очевидно, он пренебрег их просьбами. 358.

[698] Nott. Rec. iii. 359.

[699] Nott. Rec. iii. 358-60.

[700] Nottingham Records, iv. xiii. Случай, в котором это точно произошло, см. на с. 356. То же самое, похоже, произошло в 1504 году. Закон 1442 года предписывал, что если мэр и бейлифы не предоставят отчетность перед уходом с должности, то они должны быть оштрафованы: 20 фунтов для мэра и 10 фунтов для бейлифов; в 1504 году мэр и олдермены

вместе издали новый ордонанс, снижающий штраф до половины, и этот ордонанс был одобрен тремя членами общего совета, а для общего собрания были указаны имена семнадцати бургезов, один из которых, несомненно, был одним из шерифов. (Ibid. ii. 424; iii. 325.)

[701] Ноттингемские записи, iv. стр. xiii. xxvii. xxviii. 100, 101, 1552.

[702] Ibid. iv. 106-8, 215 *et sq.*

[703] Ibid. iii. 365; iv. 10.

[704] Там же, iv. 106, 191, 223. Свободная школа была передана под опеку мэра, олдерменов и общего совета, а в случае их небрежности - в монастырь Лентон, который теперь, конечно же, пресекался. (Ibid. iii. 453 *et sq.*)

[705] Ноттингемские записи, iv. 108.

[706] Ibid. iv. 238.

[707] Там же, iv. 408-9. По-видимому, бюргеры, по крайней мере, дважды выступали вместе с народом против олдерменов или отдельно от них - один раз при решении вопроса о городских счетах в 1504 году (iii. 325-6); и один раз в жалобе, составленной жюри Миклторна в 1527 году против мэра и олдерменов (iii. 358-60.) Возможно, народ надеялся укрепить этот элемент сопротивления.

[708] Мистер Стивенсон полагает, что примерно в этот день Одежда стала частью совета. Nottingham Records, iv. xiii. Другое объяснение, как мне кажется, встречает трудности, которые это объяснение оставляет нерешенными.

[709] Ibid. iv. 171, 172.

[710] Там же, iv. 191.

[711] Ноттингемские записи, iv. 191.

[712] Там же, iv. 214, 237-8.

[713] Там же, iv. 245-8.

[714] Там же, iv. 253.

[715] Там же, iv. 262-3, 265. См. 268, xvi.

[716] Там же, iv. 269, 282.

[717] Там же, стр. 270. Об окончательном урегулировании см. iv. xvii.

[718] Hist. MSS. Com. ix. 300-305. Бломфилд, xi. 300-342.

[719] Колчестер Кромвеля, 264-5.

[720] См. замечательную работу мистера Хадсона о юрисдикции литов в Норвиче. (Selden Soc. vol. v.) О четырех "вице-комитах" Лондона см. в Round's Geoffrey de Mandeville, 363.

[721] Leet Jur. (Selden Soc.) v. p. xviii. lxii, xliii-li.; Hudson, Mun. Org. in Norwich: Arch. Journ. xlv. no. 184, 312, 316.

[722] По мнению мистера Хадсона, нориджские присяжные были исключительно "полицейской" организацией. Они существовали для того, чтобы выносить "обвинительные приговоры", которые предполагали определенное количество предыдущих действий по поддержанию мира в их собственном маленьком районе. В своем *индивидуальном* качестве столичные залогодержатели были предшественниками "мелкого констебля" [см. Selden Soc. v. lxii. no. 1, и ср. цитируемые страницы]; в своем *коллективном* качестве присяжных они предшествовали местному "мировому судье", функцию которого в небольшой степени узурпировали между (скажем) 1360 и 1420 годами "двадцать четыре гражданина", а затем полностью узурпировали "суд олдерменов", которые были городскими магистратами.

[723] Hudson, Leet Jur. in Norwich, lxxi., note.

[724] Там же. xv. 1365. Arch. Journ. xlvi. № 184, 322. Что касается выборов судебных приставов или "двадцати четырех", то слово "leet" означает подразделение города, а не суд.

[725] Юрисдикция летов в Норвиче, xli.

[726] Помимо акта 1290 года (стр. 367 прим. 2), мистер Хадсон любезно прислал мне следующие выдержки. Суббота, бдение пальм, 27 Эдуарда I. 1298 г. - Джон плотник и Алиса, его жена, дарят мессуаж рядом с воротами Недхэма "Ballivi, Cives, et Communitas Norwici" "ad asiamentum muri civitatis erigendi". (City Domesday, fol. lxxiii.) На листе lxxviii. той же книги находится пожалование мезюажа возле собора в собственность содружества, 31 Эдварда, 1302 г., в следующей форме: "четырем приставам (названным), Генри Кларку, Роберту де Холвестону, ... Адаму де Бликлингу, гражданам упомянутого города (15 человек), и всему его содружеству".

[727] Norwich Town Close Evidences, напечатано частным образом, 1885. (Британский музей), 18.

[728] Arch. Journ. xlvi. № 184, 322.

[729] В 1378 году они утверждают, что так уже было принято. (Town Close Evidences, 30.)

[730] Arch. Journ. xlvi. No 183, 315.

[731] Town Close Evidences, 7. Фраза, используемая в 1218 г. (стр. 5), "люди города", - это не то же самое.

[732] Там же. 7, 13, 17, 18, 25, 26, 30. Арх. Journ. xlvi. № 184, 325. См. примечание А в конце главы.

[733] Town Close Evidences, 27.

[734] Ibid. 16, 18.

[735] Town Close Evidences, 10, 11, 17.

[736] Norwich Town Close Evidences, 14, 24, 27, 31, 32. Эта же форма использовалась и после хартии 1403 года, в 1420 и 1435 годах. В тринадцатом веке мы видим, что "горожане" объединились с "землячеством" (Ibid. 46). Мистер Хадсон цитирует документ 1290 года, в котором разрешение на строительство ларька на рынке дается "Communitas Norwici et cives

ejusdam civitatis". (См. Mun. Org., Arch. Journ. xlv. no. 184.) Используемый двойной стиль, как мне кажется, объясняется спором, который произошел столетие спустя, в 1379 году. "Был спор о том, кому должны принадлежать прилавки на мясном рынке - простолюдинам или судебным исполнителям. Они согласились, что упомянутые прилавки в будущем должны навсегда остаться в собственности простолюдинов, не оспаривая и не противореча ни нынешним приставам, ни приставам в будущем". (Town Close Evidences, 31.) В то время происходила большая реорганизация рынка (см. Kirkpatrick's "Streets and Lanes of Norwich", App. i. pp. 95, 96) с целью передать как можно больше лавок в руки властей. Поскольку судебные исполнители имели определенные источники дохода (они несли личную ответственность за арендную плату), их нельзя винить за попытку помочь себе. С другой стороны, эта попытка показывает, насколько значимым было использование слова "communitas" в более старом акте (см. с. 364 № 1). Я считаю вполне возможным, что имущество, выделенное для определенной общественной цели, принадлежало на совместное имя граждан и простолюдинов; но я убежден, что это последнее слово никогда не использовалось формально, а всегда выражало владение и контроль, в которые "цивы" или двадцать четыре не могли вмешиваться.

[737] Хадсон, Leet Jur. in Norwich, xxxvi. lxxiii. 63. Selden Soc.

[738] Arch. Journ. xlv. 316-17.

[739] Town Close Evidences, 16-17.

[740] Там же. 29. Очевидно, это было время очень активной муниципальной жизни. Около 1372 года корпорация, по-видимому, начала тщательно переписывать старые юридические документы, и это копирование и переписывание продолжалось на протяжении всего следующего столетия. Дошедшие до нас бухгалтерские книги начали вестись в 1393 году. В 1378 году доход города составлял 374 фунта 17 *шиллингов* 4 д. Blomefield, iii. 103.

[741] Свидетельства о городской тесноте, 30.

[742] Мистер Хадсон сообщил мне, что существуют списки (более или менее совершенные) примерно за половину лет между 1365 и 1385 годами. Затем они отсутствуют до 1413 года, когда состав ассамблеи был полностью изменен.

[743] Я должен поблагодарить мистера Хадсона за его любезность в предоставлении мне этой информации. Он сообщил мне, что собрание 7 октября 1372 года описывается следующим образом: "Prima congregatio ibidem tenta die Jovis, &c. ... quatuor Ballivis (одиннадцать человек, названных особо) et aliis de com'tate presentibus". Эта форма постоянно используется во всех случаях, когда фиксируется присутствие, вплоть до последнего из этих списков в 1385 году. Число специально названных лиц варьируется от одиннадцати до семнадцати. Их сходство в течение каждого года позволяет предположить, что они были специально обязаны присутствовать. В двух годах - 1377-8 и 1379-80 - присутствие фиксируется несколько раз, и, поскольку в первом случае общее число названных лиц составляет двадцать пять, а в другом - двадцать четыре, представляется достаточно уверенным, что это были реальные двадцать четыре человека. Это подтверждается тем, что почти все члены "комитета", как их теперь принято называть, назначаются из их числа, и почти все бремя управления берет на себя один или другой из них вместе с судебными приставами.

[744] Граждане оставляли завещания, чтобы помочь в этих расходах. Королю не только одолжили 1000 фунтов стерлингов, но и пришлось платить большие взятки. Бломфилд, iii. 120.

[745] Town Close Evidences, 36. При рассмотрении нового стиля возникают две точки зрения. Мы можем сделать акцент на объединении мэра и шерифов вместо бейлифов с "гражданами и простолюдинами"; или, как я склонен думать, мы можем также придать значение формальному объединению в хартии "граждан" и "простолюдинов", как знаменующему эпоху в гражданской истории.

[746] Мистер Хадсон был достаточно добр, чтобы предоставить мне эти даты и факты, в которых он смог исправить утверждения Бломфилда, основываясь на свидетельствах из Norwich Conveyance Rolls и т. д.

[747] Blomefield, iii. 123-124. Хадсон, Мун. Org., Arch. Journ. xlv. № 184, 299.

[748] Town Close Evidences, 37-43.

[749] В 1354 году было принято постановление о том, что олдермены Лондона не должны избираться ежегодно, а занимать должность пожизненно. (Stow's London, 189.) Общий совет появляется уже в 1273 году, а затем в 1347 году. Тогда его выбирали мэр, олдермены и представители от приходов. В конце правления Эдуарда выборы были переданы торговым компаниям, но в 1384 году были возвращены палатам; в 1467 году Эдуард Четвертый вернул их компаниям; в 1650 году они были возвращены палатам. (Merewether and Stephens, 734-5, 1988-1992.)

[750] Все, кто был мэрами, должны были ездить в своих плащах, когда едет мэр, под страхом 20 фунтов, а каждый из двадцати четырех - под страхом 100 фунтов. Шляпа мэра стоила в 1418 году 2s. 10d., в 1437 году - 10s. 2d. (Rogers' Agric. and Prices, iv. 579.)

[751] Свидетельства городского квартала, 40-1.

[752] Конесфорд избрал двенадцать советников, Манкрофт - шестнадцать, Ваймер - двадцать, а Уорд над водой - двенадцать.

[753] Спикер Палаты общин впервые упоминается в 1378 году.

[754] Town Close Evidences, 39, 40, 41.

[755] Town Close Evidences, 41, 42.

[756] Там же. 45.

[757] Бломфилд, iii. 134.

[758] Town Close Evidences, 41.

[759] Там же. 45.

[760] В 1423 году, когда мэр и другие судьи заседали в городе, перед ними предстали два коронера, 16 констеблей четырех приходов, констебли вольностей Холмстрета и Спителонда с бейлифом вольностей приора в этих местах и по четыре человека из каждого прихода, возможно, в качестве присяжных заседателей. В 1424 году мэр, олдермены и общинники заключили трехстороннее соглашение с конституциями для лучшего управления

городом, которое было ратифицировано на общем собрании в зале гильдии. (Blomefield, iii. 136-139.)

[761] Leet Jur. in Norwich, xx. lxxvi. lxxx.

[762] Юрисдикция Литов, lxxx.

[763] Arch. Journ. xlv. № 184, p. 326-7. Leet Jur. lxxxix. До конца XIII века существовали гильдии сапожников, фуллеров, шорников, кожевников. (Ibid. 13, 39, 42, 43.)

[764] В списке, приведенном в English Guilds, есть одна гильдия, основанная в 1307 году, и десять (или одиннадцать, если считать гильдию каменщиков на с. 39), основанных между 1350 и 1385 годами, некоторые из них - ремесленные гильдии, другие - номинально социальные или религиозные ассоциации, хотя вполне вероятно, что во многих случаях это была лишь тонкая маскировка для ремесленной гильдии. Английские гильдии, 14 и т. д.

[765] См. гильдию шорников, существовавшую за столетие до этого.

[766] Согласно уложению 1415 года, каждое ремесло в городе должно было ежегодно выбирать двух мастеров, имена которых представлялись на согласие мэра и которые должны были принести перед ним клятву. В понедельник после "верховой езды" мэра эти мастера должны были произвести добрый и правдивый обыск в своих ремеслах и представить всех нарушителей мэру для вынесения приговора; половина штрафов отдавалась шерифам, половина - мастерам ремесел. Мэр должен был принять представление "мастеров"; он не мог производить обыск ни сам, ни с помощью кого-либо из городских чиновников; только если ремесло отказывалось от обыска или от избрания мастеров, мэр мог сам назначить двух мастеров и приказать произвести обыск. Если мастера скрывали какое-либо заметное упущение, они должны были быть наказаны по совету мэра и более достаточных людей того же ремесла". (Town Close Evidences, 41, 42.)

[767] При зачислении каждый должен был заплатить в ремесло 40 пенсов, а в палату не менее 20 с. и "больше по количеству своего добра". (Town Close Evidences, 42.) Прибыль от вступления в городскую свободу в прежние времена шла наполовину приставам и наполовину общине, но теперь ремесло требовало определенную долю вступительных денег. (Arch. Journ. xlv. № 184, p. 328.) По составу должны были быть выбраны шесть человек "для совета с камергерами при приеме бюргерства".

[768] Town Close Evidences, 42-3.

[769] Hist. MSS. Com. i. 104.

[770] Английские гильдии, 443-4.

[771] Жизнь гильдий Ламберта, 108. Английские гильдии, 443-60.

[772] За каждый запечатанный кусок платили 1/2 д. Право сдавалось в аренду двум гражданам по 20 марок за аренду. Бломфилд, iii. 125. По закону 1442 года ткачи должны были ежегодно выбирать четырех надзирателей из числа ремесленников города, которые, в свою очередь, должны были выбрать двух инспекторов или надзирателей за вещами из Норфолка. Надзиратели проверяли бракованный товар и получали половину всех конфискованных вещей. Закон 1445 года предписывал им выбрать четырех надзирателей для Норвича и четырех для Норфолка, а также предписывал надзирателям принимать такие законы, которые были необходимы для улучшения торговли. (20 Генрих VI. глава 10; 23 Генрих VI. глава 3; 7 Эдуард IV. глава 1.)

[773] См. "Письма Пастона".

[774] Споры велись не только с настоятелем Норвича, но и с госпиталем Святого Павла (Town Close Evidences, 7-8); настоятельницей Кэрроу (Blomefield, iii. 64, 147); аббатом Холма (ibid. 153-4); аббатом Вендлинга (ibid. 147).

[775] "Ибо здешний народ не любит жаловаться, пока не услышит вестей о хорошем шерифе". (Paston Letters, i. 166.)

[776] Мэр и горожане могли при необходимости запрягать от двух до пятисот человек горожан. (Ibid. ii. 414.)

[777] Бломфилд, iii. 144-155.

[778] В 1444 году. Бломфилд, iii. 151, 152. Суды проводились в тольботе, но собрания общин по-прежнему собирались в часовне Девы Марии на полях. Большая часть городских дел велась там уже в 1455 году (Ibid. 92.). (Судя по всему, горожане часто пользовались чужими помещениями (Приорат, Черные монахи, Серые монахи), а не тратили деньги на то, чтобы обеспечить их для себя.

[779] Ibid. iii. 153.

[780] Уильям Пастон был одним из членов комиссии. (Blomefield, iii. 148.)

[781] Ibid. iii. 144-6.

[782] Труды Тайного совета, т. 17-19.

[783] Бломфилд, iii. 146-7, 153.

[784] Труды Тайного совета, v. 34, 45.

[785] Бломфилд, iii. 147. Были приняты новые меры по оплате шерифов путем повышения регулярных налогов; меченосец и три сержанта булавы получили свои должности пожизненно.

[786] Бломфилд, iii. 147-149.

[787] Епископ был на стороне антинародной партии. После своей смерти он оставил Джону Хейдону кубок, которым он ежедневно пользовался, из позолоченного серебра с крышкой. (Ibid. iii. 538.)

[788] Hist. MSS. Com. i. 103.

[789] Обвинения в том, что мэр скреплял общей печатью меры, превышающие стандартные, для некоторых привилегированных граждан, и что люди были вынуждены продавать им по этим мерам; что он злоупотреблял Пороховым судом, используя его упрощенную и автократическую процедуру для несправедливого и тиранического заключения многих людей (один Джон Уэтерби был заключен в тюрьму); и что он поддерживал незаконную гильдию в городе под названием Le Bachery. В 1477 году был принят закон, согласно которому суд Пье-пороха мог рассматривать только контракты или сделки, заключенные во время ярмарки. (Blomefield, iii. 169.)

[790] Ibid. iii. 149-50, 154-5.

[791] Там же, с. 147, 152.

[792] Он оставил 40 фунтов стерлингов в Норвиче для уплаты городского налога. (Blomefield, iii. 534.) Город, однако, тщетно просил эти деньги в 1454 году и еще раз в 1460 году. (159.) Уолтер Лихерт, ставший епископом в 1446 году, происходил из старинного норвичского рода. Его предок был горожанином в 1261 году. (Ibid. iii. 535-6.)

[793] Ibid. iii. 156.

[794] Письма Пастона, i. 151, 156, 158.

[795] Ibid. i. 151.

[796] Ibid. i. 123, 183-4, 199-200, 206, 211-2, 225.

[797] В 1460 году Хейдон уехал из Норфолка в Беркшир. (Paston Letters, i. cxlii.)

[798] В 1456 году общий фонд был настолько растрочен, что несколько олдерменов вернули долги городу. (Blomefield, iii. 160.) И даже гильдия С. Джорджа была едва в состоянии оплатить свой путь. (Hist. MSS. Com. i. 104.)

[799] Всем бывшим мэрам разрешалось быть мировыми судьями. Четверо из мировых судей должны были иметь полномочия королевских судей, а олдерменам разрешалось избирать младших шерифов, городских клерков и шерифских приставов. (Blomefield, iii. 158.)

[800] Hist. MSS. Com. i. 104. В 1452 году было предписано, что ни один брат не должен носить красную мантию, кроме олдермена гильдии или любого из двадцати четырех олдерменов города.

[801] Первая попытка договориться об общих правах горожан была предпринята в 1205 году. (Town Close Evidences, 4-5.)

[802] Town Close Evidences, 52-64.

[803] Vol. I. p. 221.

[804] Д-р Гросс, принимая гильдию Троицы в Линне за "продолжение старой гильдии купцов", говорит о ее "линии развития" в "простое, социально-религиозное братство" (i. 161); и отмечает, что "хотя древняя функция гильдии исчезла, ее социально-религиозная преемница была квазиофициальной частью гражданской власти" (p. 162). Однако он не дает нам возможности проследить такое "развитие" или отличить "древние функции" от более поздних. От первого взгляда на гильдию в хартиях Иоанна и Генриха Третьего до патента Генриха Пятого она кажется необычайно свободной от изменений, и за эти столетия не появилось никаких доказательств ее "превращения в простую социально-религиозную гильдию". В случае с Саутгемптоном доктор Гросс видит развитие совершенно противоположного рода (ii. 231).

[805] Интереснейший рассказ о торговле скотом и овцами в Линне, а также о рынке Киптон-Эш, созданном в 1306 г. для продажи овечьих стад, см. в статье д-ра Джессоппа "Парсон XIV века" в журнале "Nineteenth Century", июнь, 1892 г.

[806] Cunningham, Growth of English Industry and Commerce, 183.

[807] В гильдию входили не все городские торговцы (Gross, ii. 166-7), и, вероятно, она имела тенденцию становиться исключительным органом, поскольку могла не допускать всех, кроме сыновей своих членов, взимая любую плату за вход (p. 164).

[808] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 210-11.

[809] Blomefield, viii. 515. Gross, ii. 159-170. Гильдия Корпуса Кристи заплатила в 1400 году 103 с. 2d. за мясо, напитки и специи для своего пира и 169s. за изготовление восковых факелов; начало века ознаменовалось основанием по крайней мере трех других гильдий с правом владения землей и зданиями.

[810] Гросс, ii. 166-7.

[811] Гросс, ii. 166.

[812] Хартия 1305 года закрепила за ним право владения определенной собственностью. Хартия 1393 года, вероятно, была связана с распространением на города закона о мортмейне. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 186, 191.)

[813] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 211. Gross, ii. 153. Лучшие жернова в те времена привозили из Парижа или из Андернаха на Рейне. Хороший жернов мог стоить от 3 до 4 фунтов стерлингов (Rogers' Work and Wages, i. 113.).

[814] Даже в тринадцатом веке. (Gross, ii. 153.)

[815] Gross, ii. 159.

[816] Hist. MSS. Com. xi. 3, pp. 225-231.

[817] Gross, ii. 158, etc. 168.

[818] Сравните с Саутгемптоном, где олдермен сам был мэром.

[819] Gross, ii. 155-156.

[820] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 194.

[821] Hist. MSS. Com. xi. 3, 195-6. Beloe, Our Borough, p. 19.

[822] Beloe, Our Borough, 15.

[823] Hist. MSS. Com. xi. 3, 196.

[824] В 1345 году король призвал сотню самых энергичных мужчин отправиться в Гасконь (Ibid. 189.).

[825] См. т. I. 291-2.

[826] Hist. MSS. Com. xi. 3, 218-223.

[827] Ibid. 158-9.

[828] Ibid. p. 229.

[829] Ibid. xi. 3, p. 224.

[830] Ср. для сравнения и контраста обычаи Динанта после 1348 года. (Ville de Dinant. Pirenne, 45-6, 49-50.)

[831] Hist. MSS. Com. xi. 3, 191-4.

[832] Г-н Белое говорит, что правящий класс сопротивлялся и возбудил дорогостоящий иск, чтобы получить указ за большой печатью об отмене решения, но он не приводит никаких подробностей. (Наш Боро, 17.)

[833] Hist. MSS. Com. xi. 3, 197, 200.

[834] Любой чиновник, осужденный за ложные сделки, должен был навсегда лишиться своей должности и права голоса.

[835] Четыре камергера или казначея должны были выбираться из числа бюргеров: два - мэром и юратами, два - бюргерами. Но в отличие от Норвича, где совет и общины делили между собой оставшиеся выборы, в Линне единственным назначением, остававшимся в распоряжении общины, помимо двух камергеров, был пролокатор. Коронеры и констебли назначались народом и избирались присяжными, а остальные должностные лица - общий клерк, сержант, дворники, звонарь и официант, взятые из общей общины как бургов, так и не бургов, - назначались непосредственно мэром и присяжными.

[836] Hist. MSS. Com. xi. 3, 196-202. Существовали "констабулярии", соответствующие приходам, над которыми в случае войны или опасности назначался капитан. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 167.)

[837] Beloe, Our Borough, 16.

[838] Hist. MSS. Com. xi. 3, 191-4.

[839] Белое, 17, 18. Гросс, ii. 170.

[840] Ibid.

[841] Hist. MSS. Com. xi. 3, 195, 203.

[842] Примеры важного места, которое занимал олдермен в делах городского управления в 1420 г. (Ibid. 246, и в 1431-42 гг. (Ibid. 246, и в 1431-42 гг., p. 162-4.)

[843] В 1426 году олдермен гильдии выбрал четырех подходящих людей, которые принесли обычную присягу и вошли в палату; они выбрали еще четверых, которых, после принесения присяги, ввели в палату, и тогда восемь человек добавили к своему числу еще четверых. Все двенадцать человек, просидев с десятого до третьего часа, окончательно разошлись во мнениях относительно избрания сержанта, который чем-то обидел общество и при имени которого "поднялся сильный ропот среди людей", ожидавших снаружи. Однако он был избран после того, как попросил прощения у мэра и общины за свой проступок. (Ibid. 160.) В 1477 году описываются еще одни выборы, которые проходили точно так же. (Ibid. 169.) И в 1470 году, когда нужно было избрать констебля, была та же процедура.

[844] Белое, 21.

[845] История. MSS. Com. xi. 3, 245, 246.

[846] Постепенное изменение способа избрания бурgeois в парламент иллюстрирует действия советов по поглощению влияния. В 1314 году жюри для избрания бурgeois выбиралось комитетом из двадцати шести горожан. Но, по крайней мере, с 1425 года мэр взял на себя право выбирать первых четырех присяжных, которые затем назначали остальных восьмерых. В 1433 году, если не раньше, мэр был обязан выбрать двух из двадцати четырех и двух из двадцати семи, а добавленные восемь членов были взяты из тех же органов; а в 1442 году этот обычай был возведен в ранг постоянного закона. (Hist. MSS. Com.

xi. 3. 240, 157-8, 163-4, 166-9.) Примерно в 1523 году бюргеры были выбраны двадцатью четырьмя и двадцатью семью, голосовавшими лично на собрании; это собрание, называемое "Палатой", вело все дела с членами, инструктировало их, платило им и принимало их отчеты. Первая попытка бюргерства в целом принять участие в выборах была предпринята в Долгом парламенте. (Ibid. pp. 148-9.)

[847] 1427 г., там же, с. 160; 1428, р. 161; 1441, р. 163-4; 1442, р. 164; 1466, р. 168. Ср. также р. 148.

[848] Hist. MSS. Com. xi. 3, 162.

[849] Ibid. 246.

[850] Там же. 170.

[851] Hist. MSS. Com. xi. 3, 163.

[852] Ibid. 158-9, 161.

[853] Там же. 167.

[854] Там же. 168. Использование слова *communitas* в 1463 году объясняется здесь тем, что этот термин "уже утратил свое первоначальное значение и использовался для обозначения самого скромного и наименее влиятельного класса бюргеров". Но именно в таком значении община использовалась в 1305 году. (Ibid. 187.)

[855] Некоторые подробности о семидесяти пяти гильдиях Линна см. в *Norfolk Antiquarian Miscellany*, под редакцией Уолтера Райе, часть I., стр. 153-183.

[856] Lyon's Dover, I. xi.; ii. 267-8, 287, 312, 370.

[857] В Дувре общее собрание, созданное таким же образом, называлось Роговым дуновением. (Boys' Sandwich, 797.)

[858] Ibid. 538.

[859] Там же. 783-4. В 1565 году 291 семья была английской, а 129 - валлонской. Но иностранцев в Сэндвиче было много и в более раннее время.

[860] В 1466 и 1492 гг. Boys' Sandwich, 675, 679.

[861] Там же. 787.

[862] Там же, с. 673-6. В 1469 году общины Сэндвича на суде Шепвея желают, чтобы мэр был под надежной охраной для тех обвинений, которые они выдвинут против него. (Ibid. 676.)

[863] Boys' Sandwich, 677.

[864] Lyon's Dover, i. 206-7.

[865] Boys' Sandwich, 683.

[866] В то же время присяжные, которые еще в 1492 году должны были прожить в городе только год, "он и его жена вместе", теперь должны были находиться там не менее трех лет. Присяжные в конечном итоге выбирались или назначались мэром в Дувре и Уинчелси (Ibid. 679-701.). (Lyon, ii. 268, 371.)

[867] Boys, 686.

[868] Стихи Скептона. Ed. Dyce, 381-2.

[869] Green's History of the English People, i. 211-225.

[870] См. с. 238. Архаические общины мистера Мейтланда (Law Quarterly), 47.

[871] Бумаги Бринклоу (Early Eng. Text Soc.) иллюстрируют бескомпромиссные идеи радикальных реформ, проповедуемые в городах.

[872] Bishop Creighton's Wolsey, 51, 59.

[873] Skelton's Poems. Ed. Dyce, i. 386.

[874] См. т. I. Гл. VII.

[875]

"Он правит своим обществом
Со всей благосклонностью,
Его благородное баронство
Он вселяет в них отвагу
К подвигам ратным.
Куда бы он ни ехал и ни шел
Своих подданных он поддерживает,
Поддерживать их в комфорте
Из своего самого княжеского порта".

Skelton, ii. 81-2.

[876] Vol. I. p. 26, n. 5.

[877] "И тогда они (принцы) мажут свое угнетение покорной, льстивой походкой, чтобы так проникнуть в расположение вульгарных людей, чтобы они не бунтовали и не восставали, а терпеливо смирялись с бременем и поборами". (Erasmus, Praise of Folly, tr.), 151.

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА:

-Очевидные опечатки и пунктуационные ошибки были исправлены.

-Переводчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя титульный лист оригинальной книги. Изображение помещено в общественное достояние.